

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

ПЕРЕВАЛОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

**СИСТЕМА КОНСЕРВАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРИОДИКЕ:
М.Н. КАТКОВ И ЕГО ИЗДАНИЯ
(вторая половина 1850-х - 1880-е гг.)**

Специальность 5.9.9. – Медиакоммуникации и журналистика

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. КОНСЕРВАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ М.Н. КАТКОВА	34
1.1. Консервативные ценности как функционирующая открытая система	34
1.2. Ценностные основания журналистской и редакторской деятельности М.Н. Каткова	51
Выводы по первой главе	91
ГЛАВА II. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ В РЕЦЕПЦИИ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК» И ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»	94
2.1. Отечественная история в историко-документальной прозе «Русского вестника»	95
2.2. Образ императора Александра I в материалах журнала «Русский вестник»	123
2.3. Императрица Екатерина II и ее реформаторские начинания в оценке журнала «Русский вестник»	153
2.4. Проблема сохранения историко-культурного наследия на страницах газеты «Московские ведомости»	177
Выводы по второй главе	184
ГЛАВА III. МЕСТО КОНСЕРВАТИВНЫХ ЦЕНОСТЕЙ В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК» И ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»	187
3.1. Эстетическая программа журнала «Русский вестник» в первые годы издания (1856-1862)	188
3.2. Классическое наследие в оценке журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» в 1860-1880-е гг.	206
3.3. Отражение консервативных установок журнала «Русский	

вестник» в литературном отделе издания в 1860-1880-е гг.	226
3.4. Творчество художников-передвижников в оценке газеты «Московские ведомости»	244
3.5. Творчество «Могучей кучки» композиторов в оценке публицистов журнала «Русский вестник и газеты «Московские ведомости»	254
Выводы по третьей главе	270
ГЛАВА IV. РЕЛИГИОЗНАЯ ИЛИ НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА: ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ЗНАНИЯ НА СТРАНИЦАХ ИЗДАНИЙ М.Н. КАТКОВА	273
4.1. Проблема познания мира и человека в публикациях журнала «Русский вестник»	275
4.2. Популяризация естественно-научных знаний в журнале «Русский вестник» и газете «Московские ведомости»	286
4.3. Религиозная проблематика в изданиях М.Н. Каткова	297
4.4. Учение Ч. Дарвина и дарвинизм в оценке журнала «Русский вестник»	314
Выводы по четвертой главе	331
ГЛАВА V. МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСЕРВАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ М.Н. КАТКОВА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЛАСТИ	333
5.1. Между властью и обществом: взаимодействие М.Н. Каткова с политической элитой по «национальному вопросу» в 1860-е – начале 1870-х гг.	335
5.1.1. Роль публикаций газеты «Московские ведомости» в формировании ценностных установок российского общества в период польского восстания 1863 г.	336
5.1.2. М.Н. Катков и министр народного просвещения А.В. Головнин	349
5.1.3. М.Н. Катков и министр внутренних дел	

П.А. Валуев	353
5.1.4. М.Н. Катков и министр внутренних дел А.Е. Тимашев	361
5.1.5. М.Н. Катков и начальник Третьего отделения граф П.А. Шувалов	369
5.2. М.Н. Катков и Д.А. Толстой как реформаторы системы русского образования	379
5.3. М.Н. Катков и К.П. Победоносцев как лидеры отечественных консерваторов: союз или противостояние	400
5.4. М.Н. Катков и император Александр III	421
Выводы по пятой главе	441
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	445
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	458
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	505

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

Актуальность исследования обусловлена усиливающимся в современной науке интересом к изучению консервативной печати второй половины XIX в., ростом влияния консервативных идей на общественное сознание и формирование идеологических установок современной аудитории.

С позиций сегодняшнего дня издания М.Н. Каткова: журнал «Русский вестник» и газета «Московские ведомости», безусловно, являются самыми яркими представителями отечественной консервативной печати второй половины XIX в. «Разумный консерватизм» М.Н. Каткова проявлялся не только в принадлежности к определенному идейно-политическому течению (от которых он, впрочем, резко и однозначно отмежевывался), но и, если воспользоваться определением философа Н.А. Бердяева, в стремлении препятствовать «движению назад и вниз, к хаотической тьме, к возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур». Консерватизм катковских изданий во многом может быть отождествлен с первоначальным значением латинского «conservare» - «сохранять», «сберегать»: в нем нашла отражение «здоровая реакция против насилия над органической природой, против покушения на убиение жизни, которая хочет быть дрящейся», а заложенное в его публицистических выступлениях консервативное начало было само по себе не противоположно развитию, но лишь требовало, «чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать»¹. Иными словами, «разумный консерватизм», утверждаемый «Московскими ведомостями» и «Русским вестником», представлял собой стройную, определенную и структурированную систему ценностей, включающую такие понятия, как гражданская и национальная идентичность, православие как духовная основа

---

¹ Бердяев Н.А. О консерватизме // Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923. С. 97-100.

русской нации, патриотизм; уважение к историческому прошлому страны и ее культурному наследию, отрицание нигилизма и вульгарного материализма, критическое отношение к Западу и системе либеральных европейских ценностей, убежденность в том, что в основе общественной гармонии и мира должны лежать не разрушительные, а созидательные начала.

Исторический опыт России свидетельствует о том, что консервативный подход, включающий защиту и поддержку традиционных ценностей нации и государства, сохранение связи современности с прошедшими эпохами, бережное отношение к достижениям прошедших поколений в сфере политики, экономики, культуры, образования, крайне актуален и сегодня, соответствует интересам страны и населяющих ее народов. Любые поспешные кардинальные преобразования, совершаемые без учета прошлого России и сформированных веками нравственных и духовных ценностей, не будут успешными, даже если имеют самые благие конечные цели. Примеры из прошлого России начала XX века и конца 1980-1990-х гг. наглядно показали, что отказ от достижений предшествующих поколений, пренебрежительное отношение к историко-культурному наследию, бездумное и неоправданное стремление заменить отечественный социально-политический опыт зарубежными аналогами чревато опасностью утраты гражданской и национальной идентичности и, как следствие, распадом страны. С другой стороны, современные процессы глобализации, межнациональной интеграции, информационной революции также могут угрожать ценностной системе нации, что «требуется повышенной защиты общенациональных интересов»².

В результате в начале XXI века оказались весьма востребованными такие ценности консерватизма, как традиция, стабильность, преемственность, авторитет, исторический опыт, что во многом обусловило обращение современных российских политических лидеров к консервативной идеологии.

---

² Дробот Г.А. Глобализация: понятия, этапы, противоречия, оценки // Социально-гуманитарные науки. 2008. №2. С.109.

В 2009 г. консерватизм – как «идеология стабильности и развития, постоянного творческого обновления общества без застоев и революций» - была декларирована партией «Единая Россия» в качестве официальной идеологии³. На очередной пленарной сессии Международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 1921 г. Президент РФ провозгласил «разумный консерватизм» в качестве основы политического курса страны на ближайшие годы, подчеркнув, что консервативный подход предполагает отнюдь «не бездумное охранительство, не боязнь перемен и не игру на удержание, тем более замыкание в собственной скорлупе». Консерватизм рассматривается главой государства как «опора на проверенную временем традицию, сохранение и приумножение населения, реализм в оценке себя и других, точное выстраивание системы приоритетов, соотнесение необходимого и возможного, расчетливое формулирование цели, принципиальное неприятие экстремизма как способа действий»⁴.

«Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» указана в числе стратегических национальных приоритетов в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ 2 июля 2021 г., где подчеркнуто, что они рассматриваются в качестве основы российского общества. К традиционным российским духовно-нравственным ценностям отнесены «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и

---

³ «Россия: сохраним и приумножим!» Программный документ партии «Единая Россия». XI съезд партии, 21 ноября 2009 года, город Санкт-Петербург [электронный ресурс] URL: <http://www.agitclub.ru/center/part/progr/edro2009.htm> [Дата обращения - 16.10.2021 г.]

⁴ Пленарная сессия XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 21 октября 2021 г. [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> [Дата обращения - 1.11.2021 г.]

преимущество поколений, единство народов России»⁵. Крайне важно, что эти ценности закреплены в Конституции - высшем правовом документе Российской Федерации, где в 2020 г. появилось положение, что страна «читит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» (ст. 67/1, п.3)⁶. В настоящее время сотрудниками Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва по поручению Министерства культуры России разрабатывается проект корректировки Основ государственной культурной политики, в котором акцент в первую очередь делается на сохранении общероссийской гражданской, цивилизационно-культурной идентичности, самобытности, определяемой нашими традиционными духовно-нравственными ценностями, вносятся такие понятия, как культурный суверенитет, а также определение традиционных ценностей⁷.

Вследствие этого проблема сохранения и воплощения традиционных ценностей как основы консолидации и идентичности народа на сегодняшний день является одним из доминантных вопросов повестки дня современных СМИ, в связи с чем представляется как нельзя более актуальным дальнейшее изучение наследия М.Н. Каткова и его издательской, редакторской и публицистической деятельности. Красной нитью проходившая в его изданиях мысль, что разрушение традиционного историко-культурного уклада, отказ от привычных духовных ценностей, забвение исторического прошлого своей страны ведет к уничтожению нравственных устоев нации, духовному оскудению и, как следствие, к разрушению национального единства россиян,

---

⁵ Стратегия национальной безопасности России (02.07.2021) [электронный ресурс] <https://strategy24.ru/rf/news/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rf-02072021-2> [Дата обращения - 20.01.2022 г.]

⁶ Конституция Российской Федерации [электронный ресурс] <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001?index=24&rangeSize=1> [Дата обращения – 20.01.2022 г.]

⁷ Текст Основ государственной культурной политики с выделенными предложениями // <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2021/12/2021.10.24-ogkp-s-predlagaemyimi-izmeneniyami-zhirnym.pdf> [дата обращения - 20.12.2021 г.]

к потере национальной самобытности и самостоятельности как нельзя более востребована и сегодня. По-прежнему актуальны его выступления против радикальных революционных учений, получивших широкое распространение в России в 1870-1880-е гг. «Разумный консерватизм» изданий М.Н. Каткова стал ответом на философию нигилизма, носители которой ставили под сомнение, а зачастую и абсолютно отрицали традиционные ценности, культуру, идеалы, общепринятые нормы нравственности, предлагали отказаться от памяти об историческом прошлом, которая, с их точки зрения, олицетворяла социальный гнет и насилие. Издания М.Н. Каткова в 1860-1880-е гг. были одними из немногих органов печати, которые выступали в защиту исторического и культурного наследия, исторической памяти народа, указывали на опасный результат и деструктивные последствия радикальной пропаганды и пытались разрушить сочувственные настроения по адресу «героев-освободителей» и «жертв» режима, получивших в глазах либерально настроенной русской интеллигенции романтический ореол мученичества и героизма. Издательский опыт и публицистическое наследие М.Н. Каткова, который рассматривал историческое наследие как основу системы ценностей России и русского народа, подчеркивал недопустимость поверхностного отношения к собственной истории, непозволительность отказа от исторических корней и проверенных временем авторитетов и традиций, в настоящее время приобретает особую актуальность.

Объект исследования – отечественная консервативная печать 1850-1880-х гг.: газета «Московские ведомости» и журнал «Русский вестник», издателем-редактором которых в указанный период был авторитетный публицист консервативной направленности М.Н. Катков.

Предмет исследования – влияние консервативных изданий М.Н. Каткова на формирование системы консервативных ценностей в России 1860-1880-х гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1855 по 1887 гг. Определение границ исследования обусловлено следующими

факторами: в 1855 году М.Н. Катков начал подготовку к выпуску политического и общественно-литературного журнала «Русский вестник», в 1862 г. он заключил контракт с Московским университетом и в 1863 г. приступил к изданию на условиях долгосрочной аренды газеты «Московские ведомости». После смерти М.Н. Каткова в 1887 г. его издания перешли в руки наследников и постепенно утратили свое значение лидеров отечественной консервативной печати.

Цель исследования – выявление роли изданий М.Н. Каткова в формировании системы консервативных ценностей в 1850-1880-е гг.

Поставленная цель предполагает постановку следующих **задач**:

- рассмотреть содержание понятия «консервативные ценности», раскрыть их основные характеристики, их системный характер, способы формирования и алгоритмы воздействия на общественные процессы;

- проанализировать общественно-политические взгляды М.Н. Каткова, определить систему базовых мировоззренческих ценностей, составляющих основу его деятельности как журналиста, публициста и редактора;

- проанализировать идейно-тематические особенности историко-документальной прозы «Русского вестника», выявить их взаимосвязь с программными установками журнала,

- рассмотреть особенности репрезентации в «Русском вестнике» государственной практики императора Александра I и императрицы Екатерины II, соотнести оценки их деятельности с общественно-политической позицией изданий Каткова и транслируемой в них системой ценностей;

- изучить эстетическую платформу «Русского вестника» и «Московских ведомостей», выявить ее взаимосвязь с общественно-политической программой изданий;

- проанализировать литературную позицию «Русского вестника», выявить идейно-тематические особенности публикуемой в журнале беллетристики, соотнести их с консервативными ценностями, утверждаемыми в издании;

- исследовать музыкальную и художественную критику «Русского вестника» и «Московских ведомостей», выявить роль и место в ней консервативных ценностей с позиций формировавшейся во второй половине XIX века концепции национального искусства;

- проанализировать мировоззренческую позицию изданий М.Н. Каткова, их участие в спорах о материалистической и идеалистической картине мира, в указанном контексте рассмотреть публикации «Русского вестника» и «Московских ведомостей» на религиозную и естественно-научную тематику;

- исследовать характер взаимодействия М.Н. Каткова с представителями правительственных структур, выявить степень его участия в принятии государственных решений и реализации системы консервативных ценностей.

Научная новизна исследования: впервые рассмотрена роль изданий М.Н. Каткова – журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» в формировании системы консервативных ценностей, что открывает новое направление в изучении истории отечественной журналистики. Диссертантом охарактеризована система базовых консервативных ценностей, составивших идейный стержень и основу единой общественно-политической и эстетической программы «Русского вестника» и «Московских ведомостей». Комплексный анализ публикаций изданий М.Н. Каткова позволяет рассматривать их как единый информационный комплекс, транслирующий строго определенную систему ценностей. На обширном материале публикаций газеты и журнала продемонстрированы системность, последовательность и стабильный характер трансляции ими консервативных политических, мировоззренческих и нравственных установок, выявлено их воздействие на аудиторию. На основе анализа взаимоотношений М.Н. Каткова с представителями правительственных структур показано влияние журналиста и его изданий на принятие государственных решений.

Значительный объем газетно-журнальных публикаций и архивных материалов, в т.ч. эпистолярные источники, мемуарная литература, многие из которых впервые введены диссертантом в научный оборот, позволяют

представить ценностные установки консервативных изданий М.Н. Каткова в широком общественно-политическом и историко-культурном контексте.

Гипотеза исследования: в условиях радикальной трансформации социальной структуры российского общества второй половины XIX века, перестройки экономических механизмов, возникновения новых культурных доминант, консерватизм стал реакцией на угрозу привычной системе традиционных ценностей и ценностных ориентиров. Влиятельные издания консервативной направленности – журнал «Русский вестник» и газета «Московские ведомости» не только отражали идеологию консерваторов, но и формировали систему консервативных ценностей, призванную, по мысли их редактора-издателя и ведущего публициста М.Н. Каткова, во-первых, объединить консервативно настроенную правящую и интеллектуальную элиту вокруг верховной власти, во-вторых, консолидировать многонациональное и многоконфессиональное общество вокруг идеи единого государства, в-третьих, предотвратить рост оппозиционных настроений среди либеральной интеллигенции.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности использования ее основных положений в дальнейших научных изысканиях по истории отечественной печати второй половины XIX века. Собранные, обобщенные и систематизированные в ходе исследования факты и материалы позволяют обосновать существенный вклад изданий М.Н. Каткова – лидеров отечественной консервативной печати второй половины XIX века - в формирование системы консервативных ценностей в пореформенный период, ввести в научный оборот значительный объем газетно-журнальных публикаций.

В контексте политической доктрины современной России, в соответствии с которой умеренный консерватизм утверждается как «самая

разумная ... линия поведения»,⁸ «разумный консерватизм» изданий М.Н. Каткова и транслируемая в них система консервативных ценностей могут рассматриваться как основа для формирования программных установок современных СМИ.

Практическая значимость исследования состоит во включении в научный оборот ранее не изученного материала: неисследованных публикаций периодической печати, цензурных дел, дневников, переписки и т.п.) с целью его дальнейшего использования в научных разработках. Результаты исследования могут быть востребованы филологами, историками, культурологами, политологами в ходе изучения отечественной периодики и выявления ее роли в общественно-политических и историко-культурных процессах второй половины XIX века. Материалы исследования могут найти применение при разработке и в преподавании курсов историко-литературного, историко-журналистского и политологического характера, отдельные положения диссертации могут заинтересовать учредителей и редакторов СМИ, творческих работников редакций газет и журналов и т.д.

Методология исследования основана на междисциплинарном подходе. В основу структуры исследования положен принцип системности, позволяющий провести многомерный анализ консервативных ценностей, заложенных в программу изданий М.Н. Каткова. Соблюдены принципы объективности, целостности и историзма в подходе к явлениям журналистики, политики, культуры, литературы. Специфика работы обусловила необходимость использования культурно-исторического метода и ценностного подхода к предмету исследования. Диссертант сочетал различные методы анализа, характерные как для истории журналистики и литературы, так и для литературоведения, и для истории общественно-политических идей. Были использованы историко-типологический,

---

⁸ Пленарная сессия XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 21 октября 2021 г. [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> [Дата обращения - 1.11.2021 г.]

сравнительно-исторический методы, позволившие выявить закономерности функционирования консервативной печати.

Теоретико-методологическую основу составили труды основоположника консерватизма Э. Берка и фундаментальные общетеоретические исследования, посвященные русскому консерватизму: работы В.М. Камнева⁹, А.В. Репникова¹⁰, Ф.А. Селезнева¹¹, М.Б. Смолина¹², В.Я. Гроссула, Б.С. Итенберга, В.А. Твардовской, К.Ф. Шацилло, Р.Г. Эймонтовой¹³, В.А. Гусева¹⁴, А.Я. Кожурина¹⁵, А.Ю. Минакова¹⁶, Л.В. Полякова¹⁷, А.А. Ширинянца¹⁸ и др.; работы историков и литературоведов -

---

⁹ Камнев В.М. Хранители и пророки: религиозно-философское содержание русского консерватизма. СПб.: Наука, 2010. 470 с.

¹⁰ Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999.

¹¹ Селезнев Ф.А., Смолин М.Б. Великий страж империи // М.Н. Катков. Имперское слово. М., 2002.

¹² Смолин М.Б. Очерки Имперского Пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX - первой половины XX века. М., 2000.

¹³ Гросул В.Я. Итенберг Б.С. Твардовская В.А. Шацилло К.Ф. Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000; Итенберг Б.С. Российская интеллигенция и Запад: Век XIX. Очерки. М., 1999.

¹⁴ Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001.

¹⁵ Кожурин А.Я. Феномен русского консерватизма // Консерватизм: pro et contra. Социально-политическое явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных ученых-исследователей: антология / А.Я. Кожурин; Русская христианская гуманитарная академия. СПб., 2016. С.18-64.

¹⁶ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. 558 с.

¹⁷ Поляков Л.В. К изучению российского консерватизма: история и метод // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2012. №4(67). С.29-44; Он же Консерватизм в России: политтехнологический симулякр или исторический выбор? // *Russie.Nei.Visions*. №90, 2015. С.1-20.

¹⁸ Ширинянец А.А. Консерватизм в современном идеологическом и политическом пространстве России // *Россия и мусульманский мир*. 2016. № 2(284). С.19-31; Он же. К «феноменологии» консерватизма и не только... // *Вопросы истории консерватизма*. 2015. №1. С.356-380 и др.

П.А. Зайончковского¹⁹, Б.Ф. Егорова²⁰, В.К. Кантора²¹, В.Г. Чернухи²², труды исследователей отечественной журналистики – А.Н. Боханова²³, Л.П. Громовой²⁴, И.М. Дзялошинского²⁵, Б.И. Есина²⁶, Г.В. Жиркова²⁷, Э.В. Летенкова²⁸, Кузнецова И.В., Минаевой О.В.²⁹, С.Г. Корконосенко, Е.П. Прохорова³⁰ и др., исследователей дореволюционной эпохи – С.А. Венгерова³¹, М.К. Лемке³², А.А. Корнилова³³, Д.Н. Овсяннико-Куликовского³⁴.

---

¹⁹ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 444 с.; Он же. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 гг. М.: Наука, 1964. 218 с.

²⁰ Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство, 1982. - 269 с.; Он же. Борьба эстетических идей в России 1860-х гг. Л.: Искусство, 1991. 335 с.

²¹ Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. - 542 с.

²² Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати, 60-70-е годы XIX века. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1989. 208 с.

²³ Боханов А.Н. Буржуазная пресса в России и крупный капитал. Конец XIX в. 1914 г. М.: Наука, 1984. 152 с.

²⁴ Громова Л.П. А.И. Герцен и русская журналистика его времени. Санкт-Петербург. гос. ун-т. - Санкт-Петербург : СПбГУ, 1994. - 155 с.; Русская публицистика в духовно-нравственной жизни общества: идеалы и ценности : [сборник статей] / С.-Петерб. гос. ун-т ; под ред. Л. П. Громовой. - Санкт-Петербург : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2014. – 201 с. и др.

²⁵ Дзялошинский И.М. Культура, журналистика, толерантность. О роли СМИ в формировании в российском обществе атмосферы толерантности и мультикультурализма // В сб. Мы - сограждане. М.: Бонфи, 2002; Он же. Пресса, власть, общество: информационная открытость как основа социального партнерства // В сб. Инфофорум-4. Сборник материалов конференции, 2002.

²⁶ Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России [Текст] / Б. И. Есин. М.: МГУ, 1978. 132 с.; Он же. Путешествие в прошлое (газетный мир XIX века). М.: Изд-во МГУ, 1983. 160 с.

²⁷ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX – XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.

²⁸ Летенков Э.В. «Литературная промышленность» в России конца XIX – начала XX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 173 с.

²⁹ Кузнецов И.В., Минаева О.Д. Газетный мир Московского университета. М.: Флинта: Наука, 2005. 204 с.

³⁰ Прохоров Е.П. Искусство публицистики: Размышления и разборы. М.: Сов. писатель, 1984. 359 с.; Он же. Журналистика и демократия. М.: Аспект Пресс, 2004. 350 с.

³¹ Венгеров С.А. Собрание сочинений. В 5 т. СПб.: Прометей. 1911-1919.

³² Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ 1859-1865 гг. СПб., 1904; Он же. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1909.

³³ Корнилов А.А. Исторический очерк эпохи 60-х гг. // История русской литературы XIX века; под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. М. 1909. Т.3; Он же. Катков // История русской литературы XIX века. Под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. М. 1909. Т.5.

³⁴ Овсяннико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. М.: Издание В.М. Саблина, 1907. 394 с.

Степень разработанности темы: Консервативная мысль получила развитие в России с начала XIX века, в последнюю треть XIX века началось активное изучение консерватизма - и как философского учения, и как политической идеологии, и как политического движения, и как комплекса поведенческих установок, причем его первыми исследователями стали сами же его идеологи: Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, Л.А. Тихомиров и др., а также их идейные оппоненты из либерального и народнического лагеря. В либеральной интерпретации, которая уже в 1860-е гг. возобладали в общественном мнении, консерватизм воспринимался как нечто негативное, отжившее и мешающее прогрессу.

Подобная трактовка консерватизма усугубилась в советский период, когда в качестве его основных характеристик назывались «тяготение к старине, приверженность к старому строю, порядкам, отстаивание их»³⁵, «вражда ко всему новому, передовому»³⁶, «враждебность и противодействие прогрессу, приверженность традиционному и устаревшему»³⁷, «приверженность ко всему неизменному, устоявшемуся, приводящая к отстаиванию всего устаревшего, отжившего и противодействию прогрессу, всему новому в общественно-политической науке, искусстве и т.д.»³⁸. Внимание советских исследователей в большей степени было сосредоточено на критике идеологии и философии либералов - как главных оппонентов социал-демократии, в то время как консерватизм, признанный «отжившим» и утратившим свою актуальность, казался не стоящим внимания, вследствие чего предметом серьезного научного исследования он стал лишь в 1990-е гг.

---

³⁵ Краткий политический словарь. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1946. С.339.

³⁶ Советский энциклопедический словарь. 1-е изд. Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1980. С.628.

³⁷ Философский энциклопедический словарь. Гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. Москва: Советская энциклопедия, 1983. С.273.

³⁸ Краткий политический словарь. Изд-е 5-е, доп. М.: Изд-во политической литературы, 1988. С.184.

По причине исключительно идеологического, тенденциозного подхода к изучению консерватизма в советский период консервативные ценности оставались почти не исследованными. В фундаментальных трудах 1960-1980-х гг. С.Ф. Анисимова³⁹, Л.М. Архангельского⁴⁰, А.Г. Здравомыслова⁴¹, В.П. Тугаринова⁴², А.Ф. Шишкина, К.А. Шварцмана⁴³, М.С. Кагана⁴⁴ и др., предметом изучения которых являлись проблемы аксиологии - природа ценностей, их место в реальности, структура ценностного мира, связи ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности - система консервативных ценностей не получила должного освещения. В диссертационном исследовании Ю.Г. Юшковой, посвященном формированию системы ценностей современного российского общества (2000 год)⁴⁵, задача рассмотрения консервативных ценностей также не ставилась.

Лишь с конца 1990-х гг., когда на смену одностороннему, исключительно негативному восприятию консерватизма как апологетики всего отжившего, нежизнеспособного, уходящего в прошлое пришло понимание консерватизма как стремления найти компромисс между «традициями» и «модернизацией», начали появляться исследования, в центре внимания которых были консервативные ценности. Среди них в первую

---

³⁹ Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М.: Мысль, 1988. 253 с.

⁴⁰ Архангельский Л.М. Ценностные ориентации и нравственное развитие личности. М.: «Знание», 1978. 64 с.

⁴¹ Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Издательство политической литературы, 1986. 221 с.

⁴² Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л.: Издательство Ленинградского университет, 1988. 343 с.

⁴³ Шишкин А.Ф., Шварцман К.А. XX век и моральные ценности человечества. М.: Мысль, 1968. 271 с.

⁴⁴ Каган М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). - М.: Политиздат, 1974. 328 с.; Он же. Философская теория ценности. СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 204 с.

⁴⁵ Юшкова Ю.Г. Формирование системы ценностей в современном российском обществе. Автореф. дисс. на соискание уч.ст. к.филос.н. М., 2000. 24 с.

очередь следует назвать диссертацию и монографию С.В Лебедева⁴⁶, статьи В.Н. Гарбузова⁴⁷, М.А. Арефьева, И.Д. Осипова⁴⁸, А.А. Дендиберя⁴⁹, Д.Н. Нечаева⁵⁰ и др. Важной вехой стало первое заседание Консервативного клуба в Фонде Института социально-экономических и политических исследований, состоявшееся 27 марта 2018 г. под председательством профессора Л.В. Полякова, с участием авторитетных исследователей отечественного консерватизма, главной темой которого стали именно консервативные ценности⁵¹.

Ценностному аспекту функционирования средств массовой информации посвящена изданная в 2012 г. монография петербургских исследователей «Журналистика. Общество. Ценности», в которой рассмотрены ценностные измерения журналистики, условия ее взаимодействия с аудиторией и обществом в целом, ценностные аспекты труда журналиста, намечены направления по исследованию аксиологии журналистики⁵².

Одно из первых мест в рядах деятелей отечественного консерватизма обеспечило М.Н. Каткову и его изданиям повышенное внимание со стороны

---

⁴⁶ Лебедев С.В. Охранители истинно - русских начал. Идеи, идеалы и политика русских консерваторов второй половины XIX века. СПб.: Нестор, 2004; Он же. Система ценностей философии русского консерватизма второй половины XIX века. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. д.филос.наук. СПб., 2004. 33 с.

⁴⁷ Гарбузов В.Н. Консерватизм: ценности, идеи, политика // *Метаморфозы истории*. 1997. №1. С.136-162.

⁴⁸ Арефьев М.А., Осипов И.Д. Идеальные истоки и ценности русского консерватизма // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина*. 2013. Т.2(2). С.172-183.

⁴⁹ Дендиберя А.А. Консервативные ценности в государственно-правовом развитии России // *Философия права*. 2015. №2(69). С.112-115; Она же. Консервативные ценности традиционных конфессий: государственно-правовой аспект // *Юристы-Правоведь*. 2015. №6(73). С.119-123.

⁵⁰ Нечаев Д.Н. Консервативные ценности в программных документах политических партий РФ на парламентских выборах – 2011 // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2013. №1(27). С.113-121.

⁵¹ Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ 27 марта 2018 года // *Тетради по консерватизму*. 2019. №1. С.489-530.

⁵² *Журналистика. Общество. Ценности* : коллективная монография / Г.В. Жирков и др. – СПб.: Петрополис, 2012. – 448 с.

исследователей. Полярность прижизненных оценок личности журналиста сохранялась и в первых работах, появившихся вскоре после его смерти⁵³. В дореволюционной либеральной историографии за ним прочно укрепилась характеристика реакционера, «цепного пса» самодержавия, а его издания воспринимались как символы охранительной идеологии и политической реакции, замалчивались многие положительные отзывы о нем, игнорировались позитивные результаты его журналистско-издательской деятельности⁵⁴.

В советский период отношение к Каткову определялось на основании известной статьи В.И. Ленина «Карьера», закрепившей за журналистом характеристику националиста и шовиниста⁵⁵. Первые серьезные оценки его роли и места в политической и общественной жизни России были даны западными исследователями: в 1964 г. американский русист Эдвард Таден в труде «Conservative Nationalism in Nineteenth Century Russia» указал на Каткова как на представителя правого крыла «консервативного национализма»⁵⁶, в 1866 г. в Париже была издана книга Мартина Катца «Mikhail N. Katkov. A political biography (1818-1887)»⁵⁷, наконец, в 1870 г. в докладе на XIII Международном конгрессе исторических наук американский исследователь Ричард Пайпс отнес Каткова к представителям «бюрократического консерватизма»⁵⁸. Центральное место в системе взглядов

---

⁵³ Щегловитов С.Г. Катков и его время. Спб. 1888; Любимов Н.А. М.Н. Катков и его историческая заслуга. Спб. 1889; Сементковский Р.И. М.Н. Катков, его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк. СПб., 1892 и др.

⁵⁴ Иванов И.И. Катков // История русской критики. СПб., 1900. Т.2. Ч.IV. Главы XXIV-XXV; Соловьев (Андреевич) Е.А. М.Н. Катков и «Русский вестник» // Очерки по истории русской литературы. Спб., 1902; Иловайский Д.И. М.Н. Катков (историческая поминка) // Исторический архив. 1897. Кн.1; Корнилов А.А. Катков // История русской литературы XIX века (Под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского). М., 1909. Т.5 и др.

⁵⁵ Ленин В.И. Карьера // Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1973. Т.22. С.43-44.

⁵⁶ Thaden Edward C. Conservative Nationalism in Nineteenth Century Russia / Seattle University of Washington Press. Seattle 1964. P. 13.

⁵⁷ Martin Katz. Mikhail N. Katkov. A political biography (1818-1887). The Hague - Paris Mouton 1966.

⁵⁸ Пайпс Ричард. Русский консерватизм во второй половине XIX века: Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. - М., 1970.

Каткова в работах зарубежных исследователей отводилось такому понятию, как «национальные идеалы», «русские принципы», «традиционные институты русского общества».

Лишь с конца 1960-х гг. стали появляться работы отечественных исследователей, в которых с более объективных позиций рассматривались общественно-политические и эстетические взгляды М.Н. Каткова, выявлялось место его изданий в истории отечественной журналистики. Одним из первых стал В.И. Китаев, рассмотревший в своей диссертации, а затем в монографии «От фронды к охранительству»⁵⁹ общественно-политическую программу журнала «Русский вестник» конца 1850-начала 1860-х гг. как идейную основу либерального движения в России в первые годы правления императора Александра II. В.К. Кантор в монографии «Русская эстетика второй половины XIX столетия и общественная борьба»⁶⁰ изучил роль М.Н. Каткова и его изданий в общественно-эстетической борьбе в России в указанный период, указав на взаимосвязь «охранительных» позиций в эстетике с кризисом либеральных воззрений в 1860-е гг. Наиболее серьезная общая оценка М.Н. Каткова и его изданий была дана В.А. Твардовской в фундаментальной работе «Идеология пореформенного самодержавия. Катков и его издания»⁶¹. Десятилетием позже история взаимоотношений журналиста с властными структурами была рассмотрена в монографии В.Г. Чернухи «Правительственная политика в отношении печати, 60-70-е годы XIX века»⁶². Попытки дать общую характеристику изданиям М.Н. Каткова также предпринимались в ряде других публикаций⁶³, однако до конца 1980-х –

---

⁵⁹ Китаев В.И. От фронды к охранительству. - М.: Мысль, 1972. 288 с.

⁶⁰ Кантор В.К. Русская эстетика второй половины XIX столетия и общественная борьба. М.: Искусство, 1978. 174 с.

⁶¹ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. Катков и его издания. М., 1978. 281 с.

⁶² Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати, 60-70-е годы XIX века. – Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1989. 208 с.

⁶³ Розенталь В.Н. Общественно-политическая программа русского либерализма в середине 50-х гг. 19 века (По материалам «Русского вестника» за 1856-1857гг.) // АН СССР. Исторические записки. 1961. Т. 70; Маслов В.С. «Русский вестник» и «Московские ведомости» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 2. Л. 1965;

начала 2000-х гг. его имя по-прежнему воспринималось как символ «самой оголтелой реакции»⁶⁴, а его позиция ассоциировалась с «великодержавным шовинизмом»⁶⁵.

С конца XX в. личность и социально-политические взгляды М.Н. Каткова подверглись значительному переосмыслению. В последние два десятилетия появилось немало трудов, в которых с позиций сегодняшнего дня исследуются социально-политические и философские взгляды публициста, его место в ряду других отечественных общественных деятелей и мыслителей. Значительная часть этих работ посвящена общественно-политическим воззрениям М.Н. Каткова и его вкладу в теорию российской государственности. В работах А.Л. Брутян⁶⁶, Д.А. Давудова⁶⁷, В.К. Кантора⁶⁸, А.Э. Котова⁶⁹, В.Н. Кудряшева⁷⁰, О.В. Кулешовой⁷¹, Э.А. Попова, И.В.

Шмигельская М.А. Участие Н.Ф. фон Крузе в издании «Русского вестника» // Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов. 1971; Герасимова Ю.И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-начала 1860-х гг. М. 1974; Твардовская В.А. Политическая программа «Русского вестника» на рубеже 1850-1860-х гг. // Освободительное движение в России. Саратов. 1975. № 4; Кулешов В.И. Реакционно-либеральная, антиреалистическая критика. Катков. Суворин // История русской критики. М. 1978.

⁶⁴ Московский университет в воспоминаниях современников. М., «Современник», 1989. – С.643.

⁶⁵ Есин Б.И. История русской журналистики. М., 2003. С.114.

⁶⁶ Брутян А.Л. М.Н. Катков: Социально-политические взгляды. Под ред. Е.Н. Моцелкова. М.: МАКС Пресс, 2001. 128 с.

⁶⁷ Давудов Д.А. Политико-правовые воззрение Михаила Никифоровича Каткова. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.юр.н. Сочи, 2013. 24 с.

⁶⁸ Кантор В.К. Михаил Никифорович Катков: «Основой преобразований должен быть существующий порядок...» // Российский либерализм: идеи и люди. - М., 2007; Он же. О судьбе имперского либерализма в России (М. Н. Катков) // Философские науки. 2007. №2. С.66-91 и др.

⁶⁹ Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870-1890-х годов: опыт ведения общественной дискуссии. СПб.: Книжный дом, 2010. 224 с.; Он же. Птенцы гнезда Каткова. СПб., 2013. 143 с.; Он же. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860-1890-х гг. СПб.: Владимир Даль, 2016. 487 с. и др.

⁷⁰ Кудряшев В.Н. М.Н. Катков в российском имперском дискурсе второй половины XIX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2012. №4(20). С.40-42; Он же. Русская общественная мысль в поисках национальной идентичности: зарождение русского национализма (вторая половина XIX в.) // Русин. 2014. №4(38). С.117-130.

⁷¹ Кулешова О.В. Наследие М. Н. Каткова в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. 59 с.

Велигоновой,⁷² А.В. Репникова⁷³ С.М. Саньковой⁷⁴, В.М. Хевролиной,⁷⁵ М.Ю. Чернавского⁷⁶, С.Н. Шипилова⁷⁷, А.А. Ширинянца⁷⁸ и других исследователей журналист рассматривается как вполне самостоятельная фигура в общественно-политической жизни России 1860-1880-х гг., как консервативный мыслитель и один из основоположников теории российской государственности, автор проекта многонационального государства на основе неэтнической государственной власти.

В последние годы труды М.Н. Каткова привлекают пристальное внимание современных зарубежных исследователей истории России: А. Реннера⁷⁹, А. Каппелера⁸⁰, Я. Кенсо⁸¹, в работах которых публицист «Московских ведомостей» предстает как один из основателей «русского национализма», создатель «имперской» идеологии российской нации и даже

---

⁷² Попов Э.А., Велигонова И.В. Когда Слово повелевает Империей. Периодические издания М. Н. Каткова и новые технологии общественно-государственной политики реформирующейся России (середина 1850-х - 1880-е гг.). - Москва: РИСИ, 2014. 207 с.

⁷³ Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М.: Сигналь, 1999. 161 с.; Репников А.В. Русский консерватизм: Михаил Никифорович Катков // Перспективы http://www.perspektivy.info/history/russkiiy_konservatizm_mihail_nikiforovich_katkov_2008-2-11-16-36.htm

⁷⁴ Санькова С.М. Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. СПб.: Нестор, 2007. 298 с.

⁷⁵ Хевролина В.М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878-1894 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 316 с.

⁷⁶ Чернавский М.Ю. Русская историософия М.Н. Каткова: опыт диалектического консерватизма // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С.48-58.

⁷⁷ Шипилов С.Н. Эволюция идеологии русского пореформенного консерватизма: этнокультурные и политические аспекты: по произведениям М.Н. Каткова. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. М., 2009. 24 с.

⁷⁸ Ширинянец А.А. Михаил Никифорович Катков // Вестник Московского университета. Серия: Политические науки. 2004. №6. С.76-92.

⁷⁹ Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии. - М.: Новое издательство, 2005. С.436-471.

⁸⁰ Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. - М.: Новое издательство, 2005. С.395-435.

⁸¹ Кенсо Я. Политический национализм М.Н. Каткова // Русская политология. 1918. №1(6). С.46-52.

делается вывод, что основу действующей национальной политики Российской Федерации «составляет катковская концепция национализма»⁸².

Социально-философские взгляды М.Н. Каткова изучены в диссертационных исследованиях Г.Н. Лебедевой⁸³, Н.В. Поляковой⁸⁴. В ряде публикаций историко-философского характера И.Б. Гаврилова⁸⁵ М.Н. Катков рассматривается как религиозный мыслитель, просветитель, последовательный и убежденный защитник православия и интересов православной церкви.

Среди работ историко-журналистского характера, посвященных М.Н. Каткову и его изданиям, следует выделить труды Д.А. Бадаляна⁸⁶, Л.М.

---

⁸² Кенсо Я. Политический национализм М.Н. Каткова // Русская политология. 1918. №1(6). С.50.

⁸³ Лебедева Г.Н. Социально-философская концепция русского консерватизма в творчестве М.Н. Каткова. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.филос.н. СПб., 1996; Она же. «Исповедь русского народа» и несостоявшийся политический панславизм во второй половине XIX века // Тетради по консерватизму. 2018. №3. С.287-298; Она же. М.Н. Катков о цивилизационной самостоятельности России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 16(3). С. 97-110.

⁸⁴ Полякова Н.В. Ж. де Местр и политическая философия русского консерватизма второй половины XIX в.: М.Н. Катков, Ф.И. Тютчев. Автореф. дисс. на соискание у. ст. к.филос.н. СПб., 1996. 21 с.

⁸⁵ Гаврилов И.Б. Катков: жизнь, труды, мировоззрение // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1(2). С.136-177; Гаврилов И.Б. К характеристике религиозно-философского мировоззрения М.Н. Каткова // Христианское чтение. 2018. №3. С.192-214; Гаврилов И.Б. Михаил Никифорович Катков как охранитель традиционных русских начал // Русско-Византийский вестник. 2019. №1(2). С.204-221.

⁸⁶ Бадалян Д.А. Журналист, общественное мнение и власть: издания М.Н. Каткова в «Царских обозрениях» 1860-1880-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. №3. С.89-118; Бадалян Д.А. Полемика о Земском соборе в русской прессе 1880-х гг. // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. Т.201. С.27-36.

Макушина⁸⁷, О.С. Кругликовой⁸⁸, М.Ю. Манакова⁸⁹, в которых рассмотрен опыт взаимоотношения журналиста с представителями власти и общественных движений 1860-1880-х гг. Отдельные эпизоды истории и функционирования «Московских ведомостей» и «Русского вестника» изучены И.Е. Барыкиной⁹⁰, А.М. Грибановской⁹¹, Е.В. Дервягиной⁹², Л.Д. Дергачевой⁹³, Г.П. Измestьевой⁹⁴, И.К. Кременской⁹⁵, А.И. Минаевым⁹⁶, С.А.

---

⁸⁷ Макушин Л.М. «Департамент Каткова»: идеология и технология // Акценты. - Воронеж. - 2002. №1-2. С. 37-45; Макушин Л.М. «Московские ведомости»: pro et contra // Акценты. - Воронеж. 2002. №3-4. С. 58-66; Макушин Л.М. М.Н. Катков и «Русский вестник» в 1856-1862 гг.: от либерализма к охранительству // Акценты. Воронеж. 2001. №5-6. С.70-77 и др.

⁸⁸ Кругликова О.С. Передача газеты «Московские ведомости» на правах аренды М.Н. Каткову в 1863 г. (политический контекст и финансовые условия контракта) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 9. Вып. 4. Ч. II. С.248-255; Кругликова О.С. «Московские ведомости» М.Н. Каткова в полемике о реформе образования в 1860-1870-е гг. // Известия Уральского государственного университета. Сер.1. Вып.23. №56. 2008. С.205-210; Кругликова О.С. Газета М.Н. Каткова (1863-1887): к вопросу об истоках и характере политического влияния // Тетради по консерватизму. 2018. №3. С.71-88; Кругликова О.С. «Московские ведомости» после смерти М.Н. Каткова: конкуренция за право издания газеты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т.15. Вып.2. С.252-264 и др.

⁸⁹ Манаков М.Ю. Роль политической публицистики в защите государственной безопасности (система взглядов М.Н. Каткова в 1860-е годы) // Вестник ЧГУ. №22(313). Филология. Искусствоведение. 2013. Вып.81. С.17-23.

⁹⁰ Барыкина И.Е. Записка М.Н. Каткова по делам издания газеты «Московские ведомости» (11 января 1867 г.) // Вестник Башкирского университета. 2014. Т.19. №4. С.1599-1603.

⁹¹ Грибановская А.М. Из истории аренды «Московских ведомостей» М.Н. Катковым и П.М. Леонтьевым: модернизация университетской типографии // Вестник Московского университета. Сер.8. №4. 2015. №33-42.

⁹² Дервягина Е.В. «Московские ведомости» М.Н. Каткова (1863-1887) в русском литературном процессе. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.ф.н. Вел. Новгород, 2004. 19 с.; Дервягина Е.В. М.Н. Катков и «Московские ведомости»: к истории издания // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. №25. С.51-56.

⁹³ Дергачева Л.Д. Московский университет и газета «Московские ведомости» в 1870-х гг. // Вестник Московского университета. Серия: История. 2007. № 4. С.3-18.; Дергачева Л.Д. Московский университет и газета «Московские ведомости» в 1880-х гг. // Вестник Московского университета. Серия: История. 2008. №6. С.3-30 и др.

⁹⁴ Измestьева Г.П. Издатель и редактор газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков / Московский университет и судьбы русской интеллигенции. Материалы международной конференции. 2004. С.160-167.

⁹⁵ Кременская И.К. «Московские ведомости» 1850-х гг.- редакторский дебют М.Н. Каткова // Из века в век. Из истории русской журналистики. 1702-2002. М., 2002. С.68-83.

⁹⁶ Минаев А.И. К вопросу об оценке М.Н. Катковым британского парламентаризма XIX века // Научные труды МПГУ. Серия: Социально-исторические науки. Сборник статей. - М.: Прометей, 2000. С. 241-245.

Митрохиной⁹⁷, Ф.А. Селезевым⁹⁸ и др. Отдельные аспекты публицистики «Московских ведомостей» и беллетристики «Русского вестника» рассмотрены в трудах Г.Н. Лебедевой⁹⁹, Е.В. Мамоновой¹⁰⁰, Т.В. Назаровой¹⁰¹, О.Г. Панаэтова¹⁰², А.А. Тесли¹⁰³, Т.Н. Трофимовой¹⁰⁴, О.А. Хвостовой¹⁰⁵ и др.

В 2013 г. к 200-летию со дня рождения М.Н. Каткова вышел посвященный ему номер «Литературоведческого журнала»¹⁰⁶, а в 2018 г. – выпуск альманаха «Тетради по консерватизму»¹⁰⁷, включающий работы ведущих отечественных исследователей консервативной идеологии и консервативной печати.

Таков далеко не полный перечень трудов и исследований, посвященных М.Н. Каткову и его изданиям. Вместе с тем следует констатировать, что задача изучения роли его изданий в формировании системы консервативных ценностей до настоящего времени не ставилась. Данная работа восполняет

---

⁹⁷ Митрохина С.А. Особенности просветительской тематики «Литературного отдела» газеты «Московские ведомости» при редакторе М.Н. Каткове в 1851-1855 гг. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.ф.н. М., 2006. 17 с.

⁹⁸ Селезев Ф.А. «Московские ведомости» и их редактор в 1863 году // Московский журнал. История государства Российского. - 2004. №4. С.13-15.

⁹⁹ Лебедева Г.Н. «Остзейский вопрос» в публицистике М.Н. Каткова // Тетради по консерватизму. 2018. №3. С.274-286.

¹⁰⁰ Мамонова Е.В. Благотворительность 1860-1880-х гг. в публицистике М.Н. Каткова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер.2. 2011. Вып. 4(41). С.30-43; Мамонова Е.В. Старокатолическое движение в публицистике М.Н. Каткова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер.2. 2012. Вып. 4(47). С.102-110.

¹⁰¹ Назарова Т.В. Формы пропаганды идеи консервативного развития в «Русском вестнике» // Вестник ВГУ. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2013. №12. С.99-110.

¹⁰² Панаэтов О.Г. Катков М.Н. и болгарский кризис 1884-1887 гг.: инструментарий и цена свободы слова // Наука и современность. 2014. №28. С.42-48.

¹⁰³ Тесля А.А. «Польский вопрос» в передовицах М.Н. Каткова в 1863 г. // Ученые записки ТОГУ. 2011. №2. С.87-97.

¹⁰⁴ Трофимова Т.Н. «Положительное начало» в русской литературе XIX века : «Русский вестник» М.Н. Каткова. Автореф. дисс. на соискание к.ф.н. М., 2007. 20 с.

¹⁰⁵ Хвостова О.А. Открытие памятника Пушкину // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы. Сборник научных трудов. Отв. ред. А.А. Гапоненков. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2018. С.90-96.

¹⁰⁶ Литературоведческий журнал. Москва: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), 2013. №32. С.372.

¹⁰⁷ Тетради по консерватизму. Альманах. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2018. №3. 434 с.

этот пробел, и тем самым открывает новое направление в изучении истории отечественной журналистики.

Источниковая база исследования основана на публикациях в дооктябрьской отечественной периодике и материалах архивов Москвы и Санкт-Петербурга.

Одним из основных источников послужили материалы периодической печати, в первую очередь комплекты журнала «Русского вестника» за 1856-1887 гг., газеты «Московские ведомости» за 1851-1855 и 1863-1887 гг. Также были рассмотрены отдельные публикации журналов «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Вестник Европы», «Время», «Дело», газет «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос», «Весть», «Русские ведомости», «Новое время» и др.

Значительный объем архивных источников составили материалы рукописных фондов Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Государственного музея Л.Н. Толстого, Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля, документы Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, Центрального государственного архива города Москвы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки автор работал с фондами М.Н. Каткова (Ф.120), Киреевых и Новиковых (Ф.126), Ф.А. и А.Г. Достоевских (Ф.93), К.П. Победоносцева (Ф.230), М.П. Погодина (Ф.231/2). Были изучены отдельные материалы фондов Н.П. Барсукова (Ф.18), А.Ф. Вельтмана (Ф.47), В.И. Герье (Ф.70), В.М. Голицына (Ф.75), И.Ф. Красковского (Ф.141), Орловых-Давыдовых (Ф.219), С.А. Петровского (Ф.224), Милютиных (Ф.169), В.А. и Е.А. Черкасских (Ф.327), В.П. и С.В. Флеровых (Ф.385), Д.П. и В.П. Боткиных (Ф.258), Музейное собрание (Ф.178) и др.

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки исследованы фонды Н.В. Гербель (Ф.179), Г.П. Данилевского (Ф.236), Д.И. Завалишина (Ф.289), А.А. Краевского (Ф.391), А.А. Майкова (Ф. 452), Н.Н. Страхова (Ф. 747), Н.В. Шаховского (Ф.847), С.П. Шевырева (Ф. 850), Е.Н. Эдельсона (Ф. 1123).

В Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГА Москвы) наибольший интерес для данного исследования представляют материалы Московского цензурного комитета (Ф. 31), Московского государственного университета (Ф. 418), Канцелярии Попечителя Московского учебного округа (Ф. 459), а также Особой инспекции для надзора за типографиями, литографиями, металлографиями, магазинами, продающими принадлежности тиснения, и за книжной торговлей в Москве при Московском генерал-губернаторе (Ф. 212). В Российском государственном историческом архиве автора исследовал материалы Главного управления цензуры Министерства народного просвещения (Ф. 772), Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел (Ф.776).

К сожалению, архив объединенной редакции «Московских ведомостей» и «Русского вестника» не сохранился, что создает известные трудности в процессе исследования изданий. Тем большую научную ценность представляет сохранившийся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства «Журнал исходящих бумаг редакции “Русского вестника” и “Московских ведомостей”» (Ф.262, оп.3, ед.хр.17), в котором охватывается период с января 1870 г. по январь 1877 г., а также хранящиеся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки материалы редакции «Русского вестника» и «Московских ведомостей» (Ф.120, к.53, ед.хр. 9; к.55, ед.хр. 16, 20; к.56, ед.хр. 10, 11 и др.).

Большую роль в исследовании играют источники личного происхождения, к которым относятся письма, дневники, мемуарная литература. Особый интерес представляют хранящиеся в рукописных фондах Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля

неопубликованные дневники и воспоминания Е.А. Драшусовой (Ф.65), находящиеся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки дневники генерала А.А. Киреева (Ф.126), писательницы Н.П. Шаликовой (Ф.120, к.54, кд.хр.33), А.В. Станкевича (Ф. 70. К. 94. Ед. хр. 11). Изучена переписка М.Н. Каткова с В.П. Боткиным, П.А. Валуевым, А.Д. Галаховым, А.А. Краевским, Б.М. Маркевичем, А.А. Киреевым, А.В. Никитенко, К.П. Победоносцевы, И.А. Вышнеградским, И.А. Зиновьевым, А.И. Георгиевским, А.Д. Блудовой, А.Д. Пазухиным и другими видными деятелями отечественной общественной жизни, политики и культуры. В контексте темы наибольшую значимость имеет обширное эпистолярное наследие писателя Б.М. Маркевича (Ф.120, к.25-27, 30-34), на протяжении многих лет бывшего представителем изданий Каткова в Петербурге, письма П.И. Мельникова (Ф.120, к.6, 41), С.А. Райковского (Ф.120, к.22, 24), Д.А. Толстого (Ф.120, к.19), Е.М. Феокистова (Ф.120, к.35-38), А.А. Моллера (Ф.120, к.22, 24), К.Г. Катакази (Ф.120, к.4, 39), А.Д. Блудовой (Ф. 120, к. 20) и др. Эти источники содержат немало ценных сведений об информационной политике объединенной редакции газеты и журнала, взаимоотношениях Каткова с авторами, читателями и представителями политического истеблишмента и т.п. Отличаясь более непосредственным изложением описываемых событий и не имея излишне пристрастного или апологетического характера, свойственного мемуарам и воспоминаниям, эти письма служат достоверным и объективным источником информации, открывая мало известные подробности истории русской прессы XIX века.

В исследовании широко использовано опубликованное эпистолярное, дневниковое и мемуарное наследие писателей, публицистов, общественных деятелей, политиков, дипломатов: письма, дневниковые и мемуарные записи П.А. Валуева, А.Д. Галахова, А.И. Георгиевского, В.М. Голицына, А.В. Головнина, Г.К. Градовского, Ю.С. Карцова, А.А. Киреева, К.Н. Леонтьева, Н.А. Любимова, В.П. и Н.П. Мещерских, А.В. Никитенко, А.И. Соколовой, В.С. Соловьева, С.М. Сухотина, А.А. Плансона, К.П. Победоносцева, А.А.

Половцова, С.И. Уманца, Е.М. Феокистова, Б.Н. Чичерина, Н.Г. Щегловитова¹⁰⁸ и других современников Каткова. Часть из них, как, к примеру, воспоминания Феокистова, Чичерина, дневники Валугева, Никитенко, Половцова, широко известны, но большинство сегодня представляют собой библиографическую редкость. Несмотря на субъективный, а зачастую пристрастный характер некоторых из них, эти документальные источники позволили восстановить целый ряд весьма важных эпизодов истории катковских изданий, дать более точную характеристику личности, деятельности и ценностных установок их редактора-издателя.

---

¹⁰⁸ Валугев П.А. Дневник. В 2 тт. Под ред. проф. П.А. Зайончковского. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т.1,2; Галахов А.Д. Воспоминания о журнальном сотрудничестве М.Н. Каткова в 1839 и 1840 годах // Исторический вестник. 1888. №1. С.97-112; Из воспоминаний А.И. Георгиевского. Литературное наследство. Т.97. Федор Иванович Тютчев. Кн.2. М.: Наука, 1989. С.104-163; Голицын В.М. Старая Москва // Записки отдела рукописей РГБ. – М.: Пашков дом, 2000. Вып.51. С.147-193; Головин А.В. Записки для немногих. СПб., 2004. Изд-во «Нестор-история» СПбИИ РАН. 576 с.; Градовский Г.К. Из минувшего // Русская старина. 1908. Кн.1. С.77-86; Кн. 2.С. 323-330; Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879-1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. 393 с.; Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Автобиография // Литературное наследство. Т. 22/24. М.: Газ.-жур. объединение, 1935. С.427-496; Любимов Н.А. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889. 468 с.; Мещерский В.П. Воспоминания. М.: Захаров. 2001. 687с.; Мещерский Н.П. Воспоминания О М.Н. Каткове. Письма в Тверитино // РВ. 1897. Кн.8. С.1-49; Никитенко А.В. Дневник: В 3 тт. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 1-3; Плансон А.А. Былое и настоящее. СПб. 1905. 327 с.; Соколова А.И. Встречи и знакомства // Исторический вестник. 1911. Кн.6. С.832-843; Соловьев В.С. Несколько личных воспоминаний о Каткове // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М.: Изд-во Правда, 1989. Т.2. С.626-634; Сухотин С.М. Из памятных тетрадей С.М. Сухотина // Русский архив. 1894. Кн.2. С.224-266; Кн.3. С.417-436; Кн.4. С.599-610; Кн.5. С.139-149; Кн.6. С.241-256; Кн.7. С.433-447; Кн.9. С.51-68; Победоносцев К.П. Письма Победоносцева к Александру III. С приложением писем к вел. Кн. Сергею Александровичу и Николаю II. М.: Новая Москва, 1926. -Т.2. 384 с.; Победоносцев К.П. Письма к Е.М. Феокистову // Литературное наследство. Т.22/24. М.: Газ.-жур. объединение, 1935. С.497-560; К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.-Пг. Государственное издательство. 1923г. 439 с. (1 полутом), 1150 с. (2 полутом); Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. Т. 1,2; С.У. <Уманец С.И.> Мозаика (из старых записных книжек) // Исторический вестник. 1912. Кн.12. С.1013-1099; Феокистов Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. М.: Новости, 1991. 464 с.; Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М: Изд-во Московского университета, 1997. 256 с.; Неведенский С. <Щегловитов С.Г.> Катков и его время. СПб., 1888. 227 с. и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Консервативные ценности представляют собой открытую функционирующую систему, которая изменяется со временем и зависит от состояния общества, каждый раз предлагая социуму наиболее адекватный набор ценностей при сохранении ключевых: опора на традиции, нравы и обычаи общества; исключение субъективного фактора из процесса социальных преобразований; исключение из социальной практики «рывков» и революционных изменений.

2. Ценностные основания мировоззрения М.Н. Каткова, в которых главную систематизирующую роль играла ценность государства и идей Просвещения, стали идейным стержнем его изданий – журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости», основой разрабатываемой в них концепции «разумного консерватизма» и транслируемой системы консервативных ценностей.

3. Обращение к истории являлось в изданиях Каткова одним из основных инструментов формирования идеи национальной и гражданской идентичности, консолидации общества с государственной властью в лице самодержавного государя. Тематика историко-документальной прозы «Русского вестника», большая часть которой была посвящена героическим страницам отечественной истории – войне 1812 г., событиям Крымской войны 1854-1856 гг., военным действиям на Кавказе и в Средней Азии, соответствовала заявленным М.Н. Катковым идеям патриотического служения, объединения нации, сохранения духовного наследия России.

4. В публикациях на историческую тематику реконструировалась история России как мощного европейского государства, проводилась мысль о необходимости использования отечественного исторического опыта государственного строительства, образцом которого, как правило, выступали начинания Екатерины II. Наибольшее внимание уделялось национальной политике императрицы, мерам, предпринимаемым ею для обеспечения политической целостности империи и т.д.

5. Эстетическая платформа изданий М.Н. Каткова представляла собой продолжение их консервативной политической программы и соответствовала заявленной в них концепции «разумного консерватизма». Утилитарный и прагматичный подход к творчеству рассматривался в них как одно из проявлений нигилизма и политического радикализма. Социально-ориентированному искусству противопоставлялась свобода художника, принцип преемственности развития литературы и искусства, опора на классическое культурное наследие и «вечные», непреходящие ценности.

6. В литературном отделе «Русского вестника» приоритет отдавался произведениям, в основе которых лежали глубоко нравственные начала, первоочередное внимание уделялось морально-этической стороне человеческой деятельности. Но при этом общий журнальный контекст зачастую придавал художественным текстам смыслы, может быть, и не предусмотренные их авторами. Их «положительный герой» - труженик, на практике реализующий основные положения теории «умеренного» общественного прогресса - противостоял, с одной стороны, безнравственным и бесчестным представителям сугубо «коммерческой» морали - дельцам, предпринимателям, кулакам, а с другой – «новым людям», подобным героям романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», воплощающим социалистические идеалы.

7. Консерватизм эстетической программы изданий М.Н. Каткова наглядно проявился в оценке творчества композиторов «Могучей кучки» и художников-передвижников, которые подвергались критике за пренебрежение к классическому искусству, отказ от исторических основ и традиций, социальную ориентированность творчества.

8. В изданиях М.Н. Каткова утверждался приоритет духовных начал над материальными, отвергалось вульгарно материалистическое понимание человека, общества и его истории, делались попытки совместить рационалистичность и независимость научного мышления с религиозными

догматами и верой в Бога, что нашло отражение в публикациях, полемически направленных против апологетов учения Ч. Дарвина.

9. Катков рассматривал журналистскую деятельность не только как средство репрезентации действительности, но и как инструмент воздействия на нее. В стремлении сохранить устойчивые формы государственного и общественного устройства, общепризнанные нормы морали, национальные традиции и авторитеты, он ориентировался на «административный ресурс» сотрудничал с рядом государственных деятелей: П.А. Валуевым, П.А. Шуваловым, Д.А. Толстым, К.П. Победоносцевым и др. Однако даже единомышленники журналиста нередко выступали как его «скрытые оппоненты», видя в его влиянии опасность для авторитета власти.

Структура диссертации определена целью исследования и поставленными задачами. Работа состоит из введения, пяти глав, каждая из которых разделана на параграфы, заключения, списка использованной литературы и источников, насчитывающего свыше 560 наименований, списка сокращений. Объем исследования составляет 498 страниц.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 5.9.9. – Медиакоммуникации и журналистика, в области исследований: История журналистики, средств массовой информации, медиакоммуникаций в контексте общественного развития.

Апробация результатов исследования:

Результаты исследования отражены в 3 монографиях, в 21 научной статье, опубликованных в ведущих отечественных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации (ВАК). Всего по теме исследования опубликовано 150 работ общим объемом более 280 п.л.

Основные результаты были апробированы в докладах на более чем 40 международных и всероссийских конференциях, в т.ч.: «Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022 г.), «Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху»

(Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021 г.), «Медиа в современном мире. Петербургские чтения» (СПб., СПбГУ, 2004-2008, 2013-2016, 2018, 2020-2022 гг.), «Румянцевские чтения» (Москва, РГБ, 2013-2022 гг.), «Социальная журналистика как общественная деятельность: опыт и научные исследования в России, США и странах Северной Европы» (СПб., СПбГУ, 2014), «Коммуникация в современном мире» (Воронеж, ВГУ, 2014-2016, 2021 гг.), «Журналистика и политика: взаимодействие и взаимовлияние» (Архангельск, САФУ, 2019, 2020), «Журналистика регионов: дискурсы и медиапрактики» (Томск, ТГУ, 2019 г.), «Искусство-Образование-Культура: традиции и современность» (Москва, ИСИ, 2018, 2019 гг.), «Медиа чтения СКФУ» (Ставрополь, СКФУ, 2009, 2016, 2017, 2019 гг.), «Социальная миссия журналистики: реалии и прогнозы» (Архангельск, САФУ, 2014), «Н.Г. Чернышевский и его эпоха» (Саратов, СГУ, 2012, 2013, 2015, 2018, 2020, 2021 гг.), «Информационное поле современной России: практики и эффекты», (Казань, КФУ, 2010, 2011 гг.), «Болдинские чтения» (Большое Болдино, Музей-заповедник А.С. Пушкина, 2008, 2009, 2010 гг.), «XVIII Всероссийские Тургеневские чтения» (Спасское-Лутовиново, Музей-заповедник А.С. Тургенева, 2007 г.), «Профессия: “журналист”: вызовы XXI века» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007 г.), «СМИ в многополярном мире» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005 г.), «СМИ и реалии нового века» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003 г.), «Пушкин и современность» (Москва, РУДН, 1999 г.) и др.

ГЛАВА I. КОНСЕРВАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ

М.Н. КАТКОВА

1.1. Консервативные ценности как функционирующая открытая система

Консерватизм, как социальное, политическое явление и способ организации деятельности государства и институтов гражданского общества, крайне неоднозначен.

Само понятие «консерватизм» складывалось постепенно, в зависимости от исторической, культурной и даже географической ситуации. В России оно прошло путь от кальки с английского «conservative» через однозначно негативные характеристики, когда «совместными усилиями авторов либерального и марксистского направлений создавался отталкивающий образ отечественного консерватизма»¹⁰⁹, к взвешенному пониманию необходимости перемен государственной власти с учётом ключевых гуманистических оснований¹¹⁰.

Основоположник теории консерватизма Эдмунд Бёрк не оставил сколько-нибудь четкого определения консерватизма, сосредоточившись на выявлении оснований и проявлений этого социального феномена. Он, например, указывал, на непреложную «надчеловеческую» сущность государства: «Король может отречься от престола, но не может отменить монархию»¹¹¹, точно так же, как член Палаты лордов может сложить с себя обязанности, но не может отменить Палату лордов, и уж тем более, Палата лордов не может отменить Палату общин. Вместе с тем Бёрк утверждал

---

¹⁰⁹ Кожурин А.Я. Феномен русского консерватизма // Консерватизм: pro et contra. Социально-политическое явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных ученых-исследователей [Текст]: антология / А.Я. Кожурин; Русская христианская гуманитарная академия. Санкт-Петербург, 2016. С.18-64.

¹¹⁰ Лебедев С.В. «Охранители истинно - русских начал. Идеи, идеалы и политика русских консерваторов второй половины XIX века». СПб.: Нестор, 2004. С.24.

¹¹¹ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции, Reprinted in Penguin Classics, 1986. С.84.

принцип постоянного изменения государственного устройства путём внесения поправок, устраняющих те или иные недостатки: «Государство, лишенное средств к введению определенных изменений, не имеет и средств для самосохранения»¹¹². Ученый особо подчеркивал исключительную осторожность в проведении всех этих изменений, выражая особое восхищение тем, как «изящно» удалось решить в Великобритании проблемы престолонаследия во времена смены династии в период Славной революции, когда удалось пройти между Сциллой «старозаветных фанатиков единой самодержавной неограниченной власти, застывшей догмы» и Харибдой «сторонников выборности всех ветвей власти», включая верховную¹¹³.

Следующим пунктом концепции Бёрка является безусловность исполнения законов и категорический отказ от управления государством на основании «благих пожеланий». Завершает консервативную концепцию Бёрка требование уважения традиций и обычаев – «верности старине»: «ваши подданные унаследовали эту свободу, обосновывая свои вольности не отвлеченными принципами, вроде "прав человека", но правами англичан, наследием своих предков». Или, как он утверждает ниже: «сохранив заведенный в природе порядок в ведении наших государственных дел, мы никогда не бываем совершенно новы в вводимых улучшениях, а в том, что сохраняем, никогда не устареваем»¹¹⁴.

При этом Бёрк категорически выступает за сохранение, в полном смысле слова, консервацию, установившихся порядков, в плане уничтожения каких бы то ни было социальных лифтов: «Занятие парикмахера или торговца сальными свечами не может никому принести чести, не говоря уже о ряде прочих, более холопских занятий. Люди такого звания не должны испытывать притеснений со стороны государства, однако государство окажется притесненным, если людям этим позволят поодиночке или сообща им

---

¹¹² Бёрк Э. Размышления о революции... С.85.

¹¹³ Бёрк Э. Размышления о революции... С.91.

¹¹⁴ Бёрк Э. Размышления о революции... С.98-101.

управлять»¹¹⁵. Этим он оказал медвежью услугу всем консерваторам, надолго дискредитировав их учение в глазах всех, выступающих за социальные изменения и всеобщие равные права.

Все это первый теоретик консерватизма писал относительно Великобритании. В России того времени такой подход потребовал понимания ценностей консерватизма как способствующих сохранению монархии, поскольку она признавалась единственно приемлемой в России формой государственного правления; утверждение православия как господствующей религиозной системы; преемственности духовных традиций и нравственных начал российской цивилизации с начала времен; признание «особого» пути России, отличного от Западной Европы.

Эта традиция сложилась с «Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Н.М. Карамзина¹¹⁶, в которой, опираясь на тезис «Настоящее бывает следствием прошедшего», историк выстроил свою концепцию процветания страны. Так, основной причиной проблем России он называл то, что «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России». Как следствие, утверждал Карамзин, основной причиной современных проблем российского государства является «излишняя любовь к государственным преобразованиям».

Подобное понимание консерватизма носит универсальный характер. Британский философ, историк и политолог М. Оукшот заявлял, что «быть консерватором означает, что человек почитает знакомого больше, чем незнакомого, человека опытного больше, чем не нажившего еще опыта, факты почитает больше, чем таинственность, действительность больше, чем возможность, ограничение предпочитает безбрежности, близкое далекому,

---

¹¹⁵ Бёрк Э. Размышления о революции... С.119-120.

¹¹⁶ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [электронный ресурс - <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/karamzin.htm>] – режим доступа: свободный. Дата обращения - 19.01.2022 г.

достаток избытку, приемлемое совершенству, настоящее предпочитает утопическому счастью будущего»¹¹⁷.

Правда, в дальнейшем, в России, как справедливо утверждает В.А. Гусев,¹¹⁸ многое изменилось, и именно как отрицание навязанного нам англосаксонской традицией понимания консервативных ценностей. На сегодняшний день в мировом научном сообществе, по мнению А.М. Миграняна, сложилось понимание консерватизма как верности и сохранения генома культуры, генома цивилизации, того, что определяет человеческую общность, позволяющую нормальному обществу непрерывным живительным потоком переходить без взрывов и катаклизмов из прошлого через спокойно идущее настоящее в предсказуемое будущее¹¹⁹.

В России освоение ценностей консерватизма шло особым путём. Большинство исследователей отмечает неоднородность отечественного консерватизма. Как справедливо утверждает А.А. Ширинянец, «русские консерваторы часто расходились во взглядах со своими, казалось бы, идейными соратниками и открыто полемизировали друг с другом» и указывает на некорректность анализа русского консервативного лагеря «как чего-то целостного и единого»¹²⁰. Так, Э.А. Котов¹²¹ и А.Ю. Минаков¹²² в русском консерватизме 1860-1880-х гг. выделяют демократический консерватизм славянофилов и почвенников, бюрократический национализм, сословный консерватизм (элитарный и народный), крестьянский консерватизм, имперский консерватизм, церковный традиционализм, консервативный романтизм, неоконсерватизм.

---

¹¹⁷ Oakeshott M. Rationalism in politics and other essays. L. 1962, p.62.

¹¹⁸ Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001.

¹¹⁹ Мигранян А.М. Переосмысливая консерватизм // Вопросы философии. 1990. №11. С.115.

¹²⁰ Ширинянец А.А. К «феноменологии» консерватизма и не только... // Вопросы истории консерватизма. 2015. №1. С.365.

¹²¹ Котов Э.А. Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М.Н. Катков и его окружение, автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб, 2016. С.20.

¹²² Минаков А.Ю. У истоков русского консерватизма: «русская партия» первой четверти XIX в. // TRACTUS AEVORUM: эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. № 1(1). С.67-77.

В отличие от англо-саксонского консерватизма, отечественные концепции предполагают совершенно иные ценности. По словам Л.В. Ульяновой¹²³, это, в первую очередь, ценности и правила «реформаторского консерватизма», «консервативной демократии». В таком понимании консерватизма институтам сильного государства требуется поддержка сильных институтов гражданского общества. Причём, общество выступает самостоятельным субъектом, способным не просто поддержать некоего сильного государственного лидера, но и заменить его в случае необходимости. Общество берёт на себя развитие местного самоуправления, способного в определённых ситуациях противостоять даже государственной бюрократии.

Всё вышеперечисленное значительно осложняет задачу выявления и классификации системы ценностей консерватизма. Очевидно, что эта система не будет ни линейной, ни замкнутой. Более того, эта система должна быть функционирующей и адаптивной, поскольку консерватизм представляет собой не набор отвлечённых определений, а, скорее, матрицу социальных функций, действий; системы, множеством различных связей углубленных в окружающую среду, являющимся плотью от плоти социума. В случае рассмотрения консерватизма как системы ценностей следует говорить именно об этом.

Другое дело, что, как справедливо полагает В.М. Камнев¹²⁴, консерватизм, как ни одна другая философская концепция, нуждается в особой осторожности в использовании. Настолько хрупки консервативные ценности, настолько они требовательны к интеллекту своих сторонников. Более того, необходимо принимать во внимание, что как у системы в целом, так и у системы консервативных ценностей наблюдается определенная размытость, вариативность внешних «границ» между нею и средой или другими системами.

---

¹²³ Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ 27 марта 2018 года // Тетради по консерватизму. 2019. №1. С.489-530.

¹²⁴ Камнев В.М. Хранители и пророки: религиозно-философское содержание русского консерватизма. СПб.: Наука, 2010. 470 с.

Определяющими факторами при этом являются: требования, запрос системы более высокого порядка (социума, институтов государства и гражданского общества); определенные требования по объему и содержанию информации объекта воздействия; понимание необходимости самосуществования и самоорганизации самой системой.

То есть, ценности консерватизма должны осознаваться как атрибут социума, как неотъемлемая и абсолютно обязательная институция. Консервативные ценности в период эпохи «великих реформ» в России 1860-1870-х гг. стремились повлиять на социум таким образом, чтобы, с одной стороны, «заставить российские власти осознать и проконтролировать начавшиеся перемены», и, во-вторых, «одновременно разработать систему мер, которая могла бы предотвратить радикальную ломку традиционных отношений»¹²⁵. Выстраиваемые консервативные ценности в ситуации широкомасштабных преобразований представляют собой опорные конструкции социума с тем, чтобы социальный модернизационный процесс не превратился в неуправляемую и бесцельную социальную катастрофу. Не без оснований можно сделать вывод, что снисходительное отношение власти и общества к требованиям консерваторов привело к формированию в России конца 1870-х – начала 1880-х гг. революционной ситуации, завершившейся убийством Александра II 1 марта 1881 года. С другой стороны, внимательно прислушивавшийся к мнению консерваторов Александр III сумел выстроить в стране систему эффективного государственного управления и интенсивно развивающейся экономики. Можно утверждать, что консервативные ценности стали основополагающими в период с 1881 по 1894 годы¹²⁶, которые стали едва ли не самыми успешными в истории дооктябрьской России.

---

¹²⁵ Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. Монография. М.: МПУ «СигналЪ», 1999. 172 С. [электронный ресурс: <https://refdb.ru/look/1848002-pall.html>], режим доступа – свободный. Дата обращения – 26.01.2022 г.

¹²⁶ Селезнев Ф.А., Смолин М.Б. Великий страж империи // М.Н. Катков. Имперское слово. М., 2002. С.5-44.

Иными словами, социальные требования формируют внешнюю оболочку, фрейм системы ценностей консерватизма.

В таком виде консерватизм предстаёт неотъемлемой частью мироздания, ответственной за крайне важную составляющую – сохранение лучшего из созданного человечеством. Причём, не важно, идёт ли речь о материальных или духовных ценностях. По определению Е.С. Холмогорова, «сущность консерватизма состоит, во-первых, в сохранении определенной идентичности общества, во-вторых, в сохранении определенной суммы положительных социальных изменений, которые происходят в процессе истории»¹²⁷. Аналогичной позиции придерживается А.В. Щипков, утверждающий, что, «когда мы говорим о традиционных ценностях, мы не призываем к возврату в Средневековье. Для нас ценности – это нравственные ориентиры, которые помогают в принятии решения каждый раз в новых меняющихся условиях»¹²⁸. В завершение описание ядра ценностной системы консерватизма можно привести мысль Б.В. Межуева, что у «консерваторов появляется интернациональная почва, потому что они признают один и тот же тип, один и тот же образ человека». По мысли ученого, консерватор – это человек, «у которого есть семья, у которого есть собственность, у которого есть своя голова, у которого есть само понятие о национальности, о родине...»¹²⁹

Таким образом, консервативные ценности выступают как логичная и единственно возможная защита против разрушительного радикального либерализма и, тем более, против революционной катастрофы¹³⁰.

---

¹²⁷ Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ 27 марта 2018 года // Тетради по консерватизму. 2019. №1. С.489-530.

¹²⁸ Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ 27 марта 2018 года // Тетради по консерватизму. 2019. №1. С.489-530.

¹²⁹ Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ 27 марта 2018 года // Тетради по консерватизму. 2019. №1. С.489-530.

¹³⁰ Гросул В.Я. Итенберг Б.С. Твардовская В.А. Шацилло К.Ф. Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. [электронный ресурс: https://propagandahistory.ru/books/pod-red--V-YA--Grosula_Russkiy-konservatizm-XIX-stoletiya--Ideologiya-i-praktika-/22], режим доступа – свободный. Дата обращения – 26.01.2022 г.

Для определения количественного состава и взаимосвязи сущностных элементов и обусловленных их взаимодействием алгоритмов реализации консервативных ценностей следует воспользоваться принципом структурности и целостности системы.

В целом, существенными элементами консерватизма признаются следующие: религиозная упорядоченность и целостность мира; понимание общества как духовной реальности, целостного организма, имеющие свою внутреннюю хрупкую структуру; несовершенство общественных отношений и невозможность существенно изменить их к лучшему, приверженность общепризнанным человеческим нормам морали, традиции, авторитетам; сохранение стабильности, упорядоченности, естественного пути развития, недоверия и подозрительного отношения к радикальному отрицанию; преемственность, историческое единство прошлого, настоящего и будущего; уважение к мудрости предков; несовершенство природы человека, ограниченность человеческого разума; естественное неравенство людей; скептицизм, свобода и ответственность¹³¹.

Функционирующую систему консервативных ценностей структурно можно представить состоящей из трёх блоков.

Центральным является блок принятия решения. Его основное содержание, согласно утверждениям всех теоретиков консерватизма, можно обозначить как «не навреди», *primum non nocere*, что делает ценности консерватизма своего рода социальной деонтологией. Все консервативные концепции исходят из необходимости соблюдения социального мира, стабильности и предсказуемости в развитии.

Этот блок системы ценностей консерватизма состоит из трёх компонентов: сохранение лучших из выработанных социумом материальных и духовных ценностей, создание новых ценностей и правил, устранение из

---

¹³¹ Гарбузов В.Н. Консерватизм: ценности, идеи, политика // *Метаморфозы истории*. 1997. №1. С.139.

социальной практики социума отживших своё материальных и духовных практик.

В настоящее время идёт активное построение консерватизма XXI века, когда необходимо найти своё место в мире глобальных коммуникаций, глобальных угроз и глобальных проблем. Формы консервативных ценностей, их иерархия и взаимодействие, а также целеполагание могут быть различными. Можно в качестве ведущей назвать преемственность, традиционность правил, обычаев и традиций социума. Это утверждают, например, философы Р. Скрутон и Г.-К. Кальтенбруннер¹³².

Согласно «Стратегии национальной безопасности России» к традиционным российским духовно-нравственным ценностям отнесены «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»¹³³.

Безусловно, существуют изначально заявленные ценности консерватизма, от которых современный социум отказался самым решительным образом. Прежде всего, это бёрковское утверждение о необходимости на государственном уровне уничтожать любые попытки создать вертикальных социальных лифтов и какой-либо социальной мобильности для отдельных граждан и отдельных социальных групп и отсутствии всякой возможности ускоренного развития социума. В настоящее

---

¹³² Вязинкин А.Ю., Двухжилова И.В. Консервативный подход к эстетике архитектуры: философия Роджера Скрутона // Архитектура и дизайн. 2019. № 2. С. 1-6; Ким Ф.С. «Просвещённый консерватизм» Г.-К. Кальтенбруннера и „gesellschaft für Ganzheitsforschung“ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (81). С. 75-78.

¹³³ Стратегия национальной безопасности России (02.07.2021) [электронный ресурс] <https://strategy24.ru/rf/news/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rf-02072021-2> [Дата обращения - 20.01.2022 г.]

время, в том числе и благодаря работам П.А. Сорокина¹³⁴ и их развития в работах других политологов и социологов, социальная мобильность признана ведущей социальной характеристикой. Более того, о жизнеспособности государства судят, прежде всего, по тем социальным лифтам, что оно предоставляет своим гражданам. Система современных консервативных ценностей не только не запрещает человеку наращивать свой социальный статус, но, наоборот, способствует этому в рамках установленных социальных правил.

Более того, консерватизм выступает за ускоренное развитие социума, как бы парадоксальным это не показалось на первый взгляд. По справедливому утверждению А.Ю. Минакова, «нахождение компромисса между ценностями модернизации и ценностями традиционной культуры, который позволил бы им не уничтожать и не обеднять, а гармонично развивать, дополнять друг друга, стало одной из острых задач нашего времени»¹³⁵. Это понимание консерватизма нашло отражение в «Стратегии национальной безопасности России», где основной задачей государства и всего общества заявлено «ускоренное развитие экономического, политического, военного и духовного потенциала России, гражданского самосознания, растет осознание необходимости защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, возрастает социальная активность граждан, их вовлеченность в решение наиболее актуальных задач местного и государственного значения». И все это происходит при сохранении, более того, при укреплении системы консервативных, традиционных ценностей¹³⁶..

Реализация выработанных в центральном блоке идей происходит в следующих двух блоках системы: формообразования и практической

---

¹³⁴ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

¹³⁵ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. С. 4.

¹³⁶ Стратегия национальной безопасности России, утверждена Указом Президента № 400 от 2 июля 2021 г. [электронный ресурс: <https://strategy24.ru/rf/news/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rf-02072021-2>]. Режим доступа – свободный. Дата обращения – 26.01.2022 г.

деятельности. В.В. Аксюциц утверждает, что формы реализации консервативных ценностей не сводятся к охранительству, послушанию и консервации. По его мнению, консерватизм реализуется в форме самосохранения национально-государственного, культурно-цивилизационного организма, формирования адекватного ответа на исторические вызовы¹³⁷. Отсюда вытекает такая форма консервативной деятельности, как самоидентификация, которая, в свою очередь, запускает процессы социальных изменений при сохранении природного генотипа и цивилизационно-культурного архетипа.

Наконец, деятельностный структурный уровень системы консервативных ценностей образуют алгоритмы их реализации в процессе практической деятельности. П.В. Святенков в этой связи выразил уверенность, что «современным консерваторам необходимо на практике доказать обществу (имеется в виду российское общество), что консерватизм – это не замшелое ретроградство, и консерваторы не предлагают ходить в зипунах, треухах и валенках». Перед российским обществом стоят гораздо более серьёзные и сложные задачи: перезапуск российской цивилизации¹³⁸. М.А. Маслин добавляет в этой связи, что фундаментальная подоснова системы консервативных ценностей для России должна быть релевантной российскому цивилизационному типу, она не является каким-то наживным или перенятым комплексом идей¹³⁹.

Все революционные эксперименты двадцатого века привели к тому, что страна из безусловного лидера в экономике, политике, науке, культуре перешла в ранг второстепенных региональных развивающихся стран «третьего мира», обременённых многочисленными внутренними и внешними

---

¹³⁷ Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ 27 марта 2018 года // Тетради по консерватизму. 2019. №1. С.489-530.

¹³⁸ Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ 27 марта 2018 года // Тетради по консерватизму. 2019. №1. С.489-530.

¹³⁹ Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ 27 марта 2018 года // Тетради по консерватизму. 2019. №1. С.489-530.

кризисами. Сейчас настало время постепенно, без революционного энтузиазма и никому не нужных рывков, вернуться на достойное России место в мировой иерархии.

При наличии постоянного внешнего воздействия и постоянной взаимной социальной коммуникации возникает вопрос: как можно говорить о некоей целостности системы консервативных ценностей, когда видно, что постоянно и непрерывно происходит изменение ее внутренней структуры, происходит постоянное проявление самых разных дефиниций, больше относящихся к тому же либерализму и даже революционным требованиям? Но в том и заключается принципиальное отличие системы от всех прочих феноменов, что ее устойчивость – не жестко детерминированная устойчивость равновесных во времени структур, а динамическая устойчивость самоорганизующихся, авторегулируемых взаимосвязанных объектов, осуществляемая путем их вещественного и информационного обмена. То есть, каждый из компонентов системы консервативных ценностей всегда не равен себе во времени. В каждый отдельный период времени он состоит из различного количества элементов, которых в данном компоненте ровно столько, сколько необходимо для адекватного внешнему воздействию исполнению возложенных на него функций: обеспечение нормального социального развития с точки зрения государственности и прав человека.

Целое означает собой органичное единство существующего и возникающего, бытия и становления, завершения и изменения. Для системы консервативных ценностей это означает, что ее необходимо изучать с точки зрения диалектического многообразия, противоречивости, чувствительности, взаимосогласованности, устойчивости и стабильности, что, в свою очередь, приведет к возможности, во-первых, наглядно представлять ее в настоящий момент, во-вторых, даст возможность прогнозировать ее изменения. Потому и консервативные ценности XXI века существенно отличаются от них же в XIX

веке¹⁴⁰. Тогда перед социумом стояли другие задачи и ресурсы для их исполнения были принципиально иными, при единстве основной цели: накопление ресурсов, средств и возможностей для поступательного социального развития¹⁴¹.

Для этого надо оперировать принципами, логически вытекающими из понятия целостности. И основным является принцип активного отображения окружающей самоуправляемой системой консервативных ценностей среды и самоотражения. Реализация данного принципа для системы консервативных ценностей неминуемо приводит к пониманию, что она функционирует благодаря двум управляющим посылам: а) получаемым от системы более высокого порядка, в нашем случае от социума, институтов государства и гражданского общества; б) получаемым от собственного внутреннего источника управляющей информации.

Как результат, система ценностей консерватизма, по мысли Б.В. Межуева, направлена на то, чтобы «к моменту неизбежного кризиса, моменту ослабления власти, который рано или поздно наступит, противопоставить хаосу и растерянности некоторый набор твердых, последовательных установок, рожденных не под влиянием конъюнктуры»¹⁴².

В этом свойстве системы консервативных ценностей проявляется сложность для анализа, поскольку кроме субстратного количества необходимо оценивать структурную и динамическую композицию. Но, естественно, динамизм системы не всеобъемлющ, не абсолютен. Динамизм структуры консервативных ценностей определяется именно функциями системы этих ценностей, поскольку если система начинает длительно выполнять иные функции, чем те, что от нее требует система более высокого порядка, то данная

---

¹⁴⁰ Поляков Л.В. К изучению российского консерватизма: история и метод // Полития. 2012. №4(67). С.29-42.

¹⁴¹ Поляков Л.В. Консерватизм в России: политтехнологический симулякр или исторический выбор? // *Russie.Nei.Visions*. №90, 2015. С.6.

¹⁴² Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ 27 марта 2018 года // Тетради по консерватизму. 2019. №1. С.489-530.

система распадается. То есть, в деле регулирования, стабилизации процессов полиморфизма компонентов системы консервативных ценностей решающую роль играет иерархия систем, способность системы более высокого ранга (социума) управлять функционированием системы более низкого ранга (консервативными ценностями) и брать из них лучшее, что они могут предложить социуму.

Для системы консервативных ценностей можно выстроить следующую иерархию. Самым высоким, определяющей всю ценностную матрицу консерватизма, является понятие «национального, социального успеха», в отличие от либерального «личного успеха» или революционного «до основания...». Можно вспомнить в этой связи, что Жозеф де Местр¹⁴³ писал, что он ставит «в вину вашему Петру I» величайший грех – неуважение к своей нации, чем тут же, по его словам, воспользовались разного рода европейские проходимцы, основательно разрушив складывающуюся российскую национально-культурную идентичность.

В целом, консерватизм, как систему ценностей, можно рассматривать как социальное учение о возможности нормального развития только в социуме (обществе, государстве), при стабильности законов и прочих социальных установлений. На основе общественного характера консервативных ценностей Д.А. Юрьевым был сделан вывод, что консерватизм есть «жизнесозидающая, жизнехранящая и жизнепродолжающая идеология»¹⁴⁴, которая не просто перспективна для построения нормально развивающегося общества, но является залогом жизнеспособности человечества. Иные социальные и политические концепции, которые противопоставляются консерватизму, в своём антиконсерватизме всё больше и больше укрепляются в жизнефобии, примером чему могут служить современные реалии, когда признание либерального абсолюта свободы личности зачастую приводит к

---

¹⁴³ 14. Местр Ж. де. Сочинения. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб: Владимир Даль, 2007. С. 100.

¹⁴⁴ Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ 27 марта 2018 года // Тетради по консерватизму. 2019. №1. С.489-530.

расчеловечиванию, ликвидации семьи, общества, да и самой личности, от которой всё чаще и всё настойчивее требуется ликвидация самоидентичности.

Ниже уровнем можно расположить такие консервативные ценности, как «религиозное и нравственное чувство». По мысли Н.А. Бердяева, эти ценности носят более «прикладной» характер, различаются в зависимости от государства и народа¹⁴⁵. Более того, как раз россиянам более всего необходимо к своему чрезвычайно развитому религиозному чувству развитие гражданских качеств личности по причине отсутствия их в его ценностной структуре, ориентации на «религиозную психологию святости и греховности». И это, по мысли автора, служит препятствием для модернизации общества и свободного развития человека как гражданина.

«Прикладные» консервативные ценности, это – защита семейных и нравственных устоев, обычаев и традиций с привлечением самого лучшего от других социумов. В целом ряде случаев они тесно переплетены с национальными, этнографическими. Так, по мысли Ю.В. Бромлей, такие традиции, в том числе и в повседневно-бытовой сфере, в сочетании с ценностными инновациями, способны вывести нацию на принципиально новый уровень существования и придать совершенно особенный национальный колорит¹⁴⁶.

Для России такой ценностной категорией является идея соборности как некой духовной общности людей, диалектически соединяющей свободу и единство. Её можно назвать ценностной солидарностью различных национальных групп, слагающих общероссийский социум. Объединение религиозных и мирских начал. Как одна из консервативных ценностей, составляющих основы духовной культуры общества, конструктивная, инновационная соборность, на взгляд ряда исследователей, может иметь для России крайне важное институциональное значение.

---

¹⁴⁵ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012.

¹⁴⁶ Бромлей Ю. В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М.: Наука, 1988.

То есть, совокупность наработанных за тысячелетие цивилизации консервативных ценностей однозначно указывают, что Россия может существовать только как многонациональное, многоконфессиональное, многоклассовое общество. Причём, понимание этой многосоставности присуще всем категориям граждан России.

Как результат консервативного переосмысления нашей истории, наше общество категорически отказывается от каких бы то ни было революционных скачков и перемен, понимая, что единственный путь к достижению идеалов «достойной жизни» лежит только в упорном эффективном труде всех членов российского социума на благо всего социума.

Причём речи не идёт об рутинном исполнении заложенных тысячелетия назад трудовых алгоритмов. Современный российский консерватизм «умеет» постоянно придумывать некие новые алгоритмы при разумном внесении в социум новых социальных технологий.

А.С. Ципко полагает, что сущность консерватизма состоит в защите, в сохранении тех идей, ценностей, институтов, достижений культуры, которые сделали человека человеком, духовным существом, раздвигающим от поколения к поколению границы возможного¹⁴⁷. То есть, система консервативных ценностей исходит из того, что критерием истинности выстраивания различных траекторий социального развития и использования при этом различных алгоритмов осуществления необходимых действий в процессе этого развития является сохранение лучшего, что накоплено обществом. Никаких «до основанья, а затем». Но и не тормозить социальное развитие в тот исторический момент, когда это необходимо для страны и общества.

Отследить необходимость и достаточность новизны в социуме позволяет принцип обратной связи системы. Согласно этому принципу, социум постоянно отслеживает результат практической реализации, как в

---

¹⁴⁷ Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ 27 марта 2018 года // Тетради по консерватизму. 2019. №1. С.489-530.

нашем случае, системы консервативных ценностей. В случае выхода результата за «коридор устойчивости», когда возникает угроза социальному миру, срабатывают различные меры социальной защиты. Безусловно, оптимальным является случай, когда социум проводит необходимые корректирующие действия в автоматическом режиме, но, чаще, требуются усилия людей с по-настоящему государственным мышлением, способных показать социуму все негативные последствия неконструктивной деятельности. Они способны транслировать в массовое сознание корректирующую информацию, заставляя социум выполнять необходимые действия для устранения недостатков. Получателями корректирующей массовой информации, объектом воздействия системы консервативных ценностей, предстаёт весь социум во всех его проявлениях: от высших государственных чиновников до последнего крестьянина. Реализация данного принципа является необходимым условием для адекватного исполнения требований социума, а также необходима для мониторинга состояния общества.

Реализация этих задач возможно при условии обращения к истокам отечественного консерватизма, к его исторической традиции, к системе сложившихся в России консервативных ценностей, что, по мнению авторитетных исследователей, позволит «придать фундаментальный характер программным установкам современных российских консерваторов, преодолеть их теоретическую разнородность и консолидировать в единое идейно-политическое движение, ориентирующееся на аутентичную консервативную политическую программу, отличную от либеральных, социалистических и модных сейчас идеологически аморфных, эклектичных программ»¹⁴⁸.

Исследование системы консервативных ценностей, заявленной в изданиях М.Н. Каткова – лидерах консервативной отечественной печати 1860-

---

¹⁴⁸ Ширинянц А.А. К «феноменологии» консерватизма и не только... // Вопросы истории консерватизма. 2015. №1. С.376.

1880-х гг., представляет собой, таким образом, весьма существенный и продуктивный аспект данной проблемы. При этом множественность подходов к пониманию консерватизма и консервативных ценностей не позволяет рассматривать данный вопрос как решенный, закрытый, что придает актуальность работы над данной тематикой.

1.2. Ценностные основания журналистской и редакторской деятельности М.Н. Каткова

Михаил Никифорович Катков – едва ли не самая противоречивая и неоднозначная фигура в истории отечественной журналистики и общественной мысли второй половины XIX века. В юности – страстный поклонник немецкой идеалистической философии, участник кружка Н.В. Станкевича, друг В.Г. Белинского, в первое десятилетие реформ Александра II - один из самых горячих сторонников преобразований, лидер либерально настроенной интеллигенции, в годы правления Александра III - главный идеолог контрреформ, убежденный сторонник консервативной доктрины. Трудно найти другого журналиста и публициста, о деятельности которого высказывались бы столь полярные мнения. Его репутация была до крайности неоднозначной: для одних он был «трибуном Страстного бульвара», «львовяrostным кормчим»¹⁴⁹, «московским громовержцем»¹⁵⁰, примером, «который должен нас ободрять, должен каждому показывать что нечего жаловаться на невозможность действия»¹⁵¹, другие писали о нем как о «провокаторе», «предателе страны родной», палаче¹⁵², человеку, который всеми силами старался «разжечь международную вражду», опозорил «свое

---

¹⁴⁹ Лесков Н. С. На смерть Каткова // Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 11 тт. М.: ГИХЛ, 1856-1958. Т.11. С.159-162.

¹⁵⁰ Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // В кн. Собрание сочинений в 8 тт. - М.: Юридическая литература. 1966. Т.2. С.192.

¹⁵¹ Страхов Н.Н. Письмо А.А. Фету. Мшатка. 28 июля 1887 г. // А.А. Фет и его литературное окружение: В 2 тт. - М.: ИМЛИ РАН, 2008. Т.2. С.438.

¹⁵² Алисов П. Ф. Катков. Женева. 1887. С. 4.

имя ликованием над убийством и разбоем» и запятнал себя «ложью и клеветою»¹⁵³. Одни считали его оракулом, судьей, провидцем¹⁵⁴, видели в нем «самого лучшего сына России»¹⁵⁵, сравнивали его публицистические выступления с речами Цицерона¹⁵⁶ и воззваниями Козьмы Минина¹⁵⁷, другие обвиняли в том, что он «вызывает заподозрения между обитателями различных частей его, травит граждан против граждан, возбуждает только бесплодное национальное противоборство»¹⁵⁸.

По мере ужесточения идейного противостояния в ходе преобразований 1860-1870-х гг., среди либерально настроенной русской интеллигенции о Каткове составилось мнение как о человеке без твердых убеждений и последовательной системы взглядов, который в своих действиях руководствуется лишь политической конъюнктурой момента и своекорыстными расчетами¹⁵⁹. Б.Н. Чичерин, пути которого с Катковым разошлись еще в конце 1850-х гг., утверждал, что к идеологическим воззрениям журналиста всегда примешивались какие-либо личные расчеты, ожидание практической выгоды¹⁶⁰. «Он никогда и ничем не хочет себя связывать. На серьезный и открытый спор его никогда не вызовешь и последнего слова от него не добьешься, потому что у него нет никаких основных убеждений, на которые он мог бы опереться твердо. Это человек, который считает себя превыше всех и всего. На все ваши аргументы он

---

¹⁵³ Домбровский Я. Письмо М. Н. Каткову. Стокгольм. 16 июня 1865 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.24. Л.31-32.

¹⁵⁴ Касаткин С. Дорогой памяти М. Н. Каткова от бывших воспитанников Лицея. 20 июня 1891 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.54. Ед.хр.11.

¹⁵⁵ М-ъ. Письмо М. Н. Каткову. Москва. 1872 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.42. Л.208.

¹⁵⁶ Глинка Ф.Н. Письмо И.И. Лажечникову. Б.д. // ОР РГБ. Ф.120. К.42. Л.16.

¹⁵⁷ Взметнев П.А. Михаилу Никифоровичу Каткову. 1 января 1866 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.42. Л.41-42.

¹⁵⁸ Розен А.Е. Письмо Е.П. Нарышкиной. 26 января 1865 г. // ОР РГБ. Ф.133. К.5822. Ед.хр.2в.

¹⁵⁹ Станкевич А. В. Из воспоминаний. Катков // ОР РГБ. Ф.70. К.94. Ед.хр.11; Чичерин Б. Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1997; Еленский О. Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. Кн.10; Сементковский Р.И. М.Н. Катков, его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк. СПб., 1892.

¹⁶⁰ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1997. С.158.

отвечает: или насмешкой, или бранится. Сила Каткова заключается в том, что он умеет ловить моменты, умеет нападать врасплох, бьет даже лежащего и производит тревогу», - писал о Каткове публицист О. Еленский¹⁶¹.

В 1880-е гг., когда влияние Каткова в правительственных кругах достигло кульминации, позиция его изданий стала прочно ассоциироваться с позицией государства, что в глазах либеральной интеллигенции служило явным и недвусмысленным доказательством их политической конъюнктурности и приспособленчества. К примеру, в дневниковых записях князя В.М. Голицына, с 1883 г. – вице-губернатора, а затем и губернатора Москвы, «Московские ведомости» называются «пасквильной газетой»¹⁶², «прилежным органом жандармского управления», а сам Катков – «жандармским генералом»¹⁶³. В воспоминаниях В.А. Панаева Катков характеризуется как «отчаянный доктринер», выбравший в качестве своей доктрины патриотизм и сумевший сыграть на патриотических чувствах аудитории, тогда как его собственный патриотизм - «холодный, деланный, ходульный и вытекал вовсе не из любви к народу, которого, кстати сказать, - не ведал и не изучал, а из расчета, украшенного соображениями политического свойства»¹⁶⁴. Негативное отношение общественности к Каткову в эти годы зафиксировано не только в многочисленных мемуарных и эпистолярных источниках, но и в целом ряде анекдотов, эпиграмм и т.п. Так, на одной из карикатур 1880-х годов (запрещенных к печати) журналист был изображен рядом с типографским прессом, с большим молотом в руках. Между «молотом» (Катковым) и прессом (карательными инстанциями) находилась российская печать, а подпись к рисунку гласила: «Между молотом и наковальней»¹⁶⁵. Известностью пользовалась эпиграмма на журналиста следующего содержания: «Гордись же ты, надменный росс! Свободное печати

---

¹⁶¹ Еленский О. Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. №10. С.208-209.

¹⁶² Голицын В.М. Дневник // ОР РГБ. Ф.75. К.7. Л.193.

¹⁶³ Голицын В.М. Дневник // ОР РГБ. Ф.75. К.6. Л.342.

¹⁶⁴ Панаев В.А. Воспоминания // Русская старина. 1901. Кн.9. С.510.

¹⁶⁵ ОРФ ГМИРЛ им. В.И. Даля. Ф.360. Оп.1. Д.47.

слово под алебардою Каткова преобразуется в донос»¹⁶⁶, а в гостиных и салонах Москвы 1880-х гг. получила широкое распространение острота, сочиненная про него кем-то из постоянных завсегдатаев московского английского клуба: «Он был сначала красный, потом стал белый, а теперь сделался уж грязный».

Полярность прижизненных оценок Каткова нашла отражение и в работах, появившихся вскоре после его смерти. Опубликованная в 1888 г. книга С.Г. Щегловитова «Катков и его время»¹⁶⁷, исследование Н.А. Любимова «М.Н. Катков и его историческая заслуга», напечатанное сначала в нескольких номерах «Русского вестника» в 1888 г., а затем вышедшее отдельным изданием в 1889 г.¹⁶⁸, статьи В.А. Грингмута¹⁶⁹, Л.Н. Воронова¹⁷⁰, С.С. Татищева¹⁷¹ и др., носили пристрастно-апологетический характер, и, несмотря на обилие содержащейся в них информации, отличались излишней тенденциозностью. С другой стороны, автор посмертной биографии М.Н. Каткова Р.И. Сементковский характеризовал его как человека несамостоятельного, лишённого каких-либо собственных убеждений, который «только слепо следовал указаниям энергических и самостоятельных деятелей в среде <...> администрации» и «пел только с чужого голоса»¹⁷². Даже из консервативного лагеря в адрес Каткова звучали обвинения в приспособленчестве и отсутствии каких-либо твердых и определенных мировоззренческих установок. По образному выражению постоянного автора катковских изданий, мыслителя и публициста К.Н. Леонтьева, причина успеха журналиста состояла в том, «что он умел свой колокол, в котором серебра

---

¹⁶⁶ Минаев Д.Д. «Гордись же ты, надменный росс!..» // Русская эпитафия второй половины XVII – начала XX в. Л.: Советский писатель, 1975.

¹⁶⁷ Щегловитов С.Г. Катков и его время. СПб. 1888.

¹⁶⁸ Любимов Н.А. М.Н. Катков и его историческая заслуга. СПб. 1889.

¹⁶⁹ Грингмут В.А. М.Н. Катков как государственный деятель // Русский вестник. 1897. Кн.8.; Он же. Заслуги М.Н. Каткова по просвещению России // Там же.

¹⁷⁰ Воронов Л.Н. Финансово-экономическая деятельность М.Н. Каткова // Русский вестник. - 1897. Кн.8.

¹⁷¹ Татищев С.С. М.Н. Катков в иностранной политике // Русский вестник. 1897. Кн.8.

¹⁷² Сементковский Р.И. М.Н. Катков, его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк. СПб., 1892.

было уж не так-то много, высоко и выгодно для акустики повестить». «У него можно учиться ловкости и чутью, а не идеям, - утверждал Леонтьев. - Ни в печати, ни даже в частных беседах я ни слова нового от него не слышал»¹⁷³. Один из основных идейных преемников Каткова – Л.А. Тихомиров был искренне убежден, что публицист «говорил не для того, чтобы раскрыть объективную истину, а чтобы достигнуть победы в целях данного дня. При таком положении объективно-истинной разработки каких бы то ни было принципов не может и быть»¹⁷⁴.

Лишь в последние два десятилетия Катков начал рассматриваться как вполне самостоятельная фигура в общественно-политической жизни России 1860-1880-х гг., как консервативный мыслитель и один из основоположников теории российской государственности, автор проекта многонационального государства на основе неэтнической государственной власти. Так, В.К. Кантор определяет взгляды М.Н. Каткова как «имперский либерализм», подчеркивая при этом, что даже защищая либеральные принципы, публицист всегда рассматривал их в имперском контексте¹⁷⁵. В трудах А.Э. Котова позиция Каткова и представителей «катковского направления» в русской общественной мысли второй половины XIX в. рассматривается как «бюрократический национализм», как попытка «создать новую, отвечающую требованиям эпохи модерна государственную идеологию, и одновременно как попытка создания транслирующей эту идеологию систему периодической печати»¹⁷⁶. По определению С.М. Саньковой, М.Н. Катковым был выдвинут принцип государственного национализма как объединяющего начала в целях нормального функционирования любого государства, а самодержавие

---

¹⁷³ Русское обозрение. 1897. Кн.3. С.452.

¹⁷⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С.301.

¹⁷⁵ Кантор В.К. Михаил Никифорович Катков: «Основой преобразований должен быть существующий порядок...» // Российский либерализм: идеи и люди. - М., 2007; Он же. О судьбе имперского либерализма в России (М. Н. Катков) // Философские науки. 2007. №2. С.66-91 и др.

¹⁷⁶ Котов А.Э. Русский политический предмодерн. Забытые консерваторы второй половины XIX века. СПб: «Владимир Даль», 2019.

позиционировалось им как стоящий над бюрократической государственной машиной гарант законности¹⁷⁷. Авторитетная исследовательница определяет сущность идеологических воззрений Каткова как сочетание политики «либерального консерватизма» и идеологии «государственного национализма», по которой либерально-консервативные начала ставятся в зависимость от государственных потребностей¹⁷⁸, и указывает на взаимосвязь между усилением интереса к Каткову в современной России и социально-политическими последствиями горбачевской перестройки.

В работах А.А. Ширинянца исследован сформулированный М.Н. Катковым принцип государственной национальности, согласно которому единство государства обеспечивается не только едиными законами, единой системой управления, но и единым государственным языком, при сохранении языка, обычаев, религии, особенностей и т.п. народов, входящих в его состав¹⁷⁹. В.Н. Кудряшев определяет позицию М.Н. Каткова в национальном вопросе как «имперский национализм», справедливо полагая, что основным субъектом национальных процессов в России публицист считал не русскую нацию как особое этно-религиозное единство, а русское государство, целенаправленно формирующее русскую нацию. Утверждаемый Катковым принцип имперской идентичности, по мнению Кудряшева, подразумевал восприятие русской нации как политического единства множества народностей, сохранявших этническую самобытность, но при этом «русская

---

¹⁷⁷ Санькова С.М. Государственный деятель без государственной должности. М.Н.Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект: научная монография. СПб., 2007.

¹⁷⁸ Санькова С.М. Либеральный консерватизм как неотъемлемая составляющая государственного национализма на примере политических воззрений М.Н. Каткова. Режим доступа: [http:// www.conservatism.narod.ru/oktober2/oktober2.html](http://www.conservatism.narod.ru/oktober2/oktober2.html) [дата обращения 20.11.2021]

¹⁷⁹ Ширинянец А.А. М.Н. Катков и М.П. Погодин о национально-политическом единстве и целостности России // Катковский вестник: Религиозно-философские чтения: К 190-летию со дня рождения М.Н. Каткова. М., 2008. С.90-103; Ширинянец А.А. Катков М.Н. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М. 2005; Ширинянец А.А. Катков Михаил Никифорович // Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). - М.: Издательство Московского университета, 2011. С.508-514.

нация должна была оставаться единственной нацией России», а гарантией свободного развития составляющих ее множества этнических элементов могло быть только сильное, сплоченное государство¹⁸⁰.

В данной работе сделана попытка рассмотреть мировоззренческие установки Каткова в контексте его публицистической, журналистской и редакторской деятельности. Уникальность фигуры Каткова, на наш взгляд, состоит в том, что ему с успехом удавалось сочетать публицистическое творчество с многолетней редакторской и издательской практикой – изданием ежемесячного литературного и политического журнала «Русский вестник» и ежедневной общественно-политической газеты «Московские ведомости», которые в сознании аудитории воспринимались как своего рода «государственный департамент», в котором, по собственному выражению журналиста, «не просто отражались дела», но «многие дела делались», а газета «Московские ведомости» не без оснований считалась одним из самых влиятельных печатных органов не только России, но и Европы.

Влияние Каткова на формирование информационной политики его изданий, выработку их основных программных положений, подбор сотрудников и авторов было огромным, если не сказать всеобъемлющим. Он был их душой, мозгом, идеологом. От его идейных установок, профессиональной компетентности, от умения находить новые подходы к формированию и организации работы редакционного коллектива зависела не только четкость заявленного в изданиях направления, но и их востребованность у читателей, степень влияния на аудиторию и, как следствие – их конкурентоспособность и финансовая состоятельность. «Не всякому виден труд редактора... как велика его обязанность и как много может зависеть от него и направление, и форма произведения, - признавался Катков. - Цензор исключает, что находит противным Уставу, - говаривал он, - редактор

---

¹⁸⁰ Кудряшев В.Н. М.Н. Катков в российском имперском дискурсе второй половины XIX в. //Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2012. №4(20). С.40-42.

может больше. Он может действовать положительно на самые источники произведения»¹⁸¹.

Личностные качества Каткова – твердый, независимый и решительный характер, энергичность, невероятное, удивительное трудолюбие и поразительная работоспособность, в высшей степени развитая требовательность и взыскательность к самому себе и к окружающим, бескомпромиссность и неуступчивость, нежелание ничем поступаться в ущерб делу, которому он служил, - как представляется, во многом определяли и позицию его изданий. Его стиль руководства можно, безусловно, охарактеризовать как авторитарный: высокая централизация, доминирование единоначалия и единоличное принятие решений, установка на то, что интересы дела значительно выше личных интересов, требование от авторов и сотрудников соответствия их взглядов с его собственными программными заявлениями.

В объединенной редакции «Русского вестника» и «Московских ведомостей» лишь один человек обладал теми же правами, что и сам Катков – его соредактор и соиздатель П.М. Леонтьев, профессор римской словесности Московского университета, с которым они были единомышленниками во всем, «до последних тайников мысли и сердечных движений»¹⁸², взаимно дополняя и доверяя друг другу во всем до такой степени, что современники с иронией называли их «сиамскими близнецами русского журнализма»¹⁸³. Все, кто был близко знаком с обоими редакторами-издателями «Московских ведомостей», отмечали, что по отношению к Каткову Леонтьев испытывал прямо-таки «изумительную привязанность» и почтение: «Это было какое-то страстное благоговение, какое-то беспредельное доверие. Для него в мире существовал один только Михаил Никифорович и наука, но и науке он, кажется, только потому был предан, что ей сочувствовал Катков и совершенно

---

¹⁸¹ Цит. по: Любимов Н.А. Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга СПб., 1889. С.48.

¹⁸² М.К. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 20.04.1875. №97.

¹⁸³ Боборыкин П.Д. Мои воспоминания. За полвека. М.: Захаров. 2003.

разделял его воззрения», - вспоминала близкая знакомая семьи Катковых Е.А. Драшусова, жена профессора Московского университета и сотрудника «Московских ведомостей» А.Н. Драшусова¹⁸⁴.

На протяжении почти двадцати лет сотрудничества между ними не возникло ни одной серьезной размолвки, не проявилось никаких существенных разногласий - поистине удивительный и едва ли не единственный пример столь длительного творческого, идейного и делового единения и единомыслия в профессиональной журналистской среде второй половины XIX века, когда конфликты в издательской сфере, особенно на финансовой почве, возникали весьма часто. Ум и публицистический талант Каткова, его страстное стремление воздействовать на аудиторию постоянно нуждались в поддержке со стороны практичного, трезвомыслящего и весьма расчетливого Леонтьева, который был, пожалуй, единственным человеком, с которым тот был всегда до конца откровенен и с кем мог делиться любыми своими мыслями и идеями: начиная от замысла очередной статьи и заканчивая мнением о лицах в правительстве. И все же первенство в творческом, деловом и дружеском союзе Каткова и Леонтьева принадлежало первому из них, тогда как второй сознательно уходил в тень, уступая инициативу и идейное руководство своему другу и коллеге.

Фундаментальное гуманитарное образование, полученное Катковым в 1830-е гг. на историко-филологическом факультете Московского университета, участие в философском кружке Н.В. Станкевича, дружба с В.Г. Белинским, который в эти годы отзывался о нем как об одном «из лучших людей, каких только встречал я в жизни»¹⁸⁵, сотрудничество в западнических «Отечественных записках» А.А. Краевского, где он был одним из основных сотрудников, основательное изучение западной философии в Берлинском университете, посещение лекций Ф. Шеллинга, И.К. Ватке и К. Вердера,

---

¹⁸⁴ Драшусова Е.А. Воспоминания // ОРФ ГМИРЛ им. В.И. Даля. Ф. 65. Оп. 1. Ед. хр. 25. С. 153-154.

¹⁸⁵ Белинский В.Г. Письмо И.И. Панаеву от 19 августа 1839г. // Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953-1956. Т.11. С.372.

знакомство с европейским искусством и литературой – все эти факторы, несомненно, оказали существенное влияние на формирование мировоззрения журналиста, в котором одно из центральных мест заняли вопросы правильного воспитания и просвещения. Как и многие представители поколения 1840-х гг., Катков рассматривал просвещение как важнейшее средство развития общества, способное противостоять царящему в нем невежеству, злу и насилию, а также готовить человека к самостоятельному решению всех жизненных вопросов, в том числе и о путях освобождения и развития личности¹⁸⁶. «В особенности сильно высказывалось влияние на него немецкой философии (Гегеля), - вспоминал впоследствии А.Д. Галахов. - Каждое суждение его выражает нечто новое, открывает какую-либо сторону предмета, на который прежде или вовсе не обращали внимания, или обходили ее общими фразами. Нападки на ум, <...> осуждения современного века за его будто бы материальное направление, все то, что называлось мракобесием или обскурантизмом, встретили в юном критике мужественный отпор, заслуженное бичевание»¹⁸⁷.

Эта приверженность к европейской культуре и науке, к идеалистической немецкой философии, античному культурному наследию станет одной из базовых установок Каткова – публициста и журналиста, на основе которой в дальнейшем формировались его политические предпочтения и взгляды на государственное устройство.

С другой стороны, по мнению современных исследователей, пребывание за границей и основательное изучение философии привели Каткова к осознанию, «насколько современная ему российская публицистика

---

¹⁸⁶ Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. 343 с.: Левандовский А.А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М.: Молодая гвардия, 1990. 302 с.

¹⁸⁷ Галахов А.Д. А. Галахов. Воспоминания о журнальном сотрудничестве М.Н. Каткова в 1839 и 1840 годах // Исторический вестник. 1888. №1. С.107.

поверхностна в суждениях по сравнению с научным анализом»¹⁸⁸, и заставило сосредоточиться исключительно на научных изысканиях. Как можно предположить, свою роль в формировании научного склада мышления сыграл и немецкий язык, которым Катков овладел за границей в совершенстве и жесткая грамматическая структура которого способствовала строгому порядку и предельной собранности в мыслях. Защита в 1845 г. диссертации «Элементы и формы славянорусского языка» и получение степени магистра русской словесности позволили молодому ученому занять место адъюнкта кафедры философии Московского университета и приступить к чтению лекций по истории и логике.

Представление о взглядах Каткова ученого в эти годы дают его «Очерки древнейшего периода греческой философии», опубликованные в сборнике статей по классической древности «ПроPILEИ»¹⁸⁹ под редакцией П.М. Леонтьева. Несмотря на то, что они представляют собой ученое философское сочинение, в них отразились политические и социальные убеждения автора, его представления о государстве как социальном институте. На примерах из античной истории он утверждал мысль о необходимости постепенной, вдумчивой подготовки народа к восприятию и пониманию новых идей путем широкого просвещения. Эти идеи, по мысли Каткова, должны были исходить от государства. Не противостояние народа и государства, а сплочение, консолидация народа вокруг государства – вот что, с точки зрения автора «Очерков», служило гарантией и залогом стабильного и прогрессивного развития. Эта мысль, ее обоснование и развитие, в дальнейшем станет одной из опорных точек в его публицистике.

Однако, несмотря на фундаментальные занятия наукой, попытки Каткова сочетать гегелевские идеи с «философией откровения» Шеллинга не

---

¹⁸⁸ Санькова С.М. Обучение М.Н. Каткова в Берлинском университете как переломный момент в становлении его мировоззрения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2008. №12. С.25.

¹⁸⁹ Катков М.Н. Очерки древнейшего периода греческой философии // ПроPILEИ. Сб. ст. по классической древности Т.1. Ч.1 / П. Леонтьев (ред.). М., 1851. С.305-359.

получили четкой определенности и завершенности. Косвенным подтверждением этому могут служить воспоминания некоторых его бывших студентов, в которых читаемые им лекции характеризуются как «абстрактные» и «отвлеченные». По отзывам его слушателей, «ни один профессор не оставил в университете так мало следов своими лекциями, как он», а занятия его производили впечатление «тяжелого, бесполезного бремени, и запутанное отвлеченное изложение их не возбуждало ни малейшего интереса»¹⁹⁰. «Другие имели блестящий успех, а он был в тени, о нем не говорили или отзывались неблагоприятно», - вспоминал позже С.М. Соловьев¹⁹¹.

Первые программные заявления были сделаны Катковым не с высоты университетской кафедры, а со страниц университетской газеты «Московские ведомости», редактором которой – неожиданно для самого себя – он стал весной 1851 г. Закрытие по инициативе министра народного просвещения князя П.А. Ширинского-Шихматова кафедр философии в университетах лишило его возможности заниматься преподаванием, но непредвиденная курьезная отставка тогдашнего редактора «Московских ведомостей» Владимира Хлопова – сделала его редактором единственной на тот момент московской газеты.

Уже с первых шагов в должности редактора Катков сделал акцент на русские национальные начала, которые должны были лежать, по его мнению, в основе любой деятельности. Как справедливо отметила И.К. Кременская, именно тогда Россия и все русское было объявлено им «идеологическим стержнем газеты»¹⁹². В «Объявлении о подписке на 1852 год», авторство которого однозначно принадлежало Каткову, указывалось, что «прежде всего “Московские ведомости” должны иметь своей целью обличать и знакомить Русского со всем Русским. Все, что представит замечательного, в каком-либо

---

¹⁹⁰ Манн К.А. Воспоминания // Исторический вестник. 1917. Кн.2 С.328.

¹⁹¹ Соловьев С.М. Записки // Соловьев С.М. Избранные труды. М. 1983. С.316-317.

¹⁹² Кременская И.К. «Московские ведомости» 1850-х гг.- редакторский дебют М.Н. Каткова // Из века в век. Из истории русской журналистики. 1702-2002. М., 2002. С.80.

отношении, огромное пространство нашего Отечества, - должно в них находить живой и сочувственный отголосок: Русская святыня, Русская природа, различные стороны быта, остатки и предания древности, плодотворные начинания, важнейшие явления в области наук и искусства, интересные случаи жизни. Сознавая, как много еще требуется условий для достижения этой цели, Редакция тем с большей ревностью будет к ней стремиться»¹⁹³.

Нельзя не отметить масштабность и размах поставленной Катковым в «Объявлении» задачи: главным предметом внимания «Московских ведомостей» он объявил не только русскую старину, «остатки и предания древности», но и современные процессы: «плодотворные начинания, важнейшие явления в области наук и искусства, интересные случаи жизни», предполагая, таким образом, сочетать в газете интерес к историческому прошлому России с освещением ее будущности и дальнейших перспектив развития.

Это весьма амбициозное заявление начинающего редактора можно рассматривать как попытку предложить аудитории общенациональную идею, в основу которой уже тогда им были заложены понятия «патриотизм» и «национальная идентичность», а свою газету он позиционировал как некий центр объединения всех, кто готов эту идею поддержать. Одновременно Катков – сторонник широкого просвещения - отнюдь не собирался отказываться от установок на общеевропейскую культуру и традиции. В том же «Объявлении об издании на 1852 год» он заверил читателей, что под его редакцией газета не будет «забывать и другой своей обязанности: знакомить читателя со всеми замечательными явлениями остального мира», и обещал публиковать в газете «полнейшие обзоры иностранных литератур» и «распространять свою заграничную корреспонденцию»¹⁹⁴.

---

¹⁹³ Катков М.Н. О подписке на «Московские ведомости» 1852 года // МВ. 1851. №128.

¹⁹⁴ Катков М.Н. О подписке на «Московские ведомости» 1852 года // МВ. 1851. №128.

Следует учитывать, что, как руководитель газеты, Катков был весьма ограничен и в правах, и в финансовых средствах: он не имел возможности самостоятельно вводить любые, даже самые ничтожные изменения, касающиеся содержания, оформления и издания «Московских ведомостей», не испросив на то разрешения Правления университета, и, кроме того, не распоряжался финансами газеты, все доходы которой поступали в университетскую кассу, а редакции на все издержки выдавалась строго фиксированная сумма в три тысячи рублей серебром¹⁹⁵. Кроме того, период редактирования Катковым «Московских ведомостей» совпал с «мрачным семилетием» - последними годами правления Николая I, временем строжайших цензурных запретов и сурового «контроля за умами». Деятельность Комитета 2 апреля 1848 г. до крайности сузила диапазон информации, дозволенной к публикации, действия цензуры были зачастую непредсказуемыми, что также не могло благоприятствовать самостоятельности Каткова как редактора. До 1852 г. «Московские ведомости» находились вне надзора общей цензуры и издавались «под собственной ответственностью редактора»¹⁹⁶, но с января 1852 г. они были подчинены общей цензуре. Газета подвергалась суровому контролю со стороны министра народного просвещения князя П.А. Ширинского-Шихматов., и даже статьи на научную тематику вызывали подозрение. Как признавался впоследствии помощник Каткова по редакции В.Ф. Корш, «несмотря на все усилия Каткова и мои, “Московские ведомости”, даже литературная часть их, считаются изданием официальным, не допускающим никаких личных намеков»¹⁹⁷. Приходилось внимательно анализировать все поступающие материалы, обращая строгое внимание не только на общее направление статьи, но и на все подробности ее изложения, и тщательно

---

¹⁹⁵ Катков М. Об издании «Московских ведомостей» в 1863 г. // МВ. 25.10.1862. №232.

¹⁹⁶ Прошение Совета Московского университета попечителю Московского учебного округа об отмене предварительной цензуры для «Московских ведомостей». 1865 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.55. Ед.хр.20.

¹⁹⁷ Корш В.Ф. Письмо М.П. Погодину (1856) // ОР РГБ. Ф.231/2. К.16. Ед.хр.68.

взвешивать «все возражения, которые могут подать хотя бы и отдаленный повод к недоразумениям и ложным толкованиям, считая первым долгом своим устранять все подобное»¹⁹⁸.

Тем не менее содержание «Московских ведомостей» в 1851-1855 гг. подтверждает, что Каткову с успехом удавалось реализовывать идею, заявленную в «Объявлении» 1852 г. На протяжении всех четырех лет мысль о необходимости формирования единого национального самосознания и воспитания уважения к России как к своему Отечеству оставалась одной из ведущих в газете. Созданный по его инициативе «Литературный отдел» включал материалы просветительского характера, посвященные как науке, культуре, истории зарубежных стран, так и жизни Москвы, Петербурга и российских регионов. Приоритет отдавался истории России, которая активно популяризировалась как один «из важнейших предметов нашего воспитания, в котором общечеловеческие начала европейского образования должны находиться в гармонической связи с народными началами, истекающими из потребностей русской жизни и русского духа»¹⁹⁹. В газете помещалось большое количество научных статей о значимых событиях российской истории, биографии выдающихся деятелей прошлого и т.п.

Особенно заметно установка на русские национальные начала проявилась в период Крымской войны 1853-1856 гг., тем более что почти весь период пребывания Каткова на посту редактора совпал с подготовкой и ведением военных действий. Сообщения с театра войны, рассказы о подвигах моряков в Севастополе, сведения о награждениях, распоряжения морского ведомства о раненых и семействах убитых морских чинов черноморского флота, объявления о пожертвованиях в пользу семей раненых и убитых воинов, письма из губерний о воодушевлении, каким сопровождалась рекрутские наборы в российской глубинке, патриотические стихотворения

---

¹⁹⁸ Материалы для жизнеописания М.Н. Каткова // РВ. 1897. Кн.7-8. С.175.

¹⁹⁹ О преподавании отечественной истории в гимназиях. Речь, читанная на публичном акте Московской первой гимназии преподавателем курсов магистром П. Медовиковым // МВ. 7.01.1854. №3.

Н.П. Огарева, Ф.Б. Миллера, М.А. Стаховича, П.А. Вяземского, К.С. Аксакова и др., солдатские песни и стихи, присланные в редакцию авторами «из простого звания» и т.п. – все эти публикации свидетельствуют о том значении, которое придавалось Катковым «русской идее» и понятию «патриотизм». Несмотря на трагический для России финал войны, на страницах газеты демонстрировались лучшие качества русского народа, органично присущее русскому человеку чувство долга и любви к Отечеству.

Либерализация правительственного курса, наметившаяся с началом царствования Александра II, позволила Каткову с 1856 г. приступить к изданию учено-литературного и политического журнала «Русский вестник». Он стал первым журналистом, получившим разрешение на публикацию в своем журнале статей политического содержания, после почти сорока лет действовавшего запрета на политическую информацию в печати. На страницах журнала Катков предполагал реализовывать свою идею «пробуждения в умах положительной силы», как указывалось в его «Записке», адресованной на имя министра народного просвещения А.С. Норова. Текст этой «Записки» весьма показателен и свидетельствует не только об обширных планах журналиста, но также о его политических предпочтениях и о профессиональном кредо. Обращаясь к министру, Катков подчеркивал просветительский характер будущего журнала и русские национальные начала, которые предполагал положить в основание его программы. Содействие просвещению и прояснение «русского взгляда на вещи», «чтобы русский ум так же сверг с себя иго чуждой мысли, как уже сверг с себя иго чуждого слова. Чтобы наша литература, созревая и обогащаясь, могла доставлять удовлетворение всем умственным потребностям русского человека», - задачи, которые поставил Катков в своем журнале²⁰⁰. Обращает на себя внимание, что в качестве идейной основы журнала он вновь, как и в

---

²⁰⁰ Катков М.Н. Записка к А.С. Норову // Цит. по: Любимов Н.А. Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1889. С.47-48.

«Московских ведомостях», выдвинул понятие «Русский». Его значение не конкретизируется, но можно предположить, что публицист понимал его крайне широко, не только как принадлежность к русской национальности, но – и в первую очередь – как принадлежность к русскому государству. Косвенным подтверждением этому служит его заявление, что направление журнала будет в первую очередь патриотическим, а основной темой – «патриотические чувствования и мысли»: «В настоящих обстоятельствах, напоминающих великую эпоху двенадцатого года, мы не имеем ни одного издания вроде «Вестника Европы» и «Сына Отечества», с которыми связано столько патриотических воспоминаний, – обосновывал Катков программу издания в записке. – Было бы желательно, чтобы благородное одушевление, ныне господствующее в нашем обществе, нашло особый орган и в литературе»²⁰¹. Эта же мысль подчеркивалась в самом названии журнала – «Русский вестник» (в первоначальном варианте – «Русский летописец»), хотя, с другой стороны, это можно рассматривать как дань традиции (достаточно вспомнить «Вестник Европы» Н.М. Карамзина, «Русский вестник» С.Ф. Глинки, «Московский вестник» М.П. Погодина, «Финский вестник» и др.).

Показательно, что в «Объявлении об издании “Русского вестника”» Катков избегал от каких-либо энергичных программных заявлений, подобных тем, какие прозвучали несколькими годами ранее в «Объявлении о подписке» на «Московские ведомости», и ограничился весьма обтекаемыми формулировками, что журнал будет «деятелем усердным и честным, с твердыми и истыми убеждениями, с полною верою в важность своего назначения, как общественный орган мысли и слова»²⁰². Он обещал читателям, что издание станет «связующим посредником между наукою и обществом», подчеркнув при этом «практическую ориентированность» публикаций,

---

²⁰¹ Катков М.Н. Докладная записка министру народного просвещения А.С. Норову // Русская старина. 1897. Кн.12. С.572-573.

²⁰² Объявление об издании «Русского вестника» на 1856 год // МВ. 15.11.1855. №137.

которые, по его словам, будут иметь «своим назначением практическую пользу на все потребности времени»²⁰³.

Заявление Каткова, что «Русский вестник», «чуждаясь всякой исключительности и односторонности, будет верен твердым и добрым началам», станет «способствовать к утверждению у нас самостоятельного образа мыслей, к возбуждению живой производительности, к возвышению умственных требований» было воспринято некоторыми современниками как свидетельство отсутствия у редактора ясных представлений о направлении и программе издания, как признак нечеткости, неопределенности его политических убеждений, однако это было далеко не так.

Подъем общественного движения в России в первые годы царствования Александра II способствовал сближению и объединению людей, чьи взгляды на пути и методы общественного переустройства страны во многом не совпадали, когда представители самых разных политических взглядов старались искать друг у друга точки соприкосновения, а не расхождения, когда каждое «либеральное» слово «казалось словом единомышленника», каждый новый шаг правительства на пути преобразований встречался с единодушием и оптимизмом. «Хоть и разных приходов, а все свои. Теперь такое время, что даже за несколько выходящих из ряда мыслей и даже фраз, внушенных любовью к добру и высказанных смело, можно сказать спасибо,» - так характеризовал настроение эпохи К.Д. Кавелин²⁰⁴. Привлекая к сотрудничеству своих университетских товарищей (к примеру, с К.С. Аксаковым они были знакомы по кружку Н.В. Станкевича, с А.Н. Поповым - по учебе в Московском университете и по слушанию лекций Гегеля в Берлине), Катков, весьма вероятно, искренне надеялся на взаимное понимание и был уверен, что стремление к переменам окажется сильнее прошлых разногласий.

---

²⁰³ Объявление об издании «Русского вестника» на 1856 год // МВ. 15.11.1855. №137.

²⁰⁴ Цит. по: Соловьев Е. Очерки по истории русской литературы. СПб., 1902. С.263.

С другой стороны, желание Каткова найти общий язык с представителями других идейных течений можно рассматривать как своего рода попытку реализовать задуманную им «положительную программу», согласно которой «общее стремление» должно стать «выше частных разногласий»²⁰⁵. Журнал позиционировался им как орган широкого просвещения читателей, инструмент формирования у аудитории прогрессивного мировоззрения, как фактор преобразований в различных областях жизни, а потому свою редакторскую деятельность он поначалу пытался выстроить на основе терпимости и взаимных уступок и соглашений, чтобы «всякая мысль, всякое направление, добросовестное и согретое тою же терпимостью, чуждое враждебности и исключительности», могли «ожидать радушного приема», чтобы содержание публикаций отличалось в первую очередь «характером более положительным, нежели полемическим»²⁰⁶.

Эту мысль Катков повторил в «Объявлении об издании “Русского вестника” на 1857 год», заявив, что его журнал «как был, так и будет чужд всякой преднамеренности и исключительности, и, может быть, тем самым он лучше и вернее оправдает свое название *Русский*, нежели пустою игрой в знамена, цвета и партии, для образования которых ни литература наша, ни общество не представляют существенных элементов»²⁰⁷. Опять-таки обращает на себя внимание подчеркивание понятия «русский», причем в самом широком значении этого слова - как осознание своей гражданской идентичности, что, по мнению публициста, с гораздо большим успехом способствовало бы объединению сторонников прогресса, нежели любые «знамена» или «партии», в которых он впоследствии будет видеть лишь деструктивное, разъединяющее начало.

---

²⁰⁵ Катков М.Н. Письмо М.П. Погодину от 30 декабря 1853г. // ОР ГРБ. Ф. Погодина/П. К. 15. Ед.3/1.

²⁰⁶ Катков М.Н. Письмо М.П. Погодину от 30 декабря 1853г. // ОР ГРБ. Ф. Погодина/П. К.15. Ед.3/1.

²⁰⁷ Объявление об издании «Русского вестника» на 1857г. // МВ. 17.11.1856. №138.

Общественно-политическая программа журнала в годы подготовки реформ содержала следующие пункты: отмена крепостного права, введение самоуправления для господствующих классов; ликвидация полицейского режима, отмена телесных наказаний; отмена паспортной системы; гласность; ослабление цензуры. Как отмечают исследователи, начиная со второй половины 1856 года и в течение 1857 года общественно-политическая программа русских либералов нашла в журнале Каткова наиболее полное, яркое выражение²⁰⁸. «Русский вестник» не только указывал на недостатки современного правопорядка России, но и одним из первых предложил четкую программу общественно-политических преобразований, ставшую идейной основой, на которой формировалось либеральное движение в годы первой революционной ситуации²⁰⁹. Направление журнала как органа умеренно-либерально настроенной интеллигенции отвечало настроениям большей части общества в предреформенный период и обеспечивало изданию популярность и значительное влияние на читающую публику.

О политических взглядах самого Каткова в первые годы издания «Русского вестника» дает представление его конфликт с одним из постоянных авторов журнала Б.Н. Чичериным в связи с рецензией последнего на книгу А. Токвиля «Старый порядок и революция», в которой анализировались причины перехода от реформаторского пути к революционному. Будучи сторонником сильной государственной власти, Чичерин в своих многочисленных публикациях в «Русском вестнике» отстаивал идею французского централизма, т.е. сильной централизованной государственной власти по образцу французской монархии. Его не могла не привлечь книга французского публициста, в которой тот на примере истории Франции XVIII века демонстрировал, что, с одной стороны, реформаторские начинания

---

²⁰⁸ Розенталь В.Н. Общественно-политическая программа русского либерализма в середине 50-х гг. XIX века (по материалам «Русского вестника» за 1856-1857гг.) // Исторические записки. АН СССР, 1961. Т.70.

²⁰⁹ Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати. 60-70-е гг. XIX века. - Л., 1989. С.4.

правительства формируют в общественном сознании ценности изменений в противовес святости традиций и, таким образом, показывают пример «презрительного отношения к наиболее древним и с виду наиболее прочным институтам»²¹⁰, а с другой стороны, мыслящее интеллектуальное общество способно возглавить общественное мнение и возбудить в народе революционные устремления. Критика Токвиля была обращена в том числе на крайнюю политическую централизацию государственного устройства предреволюционной Франции, следствием которой, по его мнению, явилась ситуация, когда образованная интеллектуальная элита стала играть решающую роль в формировании общественных мнений.

Осмысление истории предреволюционной Франции в контексте общественных дискуссий в находящейся на пороге реформ России приобретало особый смысл. Сторонник государственной централизации, Чичерин увидел в книге Токвиля недооценку исторического значения абсолютизма, упрекал французского публициста в том, что тот пытается «вносить в историю современные взгляды». Катков решительно заявил о своем несогласии с Чичериным и отказался печатать его статью на основании того, что основные ее положения «существенно противоречат убеждениям редакции» и «что для него это - дело убеждения»²¹¹. В адресованном публицисту письме Катков детально обосновал свой отказ, приложив для убедительности изложение этих взглядов - на двенадцати листах большого формата. Даже в пересказе Чичерина, человека весьма пристрастного, это изложение дает достаточно ясное представление о воззрениях Каткова в 1850-е гг. на государство и его роль в жизни общества. В отличие от Чичерина, он высоко оценил принцип свободы, положенный Токвилем в основание своей книги, полагая, что именно этому принципу «принадлежит будущее», и «вся история лишь служит постепенным осуществлением» его²¹². В государстве

---

²¹⁰ Токвиль А. Старый порядок и революция. Пер. с фр. М. Федоровой. М., 1997. С.149-150.

²¹¹ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М.: Изд-во Московского университета, 1997. С.241-246.

²¹² Чичерин Б.Н. Воспоминания... С.242.

Катков в этот момент видел «мирного друга свободы и порядка»²¹³, а задачи централизации определял в установлении в стране государственного единства. «Истинное назначение централизации, - убеждал он Чичерина, - собрать воедино, под замок и печать, всю фактическую, внешнюю, принудительную силу. <...> Как скоро дело централизации подходит к концу, так требуется возможно полное освобождение человеческой жизни от государственной опеки»²¹⁴. Будучи в указанный период сторонником уменьшения государственного вмешательства в жизнь общества и выступая за создание сильной власти крупных землевладельцев на местах, Катков высоко ставил разделение государственной власти на три отрасли: законодательную, исполнительную и судебную, видя в этом своего рода признак «благоустроенного государства». По его мысли, законодательная власть должна была служить «непосредственным органом общественной инициативы, прямым удовлетворением наличных потребностей, прямым выражением опыта жизни, современного духа, а не теорий представителя народного единства, как бы он не назывался»²¹⁵. Судебной власти, по его мнению, должна быть предоставлена полная свобода и независимость от администрации, т.к. только таким образом может быть обеспечено равенство всех граждан перед законом. Точно так же здесь он обосновал необходимость предоставления полнейшей свободы церкви, ликвидации ее административных, полицейских функций, поставил вопрос об отказе от насилия и давления, в том числе со стороны административного государственного аппарата и т.п. Изложение теоретических взглядов постепенно перерастало в страстную публицистическую проповедь и заканчивалось не без сарказма картиной государства «совершеннейшей централизации, где все чиновники и солдаты, начиная от будочника и ямщика и далее вверх»²¹⁶. Таким образом, Катков в полемике с Чичериным настаивал

---

²¹³ Чичерин Б.Н. Воспоминания... С.245.

²¹⁴ Чичерин Б.Н. Воспоминания... С.243.

²¹⁵ Чичерин Б.Н. Воспоминания...С.244.

²¹⁶ Чичерин Б.Н. Воспоминания... С.245.

на сокращении государственного вмешательства в общественную жизнь, минимизации государственной опеки во всех сферах, включая сферу исполнительной и судебной власти. Эти разногласия носили принципиальный характер, вследствие чего Чичерин покинул редакцию «Русского вестника», заявив, что «Катков не в состоянии давать философское и литературное направление журналу» вследствие своего весьма скудного исторического образования, отсутствия юридического, а «политическое ограничивалось верхушками из газет»²¹⁷.

Данное мнение Чичерина отличается предвзятостью и явно несправедливо. У Каткова к этому времени сложились весьма ясные взгляды на государственное устройство, этим во многом и объясняется его настойчивое стремление, чтобы курс «Русского вестника» соответствовал его собственным убеждениям. Французской «демократии» с ее радикализмом, революциями, постоянными сменами власти и т.п. он противопоставлял стабильность и устойчивость английской государственной системы, в которой видел лучший образец для подражания. Однако, рассматривая английскую практику как поучительный пример для России, он исключал ее прямое и механическое копирование, допуская возможность использования лишь ее отдельных элементов. Так, он считал абсолютно невозможным перенесение на российскую почву британской парламентской модели, ее адаптацию к российской политической действительности. Точно так же публицист исключал возможность введения в России политических свобод для низших сословий, где для них, как он полагал, отсутствуют исторические предпосылки. По его мнению, первым шагом должно стать установление строгой законности и гражданской ответственности как необходимых условий свободы общественных отношений и самоуправления, но исключительно в рамках самодержавной власти - единственно приемлемой для России формы государственного устройства. Общественный прогресс понимался им как

---

²¹⁷ Чичерин Б.Н. Воспоминания... С.157.

«улучшение существующего», т.е. устранение недостатков при сохранении всего позитивного, жизнеспособного, «всего того, что удовлетворительно», а реформы, в свою очередь - как придание «естественно сложившемуся» порядку новых качеств и свойств, но отнюдь не как радикальная трансформация и замена устаревших форм на принципиально новые.

Таким образом, общественно-политические взгляды московского журналиста изначально включали основополагающие положения консерватизма, что в первую очередь находило отражение в его представлениях о движущих силах преобразований. Их инициатива, по его мнению, должна была исходить от самой власти в лице самодержавного монарха. Именно верховная власть, утверждал Катков, должна стать главной силой реформ, а залогом ее устойчивости, гарантией целостности империи будет крепкий союз монархии с крупным землевладением. «Истинно прогрессивное направление должно быть, в сущности, консервативным, если только оно понимает свое назначение и действительно стремится к своей цели. Чем глубже преобразование, чем решительнее движение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых оно основано и без которых прогресс обратится в воздушную игру теней. Все, что будет клониться к искоренению какого-нибудь существенного элемента жизни, должно быть противно прогрессивному направлению. <...> ...всякое преобразование, всякое усовершенствование может происходить только на основании существующего с сохранением всех его сил, всех его значительных элементов»²¹⁸, - это заявление, сделанное Катковым еще в 1862 году в статье «К какой мы принадлежим партии», определяло его направление его деятельности и программу его изданий в последующие десятилетия.

В 1863 г. в результате торгов, длившихся более месяца²¹⁹, Катков получил в долгосрочную аренду газету «Московские ведомости», которая с

---

²¹⁸ Б.п. <Катков М.Н.> К какой мы принадлежим партии? // Русский вестник. 1862. Кн.2. С.832-844.

²¹⁹ Перевалова Е.В. М.Н. Катков и П.М. Леонтьев – арендаторы «Московских ведомостей» // Журналист. Социальные коммуникации. М., 2014. №3. С.115-130.

этого момента, оставаясь собственностью Московского университета, перешла в его полное распоряжение. Его соредактором и соиздателем по-прежнему оставался П.М. Леонтьев. В объявлении «Об издании “Московских ведомостей” в 1863 году» журналист заявлял, что назначение газеты - «верно и добросовестно служить общественному мнению, доставляя ему все нужные сведения, возбуждая его энергию и способствуя правильности его суждений»²²⁰. Показательно, но при этом он отказался от уточнения каких-либо программных установок, ограничившись замечанием, что «образ мыслей и деятельность “Русского вестника” знакомы публике», а потому его издатели «поставлены вне необходимости рекомендовать себя»²²¹, констатируя тем самым преемственность и взаимодополняемость программ газеты и журнала.

С момента, когда одновременно с выпуском ежемесячного «Русского вестника» Катков стал также и издателем-редактором ежедневных «Московских ведомостей», у каждого из этих изданий появились свои функции в продвижении заявленных их идейным лидером программных положений. Роль журнала, до того момента бывшего для Каткова единственной публичной трибуной, значительно изменилась, одна из традиционно присущих отечественному ежемесячнику функций - функция политической газеты – перешла к ежедневным «Московским ведомостям», которые давали журналисту несоизмеримо больше возможностей.

В результате перераспределения функций между газетой и журналом сложился, как представляется, следующий порядок. Передовые статьи «Московских ведомостей» предлагали читателям анализ и оценку текущих событий с точки зрения определенной идеологической позиции и носили не столько аналитический, сколько пропагандистский характер. Совокупность всех других материалов газеты – хроника и текущая информация, корреспонденции с мест, письма читателей, очерки - представляла собой и

---

²²⁰ Б.п. <Катков М.Н.> Об издании «Московских ведомостей» в 1863 г. // МВ. 25.10.1862. №232.

²²¹ Там же.

оперативный отклик, и иллюстрацию к передовым статьям, и доказательства излагаемых в них идей. В свою очередь публикации «Русского вестника», ориентированные на высоко образованных читателей, давали аргументированный, развернутый, глубокий и всесторонний анализ заявленных в ежедневной газете актуальных проблем, иллюстрировали освещаемые в газете факты художественными и историко-документальными и публицистическими текстами, дополняли их рассуждениями, содержащимися в литературно-критических и научных статьях и т.п. Если воспользоваться образным определением В.В. Розанова, который сравнивал передовые статьи Каткова в «Московских ведомостях» с ударами пушек²²², то, продолжая эту аналогию, материалы «Русского вестника» можно сопоставить с ударами дальнобойной артиллерии: не столь стремительные, оперативные, прямолинейные и впечатляющие, как попадания полевой артиллерии, но зато убедительные, весомые и разрушительные.

При этом вектор выступлений «Русского вестника» корректировался в соответствии с выступлениями «Московских ведомостей» и с идеями, задаваемыми их передовыми статьями, но если в газете эти идеи излагались прямолинейно и решительно, то журналу были присущи более тонкие приемы воздействия на аудиторию. Все публикации «Русского вестника» и «Московских ведомостей» были объединены общностью идейных установок, и их совокупность являлась, таким образом, важным источником формирования, структурирования и трансляции общественного мнения.

Единая позиция газеты и журнала, сохранявшиеся между ними на протяжении многих лет «единодушие» и «единомыслие», тщательно регулируемые Катковым, способствовали усилению их воздействия на аудиторию, в результате которого «Московские ведомости» и «Русский вестник» не только информировали, освещали и анализировали текущую ситуацию, но и формировали определенное и устойчивое общественное

---

²²² Розанов В.В. Суворин и Катков // Новое время. 1997. Кн.7. С.36-38.

мнение, моделировали как поведенческую реакцию простых читателей, так и управленческие действия представителей власти, тем самым активно влияя на политическую ситуацию.

Большую часть творческого наследия Каткова в период издания им «Московских ведомостей» представляет написанная «на злобу дня» публицистика, в область которой, по определению, входят насущные вопросы текущей политической и общественной жизни, а главной задачей является обсуждение и оценка актуальных событий с целью воздействия на общественное мнение. К его передовым статьям в полной мере может быть применено ставшее классическим определение литературоведа И. Дедкова, который называл публицистику высшим родом журналистики, которая «всегда исполнена полемики, спора, борьбы за новые идеи. С его <публициста> творчеством несовместимы робость и трафаретность мысли, иллюстративность и несамостоятельность взгляда»²²³. В России, где публицистика была едва ли не главным проявлением частной общественно-политической инициативы, передовые статьи Каткова, печатавшиеся из номера в номер на протяжении двадцати пяти лет, служили своего рода катализатором общественной и правительственной активности. Их постоянными читателями были не только непосредственные подписчики «Московских ведомостей», но и императоры Александр II, Александр III и их ближайшее окружение, в т.ч. члены правительства, министры А.В. Головин, П.А. Валуев, А.Е. Тимашев, Д.А. Толстой, вице-канцлер А.М. Горчаков, начальник Третьего отделения П.А. Шувалов и др., причем многие из вышеперечисленных лиц пытались заручиться поддержкой московского публициста, найти в нем и в его газете мощного и влиятельного союзника.

Объем и тематика публицистики Каткова в «Московских ведомостях» поистине огромны: предпринятое наследниками после смерти публициста издание передовых статей, написанных им или при его непосредственном

---

²²³ Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т.6. С.73.

участии с 1863 по 1887 гг., составило 25 больших томов, общий объем которых превышал 18 тысяч листов. Их тематический диапазон чрезвычайно широк: взаимоотношения России со странами Западной Европы, Ближнего Востока, Америкой; реформирование системы образования; Кавказский транзит, строительство железных дорог, проблемы высшего женского образования, политические процессы, нигилизм, революционные движения на западе, рабочий вопрос, судебная реформа, хлебная торговля, покровительственная система в экономике, национальная политика России на окраинах империи, земская реформа и реформа городского управления, развитие отечественного театра и открытие консерватории в Москве, сооружение Суэцкого канала, строительство морского порта в Феодосии, положение русскоязычного православного населения на Аляске, семейные разделы в крестьянских семьях и т.д. Можно сказать, что они являли собой своеобразную хронику общественно-политической, экономической и культурной жизни страны 1860-1880-х гг. Их характерной чертой была ярко выраженная полемичность, носившая всегда наступательный, даже агрессивный характер, страстность, непререкаемость тона, резкость по отношению к противнику, который, как не без оснований отмечали современники, казался публицисту «достойным не только критики, но и поругания»²²⁴. За эмоциональную воодушевленность и полемическую заостренность читатели сравнивали публицистические выступления Каткова с речами Демосфена²²⁵, Цицерона²²⁶ и воззваниями Козьмы Минина²²⁷.

Журналист отмежевывался от причастности к какому-либо политическому лагерю и демонстративно отказывался связывать свою позицию с интересами какой-либо группировки в правительстве, категорически протестуя, когда его издания называли органом какой-либо

---

²²⁴ Пассек Т.П. Из дальних лет. - Спб., 1889. Т.3. С.341.

²²⁵ Розанов В.В. Мимолетное. М., 1994. С. 293.

²²⁶ Глинка Ф.Н. Письмо И.И. Лажечникову. Б.д. // ОР РГБ. Ф.120. К.42. Л.16.

²²⁷ Взметнев П.А. Михаилу Никифоровичу Каткову. 1 января 1866 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.42. Л.41-42.

«партии». Его профессиональное кредо достаточно точно, на наш взгляд, характеризует цитата из его передовой статьи: «Мы не знаем и не хотим знать никаких партий в правительстве; мы никогда не находились и не находимся ни в каких обязательных отношениях к тому или другому из правительственных лиц. Мы сочувствуем или не сочувствуем тому, чему велит нам сочувствовать или не сочувствовать наша совесть. Мы не имеем никаких предубеждений или пристрастий, ... готовы сочувствовать и способствовать во всем добром на пользу России, не разбирая, какого оно цвета, консервативного, либерального или радикального»²²⁸.

Понятия «либеральное» и «консервативное направление» казались Каткову надуманными и оторванными от реальной практики, и все рассуждения своих оппонентов о консерватизме, либерализме и т.п. он рассматривал всего лишь как «фразеологию», как рассуждения об «отвлеченных принципах», как «сугубо простые прозвища в нашем Отечестве!»²²⁹ «Вопрос отнюдь не в том, либералы мы или консерваторы, - заявлял публицист, - весь вопрос в том, хорошо ли мы служим, полезна ли принимаемая или предлагаемая нами мера делу нашего служения, а не в том, либерального ли она пошиба или консервативного»²³⁰, и делал вывод, что России «не нужны ни консервативные, ни либеральные меры; нужны только полезные меры»²³¹, т.е. такие, которые требуются «пользой страны»²³² и соответствуют ее «действительным потребностям ... в данное время»²³³.

Такой подход - действовать в соответствии с потребностями и интересами страны в конкретной исторической ситуации - Катков называл логикой «здравого смысла» и считал его наиболее правильным и разумным. Он не раз заявлял о невозможности оставаться всю жизнь на одной точке

---

²²⁸ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 23.01.1869. №18.

²²⁹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 7.03.1880. №66.

²³⁰ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 21.11.1879. №297.

²³¹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 17.02.1880. №47.

²³² Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 4.04.1880. №94.

²³³ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 21.11.1879. №297.

зрения, что «надо плыть по волнам жизни, а не бесцельно бороться с ними, так как часто то, что кажется в молодости “святыней”, представляется потом только “красивыми словами”, суровая действительность требует жертв и отречений от несбыточных утопий...»²³⁴. Этот эпизод из записок сотрудника «Московских ведомостей» С.И. Уманца подтверждается и другими мемуарными источниками. Так, историк К.Н. Бестужев-Рюмин вспоминал, что однажды в беседе с ним Катков заявил, что не считает неукоснительную верность один раз избранному направлению определяющим качеством журналистики и что журналист «должен говорить то, что нужно в известное время, а последовательность не его дело»²³⁵. На вопрос о том, может ли журналист менять убеждения, Катков однажды вместо ответа процитировал своего любимого немецкого поэта Г. Гейне: «Другие времена - другие птицы, другие птицы - другие песни»²³⁶. Задавший вопрос историк Р.И. Сементковский понял эти строки исключительно в прямом смысле, «что можно менять убеждения сколько угодно».

Однако «громовержец» «Московских ведомостей» явно подразумевал нечто другое, а именно: в журналистской деятельности следует руководствоваться не застывшими в неподвижности «доктринами» и «принципами», а «здравым смыслом», т.е. трезвым взглядом на жизнь и требованиями реальной жизни. Публицист никогда не скрывал, что его оценки текущей ситуации могут меняться, и публично на страницах своих изданий неоднократно заявлял, что недопустимо оставаться «слепыми поклонниками каких бы то ни было учений», а, напротив, следует избегать доктринерства и свободно относиться к любым теориям, уметь признавать ошибочность тех положений, которые оказались неверными, будучи примененными к конкретной жизненной практике. «Отстаивая то, что казалось нам верным, мы

---

²³⁴ С.У. <Уманец С.И.> Мозаика (из старых записных книжек) // Исторический вестник. 1912. Кн.12. С.1020-1021.

²³⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. Воспоминания // Сборник отделения русского языка и словесности. Т.67. 1901. Спб. Кн.4. С.49.

²³⁶ Сементковский Р.И. Среди отошедших // Исторический вестник. 1917. Кн.5-6. С.386-387.

никогда не становились слепыми поклонниками каких бы то ни было учений, никогда не переставали относиться к ним свободно, всегда готовые исправить в них то, что оказалось бы неверным и расширить наши понятия по требованию опыта, - писал Катков. - Факты, обозначившиеся в последние годы, заставили нас признать ошибочность в применении некоторых теорий, вот и все»²³⁷. В зависимости от актуальной политической практики журналист нередко пересматривал прежние оценки, вследствие чего его позиция претерпевала кардинальные изменения. Убедившись в ошибочности или несвоевременности какой-либо идеи, которую он страстно и искренне отстаивал на страницах своих изданий, он отказывался от нее и заменял другой, казавшейся ему наиболее адекватной моменту. Так, радикальные изменения претерпели его взгляды на судебную реформу 1864 г. и новые суды, которые к концу 1870-х гг. в его выступлениях из «судов совести» превратились в «суды улицы», «прикрытие и орудия неправды»; тогда же он отказался от либеральной экономической доктрины в пользу экономического протекционизма и т.д.

И все же, несмотря на отсутствие среди творческого наследия Каткова «главных», фундаментальных работ и свойственную большинству его публицистических выступлений «сиюминутность», злободневность отклика, можно выделить несколько основополагающих установок, не претерпевших на протяжении всего периода его профессиональной деятельности значительных изменений и свидетельствующих о том, что в течение всей своей журналистской практики он придерживался четкой и определенной системы мировоззренческих ценностей.

Главной системообразующей ценностью для Каткова была ценность сильного государства. Фундаментом прогрессивного развития страны он считал сохранение незыблемых самодержавных и православных основ российского государства и объединение всех сословий вокруг монарха ради

---

²³⁷ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 24.08.1879. №217.

общего дела – сохранения единой и великой России. Связывая будущее империи исключительно с самодержавной формой правления, он доказывал, что в основании всех преобразований должна лежать «преданность Престолу и Царственному Вождю»²³⁸. Главную силу «национальной» или «народной политики» он видел «в живом деле, исполненном чувства народной чести и пользы»²³⁹, подразумевая под этим приоритет таких ценностей, как патриотизм, готовность во всем руководствоваться интересами нации и государства, «желать только того, что полезно России, что ей на благо»²⁴⁰.

Журналист неоднократно отождествлял народ и государство («В России государственную партию составляет весь русский народ»²⁴¹) и проводил идею о «совершенной общности» интересов монарха «с государственной пользой и благом народным»²⁴², подчеркивал сохранившееся в России «древнее единение нашего народа с его Верховным Вождем»²⁴³. Русский народ в понимании Каткова, представлял собой «великую, сверху донизу, исторически организованную силу»²⁴⁴, исключительно конструктивную благодаря тому, что в нем «крепка его вера, еще силен его исторический дух»²⁴⁵. Сильный «своим патриотическим духом, своей единодушной преданностью престолу, чувством своего безусловного «абсолютного» единства с Царем»²⁴⁶, народ, по мысли публициста, «всегда отличался безусловной преданностью своему законному Государю, в котором видит *свою* собственную, Богом дарованную ему власть, оплот и силу своего государственного бытия, свое олицетворение»²⁴⁷. Поэтому, несмотря на усиление в 1870-е гг. протестных настроений среди столичной образованной интеллигенции и появление

---

²³⁸ Б.п. <Катков М.Н.> Современная летопись // РВ. 1856. Январь. Кн.1.

²³⁹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 18.06.1867. №132.

²⁴⁰ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 4.04.1880. №94.

²⁴¹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 13.03.1881. №72.

²⁴² Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 12.01.1884. №12.

²⁴³ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 29.10.1876. №276.

²⁴⁴ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 7.03.1880. №66.

²⁴⁵ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 21.11.1878. №297.

²⁴⁶ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 1.05.1881. №119.

²⁴⁷ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 20.05.1881. №138.

тайных революционных организаций, у Каткова сохранялась уверенность, что России не грозят политические смуты и революции, так как любые революционные устремления изначально чужды русскому народу, признающему самодержавную власть монарха бесспорной и священной.

Революционные настроения в среде интеллигенции, и в первую очередь – в молодежной аудитории, и даже возникновение тайных революционных организаций в России рассматривались им как привнесенное извне, «дело искусственное, не имеющее ничего общего с народной жизнью, совершенно ей чуждое»²⁴⁸, свидетельствующее прежде всего о неблагополучном состоянии системы образования в России.

Вследствие этого одной из важнейших сфер деятельности государства Катков считал сферу образования, главную задачу которого видел в формировании высокообразованного слоя, преданного престолу и Отечеству и способного направить развитие страны по эволюционному пути. Он последовательно и системно проводил мысль о том, что в целях достижения прогресса следует идти путем мирных, «постепенных и рациональных» изменений на «незыблемых основах законности и порядка» в рамках единоличной власти царя.

Главной движущей силой прогресса и необходимым условием свободного развития общества, согласно Каткову, была монархия и поддерживающее ее дворянство, которое, в его представлениях, было «живым звеном между царем и народом, часть которого оно составляет»²⁴⁹, и находилось в тесной связи с крестьянством вследствие общности интересов²⁵⁰. По его глубокому убеждению, общая заинтересованность в повышении эффективности сельскохозяйственного производства сближали землевладельцев-дворян с крестьянством, гарантировали единство целей их деятельности и отсутствие каких-либо серьезных конфликтов между ними:

---

²⁴⁸ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 11.12.1876. №318.

²⁴⁹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 21.04.1885. №108.

²⁵⁰ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 18.06.1883. №167.

«Свобода и благосостояние крестьян может упрочиться лишь тогда, когда во главе своей будут видеть они людей независимых, достаточно сильных и достаточно просвещенных, тесно связанных с ними и составляющих с ними одно целое; точно так же благосостояние и значение землевладельческих классов могут основываться лишь на их непосредственной связи, на их единстве с народными массами»²⁵¹. При этом дворянство, по мнению Каткова, было единственным в России сословием, обладавшим гражданской самостоятельностью, нравственной независимостью, необходимым уровнем образования и культуры и, главное, было лишено каких-либо эгоистических интересов и потому не отделяло своих интересов от государственных. Вследствие этого оно в наибольшей степени, нежели другие сословия, полагал публицист, было способно возглавить преобразования и активно участвовать в общественном самоуправлении. «В том и состоит его благородство и его честь, тем и оправдывается его возвышенное положение, - утверждал Катков, - что оно, как сословие, видит свой интерес в общих интересах государства»²⁵². Готовность дворянства «нести безвозмездную службу на пользу общую» он рассматривал как залог того, что оно сможет не только руководить всеми сферами жизнедеятельности государства, но и оградить все другие слои населения «от произвола и беззакония», в частности, защитить крестьянство от кулачества. Поэтому Катков считал необходимым сохранение дворянского сословия как веками выработанного социального института, как «условия гражданственности, благосостояния и общественной свободы, какие найдутся не у всякого народа»²⁵³. Следует отметить, что современными исследователями сегодня доказана существенная роль высшего сословия «в ходе подготовки и реализации крестьянской реформы, а также последующих преобразований 1860-1870-х гг. XIX века».²⁵⁴ Как отмечает Н.М. Селиверстова, ценностная

---

²⁵¹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 3.03.1864. №51.

²⁵² Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 21.04.1885. №108.

²⁵³ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 3.03.1864. №51.

²⁵⁴ Селиверстова Н.М. Российское дворянство накануне и в период реформ 60-70-х годов XIX века. Дисс. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. М., 2017. С.19.

система русского дворянства, «в основе которой лежали приоритеты личности, просвещения, развития, позволили ей принять участие в реформах, а также вполне успешно адаптироваться к условиям пореформенной России»²⁵⁵.

В национальной политике публицист отводил господствующее место русскому народу как самому значительному племенному сообществу, населяющему Российскую империю и объединенному общностью языка и веры. При этом понятие «русский народ», «русская нация» он истолковывал предельно широко, полагая, что русским может называться представитель любой национальности, любой веры, при условии признания себя подданным российского государства. Он утверждал, что нацией может называться лишь народ, у которого «есть собственная власть, т.е. когда он составляет свое государство», а одним из главных признаков государственности называл язык – как «непосредственное выражение народности и национальности»²⁵⁶. Вследствие этого публицист считал необходимым предоставление русскому языку статуса государственного языка на всей территории Российской империи и обучение русскому языку как обязательному для всех граждан государства. Этно-конфессиональные признаки в его построениях играли второстепенную роль. «Племенное происхождение не определяет национальность, вероисповедание – также, – утверждал Катков. – Национальность людей определяется национальностью государства. Государство не может не быть определенной национальности <...>. Все русские подданные суть русские и по своей национальности, какого бы они не были племени и какую веру не исповедовали»²⁵⁷. Таким образом, максимально раздвигая рамки понятия «нация», Катков подразумевал под ней едва ли не все население Российской империи, вне зависимости от их национальной, этнической или конфессиональной принадлежности.

---

²⁵⁵ Там же. С.23.

²⁵⁶ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 4.08.1867. №170.

²⁵⁷ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 11.07.1865. №151.

При этом Катков не исключал сохранения этнического и религиозного многообразия всех «других племен», населяющих Российскую империю и подчиненных «государственной нации». Политическое господство русской нации, согласно его мысли, не означало ее духовного господства, т.е. каждый народ в составе империи мог обладать этнической самобытностью, иметь собственную культуру, религию, язык, духовные традиции. Духовно-культурное разнообразие на основе господства государственной нации (русской), в его представлениях являлось одним из условий политического единства и успешного развития многонационального государства. Но при условии существования сильной государственной власти в лице монарха, которая, в его понимании, выступала мощной общенациональной объединяющей силой и гарантировала достижение определенного паритета между русской национальностью, представляющей этническое большинство, и всеми остальными национальностями. Самодержавный монарх, таким образом, олицетворял для Каткова идею единства нации. «Есть в России и множество племен, говорящих каждое своим языком и имеющих каждое свои обычаи; есть целые страны, со своим особенным характером и преданиями, - писал Катков. - Но все эти разнородные племена, все эти разнохарактерные области, лежащие по окраинам великого русского мира, составляют его живые части и чувствуют свое единство с ним в единстве государства, в единстве верховной власти - в Царе, в живом всепобеждающем олицетворении этого единства»²⁵⁸.

Признавая этническую и религиозную самобытность народов, входящих в состав российской империи, Катков одновременно отказывал им в праве на политическую самостоятельность, выступая решительным противником предоставления политической автономии претендующим на нее полякам, немцам, финнам. Действующие на территориях Царства Польского и

---

²⁵⁸ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 13.04.1863. №79.

Великого княжества Финляндского «особые права»²⁵⁹, по его мнению, представляли значительную угрозу целостности Российской империи, и он всеми силами старался доказать необходимость их немедленной отмены. Все выступления на национальных окраинах Российской империи, в первую очередь – в Западных и Прибалтийских губерниях, претензии на независимость от России он рассматривал как проявления сепаратизма, исходящие не от самих народов – поляков, финнов, немцев, а от местной национальной элиты, поддерживаемой российской либеральной интеллигенцией, а зачастую - и лицами в правительстве России. Роль катализатора антироссийских выступлений он отводил закулисным дипломатическим усилиям европейских держав, стремящихся таким образом ослабить могущество России и снизить ее роль в европейской политике.

В реализации системы консервативных ценностей Катковым значительное место отводилось регулируемой законом и одновременно – ответственной за свои действия печати («самоответственной печати»), которая выступала в его построениях одним из важнейших механизмов достижения обоюдного доверия между властью и народом, инструментом формирования национального самосознания, национальной и гражданской идентичности и, наконец, одним из факторов обеспечения политического единства империи, прочного государственного порядка и устойчивого развития.

Главную силу печати, по убеждению публициста, составляла публичность, которую она вносила во все другие сферы государственной и общественной жизни страны, предоставляя «обществу знать и ведать свои дела в общедоступном, полном и точном отражении»²⁶⁰, и независимость от каких бы то ни было посторонних влияний, будь то интересы

---

²⁵⁹ Так, к примеру, в Финляндии, по инициативе императора Александра II, были введены особые таможенные правила, был издан манифест о финском языке, дававший ему статус второго официального языка, введена национальная финская валюта – марка, наконец, в 1863 г. был созван сейм, а в 1869 г. принят Сеймовый устав, что подчеркивало особое положение княжества, расширяло и укрепляло финскую автономию.

²⁶⁰ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 23.03.1965. №64.

правительственных лиц, общественное мнение, коммерческие расчеты, частные интересы правительственных лиц или самих издателей. При этом самой надежной гарантией независимости печати, по мнению Каткова, служила самодержавная власть, которая, будучи образующим началом русской государственности, обеспечивала принципы гражданственности, свободы личности, законности, общественного блага в силу совершенной общности интересов монарха с интересами государства и народа.

Не разделяя понятий «профессиональный долг» и «профессиональное право», журналист в своей деятельности видел одновременно и право, дарованное ему монархом, и свою обязанность, долг верноподданного, и потому считал недопустимым вмешательство в сферу печати как правительства, так и каких бы то ни было общественных групп и партий. Заявляя о себе как о верном слуге императора, Катков проводил грань между служением монарху, которое он не отделял от служения Отечеству и государству, и услужением министрам, неоднократно подчеркивая, что является «верноподданным своего Государя, но отнюдь не признает себя верноподданным министров»²⁶¹. Свой профессиональный долг и – одновременно – свое право видел в том, чтобы указывать на те действия правительства, которые считал ошибочными или даже вредными, а имеющееся у журналистов право общественного слова воспринимал как обязанность «радеть о пользах Государя и государства и предупреждать всякий ущерб и вред им» и потому в случае столкновения «с интересами, которые пользуются привилегиями власти, <...> но не всегда служат ей должным образом, <...> и нередко вредят ее делу вместо того чтобы служить ему» - долг и обязанность печати – предать эти факты гласности²⁶². Катков утверждал, что «нельзя считать делом предосудительным критику правительственных мер, хотя бы и резкую, но добросовестную», и требовал от административной власти «уважать и ограждать допущенную законом

---

²⁶¹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 1.03.1881. №60.

²⁶² Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 12.05.1882. №130.

свободу мнения, хотя бы в данном случае оно и против него было направлено»²⁶³. Это нашло отражение в его отношениях с высокопоставленными чиновниками – министрами А.В. Головинным, П.А. Валуевым, А.Е. Тимашевым, начальником Третьего отделения П.А. Шуваловым и др.²⁶⁴, в общении с которыми он настойчиво утверждал свое право как журналиста «касаться всех предметов управления, поднимать вопросы, обсуждать законы и действия властей, выдвигать ту или другую группу интересов, создавать и направлять общественное мнение, представлять в том или другом свете события, так или иначе группировать факты»²⁶⁵.

Катков, размышляя о печати и ее роли в жизни государства и общества, нередко подразделял российскую прессу на «полезную», под которой он подразумевал собственные издания и те органы, которые выступали в поддержку национальной политики, в защиту интересов русской национальности, православной церкви и т.п., и «вредную», к которой он относил в первую очередь большую часть петербургских изданий, способствующих, по его мнению, распространению в обществе антинациональных начал. В качестве основного средства борьбы с «вредной печатью» он полагал необходимым установить строгую законность и одновременно предоставить журналистам право высказывать свою позицию при условии их личной ответственности за все ими сказанное. Эти меры, по мнению Каткова, содействовали бы, с одной стороны, «саморазоблачению» «вредной печати», а с другой – позволяли бы «полезной печати» содействовать «правильному разъяснению фактов» и выработке суждений, согласных с «истинными видами» верховной власти. Напротив, отсутствие гласности, жесткая регламентация печати и господство административного надзора, с его точки зрения, способствуют лишь распространению вредных антиправительственных учений и т.п., подобно тому, как жесточайший

---

²⁶³ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 26.08.1881. №236.

²⁶⁴ Перевалова Е.В. М.Н. Катков-журналист: борьба за привилегии или служба по совести? // Тетради по консерватизму. М.: ИСЭПИ, 2018. №3. С. 136-148.

²⁶⁵ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 9.11.1882. № 11.

цензурный режим и полное отсутствие свободы в годы правления императора Николая I стал одной из причин распространения оппозиционных настроений. «Мнения действуют вредно не потому, что они свободно высказываются, а потому, что свободно не высказываются, - утверждал Катков. - Вредные мнения часто и создаются тем запретом, который налагается на их выражение. Дайте свободный ход тем мнениям, которые кажутся вам разрушительными, и они быстро изменят свой характер. ... Стоит запретить самую безобидную пошлость, и она завтра же делается злою силой»²⁶⁶.

В рассуждениях Каткова о печати часто возникало понятие «благонамеренность» как неременное условие любой публичной общественной деятельности. Это слово, имевшее еще в пушкинский период значение «имеющий намерения, не противоречащие принятым в обществе порядкам, законам и т.п.», во второй половине XIX в., во многом благодаря выступлениям публицистов демократических изданий, и в первую очередь – М.Е. Салтыкова-Щедрина, приобрело негативный смысл, означающий: «преданный монархическому строю, придерживающийся официального образа мыслей, угодный правительству, одобряемый правительством». В отличие от коллег-журналистов демократического и либерального лагеря, Катков понимал слово «благонамеренность» как «служение не общему принципу, а определенной действительности, не государству вообще, а России, и не просто России, а Русскому Монарху»²⁶⁷. В его интерпретации синонимами «благонамеренности» были «рассудительность», «обдуманность», «благонадежность», «порядочность» и т.п., аналогично тому, как понятия «Россия» и «Отечество» были неотделимы от понятий «монарх» и «государство». Благонамеренность журналиста в представлениях Каткова не исключала его независимости, и по-настоящему благонамеренным он считал лишь того представителя печати, кто «не будет холопствовать перед сильными людьми, не закабалит себя никакой партии, <...> и заботится будет не о том,

---

²⁶⁶ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 18.01.1870. №14.

²⁶⁷ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 9.11.1882. №311.

что о нем скажут, а только о том, что скажет он сам. Что внушает ему долг и что видит он ясно, то скажет он твердо пред кем бы то ни было и во что бы то ни стало»²⁶⁸.

Выводы по первой главе

Понятие «консерватизм», при всем многообразии значений, в отечественной историографии предполагает обязательность нескольких основных положений: сохранение монархии как единственно приемлемой в России формы государственного правления; утверждение православия как господствующей религиозной системы; преемственность духовных традиций и нравственных начал; признание «особого» пути России, отличного от Западной Европы.

Консервативные ценности – политические, религиозные, моральные, культурные – представляют собой открытую функционирующую систему, обладающую всеми признаками и свойствами системы: целью деятельности, сложной многоступенчатой структурой, многообразным взаимодействием с окружающими социальными системами и необходимой избыточностью элементного состава. Все это позволяет системе консервативных ценностей быть адекватной своему историческому периоду и историческому предназначению и отвечать перспективным требованиям новых исторических периодов.

Система консервативных ценностей изменяется со временем и зависит от состояния общества, каждый раз предлагая социуму наиболее подходящий набор ценностей при сохранении ключевых: опора на традиции, нравы и обычаи общества; категорическое исключение субъективного фактора из процесса социальных преобразований; исключение из социальной практики каких бы то ни было рывков и революционных изменений. В то же время

---

²⁶⁸ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 9.11.1882. №311.

множественность подходов к пониманию консерватизма и консервативных ценностей не позволяет рассматривать данный вопрос как решенный, закрытый, что придает актуальность работе над данной тематикой.

Успех разработки фундаментальных программных установок современных российских консерваторов во многом зависит от опоры на отечественный консервативный социально-политический опыт, вследствие чего изучение системы консервативных ценностей, заявленной в изданиях М.Н. Каткова – лидерах консервативной отечественной печати 1860-1880-х гг., представляется весьма своевременным.

В основе «разумного консерватизма» Каткова, транслируемого со страниц «Московских ведомостей» и «Русского вестника», лежала система четких и определенных консервативных ценностей. Главной системообразующей ценностью для него была ценность сильного государства, условием сохранения которого в его представлениях была самодержавная монархия как единственно приемлемая в России форма государственного правления, и православие как господствующая религия. Не доверяя представительским формам управления, гарантию законности и обеспечения личной и общественной свободы публицист видел исключительно в самодержавной форме правления, которая, по его мнению, представляла «самое лучшее выражение и самое лучшее доказательство прочности порядка в стране и незыблемости верховной власти», так как интересы монарха, возвышенного над всеми сословиями и партиями, находятся «в совершенной общности <...> с государственной пользой и благом народным»²⁶⁹.

В системе ценностных ориентиров публициста неизменными оставались его приверженность европейской культуре и убежденность в приоритетности просвещения как важнейшего средства развития общества. Просвещение, по мысли Каткова, должно было базироваться на историческом духовном опыте, классическом культурном наследии, учитывать социальные и религиозные

---

²⁶⁹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 12.01.1884. №12.

традиции народа. Только в этом случае оно могло обеспечить эффективное поступательное развитие, при условии сохранения основных социальных институтов во главе с самодержавной монархией и сбережения традиционных ценностей российского государства: религии, преемственности духовных и нравственных начал, патриотизма как основного фактора формирования национальной и гражданской идентичности, классического культурного наследия. Наряду с властью самодержавного монарха, они должны были служить консолидирующим основанием многонационального и многоконфессионального общества, гарантией незыблемости существующего социального и политического строя и залогом политического единства Российской империи.

ГЛАВА II. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ В РЕЦЕПЦИИ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК» И ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Фундаментальные изменения в общественно-экономическом укладе и системе нравственно-культурных ценностей в 1860-1880-е гг. и те трудности, с которыми столкнулась Россия в ходе преобразований, заставили русское образованное общество обратиться к отечественной истории в поисках ответа на вопросы о закономерностях развития государства и причинах кризисных явлений, которые обнаружились в указанный период. В контексте государственно-политической, социально-экономической и культурной модернизации страны, анализ исторического опыта служил своего рода инструментом для понимания причинно-следственных связей между отдельными этапами развития России, выявления перспектив ее развития как составной части всего мирового сообщества.

Обращение к историческому опыту Российского государства стало характерной чертой отечественной публицистики второй половины XIX века, в которой делались попытки интерпретировать историческое прошлое с последующей целью использовать его уроки для выработки перспективных решений стоящих перед страной задач. На страницах отечественных изданий в 1860-1880-е гг. в большом количестве печатались исторические изыскания, мемуары, воспоминания и т.п., содержание и основные идеи которых отражали социально-политические представления российской образованной интеллигенции о путях дальнейшего развития страны.

Установки Каткова на сохранение преемственности в развитии общества и государства нашли отражение в материалах «Русского вестника» и «Московских ведомостей» на историческую тематику. Постоянные авторы изданий - историки М.П. Погодин, П.К. Щербальский, Е.М. Феокистов, М.Н. Лонгинов, М.И. Богданович, А.Г. Брикнер, Н.Ф. Дубровин, Н.А. Попов, экономист А.Н. Куломзин, правоведы А.Д. Градовский, Ф.А. Бюлер, К.П. Победоносцев, В.Н. Лешков, дипломат А.Н. Мосолов, земский деятель П.Б.

Бланк, правовед Ф.А. Бюлер и др. с интересом изучали опыт предшествующих правителей России: царевны Софьи и Федора Алексеевича, Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, Петра III и Павла I, Екатерины II и Александра I в поисках осмысления актуальных политических вопросов современности. Сразу следует отметить, что вследствие ограниченного объема диссертационного исследования анализ не может охватить деятельность всех перечисленных выше лиц. Основное внимание в данной главе сосредоточено на деятельности императрицы Екатерины II и императора Александра I, на период правления которых пришлось значимые события истории России.

2.1. Отечественная история в историко-документальной прозе «Русского вестника»

Значительное место на страницах «Русского вестника» отводилось историко-документальной прозе, в первую очередь - мемуарной и эпистолярной литературе, путевым заметкам и очеркам, которые можно рассматривать как важную структурную составляющую этого журнала. Литературная и историческая значимость этих публикаций была неравнозначна, как и степень информированности их авторов, среди которых были не только известные политики, ученые, военачальники, литераторы, но зачастую и те, кого условно можно назвать «обывателями». Однако неизбежно присутствующее в этих публикациях личностное начало, индивидуальность восприятия событий прошлого и глубоко индивидуальный характер изложения неизбежно придавали им высокую познавательную историко-культурную ценность и социальную значимость.

В контексте программных установок журнала на традиционные нравственно-культурные ценности, историко-документальную прозу можно рассматривать и как незаменимый исторический источник, и как один из инструментов формирования у читателей представлений о героическом

прошлом России, ее выдающихся представителей, и как скрытую полемику с носителями радикальных взглядов, отрицавшими значимость многих фактов российской истории. «Человек без прошлого что дерево без корней. Чем шире и глубже идут корни, тем могучее оно развивается; чем дальше вглубь истории распространяются сведения о предках, об их славных деяниях, тем более твердую почву под собой чувствует человек, тем сознательнее его связь с родиной. Заслуги предков обязывают потомков – истина старая, но для этого надо знать эти заслуги. <...> Недостаток исторического знания, разрыв с преданиями предков вели к увлечению чужой историей, чужими образцами, к раздражительности, потере самобытности и способности понимать дух своего народа, своей истории», - эти строки из опубликованной в «Русском вестнике» рецензии на книгу историка А.П. Барсукова «Род Шереметевых» можно рассматривать как программное заявление издания²⁷⁰.

Мемуарную и эпистолярную прозу «Русского вестника» можно условно разделить на несколько тематических групп.

Первую группу составляют воспоминания, предметом которых были события Отечественной войны 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813-1815 гг. Эти публикации отражали объективную потребность русского общества сохранить для потомков документальные свидетельства трагических событий наполеоновского нашествия. Среди материалов на эту тему выделяются печатавшиеся на протяжении 1870-1880-х гг. «Рассказы очевидцев о двенадцатом годе», подготовленные к печати писательницей Е.В. Новосильцевой. Она первая занялась поиском свидетелей событий 1812 г. и записью их воспоминаний, и собранные ею материалы стали первым опытом документалистики о войне с Наполеоном. Изначально рассказы стали печататься в «Московских ведомостях» в 1872 г. – в канун шестидесятилетия событий Отечественной войны 1812 г., «читались во всех слоях общества, и в гостиных, и в избах, и в госпиталях во время войны»²⁷¹ и вызвали такой

---

²⁷⁰ С.П. Страница из нашего прошлого // РВ. 1881. Кн.9. С.5.

²⁷¹ Б.п. Екатерина Владимировна Новосильцева // МВ. 11.09.1885. №251.

интерес, что их публикация была продолжена в «Русском вестнике», став уникальным документальным источником как для современников, так и для последующих поколений историков. Записи Новосильцевой особенно замечательны тем, что ее собеседниками, как правило, были люди простого звания - мещане, мелкие торговцы, крестьяне, рассказы которых писательница почти не подвергала художественной обработке и сохраняла все стилистические особенности говорящего, просторечные обороты и т.п., что придавало им особую достоверность и убедительность. Точность приведенных фактов подчеркивалась скрупулезно собранными писательницей данными о каждом собеседнике: имя, возраст, образование, профессия и т.д.

Многолетнее сотрудничество Новосильцевой в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» во многом было обусловлено близостью ее взглядов с политическими и эстетическими установками их издателя. Как отмечает исследовательница творчества Новосильцевой Н.В. Острейковская, писательница была противницей утилитарного подхода к искусству, утверждала, что искусство «...существует само для себя иначе существовать вовсе не может», и называла непоэтичным всякое произведение, в котором присутствует открытая тенденция²⁷². Такая позиция не могла не вызывать сочувствия у Каткова, который был очень высокого мнения об уникальном характере деятельности Новосильцевой, глубоко уважал и ценил собранные ею воспоминания за их народность и общедоступность, а ее собственную жизнь даже назвал «подвигом самоотвержения»²⁷³.

Среди других публикаций «Русского вестника» на ту же тему - «Воспоминания о бытности неприятеля в Москве в 1812 году» (1856) литератора П.Г. Кичеева, очевидца пожара древней столицы и разграбления ее французами, «Записки» писателя и историка С.Н. Глинки, издателя одноименного журнала, выходившего в Москве в 1808-1820 гг. на средства

---

²⁷² Острейковская Н.В. Творчество Е.Н. Новосильцевой в литературно-общественном контексте 1860-1880-х гг. Дисс. на соискание уч. степени к.ф.н. Тверь, 2010.

²⁷³ Б.п. Екатерина Владимировна Новосильцева // МВ. 11.09.1885. №251.

московского градоначальника Ф.В. Ростопчина. Патриотическая восторженность «Записок» Глинки во многом искупались большим количеством подробностей и фактов, дающих представление о событиях, предшествующих оставлению Москвы русскими войсками. Не меньший интерес представляют воспоминания непосредственных участников боевых действий – напечатанные в 1871 г. «Записки» генерал-майора Н.П. Ковальского и «Записки» генерала Я.С. Отрощенко, опубликованные в 1877 и 1880 гг. Написанные без какой-либо предвзятости и тенденциозности, они содержали большое количество фактов, правдиво характеризовали образ жизни, дух армии и походный быт русских офицеров, натуралистично изображали события зимы 1812 года и бедственное положение французской армии, заграничный поход 1813 г. и пребывание наших войск во Франции в 1814 г. К примеру, Ковальский в своих «Записках» описывал французов, согревающих коченеющие руки во внутренностях убитых ими лошадей; Отрощенко с состраданием писал об отступающих солдатах французской армии, которые зачастую «грызли замерзшую конину» и, «забыв гордость и славу», сдавались без боя на милость победителей. Оба автора подчеркивали благородство и такт русских войск, оспаривая, таким образом, сложившееся в Европе представление о русских как о «варварах» и замечая, что единственным поводом к тому могли стать лишь эксцентрические выходки и расточительность русских офицеров в Париже.

Вторую группу мемуарной литературы «Русского вестника» составляют воспоминания участников Кавказской войны, которую Россия с целью установления контроля над горными районами Северного Кавказа приходилось непрерывно вести с начала XIX в. вплоть до 1864 г. В контексте европейской геополитики подчинение этих территорий имело для России особое значение: поддержку горцам оказывала Османская империя, а за ее спиной стояла Англия, крайне заинтересованная в ослаблении влияния России на Кавказе и, в свою очередь, стремившаяся укрепить там свои позиции.

Несмотря на хрупкий мир, установившийся после подавления последних очагов сопротивления горцев в Черкесии, Абхазии, Дагестане и Чечне, северо-кавказские территории во второй половине XIX века продолжали оставаться «горячей точкой», т.к. отношение к России к русским пришельцам там оставалось достаточно враждебным: как видимо, сказывалась и продолжительность военных действий на Кавказе, и особенности менталитета местных жителей. Внимание авторов публикуемых в «Русском вестнике» воспоминаний в первую очередь было обращено на трагическое противостояние горцев, лишь внешне смирившихся с имперской властью, с казаками, населявшими приграничные станицы.

Примером могут служить напечатанные в 1864 г. «Воспоминания кавказского офицера» полковника Ф.Ф. Торнау. Образованный человек, выпускник Царскосельского лицея, он участвовал в военных действиях в Турции, Польше и на Кавказе. Едва ли не самым интересным эпизодом его воспоминаний стало описание двухлетнего плена конце 1830-х гг. в Абхазии, которая лишь незадолго до этого стала российской территорией. Торнау подробно и откровенно описывает время, проведенное им в плену, как он, изнуренный голодом, болезнями и лишениями, прикованный железной цепью с ошейником к стене в холодном сарае, трижды безуспешно пытался бежать, пока наконец его не выкупил один из абхазцев. Автор не скрывал трагизма ситуации на Кавказе, сложностей взаимоотношений местных горцев с пришлым русским населением, с казаками, населявшими пограничные с Абхазией земли, отмечал жестокость, которая сопровождала стремление каждой из сторон укрепиться на кавказских землях. Вот как он описал типичную стычку казаков с горцами: казаки, «окружив абреков, истребляли их до последнего человека; да и сами абреки не просили пощады. Видя отрезанными все пути к спасению, они убивали своих лошадей, за телами их залегали с винтовкою на присошке и отстреливались пока было возможно; выпустив последний снаряд, ломали ружья и шашки и встречали смерть с

кинжалом в руках, зная, что с этим оружием их нельзя схватить живыми»²⁷⁴. Торнау подчеркивал воинственность и храбрость горских народов, отмечал их привязанность к своей земле и стремление к независимости и свободе, которую «они любят более жизни». Именно этой любовью он объяснял их устойчивую вражду и «доходящую до безумия» ненависть к русским, война с которыми, по мере того как Россия занимала земли за Терек и за Кубанью, по его словам, принимала все более «широкие размеры». Вместе с тем воспоминания Торнау отличались тонким лиризмом, теплотой и симпатией к горцам, особенно в эпизодах, где описывалась трогательная история любви героя и красавицы-черкешенки Аслан-Коз, забота и преданность которой помогли пленнику сохранить мужество и присутствие духа. По мнению исследователей²⁷⁵, воспоминания Торнау могли быть использованы Л.Н. Толстым в качестве материала для «Кавказского пленника»: в ноябре и декабре 1864 г., когда они публиковались в «Русском вестнике», Толстой жил в Москве и вел переговоры с Катковым о публикации романа «1805 год». Весьма вероятно, что писатель обратил внимания на эти воспоминания Торнау, напомнившие ему жизнь на Кавказе, и, вполне вероятно, под их непосредственным впечатлением у него сложился сюжет будущей повести.

В обширном очерке ветерана Кавказской войны П.И. Ильина «Из событий на Кавказе. Набеги Шамиля в 1843 г.» (1872) нашлось место и описаниям обычаев горцев, и характеристике кавказских нравов, и пейзажам Кавказа, ханского сада и т.п. Характерно, что о горцах автор писал без враждебности, с уважением и даже с сочувствием, как о сильных и достойных противниках. «Казалось бы, - замечал Ильин, - никакой закон не сдерживает ничем не обузданной воли горца, но закон естественный, закон внутреннего чувства и совести живет в душе каждого человека, порождает обычаи, предвестники закона. Слово горца, если он покаянится, т.е. подружится,

---

²⁷⁴ Т. Записки кавказского офицера // РВ. 1864. Кн. 10. С.454-455.

²⁷⁵ Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976; Авидзба Р.Л. К вопросу о литературных источниках «Кавказского пленника» Л.Н. Толстого // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2013. Вып.3. С.5-13.

верно. В критических случаях он за своего кунака пожертвует жизнью и спасет его, и выручит из беды. Взгляд горца, голос, поступки, вся осанка его высказывают полное самообладание и внутреннее чувство независимости. Он ответит на ласку лаской, за бекшиш оплатит бекшишем (подарком), но берегитесь оскорбить его». С восхищением и симпатией описывались Ильиным кавказские нравы и традиции, например, обычай молодых людей обмениваться розами: «Молодежь человек, желая жениться на девушке, бросает розу в сад к ней или на окно дома, или подает ей, и это значит, что он желал бы иметь ее женой, и если роза возвратится к нему одинокой, тогда, увы! Он не любим девицей; но если розан его появится связанным с другой розой, то означает согласие соединить жизнь с его жизнью и дозволение свататься»²⁷⁶. Секретарь окружного управления в ауле Ведено, известный специалист по истории и этнографии Кавказа, Н.С. Семенов в очерке «День в ауле» (1871) сурово и реалистично описал быт чеченского аула, указал на такие особенности национального характера чеченцев, как смелость, решительность, «страстность, вспыльчивость, злопамятность и мстительность, скрываемые обыкновенно под маской сдержанности и внешнего благообразия», подчеркивая при этом, что эти черты, отрицательные с точки зрения европейца, следует рассматривать в контексте присущих кавказцам традиций, и что именно непонимание национальных отличий и недооценка особенностей, присущих тому или иному народу и «усиливает роковое недоумение между чеченцами и нами»²⁷⁷. Подобные документальные свидетельства способствовали уничтожению сложившихся в российском образованном обществе стереотипов о горцах как о «диком народе», интересы и потребности которого заключаются исключительно в грабеже и разбое.

Значительный интерес представляют воспоминания А.Л. Зиссермана: «Осада Кази-Муллой Бурной и Дербента в 1831 г.» (1864), «Материалы для

---

²⁷⁶ Ильин П.А. Из событий на Кавказе. Набеги Шамиля в 1843 г. // РВ. 1872. Кн.7. С.290-298.

²⁷⁷ С. <Семенов Н.С.> День в ауле // РВ. 1871. Кн.5. С.169-220.

истории Кавказской войны» (1872-1873), «Поездка на Кубань» (1875), «Отрывки из моих воспоминаний» (1876-1878), «О первом походе за Балканы» (1878), «Военно-исторические очерки» (1877-1879). Их автор прослужил на Кавказе более сорока лет, в течение которых приобрел богатый опыт и собрал большое количество фактов и документальных свидетельств. Доскональное владение фактическим материалом в сочетании со способностью к его переосмыслению и обобщению, знание нравов и обычаев местных племен, совершенное владение местными языками, тщательное изучение истории по архивным источникам и документам позволяли Зиссерману воссоздавать в своих воспоминаниях исторически достоверную, подкрепленную ссылками на документы и исторические факты, объективную и точную картину событий на Кавказе. Усилению интереса читателей к его очеркам способствовали темпераментная манера изложения, выразительный язык, мастерское владение целым арсеналом разнообразных художественных выразительных средств, живописные зарисовки нравов, обычаев и национальных традиций народов Кавказа - тушин, хевсур, пшавцев, качагов, грузин и др., яркие эпизоды, связанные с полной опасностью и приключений жизнью русского офицера на Кавказе и т.п. Весьма вероятно, что эти очерки также могли быть использованы Л.Н. Толстым, тем более, что имение Зиссермана находилось недалеко от яснополянской усадьбы писателя, и последний часто бывал у него, расспрашивал о кавказских походах и в особенности о поимке Хаджи-Мурата. Так, весьма вероятно, что один из эпизодов «Воспоминаний» Зиссермана лег в основу заключительной сцены повести «Хаджи-Мурат». В нем описывается стычка между казачьим отрядом и чеченцами, возвращавшихся после набега в горы, когда окруженные казаками горцы приняли решение умереть, но не сдаваться в плен: «Сделав последний залп по приближавшимся людям, они связали себя предварительно друг к другу ременными поясами, чтобы не разлучаться и чтобы кто-нибудь не попал в искушение остаться живым, обнажили шашки и кинжалы и с заунывным пением мюридского религиозного лозунга «Нет Бога кроме Бога» ринулись навстречу наступающим казакам...

Последовала дико кровавая сцена... сцена потрясающая. Несколько минут каких-то смешанных диких возгласов, стонов, два-три выстрела – и конец. Одиннадцать трупов валялись кучкой, поливая песок своей кровью, а казаки выносили своих тяжело раненых товарищей и одного или двух убитых»²⁷⁸. Примечательно, что публицист «Русского вестника» отнюдь не оправдывал жестокость русских войск в отношении кавказских народов, полагая, что путем дипломатии и разумных уступок Россия могла бы быстрее и без лишних жертв добиться покорности Кавказа. «Да, мы-таки достаточно порадели в пользу Шамиля и немало делали, чтобы продлить борьбу на многие десятки лет, – с горечью признавался он в одной из публикаций. – Что не сделало обаяние прежней безграничной власти, страх жестоких наказаний посредством приверженцев, возбужденный муллами религиозный фанатизм и обычная ненависть к русским, то довершила наша беспечность, наша близорукая бездеятельность и привычка опираться исключительно на могущество штыков, и то уже в последнюю минуту»²⁷⁹.

В третью группу мемуарной литературы можно выделить публикации, посвященные событиям Крымской войны 1854-1856 гг. Интерес к этой теме был спровоцирован отменой в 1871 г. ограничительных статей Парижского мира и необходимостью восстановления и модернизации Черноморского флота вследствие усугубления международной обстановки на Балканском полуострове. Публикуемые в «Русском вестнике» воспоминания о Крымской кампании, которая была отнюдь не победоносной для России, но при этом стала символом мужества и стойкости русского народа, можно рассматривать как своего рода «информационную поддержку» журналом стремлений России вернуть себе лидерство в черноморском регионе.

Авторами большей части мемуаров были офицеры – участники сражений в Крыму и обороны Севастополя. Их публикации, как правило, отличались верноподданической тональностью, в них красной нитью

---

²⁷⁸ Зиссерман А.Л. Отрывки из моих воспоминаний // РВ. 1879. Кн.2. С.734.

²⁷⁹ Зиссерман А.Л. Отрывки ... 1877. Кн.2. С.545-547.

проходила мысль о воинском долге перед царем и отчеством. Так, военный историк, профессор Военной академии М.И. Богданович в очерках «Зима в Севастополе» (1872), «Сражение при Балдуре и Баш-Кадыкларе» (1873) восторженно писал о мужестве русских войск, их твердости и готовности жертвовать всем ради своего государя: «Велики были подвиги храбрости и самоотвержения, совершенные на вылазках защитниками Севастополя. <...> Их возбуждали не награды, не отличия. Они шли на смертный бой за веру, за царя, за Россию, - патетически вспоминал Богданович о совершенном «не ради славы» подвиге солдата Шевченко, закрывшем собой лейтенанта Бирюлева во время боевой вылазки. - Они были все храбры: каждый офицер был Бирюлев, каждый из рядовых Шевченко. Да будут же примером грядущим поколениям русского народа известные и неизвестные герои славной севастопольской обороны, пока пред лицом мира красуется великая, могучая Россия!»²⁸⁰

Вместе с тем многим воспоминаниям было свойственно весьма критическое переосмысление событий Крымской войны, выразившееся в откровенных и горьких размышлениях авторов о просчетах обороны, о недостатке вооружения, о тяжелом быте защитников города и т.п. К примеру, в «Записках черноморского офицера» (1872-1876) А.Д. Сатина - талантливого писателя, боевого офицера, участника обороны Севастополя 1854-1855 гг. также подчеркивались великая сила патриотизма, «теплая вера в Бога» и «беспредельная прирожденная, всосанная с молоком матери любовь к Государю», которые давали людям силы бодро, смело и безропотно идти, «как только Русские умеют идти, ложиться костью за Царя и Россию», воодушевляли на великие жертвы и лишения ради отечества и императора. Но, в отличие от Богдановича, Сатин акцентирует внимание на кровопролитном характере и жестокости военных действий в Крыму, а осаду Севастополя он прямо называет «кровавым омутом». «Я с ужасом смотрел на эти огненные следы, бороздившие мрачное небо, - вспоминал Сатин. - Ведь это смерть.

---

²⁸⁰ Богданович М. Зима в Севастополе. С ноября 1854 по февраль 1855 года. // РВ. 1875. Кн.2. С.522-541.

Сотни смертей, тысячи вдов и сирот! Какой-то холод сжимал мое сердце, я со страхом следил за полетом бомб, и в то же время с гордостью думал: в этой реке русской крови, которая оmyвает Севастопольские бастионы, есть и моя частичка»²⁸¹. С неизменным уважением мемуарист писал о простых русских солдатах и матросах, которые, по его мнению, и стали истинными героями обороны города, сражаясь не за почести и славу, а потому, что «родной край в опасности».²⁸²

Критическая оценка событий 1854-1855 гг. в Крыму содержалась в опубликованных в 1878 г. дневниках А.Д. Камовского «Под громом Крымской войны». Выпускник Царскосельского лицея, он состоял при главнокомандующем русскими войсками князе А.С. Меншикове, был его постоянным спутником и вел постоянные дневниковые записи, которые стали своеобразной летописью событий крымской кампании 1854-1855 гг. Описания героической обороны Севастополя и истинных героев войны – простых солдат, матросов и офицеров - чередуются в дневниках Камовского с горькими размышлениями о том, насколько была не подготовлена русская армия к ведению военных действий, что выражалось, в частности, в нехватке грамотных офицеров. «В Петербурге удивляются: почему не всякий день у нас победа? Почему не на каждом шагу враг от нас бежит со стыдом и срамом вспять? А никто не спросит: да с кем побеждать? – с горечью писал Камовский, - Генералов-то у нас много, да истинно военных людей нет... А молодые офицеры, ученые и переученные по конспектам, хотя и немногие умеют писать по-русски без ошибок, к военному полевому делу решительно не приготовлены»²⁸³. С негодованием автор дневников упоминал о Петербурге, где ждут победных реляций и донесений в духе «врага обратили в постыдное бегство; разбили наголову; гнали по пятам; на плечах их взбежали;

---

²⁸¹ Сатин А. Из записок черноморского офицера. Два эпизода из обороны Севастополя // РВ. 1875. №1. С.151-152.

²⁸² Сатин А. Из записок черноморского офицера... С.151-152.

²⁸³ Под громом Крымской войны (Из дневника, веденного покойным А.Д. Камовским в Крыму, во время военных действий 1853 года) // РВ. 1878. Кн.3. С.169.

уничтожили вчетверо сильнейшего против нас неприятеля» и т.п., руководствуясь при этом чисто бюрократическим подходом и не желая принимать во внимание истинное положение дел в армии. «А нам твердят: бейте и бейте!» - записывал он после прочтения очередной депеши из столицы. С сочувствием в записках Камовского упоминался князь Меншиков, который в глазах многих был главным виновником поражения. Если верить Камовскому, князь был честным человеком, талантливым военачальником, но в силу объективных обстоятельств не мог противодействовать решительному перевесу армии более подготовленного к войне противника, и, кроме того, не желал скрывать истинных причин неудач и говорил «царю и России истину, хотя и во вред себе». Автор записок искренне признавал, что главным желанием всех участников военных действий в Крыму было скорейшее окончание военных действий, «чтобы прекратилось это кровопролитие, чтобы примирились народы и окончили эту страшную кровавую борьбу». Но и «постыдный мир», с точки зрения Камовского, был «еще хуже» и недопустим для России, для ее международного престижа²⁸⁴.

Непредвзятое и откровенное описание военных действий в Севастополе в 1854-1855 гг. содержалось в очерках врача Н.И. Соловьева «Скорбные листы Крымской кампании», «О перевязочных пунктах Севастополя» (1872), в которых поднималась проблема санитарных условий, в которых приходилось воевать и умирать русским солдатам и офицерам. В них отображалась неприглядная сторона Крымской войны, приводились вопиющие факты, подтверждающие неподготовленность российской стороны к длительной и затяжной обороне. Автор прямо писал, что «болезни в этой войне играли не меньшую роль, чем неприятельские пули», в доказательство чего рисовал жуткую картину севастопольского госпиталя: «Больные лежали на нарах и под нарами один подле другого, и при первом же обходе между нами оказалось три мертвеца. Испорченность воздуха невыносимая. Это было как бы второе

---

²⁸⁴ Под громом Крымской войны... С.170.

сражение, но сражение уже не героев на поле чести, а страдальцев, испускающих свой последний вздох на полу». В заслугу автору следует поставить его попытку выявить причины отсутствия элементарных условий в госпиталях и санитарных пунктах: «Не внешний враг нас победил, а внутренний – наши беспорядки, неурядица и отчасти равнодушие общества к общему делу», - таков неутешительный вывод, к которому пришел публицист в заключении своего очерка²⁸⁵. Факты, приведенные Соловьевым, нашли подтверждение в напечатанных в «Русском вестнике» годом позже воспоминаниях младшего врача симферопольского госпиталя И. Л-ского «Впечатления военного врача в Крымскую кампанию» (1873). В них рисовалась вопиющая мрачная картина: недостаток врачей, нехватка транспорта для транспортировки раненых, отсутствие хлороформа для операций, случаи приписок и возможность наживаться на государственный счет и т.п. И все это на фоне терпения и мужества русских солдат, молчаливо переносящих нечеловеческие условия госпитального быта.

Героическая и вместе с тем полная трагизма картина обороны Севастополя глазами жителей города рисовалась в «Рассказах о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854-1855 годов» (1880), собранных Е.В. Новосильцевой. События, воспроизведенные со слов простых обывателей – священника Петропавловской церкви отца Александра Демьяновича, солдаток Анны Любчук и Марфы Токаревой и др., приобретали особую достоверность и передавали истинные масштабы народной трагедии и горя.

В контексте идущих в России в 1860-1870-е гг. военных реформ и событий на Балканах в 1876-1878 гг. публикации Камовского, Сатина, Соловьева, Новосильцевой приобретали особую актуальность.

Ярким примером документалистики «Русского вестника», посвященной событиям Крымской войны стали «Воспоминания о Камчатке и Амуре (1854-

---

²⁸⁵ Соловьев Н.И. Скорбные листы Крымской кампании // РВ. 1872. Кн.9. С.297-371.

1855)» (1876) Ю.Е. Завойко, жены первого военного губернатора Камчатки адмирала В.С. Завойко. Она была неизменной спутницей мужа в его походах и экспедициях и более шестнадцати лет провела в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1854 г. Завойко стала свидетельницей обороны Петропавловского порта на Камчатке - одного из самых драматических эпизодов Крымской войны, когда мощная объединенная англо-французская эскадра при поддержке корпуса морской пехоты в августе 1854 г. предприняла попытку овладеть стратегически важным российским портом на Дальнем Востоке. Лишь спустя двадцать лет после этих событий она решила отредактировать и подготовить к печати сохранившиеся у нее дневниковые записи. Несмотря на то, что это был ее первый литературный опыт, Завойко удалось создать уникальное произведение. В нем подробно и достоверно, до мельчайших деталей воспроизведена оборона Петропавловска и события, предшествующие бою и последовавшие за ним, описан героизм, сила духа и мужество военного и гражданского населения края, патриотические настроения жителей города и камчадалов – коренных жителей Приморья. Достоверность повествованию придают сведения, почерпнутые Завойко впоследствии из донесений мужа. С подкупающей искренностью она описывала, как при появлении вражеской эскадры жены офицеров были вынуждены уйти из города, прощаясь с мужьями, остающимися оборонять порт, словно перед смертью. Взяв на руки малолетних детей, женщины прошли пешком тяжелый, утомительный путь в два десятка километров и провели несколько дней на дальнем хуторе, с тревогой прислушиваясь к звукам канонады и с надеждой ожидая известий о результатах сражения. Эмоциональный фон воспоминаний усиливался благодаря цитируемым в них кратким запискам, которые Завойко получала от мужа из осажденного города: «Отстоим с честью, Бог поможет, сохраним русское имя и покажем в истории, как русские сохраняют честь Отечества. Молись за нас. Благослови детей»,

«Бог за нас, сей день десанту было до 800 человек. Бог нас хранит – отбили»²⁸⁶ и др. С трепетом и душевной болью Завойко цитирует письмо, который муж написал ей накануне решительного боя, на случай если он будет убит: «Ежели меня убьют, я оставляют вас спокойно. Твоя христианская покорность воле Божией поддержит тебя, и сам Бог научит, что предпринять для блага детей. Учи их быть честными, трудолюбивыми, и в случае нужды пусть будут готовы положить жизнь за царя и Отечество. Я вам не оставляю состояния, но умру спокойно. Бог вас не оставит, отцом вам будет Государь»²⁸⁷. Искренность, достоверность, литературный талант Ю.Е. Завойко в сочетании с патриотической направленностью ее очерков полностью соответствовали требованиям Каткова к публикуемой в журнале историко-документальной прозе. Публикации об истории освоения Дальнего Востока в 1870-е гг. были крайне актуальны: Российская империя начинала активно осваивать дальневосточные окраины, предпринимались значительные усилия с целью утвердить присутствие России в этом регионе. Основные идеи очерков Завойко – о необходимости освоения этого богатого и столь стратегически важного для России края - соотносились с передовыми статьями Каткова в «Московских ведомостях», в которых укрепление России на Дальнем Востоке рассматривалось как стратегическая задача, неоднократно заявлялась мысль о необходимости развивать наши тихоокеанские морские силы, усиливать влияние России на Дальнем Востоке, содействовать быстрому и интенсивному экономическому развитию дальневосточных окраин Российской империи и превращению их в один из наиболее богатых регионов.

В четвертую группу мемуарных и эпистолярных материалов «Русского вестника» можно объединить тексты, героями которых были литераторы, художники, актеры, политические и общественные деятели. Это могли быть как весьма известные люди, так и те, имена которых во второй половине XIX в. оказались на грани забвения. Среди них – врач и филантроп Ф.П. Гааз,

---

²⁸⁶ Завойко Ю. Воспоминания о Камчатке и Амуре (1854-1855) // РВ. 1876. Кн.6. С.458, 463.

²⁸⁷ Завойко Ю. Воспоминания... С.473.

известный в Москве как «святой доктор», создатель первого русского постоянного театра Ф.В. Волков, актеры П.М. Садовской, И.И. Сосницкий, А.М. Каратыгина, просветитель И.А. Второв, писатель В.И. Даль, драматург Н.В. Сушков, профессор физиологии Медико-хирургической академии Д.М. Велланский, один из разработчиков крестьянской реформы 1861 г. Я.И. Ростовцев и др. Как представляется, выбор героев этих публикаций был далеко не случаен и отвечал представлениям издателя журнала об истинно полезной деятельности. Все вышеперечисленные лица могли служить в его глазах образцом подлинного служения на благо общества. Таков, к примеру, Н.В. Сушков, жизнь и творчество которого воспроизведены П.К. Щебальским в очерке «Литератор старого времени» (1871). Близко знакомый с Г.Р. Державиным, Н.М. Карамзиным, И.А. Крыловым, Н.И. Гнедичем, А.Н. Олениным и другими литераторами начала XIX вв., Сушков активно печатался в периодике 1820-х гг., совмещая увлечение литературой со служебными обязанностями, которые ему приходилось исполнять в Крыму, Бессарабии, Митаве, Вильно, Минске. Нечестолобивый, не стремящийся к богатству, чинам и почестям, он вышел в отставку в середине 1830-х гг. и посвятил последние тридцать лет жизни литературным трудам, а его дом в Москве стал центром, где собиралась интеллектуальная элита древней столицы. Глубокая религиозность Сушкова, его дружба с митрополитом Филаретом, участие в Московском обществе любителей духовного просвещения, приверженность к классической эстетике, отрицание прагматизма и утилитаризма искусства 1860-х гг. создали ему в глазах сторонников «новой литературы» репутацию «ретрограда», все его произведения подвергались резкой критике и насмешкам со стороны демократической разночинской интеллигенции. Даже его уникальная книга «Московский университетский благородный пансион», изданная в 1858 г. и содержащая беспристрастные характеристики-воспоминания о многих знаменитых учениках этого привилегированного учебного заведения, прошла почти незамеченной. Очерк Щебальского, вобравший многие сохранившиеся

воспоминания о Сушкове, не только восполнял историческую несправедливость по отношению к этому незаметному, но столь много сделавшему для русской культуры человеку, но также имел скрыто полемическую направленность. Признавая заслуги Сушкова и указывая на него как на «живую связь настоящего с минувшим», автор словно бы указывал сторонникам прагматического взгляда на искусство на недопустимость «изъятия» из истории литературы и общественной мысли ее отдельных, пусть даже малозаметных страниц, подчеркивал необходимость понимания преемственности этапов литературного процесса, уважения к каждому его периоду.

В отдельную группу можно выделить публикации, предметом которых было движение декабризма, что в 1860-е гг., в контексте возвращения декабристов из ссылки и включения их в общественные отношения приобретало особую значимость и актуальность. Здесь в первую очередь следует отметить напечатанные в 1868 г. «Записки» Н.И. Греча, написанные в форме кратких биографий деятелей декабристского движения на основе личных впечатлений автора. Достаточно субъективные и весьма неоднозначные оценки давались П.И. Пестелю, К.Ф. Рылеву, М.П. Бестужеву-Рюмину, П.Г. Каховскому, братьям В.К. и М.К. Кюхельбекам, А.А., М.А., П.А. и Н.А. Бестужевым, Н.И. Тургеневу, И.И. Пущину и др. Так, В.К. Кюхельбекер характеризовался как «комическое лицо мелодрамы», А.З. Муравьев – «надутое, не весьма умное существо», Н.М. Муравьев – «молодой, образованный, добрый человек», К.П. Торсон – «серьезный, умный и достойный человек, искусный и ученый моряк», М.С. Лунин – «вздорный человек, который громогласно проповедовал революции и мятежи» и т.п. «Это были благонравные дети, играющие обоюдно острыми кинжалами, сжигающие фейерверк под порохowymi бочками», «гордые аристократы, надутые чувством своей породы, знатности и богатства, смотрели с оскорбительным презрением на людей незнатных и небогатых», - писал Греч о декабристах, вкладывая в эту характеристику свое негативное отношение к

аристократическому меньшинству. Неоднозначность отношения автора к декабристам проявилась и в общей оценке им мотивов, побудивших этих столь различных людей объединиться в единое общество: «Эта смесь противоборствующих стихий: добра и зла, ума и глупости, дерзости и трусости, утонченного образования с грубым невежеством, истины с ложью, правды с обманом, сопровождаемая фанфаронством и худо понимаемым благородством, увлекла в бездну гибели значительное число прекрасных, добрых юношей, подававших самые светлые надежды»²⁸⁸.

Столь же неоднозначной была оценка одного из лидеров декабристского движения А.А. Бестужева в комментариях историка М.И. Семевского, которыми сопровождалась публикация писем декабриста в «Русском вестнике» в 1870 г. С одной стороны, в предисловии к публикации подчеркивались такие качества Бестужева, как негибкая воля, бесстрашие, твердость духа, стремление к постоянному самообразованию, с другой – акцентировалось внимание на его недостатках, которые «состояли в «тщеславии, в постоянном стремлении первенствовать и играть роль»²⁸⁹, что, по мнению Семевского, и привело его к преступным действиям.

Аристократы, чье неумное честолюбие и склонность к авантюризму едва не поставили Россию перед угрозой кровавого хаоса – такими представляли декабристы в публикациях «Русского вестника» конца 1860-1870-х гг. С появлением в России в 1870-е гг. тайных революционных организаций и активизацией их деятельности отрицательное отношение журнала к декабристам еще более усугубилось, что нашло отражение и в мемуарной литературе. Значительную роль в формировании негативного образа декабриста сыграла публикация в 1884 г. воспоминаний постоянного автора журнала Д.И. Завалишина, в прошлом – участника декабристского движения. В них лидеры декабристского движения, и в первую очередь К.Ф. Рылеев

---

²⁸⁸ Из записок Николая Ивановича Греча // РВ. 1868. Кн.6. С.371-421.

²⁸⁹ М.И. Семевский. Александр Бестужев в Якутске. Неизданные письма его родным. 1827-1829. // РВ. 1870. Кн.5. С.213.

характеризовались крайне отрицательно, движущей силой их действий назывались личные цели, указывалось на «совершенный хаос в понятиях...». «Если ... разрушение становится даже не средством, - писал Завалишин, - ... а само по себе целью, то тут уже всякое ничтожество становится героем. Напротив, людей искренне желающих улучшений можно увлечь в разрушительную деятельность только обманом и заблуждением. Разрушительные идеи не имеют сами в себе ничего обаятельного, не могут быть идеалами²⁹⁰.

Наконец, еще одну группу мемуарной литературы «Русского вестника» составляют публикации, основанные на многолетних дневниковых записях и не объединенные какой-либо общей тематикой. Таковы печатавшиеся в 1864-1865 гг. «Воспоминания» Ф.Ф. Вигеля, в которых была представлена широкая картина русского быта и нравов, настроений русского общества последнего десятилетия XVIII - первой трети XIX вв. Член литературного общества «Арзамас», Вигель был хорошо знаком с литературной средой 1820-1830 гг., находился в дружеской переписке и В.А. Жуковским и А.С. Пушкиным, «природная его наблюдательность, неистошимое остроумие, оригинальность его взгляда на многие исторические вопросы и блестящий литературный талант, обнаруживающийся и в мастерстве его рассказа, и в умении, при описании происшествий его жизни, коснуться важных исторических событий, которых он был свидетелем, а иногда и участником» сделали его воспоминания «явлением небывалым в нашей литературе»²⁹¹. Первые же номера «Русского вестника» с мемуарами Ф.Ф. Вигеля произвели настоящую сенсацию и имели большой резонанс. Сильное впечатление от воспоминаний усиливалось благодаря меткости и остроумию характеристик, данных мемуаристом многим своим известным современникам. Среди них были далеко не бесспорные, а нередко и откровенно пристрастные и даже несколько эпатажные, но даже свойственная «Запискам» Вигеля пристрастность оценок

---

²⁹⁰ Завалишин Д.И. Декабристы // РВ. 1884. Кн.2. С.861.

²⁹¹ Воспоминания Ф.Ф. Вигеля // РВ. 1864. Кн.1. С.217-218.

и многочисленные неточности не могли снизить исторической ценности его воспоминаний, которые и по сей день являются источником для современных исследователей и историков.

Не менее выдающимся произведением русской мемуарной литературы стали публиковавшиеся на протяжении 1878-1880 гг. «Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком» - своеобразная энциклопедия старой Москвы XVIII-XIX вв. Это были рассказы московской дворянки Е.П. Янковой, урожденной Римской-Корсаковой, записанные ее внуком - мемуаристом и историком Д.Д. Благово. Янкова, обладавшая наблюдательностью, прекрасной памятью и острым умом, собрала воспоминания пяти поколений своей семьи, воссоздав, таким образом, бытовой уклад и частную жизнь старомосковской семьи и ее окружения. Семейные предания перемежались с рассказами о временах Петра Великого, с которым был лично знаком прадед Е.П. Янковой, историк В.Н. Татищев, о казни Емельяна Пугачева; о событиях времен Отечественной войны 1812 года, оккупации и пожаре Москвы, и т.д. и в совокупности создавали непередаваемый колорит прошедшей эпохи.

Напечатанные в 1883 г. «Записки» Ф.П. Леонтьевой, матери публициста К.Н. Леонтьева, охватывали не столь обширный временной пласт, как воспоминания Е.П. Янковой, но в них также словно бы оживали картины домашнего быта провинциального помещичьего дворянства в начале XIX в. Очень искренно, без всяких прикрас и с полной откровенностью в «Записках» рассказывалось о жизни в провинциальной помещичьей усадьбе, рисовались грубые, а зачастую и жестокие нравы, царившие в помещичьей дворянской среде; описывались мелкие, лишь по прошествии времени приобретающие значение детали провинциального быта. Большое место занимало описание сборов и бегства семейства Леонтьевых от наполеоновской армии. Воспоминания Леонтьевой отличались прекрасным литературным слогом: дочь богатого и родовитого смоленского помещика, генерала Карабанова, она была прекрасно образована (обучалась в Петербургском Екатерининском

институте, где окончила курс с отличием и была лично знакома императрице Марии Федоровне) и обладала тонким вкусом и незаурядными литературными способностями, которые, однако, сама почти не ценила. К написанию воспоминаний Леонтьева приступила по настоянию сына, на умственный склад и эстетические вкусы которого она оказала решительное влияние и который высоко ценил ум и таланты матери. По словам К.Н. Леонтьева, «Записки» его матери были «тем хороши, что они просты и правдивы; от них «веет» тем временем, которое они изображают»²⁹². Записки Ф.П. Леонтьевой, насыщенные достоверными свидетельствами, замечательными подробностями и описаниями как исторических событий и лиц, так и мало кому известных соседей по усадьбе, явились одним из замечательных документальных свидетельств истории России первых лет XIX века.

Таким образом, мемуарная литература, которую современные исследователи образно называют «зеркалом души, пропустившей через себя историю», «связующим звеном прошлого, настоящего и будущего»²⁹³, занимала важное место в структуре журнала «Русский вестник». Можно сказать, что этот журнал стал одним из изданий, благодаря которым была заложена основа научного изучения мемуаров как исторических источников.

Особую группу историко-документальной прозы «Русского вестника» составляют публикации, в центре внимания которых были действия российских войск в Средней и Центральной Азии в 1860-1880-е гг.: завоевание Чимкента, Ташкента, Самарканда, Бухарского эмирата, установление протектората Российской империи над Хивинским ханством и присоединение Кокандского ханства, Ахал-Текинская экспедиция и т.д. Эта тематика во второй половине XIX в. приобрела особую актуальность в связи с интенсивным развитием капиталистических отношений в странах Европы и

---

²⁹² Записки Ф.П. Леонтьевой. Предисловие // РВ. 1883. Кн.10. С.815.

²⁹³ Кипнес Л.В., Сервие Е.О. Мемуарная литература и ее коммуникативная особенность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. №2(34). С.137-140; Георгиева Н.Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. №1. С.126-138.

усилением конкуренции за новые рынки сбыта. «Восточный вопрос», возникший еще во второй половине XVIII в., к этому времени превратился в одну из центральных проблем международной политики, и внешний курс ведущих европейских держав - Англии, Франции, Австрии, Пруссии, России - был нацелен на расширение колониальной экспансии на Ближнем и Дальнем Востоке, на Кавказе, на усиление влияния на Балканах. М.Н. Катков, будучи сторонником активной внешней политики, в «Московских ведомостях» решительно отстаивал мысль о необходимости упрочения влияния России на славянское население Балканского полуострова, настойчиво подчеркивал важность дальнейшего продвижения России на Восток и в Среднюю Азию, убеждал в целесообразности скорейшего освоения территории Кавказа и черноморского побережья. По мнению идеолога «Московских ведомостей», только активные действия России в этом направлении могли бы противодействовать агрессивной политике европейских держав, и в первую очередь – остановить экспансию Британской империи. «Нам нужно обеспечить за собой ворота Черного моря, которое должно быть по преимуществу русским, - решительно писал редактор «Московских ведомостей». - Только такое решение Восточного вопроса, о котором теперь все опять заговорили, может быть принято Россией»²⁹⁴.

Распространение власти Российской империи на азиатские территории рассматривалось в публицистике журнала как явление в высшей степени прогрессивное и полезное как для самой России, так и для населявших Азию народов. В очерке «От Ташкента до Каты-кургана» (1870) Н.А. Маева, записках «Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году» (1871) Н.Г. Залесова, одного из участников русской делегации 1858 г., в дневниковых записях «Поездка в Бухару» (1875) дипломата Н.П. Стремоухова, участника российского посольства в Бухару в 1874 г. и др. публикациях проводилась мысль об исторических правах Российской

---

²⁹⁴ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 24.09.1881. №265.

империи на азиатские территории, подчеркивались многолетние экономические связи Азии с Россией, указывалось на добровольный характер присоединения ряда территорий и благотворное влияние колонизации на местное население. Указание на добровольность подчинения приобретало особую актуальность и значение в контексте сложных отношений России с Англией, которая также претендовала на земли Туркестана, прикрывая эти планы стремлением обезопасить свои индийские владения. Отголоски российско-британского конфликта можно заметить во многих текстах, например, в путевых очерках В.В. Крестовского «В гостях у эмира Бухарского» (1882), в основу которых легли впечатления, полученные писателем по время «посольства дружбы» в Бухару к эмиру Музаффар-эд-дин Бахадур-хану. Увлекательно и динамично рассказывая об истории, культуре, занятиях бухарцев, о национальных, экономических, политических проблемах этого региона, Крестовский не забывал подметить и сложный характер российско-британских отношений на Ближнем Востоке, обусловленный борьбой двух империй за влияние в этом стратегически важном регионе.

Авторы «Русского вестника» стремились доказать, что объединение азиатских государств с Россией позволит им ликвидировать средневековые пережитки, поспособствует прекращению племенных междоусобиц и межнациональных конфликтов, избавит местное население от жестокой эксплуатации со стороны туземных властей и позволит приобщиться к цивилизации. Убедительно звучит свидетельство знаменитого ученого и путешественника Н.М. Пржевальского, который писал, что во время путешествия по Центральной Азии ему «постоянно приходилось быть свидетелем высокой симпатии и уважения, какими пользуется имя русское среди туземцев, за исключением лишь Тибета, где нас мало знают». «Зато среди других народностей Центральной Азии их стремление к России достигает чуть не крайних пределов, - утверждал исследователь. - Номады-монголы, дунганы, т.е. китайские магометани, и жители Восточного Туркестана, в особенности последние, только и мечтают, как бы сделать

подданными Белого Царя, имя которого, наравне с именем далай-ламы, является в глазах азиатских масс в ореоле чарующего могущества. С чаянием власти русской у тех же азиатцев сохраняется твердое убеждение, что тогда для них наступит лучшая и более обеспеченная жизнь»²⁹⁵.

При этом авторы «Русского вестника» не пытались «замолчать» потери и трудности, которые сопутствовали военным экспедициям в Азию. Так, писатель, художник, востоковед, один из крупнейших российских разведчиков М. Алиханов-Аварский «без купюр» описывали тяготы Хивинского похода, трудности, с которыми приходилось сталкиваться русским войскам: нестерпимая жара, отсутствие в достаточном количестве питьевой воды, быстро портящиеся продовольственные запасы и т.п.²⁹⁶ В опубликованных в 1883 г. в «Русском вестнике» путевых записках И.В. Квитки, служившего волонтером в отряде М.Д. Скобелева, командовавшего русскими войсками в ходе второй Ахал-Текинской экспедиции, 1880-1881 гг., отмечалось, что «полного умиротворения края» удалось достичь «той кровавой баней (собственное выражение г. Скобелева), которую он задал текинцам 12 января»²⁹⁷, приводилась цифра погибших при штурме крепости текинцев – «в Геок-Тепе и вне крепости схоронено шесть тысяч и осталось еще столько же». Отдавая должное воинственности текинцев-защитников крепости, автор записок отмечал миролюбивые намерения русской администрации и отсутствие какой-либо агрессии со стороны побежденных: «Текинцы являются толпами, сдают оружие, и затем особо назначенная комиссия отводит им для поселения прежние их участки».

Публицисты «Русского вестника» рассматривали присоединенные территории отнюдь не как «сырьевую базу» империи и даровой источник природных богатств, а их население – как дешевую рабочую силу. Напротив,

---

²⁹⁵ Пржевальский Н.М. Современное положение Центральной Азии // РВ. 1886. Кн.12. С.492.

²⁹⁶ Арский А.В. <Алиханов-Аварский М.> Степь и оазис (Письма о Хивинском походе 1873 года) // РВ. 1879. Кн.7. С.189.

²⁹⁷ Квитка И.В. Поездка в Ахал-Теке.1880-1881 // РВ. 1883. Кн.6. С.592.

они предлагали целый комплекс мер, направленных к улучшению экономического состояния этих земель и повышению уровня жизни местного населения: расширение внутреннего рынка, развитие местной промышленности и торговли, строительство дорог, связывающих Центральную и Среднюю Азию с Центральной Россией. Возможности и перспективы колонизации азиатских территорий оценивались публицистами журнала трезво и достаточно объективно, с полным пониманием тех трудностей и осложнений, какими сопровождалось их освоение. Так, в весьма интересном по содержанию и динамично написанном путевом очерке С.С. Болотова «С Сыр-Дарьи» (1866) подчеркивалось, что край требует много сил и финансовых вложений, а тех, кто решится заняться земледелием на Сыре, ждет «усиленный и огромный труд»²⁹⁸. Автор откровенно писал о предстоящих трудностях колонизации, связанных с отсутствием путей сообщения и мест обработки сырья, необходимостью завозить все нужные материалы из России и т.д. Князь Д.Н. Долгорукий, целью путешествия которого в Среднюю Азию стало знакомство местным шелководством с намерением устроить собственное производство, в путевых заметках «Пять недель в Кокане» (1871) отмечал, что одной лишь военной силы для удержания этих земель будет недостаточно, и для полного и окончательного укрепления их за Россией необходима правильная русская колонизация: «Штыки могут открыть дорогу, приобрести страну и наконец охранить ее; но они бессильны устроить и органически укрепить завоеванное, без помощи других чисто мирных элементов»²⁹⁹.

Каким видели авторы «Русского вестника» местное население присоединенных территорий Средней Азии? С одной стороны, коренные жители представляли в очерках как невежественные варвары, стоящие на низшей ступени культурного развития и не знакомые с элементарными понятиями, известными любому цивилизованному человеку. С другой –

---

²⁹⁸ Болотов С.С. С Сыр-Дарьи // РВ. 1866. Кн.3. С.173.

²⁹⁹ Кн. Дм. Д-ой <Долгоруков Д.Н.> Пять дней в Кокане // РВ. 1871. Кн.1. С.294-295.

авторы оправдывали их невежественность отсутствием каких-либо возможностей получить воспитание и образование, и при этом указывали на природные качества, свидетельствующие об их прирожденных способностях и достоинствах. Так, Б.М. Юзефович, который, будучи чиновником особых поручений при Оренбургском генерал-губернаторе Н.А. Крыжановском, в 1877 г. несколько месяцев прожил в Тургайской области, отмечал их благожелательное отношение к русским, природную «смышленость»³⁰⁰, С.С. Болотов подчеркивал такие качества киргизов, как послушность, надежность, верность обязательствам, честность, порядочность, охоту приобщиться к образованию³⁰¹, добродушие киргизов отмечал в своих путевых заметках И.И. Зарубин³⁰². Офицеры – авторы записок об Ахал-Текинской экспедиции - с уважением писали о своих грозных противниках-текинцах, отдавая должное их воинским качествам и стремлению к свободе и независимости. Так, чувство собственного достоинства и самоуважение, «беззаветная храбрость и самолюбивая гордость – основные черты в характере текинцев» отмечались в обширном очерке И.Ю. Поповича-Липовца, участника первой Ахал-Текинской экспедиции³⁰³.

Особый интерес среди публикаций «Русского вестника» представляют документальные очерки «Военные действия на Оксусе и падение Хивы» американского военного корреспондента Я.А. Мак-Гахана³⁰⁴, опубликованные в качестве приложения к журналу в 1875 г.³⁰⁵ Уроженец Северной Америки, Мак-Гахан еще во времена франко-прусской войны и парижской коммуны прославился своими публикациями в «New-York Herald», а в 1872 г. в качестве

---

³⁰⁰ Юзефович Б. О быте киргизов Тургайской области. // РВ. 1880. Кн.4. Л.831-832.

³⁰¹ Болотов С.С. С Сыр-Дарьи // РВ. 1866. Кн.3. С.195.

³⁰² Зарубин И.И. По горам и степям Средней Азии. Путевые заметки от Москвы до Кульджи // РВ. 1879. Кн.11. С.263.

³⁰³ Попович-Липовец И.Ю. Ахал-Текинцы // РВ. 1882. №3. С.179.

³⁰⁴ Перевалова Е.В. «Русский Туркестан» глазами американского корреспондента // Коммуникация в современном мире. Материалы Междунар. нач.-практ. конф. исследователей и преподавателей массовой коммуникации – Воронеж, 2021. С.163-165.

³⁰⁵ Первоначально очерки под заглавием «Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiva» были изданы в Лондоне в 1874 г., в русском переводе впервые были напечатаны в приложении к «Русскому вестнику» в 1875 г.

корреспондента этой газеты приехал в Россию и по заданию редакции отправился к экспедиции туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана, целью которой было завоевание Хивинского ханства. Энергичный, решительный, мужественный, журналист лично присутствовал во время военных операций на бое боя, тесная дружба завязалась между ним и полковником М.Д. Скобелевым. «Настоящий блуждающий огонек между военными корреспондентами», «бесстрашный и талантливый повествователь правды» - так характеризовал Мак-Гахана его коллега, корреспондент «New-York Times» А. Форбз³⁰⁶. Живо, увлекательно и вместе с тем объективно и непредвзято Мак-Гахан рассказывал о событиях, очевидцем которых он был. Он с нескрываемой симпатией писал о русских войсках, о том, что они несут народам Средней Азии не только цивилизацию, но и свободу, и особенно акцентировал внимание на доброжелательном отношении местных жителей по отношению к русским. «Как персияне, так и все рабы, - отмечал публицист, - с безумным восторгом приветствовали приближение русских, зная, что занятие русскими какого бы то ни было пункта в Центральной Азии сопровождалось немедленным освобождением рабов»³⁰⁷. Публицист подчеркивал прогрессивное значение присоединения среднеазиатских территорий к России, указывал на связанное с этим оживление экономических связей и торговых отношений, трезво и объективно оценивал возможности и перспективы их колонизации, выражая уверенность, что только под протекторатом России и при ее поддержке эти мало освоенные территории смогут со временем превратиться в преуспевающий и благополучный край. «Я убежден, - подводил итоги Мак-Гахан, - что по мере распространения русского владычества в Центральной Азии, вся страна между Сыром и Аму-Дарьей примет самый цветущий вид»³⁰⁸.

---

³⁰⁶ Б.п. Мак-Гахан. Некролог // МВ. 8.06.1878. №144.

³⁰⁷ Мак-Гахан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы // РВ. 1875. Кн.5. Приложение. С.227.

³⁰⁸ Мак-Гахан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы // РВ. 1875. Кн.2. Приложение. С.57.

Путевые очерки и записки Мак-Гахана, Болотова, Поповича-Липовца, Зарубина и др. авторов не только знакомили с подробностями военных операций, но и создавали образ новых «азиатских владений» России, расширяли представления читателей о коренных народах малоосвоенных окраин империи, их политическом и общественном устройстве, истории, обычаях и традициях, формировали толерантное и доброжелательное отношение к новым подданным Российской империи, уважение к представителям иных национальностей, культур и религий. Непредвзятый подход авторов очерков к событиям в Средней Азии, широкое и ясное понимание военных и политических целей военных экспедиций русских войск служило наглядной иллюстрацией внешней политики России, стремящейся расширить свои границы на Кавказе и на Ближнем Востоке и предотвратить в этих регионах агрессивную экспансию европейских держав.

Историко-документальная проза «Русского вестника», содержащая большое количество малоизвестных фактов, сведений об укладе, быте, нравах и повседневной жизни ушедшей исторической эпохи и – главное – непосредственные впечатления очевидцев событий, могла рассказать и разъяснить читателю гораздо больше, нежели тома официальных документов и научных статей. Субъективный характер мемуаров и эпистолярия, неизбежно присутствующие в них личностное начало и личные оценки происходящего, нередко зависящие от идейных воззрений авторов, повышали их познавательную ценность и значимость как исторических источников.

Выбор публикуемой в «Русском вестнике» историко-документальной прозы, большая часть которой была посвящена кризисным моментам отечественной истории – войне 1812 г., событиям Крымской войны, военным действиям на Кавказе и в Средней Азии, во многом был обусловлен заявленными в журнале идеями сохранения духовного наследия России и патриотического служения. По убеждению издателя, именно в кризисные моменты истории – во время войн, когда на первый план выходит защита отечества и выполнение священного долга перед родиной, - происходит

«возрождение всех нравственных сил и слияние воедино всех сословий народа»³⁰⁹. Звучащая в историко-документальной прозе мысль о величии России, особом духовном строе русского национального характера соответствовала задачам издания, стремившегося формировать у читателей чувства патриотизма, гордости за свое отечество и верности долгу.

2.2. Образ императора Александра I в материалах журнала «Русский вестник»

Имя императора Александра I чаще, нежели имена других русских государей, можно встретить на страницах «Русского вестника». Это был один из самых противоречивых и неоднозначных русских монархов: «Агамемнон Европы», «сфинкс, не разгаданный до гроба», «царственный мистик», «коронованный Гамлет», «истинный византиец, тонкий притворщик, хитрец», «сущий прельститель» - лишь малая часть эпитетов, которые сопровождали его на протяжении жизни и после смерти. Четверть века его правления – 1801-1825 годы - была необыкновенно насыщена событиями: либеральные реформы и «аракчеевщина» с военными поселениями и борьбой с вольнодумством; антинаполеоновские кампании 1805-1807 годов и заключенный в Тильзите союз с французским императором; «дубина народной войны» 1812 года и триумфальное вступление русских войск в Париж; основание Священного союза и возникновение тайных обществ... В сознании потомков к концу XIX века сложился образ Александра Павловича – актера и лицедея, постоянно меняющего маски и сочетающего в душе самым причудливым образом одновременно «светлую» и «темную» стороны.

Публикации «Русского вестника», в центре внимания которых - личность императора Александра I и события его царствования, приобретают особый интерес в контексте консервативной направленности издания.

---

³⁰⁹ Б.п. <Катков М.Н.> К какой мы принадлежим партии? // РВ. 1862. Кн.2. С.832-844.

Повышенное внимание журнала к личности Александра I было обусловлено сразу несколькими причинами. Во-первых, тема Отечественной войны 1812 г., в ходе которой император заслужил славу победителя Наполеона и спасителя Отечества, была одной из основных в журнале, издатели которого видели одну из своих задач в воспитании патриотических чувств читателей и сохранении исторической памяти о героическом прошлом России. Во-вторых, реформы, предпринятые Александром I, не могли не привлечь внимания издателей в период преобразований Александра II, затронувших самые различные сферы государственной и общественной жизни. И, наконец, польское восстание 1863 г., попытки «обрусения» Польши, антироссийская политика западных держав, прежде всего Англии и Австрии, явно сочувствовавших антирусским выступлениям в Западных губерниях Российской империи, - все это подогревало интерес к историческим корням «польского вопроса», в т.ч. к событиям периода правления Александра I: Венскому конгрессу, разделу польских территорий между Россией, Австрией и Пруссией, правам и свободам, предоставленным русским монархом своим новым польским подданным и т.д. Чтобы понять, насколько важное значение придавалось редакцией «Русского вестника» именно этой стороне внешней политики Александра I, достаточно сказать, что большая часть публикаций на эту тему появилась в журнале именно в 1860-е гг., в момент наибольшего обострения «польского вопроса».

Впечатляет уровень авторов «Русского вестника», обращавшихся в своих публикациях к событиям александровской эпохи и личности императора. Среди них – выдающийся российский историк второй половины XIX в. профессор Московского университета С.М. Соловьев, известный ученый-славист Н.А. Попов, авторитетные специалисты по военной истории генералы Н.Ф. Дубровин и М.И. Богданович, публицисты М.Н. Лонгинов, Е.М. Феоктистов, П.К. Щебальский, П.П. Каратыгин и др. Вклад большинства из них в историческую науку до сих пор мало изучен и остается вне общей

критической оценки, поэтому позволим себе небольшую характеристику их публикаций.

Перу военного историка генерала Н.Ф. Дубровина принадлежало обширное исследование «Сербский вопрос в царствование императора Александра I» (1863), в котором рассматривались вопросы внешней политики России на Балканском полуострове в первую четверть XIX века. Во второй половине XIX в. авторитет Дубровина как одного из ведущих специалистов по военной истории был общепризнанным, свидетельством чего стало его избрание в Академию наук по историко-филологическому отделению и назначение на должность редактора одного из самых авторитетных исторических журналов «Русская старина». Обилие фактов, подкрепленных ссылками на архивные источники, скрупулезный анализ событий на Балканах, выявление взаимосвязи «восточного вопроса» с событиями в Западных губерниях России и «большой игрой» ведущих европейских держав делают его публикацию весьма любопытным историческим источником.

В статье ученого-слависта Н.А. Попова «Варшавское герцогство» (1866) на основе анализа богатого исторического материала и статистических документов рассматривается недолгая история государства, образованного в 1807 г. в соответствии с условиями Тильзитского мира на бывших польских территориях и являвшегося протекторатом наполеоновской Франции. История тем более интересная для русского читателя, что герцогство было самым верным из союзников Наполеона и для кампании 1812 г. предоставило в его распоряжение стотысячную армию, сражавшуюся вплоть до последнего дня войны; по решению Венского конгресса большая часть герцогства отошла к России как автономное Царство Польское.

Значительный интерес представляют публикации одного из крупнейших в XIX в. исследователей русско-наполеоновских войн генерала М.И. Богдановича, автора целого ряда капитальных исторических трудов. В «Русском вестнике» появилось несколько его статей: «Сражение при Лубине» (1857), «Союзные полководцы во вторую кампанию 1813 года» (1861),

«Император Александр I в Париже» (1865) и «Детство и юность Александра I» (1866), в которых приводились многочисленные подробности о личности, военной и дипломатической деятельности этого монарха. Блестящая эрудиция, большое количество ссылок на рукописные и печатные источники, обилие документальных сведений, почерпнутых из государственных архивов, цитирование ранее не издававшихся бумаг и документов, а также легкий, почти беллетристический стиль изложения делали материалы Богдановича доступными для широкого круга читателей.

Написанная на основе многочисленных архивных материалов, воспоминаний и других документальных свидетельств эпохи статья М.Н. Лонгинова «Граф Сперанский» (1859) и по сей день остается одним из фундаментальных источников по истории первых лет царствования императора Александра Павловича. Труды Лонгинова - вдумчивого исследователя-историка и литературоведа, человека блестящей эрудиции, автора около трехсот сочинений, в которых скрупулезно, буквально по крупинкам восстанавливались события отечественной истории XVIII – начала XIX вв. - до сих пор остаются в тени его чиновничьей деятельности. В должности руководителя Главного управления по делам печати, которое Лонгинов возглавлял в 1871-1875 гг., он заслужил, благодаря своей фанатичной нетерпимости к инакомыслию, сомнительную славу «самого реакционного» «главного цензора» России. А ведь именно его статьи, опубликованные в «Русском вестнике» в первые годы правления Александра II и составившие несколькими годами позднее книгу «Н.И. Новиков и московские мартинисты», положили начало изучению трудов одного из самых заслуженных и активных деятелей эпохи Просвещения, вольнодумца, посмеявшегося вступить в принципиальную полемику с самой Екатериной. Публикация статьи Лонгинова о Сперанском совпала с первыми шагами в деле освобождения крестьянства, и она стала в буквальном смысле гимном реформаторским начинаниям Александра I и Сперанскому как их главному инициатору. «Сильный дарованиями и убеждениями, он первый проговорил у

нас сознательно слово истинной законности, поддерживал и развивал свою заветную мысль, пострадал за ревностное служение ей и совершил свое предназначение в размерах, возможных для его времени, - писал Лонгинов. - Он первый из нас, людей нового поколения; он проложил дорогу лучшим деятелям нашего поколения, которых он законный родоначальник. Вот его лучшее право на нашу признательность, вот его главное, высокое значение. Так по крайней мере смотрели мы на него, когда писали наш очерк, слабую дань памяти великого человека»³¹⁰.

Доскональный и основательный подход к истории александровского царствования характерен для статей историка П.К. Щебальского «Военные поселения и граф Аракчеев» (1871), «Идеалисты и реалисты» (1871). Написанные на основе досконального изучения архивных источников, воспоминаний и свидетельств очевидцев, эти публикации отличались объективностью и беспристрастностью суждений, строго научной обоснованностью оценок, а также сдержанностью тона, что признавали не только друзья, но и многочисленные политические и литературные оппоненты историка, которые уважали его за искренность, твердость характера и независимость мнений. «Щебальский лицо искреннее, а не направленческое, как Аксаков, - писал хорошо знавший историка Н.С. Лесков. – <...> Как “литературный характер” это был самый благородный и вполне независимый человек и патриот с превосходным тактом»³¹¹.

В отличие от выдержанных в строго научном стиле публикаций Попова, Соловьева, Дубровина, Щебальского и Лонгинова, статья Е.М. Феокистова «Польские интриги в первой четверти нынешнего столетия» (1865) представляет собой не столько научное исследование, сколько публицистическое выступление, страстное и эмоциональное. И это не удивительно. Поводом к ее написанию стала книга «Александр I и князь

---

³¹⁰ Лонгинов М.Н. Граф Сперанский (1772-1839) // РВ. 1859. Октябрь. Кн.2. С.575-576.

³¹¹ Лесков Н.С. Письмо А.С. Суворину. Март 1886 г. Петербург. // Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т.11. С.312.

Чарторыйский. Переписка» (1865), изданная в Париже известным французским публицистом и историком Шарлем де Мазадом, сотрудником авторитетного парижского двухнедельного журнала «Revue des Deux Mondes». Де Мазад был известен своими антироссийскими выступлениями в печати, в т.ч. в адрес издателя «Русского вестника» и «Московских ведомостей» М.Н. Каткова, о котором писал как об «ужасном человеке» и главе «ультра-патриотического движения в России». На этот раз Де Мазад на основании эпистолярных материалов пытался доказать, что русский император считал западные области России польскими территориями и намеревался, соединив их с Польшей, даровать им отдельное политическое устройство. Подобная интерпретация политики Александра I в Западном крае не могла не вызвать решительную отповедь со стороны автора «Русского вестника».

Реконструкция образа императора была представлена в мемуарной литературе «Русского вестника». В отличие от научных статей, мемуарам была свойственна субъективность и излишняя комплиментарность по отношению к императору, однако именно пристрастное отношение к личности царя и событиям его эпохи, искренняя заинтересованность в происходящем придавала этим текстам необычайную живость в передаче впечатлений. Непосредственный отклик очевидцев событий, малоизвестные факты и подробности об укладе, быте, нравах, привычках и повседневной жизни Александра I и лиц из его ближайшего окружения воспроизводили «живую», многоплановую картину его царствования и сообщали и разъясняли читателю гораздо больше, нежели тома официальных документов и научных статей. Ярко и наглядно история первой четверти XIX в. представлена в воспоминаниях А.М. Каратыгиной, Ф.Ф. Вигеля, Е.П. Яньковой, С.Н. Глинки и др. Безусловно, литературная и историческая значимость этих публикаций неравнозначна, как и степень информированности их авторов, но неизбежно присутствующее в них личностное начало, индивидуальность восприятия событий прошлого и глубоко личностный характер изложения придают им

высокую познавательную ценность и превращают в прочную основу для изучения александровской эпохи.

Среди мемуарных материалов и публикаций профессиональных историков выделяется очерк П.П. Каратыгина «Супружество императора Александра I» (1886). Во-первых, даже в конце XIX в. личная, а тем более семейная жизнь монархов редко становилась предметом освещения в прессе, и уж конечно же – не подлежала каким-либо комментариям и оценкам, а потому уже само название статьи звучало достаточно сенсационно и даже вызывающе. Во-вторых, А.П. Каратыгин не принадлежал к числу признанных ученых-историков, современники оценивали его лишь как «опытного компилятора», хотя и признавали, что его работы читаются «с величайшим интересом»³¹². Сын известного столичного актера Петра Каратыгина, он в своей жизни переменял много профессий: работал в департаменте внешней торговли, два года служил вольноопределяющимся в Кексгольмском лейб-гвардии полку, некоторое время выступал в театре, однако истинным его призванием все же стала литература. Помимо историко-мистических романов «Чернокнижники» и «Заколдованное зеркало», он собрал и опубликовал целый ряд историко-биографических очерков о деятелях российской истории и культуры конца XVIII – первой половины XIX века: П.С. Потемкине, А.И. Остермане, Л.В. Дубельте, А.Х. Бенкендорфе, Павле I, И.К. Айвазовском, Т.Г. Шевченко, В.А. Асенковой, Д.Т. Ленском, В.И. Рязанцеве, И.И. Сосницком, М.С. Щепкине и др. В очерке для «Русского вестника» Каратыгин не ограничился лишь историей отношений Александра I с супругой Елизаветой Алексеевной, но и весьма подробно описал детство и юность императора, охарактеризовал тех, кто занимался его воспитанием и оказал наиболее сильное воздействие на становление его личности, проанализировал взаимоотношения с ближайшим окружением в разные периоды жизни и т.д.,

---

³¹² В.З. Холерный год. Историческая монография, составленная по печатным материалам и устным рассказам современников П.П. Каратыгиным. СПб, 1887. // Исторический вестник. 1887. Т.XXX. Октябрь. С.232-233.

при этом обильно цитируя прессу первых десятилетий XIX в., в первую очередь – «Санкт-Петербургские ведомости», выдержки из писем, воспоминаний и дневников современников.

Мемуаристы были на редкость единодушны в изображении и оценке императора Александра I. На страницах воспоминаний он предстает как «благословенный», великодушный, щедрый, чувствительный, добрый, окруженный всенародной любовью и обожанием. Так, С.Н. Глинка, очевидец торжественного въезда царя в Москву в декабре 1809 г., в ярких красках описывает чувство единения с царем, охватившее москвичей в тот день: «Вот император Александр выходит из саней у Тверской заставы и въезжает в столицу верхом. Слышите звон колокольный, но он не заглушает кликов восхищенного народа. Слышите ли эти душевные восклицания: “Отец! Отец наш! Ангел наш!” Государь ехал один, теснимый со всех сторон сонмами народа. Иные хватались за лошадь императора; другие целовали узду и стремяна. Лошадь от давки народной покрыта была потом. Множество торопливых рук стирали пот платками и чем могли, чтобы передать эти памятники своим домашним. И все это время продолжались восклицания: “Здравствуй, надежда-государь. Приезжай к нам почаще! Мы каждый день, каждый час, наш родной отец, молимся за тебя Господу Богу!” Вот государь сходит с лошади у Иверской Божией Матери. Он преклоняет колено, он молится. И вся Москва от лица народа молится с царем своим. Что это такое? Это преддверие великого двенадцатого года. Это время было в полном смысле праздником народным»³¹³. В дни иноземного нашествия Александр воспринимался как лидер нации, олицетворение России и русской нации, воплощение единения и сплочения всех сословий. Е. П. Янькова, свидетельница посещения Александром I Москвы летом 1812 г., так писала об этих днях: «Вся столица ожидала государя с нетерпением. Июля 12 государь прибыл в Москву ночью. На другой день был выход в Успенский собор.

---

³¹³ Из записок Сергея Николаевича Глинки (от 1802 до 1812) // РВ. 1865. Кн.7. С.265-266.

Встреча была торжественная, всеобщий восторг которого и описать нельзя, и государь от умиления вышел из собора весь в слезах»³¹⁴. Показательно, но, по свидетельству публицистов «Русского вестника», и жители завоеванного Парижа встречали российского императора с таким же «восторгом спасения», причину которого авторы журнала видели в освобождении от «тяжкого наполеоновского ига» и в «приветливости и очаровательном обхождении российского монарха»³¹⁵.

Внезапная смерть Александра I, как пишут мемуаристы, произвела на всех ошеломляющее впечатление и воспринималась как всенародная трагедия. Москвичи «все были убиты горем и совершенно растерялись; все его любили, о нем горевали и плакали, - вспоминала Янькова. - Особы чиновные по классам облеклись в траур, а мы бесклассные дворянки, тоже сняли с себя цветное и надели черное платье. Прекратились всякие увеселения, театры, балы, - все кончилось, и Москва притихла на долгое время, все были в каком-то страхе и ожидании, точно чуяли что недоброе»³¹⁶. Она подробно описывает встречу траурного кортежа, когда «несметные толпы народа», пешком и в экипажах, растянувшись аж на две версты, провожали колесницу с телом императора от Коломенского до Архангельского собора в Кремле, а затем в течение трех дней и днем, и ночью «народ не перемежаясь все толпился в соборе, несмотря на то что соборы были еще в ту пору холодные, из усердия то и дело ставили пред гробом свечи»³¹⁷.

Авторы мемуаров отмечали простоту и естественность Александра в общении с подданными, его доступность, приветливость и «ласковое обращение», которым он в буквальном смысле «очаровывал» каждого. «Он не внушал страха, но располагал к себе сердца; такое имел лицо, что глаз оторвать от него не хотелось, так все и смотрели бы на него», - характеризовала

---

³¹⁴ Янькова Е.П.> Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. Записанные и собранные ее внуком // РВ. 1878. Кн.8. С.723.

³¹⁵ Богданович М.И. Император Александр I в Париже // РВ. 1865. Кн.1. С.322.

³¹⁶ <Янькова Е.П.> Рассказы бабушки... 1880. Кн.7. С.300-301.

³¹⁷ <Янькова Е.П.> Рассказы бабушки... 1880. Кн.7. С.304.

императора Янькова³¹⁸. Мягкость, утонченную вежливость Александра, его очаровательную любезность в обращении со всеми без исключения подданными отмечал Каратыгин³¹⁹. По свидетельству Вигеля, в первые годы своего царствования Александр в летнее время предпочитал «самый укромнейший, совсем забытый Каменноостровский дворец», где «люди всякого звания, даже простые мужики могли безвозбранно ходить (и ходили) под самыми окнами, не высоко над землею стоящего царского кабинета и почти в него заглядывать: это его чрезвычайно тешило и радовало»³²⁰. Любопытное свидетельство о личной встрече с монархом сохранилось в записках актрисы А.М. Каратыгиной, которая в декабре 1824 г. обращалась к нему с прошением из-за притеснений, которым ее подвергали в дирекции петербургских театров. История, описанная актрисой в воспоминаниях, напоминает всем известную встречу Маши Мироновой, главной героини пушкинской «Капитанской дочки», с императрицей Екатериной II в Царскосельском парке. «Прибыв в Царское Село, - пишет Каратыгина, - после тревожной ночи в какой-то гостинице, я 22 декабря 1824 г. в девятом часу утра отправилась в дворцовый сад, где разметавшие снег работники сообщили мне, что государь сейчас прошел к птичнику. И точно, я вскоре увидела его величество, идущего ко мне навстречу. Приостановясь, я молча поклонилась ему. Государь Александр Павлович, сделав несколько шагов, оглянулся и, видя меня по-прежнему стоящую неподвижно, возвратился ко мне и милостиво спросил: “Вы желаете говорить со мной?”». В отличие о пушкинской героини, которая и не догадывалась о том, что встреченная ею в парке дама и есть императрица, Каратыгина знала, с кем она повстречалась и, конечно же, сильно волновалась, но, по ее словам, вся робость исчезла «при виде ласкового выражения прекрасного его лица» и она «сколь было возможно, яснее и короче, изложила ему сущность просьбы». В отличие от

---

³¹⁸ <Янькова Е.П.> Рассказы бабушки... 1880. Кн.7. С.296.

³¹⁹ Каратыгин П.П. Супружество императора Александра I. 1793-1825 // РВ. 1886. Кн.11. С.237.

³²⁰ Воспоминания Ф.Ф. Вигеля... 1864. Кн.8. С.513-514.

царственной героини романа А.С. Пушкина, Александр не стал тут же читать подготовленное актрисой прошение, а рекомендовал запечатать его в конверт и отослать по почте «на его собственное имя» «в собственные руки», и тогда «через четверть часа прошение будет у него в кабинете на столе»³²¹. Увидев, что его собеседница совсем замерзла, император посоветовал ей «войти во дворец и обогреться», пообещал лично переговорить с графом М.И. Милорадовичем, от которого во многом зависело решение вопроса, «вежливо раскланялся и тотчас удалился». Поистине изумительная простота нравов, позволившая избежать бюрократических проволочек и длительных согласований!³²²

Авторы мемуаров не только воссоздавали историю, но и творили мифы, и, как представляется, эти мифы отнюдь не менее наглядно, нежели документально подтвержденные факты, передавали атмосферу александровской эпохи и формировали впечатление о личности императора, имя которого еще при жизни стало окутываться большим количеством легенд и слухов. Так, в воспоминаниях Яньковой отмечается набожность Александра I, постоянно сопутствующая ему потребность в назидательных беседах и общении с духовными людьми и - одновременно - склонность к мистике, вера в разного рода предзнаменования, с годами только усиливавшаяся. По словам мемуаристки, он «имел много примет и был довольно суеверен. В его привычках были некоторые особенности: так, поутру, вставая, он всегда сперва обувал левую ногу и непременно на нее становился, потом подходил к окну (как бы холодно на дворе не было) и, отворив окно, с четверть часа стоял, освежаясь воздухом; он называл это брать воздушную ванну»³²³. Ранняя

---

³²¹ Воспоминания Александры Михайловны Каратыгиной. 1802-1880. // РВ. 1881. Кн.4. С.559-605.

³²² Казалось бы, заступничество Александра I должно было возыметь действие, но... актриса была уволена из театра «за неуместную жалобу государю императору», причем «по именному повелению»! Забывчивость ли монарха была тому виной или какие-либо другие причины – теперь уже сказать трудно, но лишь летом 1825 г., после вторичного письменного прошения и по ходатайству московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, Каратыгина вернулась на сцену петербургского театра.

³²³ <Янькова Е.П.> Рассказы бабушки... 1880. Кн.7. С.295.

смерть императора, лишь несколько дней не дожившего до своего сорок восьмого дня рождения, сопровождалась таким количеством рожденных в народе слухов, что даже спустя годы авторы мемуаров продолжали придавать им серьезное значение. Так, Каратыгин, ссылаясь на газетную периодику и на воспоминания очевидцев, упоминает о событиях, совпавших с последними годами жизни Александра I и казавшихся современникам недобрыми предзнаменованиями. Среди них – описание разрушительного наводнения 6 ноября 1824 г., когда «мимо дворца и по Неве, и по разводной площадке, и по площади неслись вырванные с корнем деревья, обломки заборов, развалины домов, мебель, деревянные кресты и самые гробы со смоленского кладбища». Со слов очевидцев, «на эти ужасы смотрел император взором будто бы к ним прикованным; слезы застилали ему глаза и медленно скатывались по бледным щекам. Все от него зависящие распоряжения он сделал. И в эту страшную минуту под дворцовым балконом глазам государя представилась картина, окончательно объявшая его ужасом: по мутным волнам, плескавшим в стены дворца, плыли, как бы обгоняя друг друга, черный гроб, тяжело ныряя и перекачиваясь с бока на бок, и детская колыбель с живым, плачущим младенцем... Обдаваемый брызгами, он копошился в своем импровизированном челноке, цепляясь за края люльки своими посинелыми от холода ручонками!...»³²⁴ Ребенок был спасен, но одновременное появление перед дворцом гроба и колыбели, символизирующих словно бы прошедшее и будущее, смерть и жизнь, по словам присутствовавших при этом, произвело на Александра I сильное, почти неизгладимое впечатление, усилив и без того мрачное настроение его духа. Среди других легенд особый интерес представляет история со свечами, несколько версий которой, со ссылками на свидетельства очевидцев, приводит в своем очерке Каратыгин: якобы за несколько дней до болезни императора в его покоях стояли зажженные днем свечи, что было истолковано слугами как предвестье беды («Перед живым

---

³²⁴ Каратыгин П.П. Супружество императора... Кн.12. С.628-629.

человеком среди бела дня свечи не ставят»)³²⁵. Называется даже точная дата случившегося – 13 ноября 1825 г., что придает истории видимость реального факта. Многочисленные подробности о предчувствиях, терзавших императора накануне отъезда в его последнее путешествие на юг России и о слухах, ходивших в эти дни в Петербурге, передаются в мемуарах Яньковой. Она пишет, что Александра Павловича часто встречали в парке Царского Села, где «он прогуливался один и казался печальным и унылым, и услышав однажды крик совы, он вздохнул и сказал кому-то из бывших с ним: “Cet oiseau de mauvais augure, que nous presage-t-il”»³²⁶; что перед отъездом император заезжал в Александро-Невскую лавру, служил молебен у мощей, прощался с митрополитом Серафимом и пожелал посетить келью бывшего там схимонаха, где, «увидев у него гроб, он спросил его: “Это для кого?” - “Для меня, - отвечал старец, - что б я не забывал, что мы все гости на земле, и чаще вспоминал бы о смерти”»³²⁷. При прощании с государем, отмечает мемуаристка, схимник сказал ему: «Мы более не увидимся...!», и это также было воспринято последним как предзнаменование скорой смерти.

Привлекают внимание содержащиеся во многих мемуарных источниках замечания о тяжелом душевном состоянии императора, тяготившем его в последние годы жизни, указания на «мрачные мысли, глубоко в голове его затаенные»³²⁸, но лишь в одной из публикаций упоминается некий «грех, тяготевший над императором»: рассказывая о посещении Александром мест столицы, пострадавших от наводнения 1824 г., Каратыгин, ссылаясь на свидетельства очевидцев, пишет, что царь, потрясенный увиденным, на рыдания народа «за *наши* грехи Бог нас карает», ответил, словно бы видя в случившемся Божью кару за его собственные прегрешения: «Нет, за *мои!*» [курсив П.П. Каратыгина – Е.П.]. Вслед за этим, словно бы невзначай автор замечает, что государь, как казалось, «намеренно пытал» себя зрелищем

---

³²⁵ Каратыгин П.П. Супружество императора... Кн.12. С.646.

³²⁶ Эта зловещая птица, что она нам предсказывает (франц.)

³²⁷ <Янькова Е.П.> Рассказы бабушки... 1880. Кн.7. С.299.

³²⁸ Воспоминания Ф.Ф. Вигеля... 1864. Кн.8. С.515.

страданий, «чтобы внутренними муками искупить тот грех, который создало его мрачное воображение»³²⁹. Безусловно, намек был слишком прозрачен, и читателям нетрудно было догадаться о каком грехе упоминает автор: слухи о причастности великого князя Александра Павловича к смерти отца, императора Павла I, возникли сразу же после трагедии в Михайловском замке, однако в течение всего XIX в. существовал запрет на любую информацию о событиях 1 марта 1801 г.

Если мемуаристы неизменно характеризовали Александра I как исключительно мягкого, обходительного и обаятельного человека, милостивого и внимательного ко всем окружающим, и не позволяли себе каких-либо критических высказываний в его адрес, то ученые-историки по отношению к императору и результатам его правления были настроены куда более скептически. Исследователи также отмечали в Александре возвышенность чувств, пронизательный ум, невозмутимое спокойствие духа, доброту и благотворительность, удивительную способность «привлекать к себе всех, с кем доводилось ему иметь дело»³³⁰, но уже в первых ему посвященных научных работах указывалось на присущие его характеру двойственность, непостоянство, изменчивость убеждений и – как следствие – отсутствие у него четкой политической программы. Богданович, едва ли не первым приступивший к исследованию александровской эпохи, сравнивал Александра Павловича с «неуловимым Протеем»³³¹, говоря, что в нем удивительным образом запальчивость и упрямство сочетались с непостоянством, доходившим до слабости, а решимость и твердая убежденность в какой-либо идее нередко сменялись разочарованием, что в итоге и приводило к тому, что он «отклоняется от прежних своих помыслов, и вместо того чтобы вести народ к высокой цели истинного прогресса, ограничивает всю его деятельность ревнивым соблюдением его

---

³²⁹ Каратыгин П.П. Супружество императора... Кн.12. С.630.

³³⁰ Богданович М.И. Детство и юность Александра I // РВ. 1866. Кн.1. С.383-385.

³³¹ Протей - в древнегреческой мифологии морское божество; сын Посейдона и Геры; обладал уникальной способностью к перевоплощению, принимал любые обличья.

неподвижности»³³². «Не найдя в обществе сочувствия к своим замыслам, будучи принужден вести многолетние войны и не имея времени зорко следить за делами внутреннего управления, он убедился на опыте, что наилучшие уставы исполняют свое назначение лишь тогда, когда они охраняются нравами, - с горечью признавал историк. - В продолжение поездок императора Александра за границу лихоимство и казнокрадство дошли до чудовищных размеров, и сам государь, видя несостоятельность своих усилий водворить уважение к законам, как будто отчаялся достигнуть своей цели»³³³. Каратыгин писал об императоре как о человеке, одаренном добрым сердцем, светлым умом, но лишенным самостоятельности характера, вследствие чего «он был добр, но при том злопамятен; не казнил людей, а преследовал их медленно, со всеми наружными знаками благоволения и милости», и, по образному сравнению современников, «употреблял кнут на вате»³³⁴. Щебальский убежденно доказывал, что в «умы реформаторов первой половины Александрова царствования пленялись словами *конституция* и *народное представительство* [курсив П.К. Щебальского – Е.П.], но сущность этих слов не вполне были ими разгадана, понята, и они нередко впадали в радикальное противоречие с самими собою. Сам государь так неясно представлял себе сущность того, что скрывалось под этими выражениями»³³⁵. Лишь во внешней политике императора историки усматривали единство, последовательность и строгую определенность курса. «В основе ее лежала одна идея, - писал Н.А. Любимов. - С самого воцарения своего Александр поставил себе задачей бороться с завоевательным движением Франции. <...> По прекращении борьбы он же задался мыслью поддерживать общеевропейский мир, отстранять губительные последствия антагонизма между старым и новым порядком вещей»³³⁶.

---

³³² Богданович М.И. Детство и юность... С.385.

³³³ Богданович М.И. Детство и юность... С.384.

³³⁴ Каратыгин П.П. Супружество императора... 1886. Кн.11. С.241.

³³⁵ Щебальский П.К. Идеалисты и реалисты // РВ. 1871. Кн.7. С.243-244.

³³⁶ Р. <Любимов Н.А. > Мемуары Меттерниха // РВ. 1880. Кн.1. С.330.

Любопытно, но в публикациях журнала почти не имела места тенденция к разделению царствования Александра I на реформаторский и реакционный периоды – подход, который зарождался в эти же годы в трудах А.Н. Пыпина и Н.К. Шильдера, и который в дальнейшем определил концепцию изучения александровской эпохи. Лишь единожды, в рецензии на мемуары австрийского дипломата, министра иностранных дел Австрии в 1809-1848 гг. К. фон Меттерниха Н.А. Любимов упомянул о «резких противоречиях», свойственных управлению внутренними делами империи, в котором, по словам публициста, «мы видим сначала увлечение либерализмом, доходившее даже до готовности наделить Россию конституцией, о которой никто не думал и с которой Россия не знала бы что делать, а затем крутая реакция всему тому, что прельщало императора в первую половину его царствования, причем Аракчеев явился главным его советником»³³⁷.

С другой стороны, вольно или невольно, авторы журнала постоянно проводили аналогии между Александром и Екатериной II, примеру которой он обещал следовать, взойдя на престол. «Новый император ... на первых же порах действительно восстановил многое в том виде, как оно было до 1796 года. Александр шествовал по “премудрым намерениям” Екатерины», - писал С.М. Соловьев, и тут же замечал, что «одно царствование никогда не может быть сколком с другого. Личный характер царствующего лица, его воспитание и условия времени служат тому препятствием»³³⁸. Невозможность простого копирования одного правления другим в изменившихся исторических условиях отмечали и другие авторы журнала – и противопоставляли действия Александра действиям Екатерины: «Несмотря на незначительное расстояние во времени, целая пропасть легла уже между тогдашней Россией и Россией Екатерины II, - писал анонимный автор «Библиографических заметок». - Все показывало, что она была далека от той эпохи, когда великая монархиня, задумав пересоздать внутреннее устройство России, обратилась к самому

---

³³⁷ Р. <Любимов Н.А. > Мемуары Меттерниха... С.329.

³³⁸ Соловьев С.М. Венский конгресс // РВ. 1865. Кн.2. С.381.

русскому обществу, для того чтобы узнать его потребности, желания, чтобы из живого источника заимствовать указания для разрешения важнейших государственных вопросов»³³⁹. Щербальский был убежден, что молодой император с самого начала не стремился идти по пути, проложенному Екатериной и «в душе своей он стремился к иному», но поначалу согласился следовать рекомендованной ему екатерининской правительственной системе лишь потому, что она «нравится общественному мнению»³⁴⁰.

В сравнении с Екатериной – инициативной, энергичной, предприимчивой, самостоятельной в принятии решения, доводящей все свои начинания до реализации в конкретных делах и проектах, Александр кажется нерешительным, слабым и безвольным, способным лишь на прекраснодушные мечтания в компании таких же, как он, «идеалистов». «И она [Екатерина – Е.П.], но только гораздо ранее, говорила о необходимости улучшить положение крестьян, восставала против раздробления семейств, рекомендовала закон вместо произвола и внушала милосердие власть имеющим; и она говорила о сенате как о «хранилище законов», о «вольности», о долге каждого государя отдаться заботам о благоденствии подданных: что же сверх этого говорили между собой Александр и его молодые друзья? – задавался вопросом Щербальский. - Разница между ними лишь та, что последние проповедовали впятером за закрытыми стенами, а Екатерина сообщала свои мысли в книгах, расходившихся в громадном (по тому времени) количестве экземпляров. Мысли, заключающиеся в Наказе, получили даже некоторую обязательную силу для тогдашней администрации. В беседах Александра изредка появлялась, и притом очень неопределенно, мысль о собрании народных представителей, а Екатерина воплотила эту мысль»³⁴¹. Если Екатерина воспринималась историками журнала как мудрая государыня, сердцем угадывавшая потребности вверенной ее правлению

---

³³⁹ Б.п. Библиографические заметки // РВ. 1866. Кн.3. С.345.

³⁴⁰ Щербальский П. К. Идеалисты и реалисты... С.190.

³⁴¹ Щербальский П. К. Идеалисты и реалисты... С.201-202.

страны и чаяния своего народа, то, напротив, в поступках ее наследника исследователи отмечали отсутствие связи с русским обществом, нежелание или неумение замечать коренные проблемы российской действительности, вследствие чего все задуманные им реформы «не шли дальше внешности»³⁴². Вместе с тем и основную причину равнодушия Александра к внутренним делам своего отечества исследователи видели в том воспитании, которое было дано ему по настоянию Екатерины. В осознанном выборе императрицей в качестве воспитателя будущего наследника престола иностранца – швейцарца Фредерика Лагарпа, человека республиканских убеждений, ученика и последователя европейских просветителей XVIII века, авторы «Русского вестника» видели роковую ошибку правительницы, дорого стоившую впоследствии государству. Они сходились в мысли, что это было воспитание отвлеченное, оторванное от русской национальной почвы и от практического знакомства с миром, что «чужеземный наставник государя, не знавший вовсе России, не понимавший ее народного духа и судивший обо всем на основании отвлеченных теорий»³⁴³, сумел приобщить своего ученика к идеям свободы и безусловной справедливости, но так и не научил его пониманию действительности и окружающего реального мира. «Время, в которое совершалось воспитание Александра I, отличалось стремлением к общему, отвлеченному; толкуя о человеке и человечестве, не обращали должного внимания на народ и его историю, - отмечал Соловьев. - Став императором, Александр должен был принять самое деятельное участие в великой и продолжительной борьбе, от решения которой зависела участь Европы, а это, разумеется, постоянно отвлекало его внимание от внутреннего к внешнему, от своего, от национального, к общему, чужому. Все содействовало тому, чтобы сделать Александра способным играть великую роль на сцене всемирной истории; но при этом, свое, частное, национальное, служило не всегда целью,

---

³⁴² Щебальский П. К. Идеалисты и реалисты... С.251.

³⁴³ Б.п. Библиографические заметки... С.344.

а иногда и средством только»³⁴⁴. «Поверхностное образование, данное Александру I Лагарпом, - вторил Соловьеву Щебальский, - не приучило его вникать в самую глубь каждой мысли, изучать занимавшие его предположения во всех мельчайших подробностях»³⁴⁵. По мнению историка, воспитатель смог лишь «наполнить душу своего воспитанника известными впечатлениями и стремлениями, но он не дал и не мог дать ему серьезных научных оснований. (...) Чтение отрывочных идей о свободе человечества могли развить в юноше не что иное как тот мечтательный либерализм и тот идеализм в политических вопросах, которые и замечаются в Александре I»³⁴⁶.

Во влиянии Лагарпа авторы «Русского вестника» видели один из источников рано развившейся скрытности Александра, присущей ему с юности двойственности мыслей, чувств и поведения: будучи под обаянием личности своего воспитателя, он не мог не сочувствовать его критическому взгляду на господствующие при екатерининском дворе порядки, но в то же время был вынужден восхищаться действиями Екатерины и ее фаворитов и находить их «верхом совершенства, последним словом мудрейшей внутренней политики»³⁴⁷. «Его юное, благородное сердце переполнялось негодованием при виде придворных интриг, происков, подкопов, которые велись вельможами друг под друга, прикрываемые личинами приязни, взаимного уважения, доброжелательства, писал Каратыгин о юности будущего монарха. - Еще более негодовал великий князь, уже юноша, будучи свидетелем владычества при дворе временщиков, друг друга сменявших. В угоду своей державной бабке он был обязан оказывать им знаки почтения, а свое презрение к ним прикрывать приветливой улыбкой и ласковыми словами»³⁴⁸. Необходимость скрывать доверительные отношения с Лагарпом от другого своего наставника - Н.И. Салтыкова, представлявшего полную

---

³⁴⁴ Соловьев С.М. Венский конгресс... С.382.

³⁴⁵ Щебальский П.К. Военные поселения и граф Аракчеев // РВ. 1871. Кн.10. С.501.

³⁴⁶ Щебальский П.К. Идеалисты и реалисты... С.190.

³⁴⁷ Каратыгин П.П. Супружество императора... Кн.11. С.240.

³⁴⁸ Каратыгин П.П. Супружество императора... Кн.11. С.237.

противоположность первому по характеру, убеждениям и понятиям, а также холодность в отношениях Екатерины и Павла Петровича - вынуждала великого князя к осторожности даже в общении с членами семьи, в результате чего, не без оснований заключали исследователи, будущий император едва ли не с младенчества был приучен скрывать от окружающих свои истинные симпатии, подавлять чувства и переживания. «Положение, в которое он был поставлен между своими кровными, развило в нем умение хранить тайну до скрытности, что подавало повод упрекать его в двуличии, - писал Богданович. - Быть может, эти же самые обстоятельства от самой юности поселили в Александре недоверчивость к людям, что впоследствии иногда препятствовало ему открывать истинное достоинство, неразлучное со скромностью, и нередко побуждало его удостаивать своим доверием исключительную посредственность, или лукавство, прикрытое личиной безлестной преданности»³⁴⁹.

Свойственная характеру Александра I «необыкновенная впечатлительность» и привитые ему в юношеские годы идеалистические представления, по мнению исследователей, лишили его способности критически оценивать окружающих его людей, вследствие чего он часто поддавался под чужое влияние, приближал к себе таких же идеалистов, каким был сам, или карьеристов, мечтающих лишь о собственной выгоде. И здесь – опять-таки не в пользу Александра – возникало сравнение с Екатериной, которая всегда отличалась самостоятельностью в выборе решений, но в то же время в своих трудах всегда опиралась на помощников, талантом выбирать которых она в совершенстве обладала и потому «прочную славою своего правления обязана была она не себе одной: ей верно служили сыны России, и их заслуги составляют славу Екатерины и славу России»³⁵⁰. Если ближайшее окружение Екатерины II составляли такие же, как и она сама, деятельные, инициативные и волевые люди, то главным недостатком большинства

---

³⁴⁹ Богданович М.И. Детство и юность... С.383.

³⁵⁰ Бюлер Ф.А. Два эпизода из царствования Екатерины II // РВ. 1870. Кн.1. С.16.

приближенных Александра I была их крайняя неопытность и отсутствие практических знаний о России. На это указывают все авторы, пишущие о первых годах александровского правления. «Эти господа не в состоянии были составить что-либо похожее на проект, - писал Щебальский, - они могли только мечтать, строить воздушные замки, подавать «des idées», представляя разрабатывать их другим»³⁵¹. «Никто из них не имел случая ознакомиться хорошо со своим отечеством, - замечал анонимный автор «Библиографических заметок». - Легко можно было заметить, что при всем желании благодетельствовать русское общество, они относились к нему постоянно свысока»³⁵². Именно в этом – в пренебрежении и недоверии как со стороны самого Александра, так и со стороны его ближайшего окружения к русскому обществу, которое многие из них, по словам Лонгинова, «считали не более как грубым, неодушевленным материалом»³⁵³, авторы «Русского вестника» видели существенную ошибку царствования. «Лозунгом их было: все для общества, но ничего при участии самого общества, - утверждалось в журнале, - если прибавить, что Россия была им почти вовсе неизвестна, то можно ли удивляться, что результаты вовсе не соответствовали пышным начинаниям?»³⁵⁴ Влиянию окружения исследователи приписывали и удаление с государственных постов графа М.М. Сперанского – едва ли не единственного человека, который, по мнению историков, был способен придать практическое направление идеалистическим замыслам императора. По словам Лонгинова, многочисленные недоброжелатели графа - А.А. Аракчеев, А.Д. Балашов, Г.М. Армфельд, Д.А. Гурьев, Ф.В. Ростопчин, Н.М. Карамзин – «успели возбудить подозрение в чистоте намерений, и было решено удалить его, хотя на время. Враги Сперанского, говорят, имели какие-

---

³⁵¹ Щебальский П.К. Один из многих (ответ г. Пыпину) // РВ. 1871. Кн.9. С.321.

³⁵² Б.п. Библиографические заметки... С.343.

³⁵³ Лонгинов М.Н. Граф Сперанский... Кн. 1. С.257.

³⁵⁴ Б.п. Библиографические заметки... С.345.

то удачные для них случаи, способствовавшие им дать видимое вероятие обвинениям, взведенным на Сперанского в измене»³⁵⁵.

По мнению исследователей, именно отсутствие у Александра реальных представлений о российской действительности в совокупности с дарованными ему от природы «страстным сердцем, пылкой фантазией», благодаря которым он создавал «в своих помыслах идеал света и людей, хотел осуществить его, - водворив господство справедливости и общего спокойствия»³⁵⁶, и привели к возвышению такого человека, как граф Аракчеев, характер и природные качества которого представляли полную противоположность натуре монарха. Если авторам мемуаров доверие «доброе, истинно благословенного государя» к «лютому временщику» представлялось лишь чем-то «странным, непонятным» и «весьма диковинным»³⁵⁷, то ученые-историки видели этому вполне понятное объяснение. По их мнению, Аракчеев сумел внушить Александру I нерушимую веру в собственную непогрешимость, беря на себя практическое решение замыслов императора и становясь их незаменимым исполнителем. Он, как писал Щебальский, «орудовал аргументами фактов» и «хорошо зная дела, с которыми он шел с докладом к государю», «легко мог в каждом данном случае подчинить его решение собственному воззрению, а следовательно, мало-помалу приучить его смотреть на вещи собственными глазами»³⁵⁸. Среди таких дел самым значительным стала организация системы военных поселений по образцу прусской ландверной системы³⁵⁹. Но благое пожелание императора «доставить военным служащим возможность не разлучаться со своими семействами», в результате обернулось системой

---

³⁵⁵ Лонгинов М.Н. Граф Сперанский... Кн.2. С.552-553.

³⁵⁶ Богданович М.И. Детство и юность... С.395.

³⁵⁷ <Янькова Е.П.> Рассказы бабушки... 1880. Кн.7. С.298.

³⁵⁸ Щебальский П.К. Идеалисты и реалисты... С.195.

³⁵⁹ Ландвэр (нем. Land - земля, страна и Wehr - защита, оборона) – категория военнообязанных запаса 2-й очереди и второочередные войсковые формирования в Пруссии. Ландвер, согласно закону о всеобщей воинской повинности, формировался из тех, кто не был призван в регулярную армию и представлял собой правильно организованную народную милицию, оснащаемую по остаточному принципу.

«произвола, грубости и беззаконий»³⁶⁰ и ознаменовалось «рядом неистовств, злоупотреблений и возмущений»³⁶¹ в войсках. Историки, в частности Щебальский, указывают в качестве основной причины неудачи этой инициативы - «келейность» ее реализации, отсутствие каких-либо предварительных обсуждений: «Дело поселения войск свершилось келейно, трудами и волей императора и Аракчеева. Предпринятое как опыт, оно развивалось вследствие личных докладов Аракчеева о его ходе, и есть основания думать, что эта важная государственная мера никогда не была подвергнута обсуждению»³⁶². Единственный исполнитель - Аракчеев, введя жестокие наказания, палочную муштру и мелочную регламентацию быта военных поселян, сумел лишь возбудить всеобщее негодование этим начинанием, а императору показывал «лишь то, что нравилось государю и укрепляло его в привязанности к системе военных поселений, а самого Аракчеева – в силе и влиянии»³⁶³. Впечатлительному Александру, не наделенному твердой волей и не приученному вникать в подробности практического воплощения своих замыслов, плохо знакомому с национальным менталитетом, не желавшему (или не умевшему?) организовать предварительную подготовку и обсуждение своих проектов, как видимо, было достаточно, бывая время от времени в Грузии – имении Аракчеева – наблюдать, как «русский крестьянин имел тот вид благоденствия [курсив П.К. Щебальского – Е.П.], каким государь привык любоваться в Германии или в немецких колониях южной России окрестностей Петербурга»³⁶⁴. Император, рисуящий в своем воображении «картины всеобщего благоденствия, свободы и порядка», но при этом далекий от российских реалий, так и не осознал, что «система военных поселений была

---

³⁶⁰ Щебальский П.К. Военные поселения... С.510.

³⁶¹ Щебальский П.К. Военные поселения... С.487.

³⁶² Щебальский П.К. Военные поселения... С.497.

³⁶³ Щебальский П.К. Военные поселения... С.501.

³⁶⁴ Щебальский П.К. Военные поселения... С.512.

столько же несостоятельна с государственной точки зрения, сколь антипатична духу Русского народа!...», - резюмировал Щебальский³⁶⁵.

И все же не Аракчеева исследователи «Русского вестника» называли главным «отрицательным героем» александровского царствования. Среди лиц, входивших в «ближний круг» императора, в публикациях журнала чаще всего упоминалось имя князя Адама Чарторыйского (или Чарторыжского), который, по мнению исследователей, отличался от других тем, что «ясно сознавал цель, к которой не переставал стремиться»³⁶⁶, а именно – восстановление Польши как самостоятельного государства. Представитель польского дворянского рода, Чарторыйский начал делать карьеру еще в последние годы правления Екатерины II: поступив в 1795 г. в Конногвардейский полк, уже в январе 1796 г. двадцатипятилетний Адам был пожалован в камер-юнкеры и заручился дружбой великого князя Александра Павловича, который доверял ему настолько, что подозрительный Павел I в 1798 г. отправил молодого поляка послом к сардинскому двору. С воцарением Александра Чарторыйский стал одним из самых влиятельных лиц в империи, членом «негласного комитета», а в 1804-1806 гг. даже возглавлял Министерство иностранных дел, сосредоточив в своих руках всю внешнюю политику России, которую, по мнению современных исследователей, вел «в национальных интересах России настолько, насколько это соответствовало интересам Польши»³⁶⁷. В частности, именно он инициировал заключение Россией союза с Австрией и Англией и объявление войны Наполеону с целью восстановления польско-литовского государства. Впоследствии Чарторыйский стал одним из наиболее деятельных руководителей восстания 1830 г., возглавлял Национальное правительство, а оказавшись в эмиграции, активно поддерживал антироссийскую политику западноевропейских держав

---

³⁶⁵ Щебальский П.К. Военные поселения... С.536.

³⁶⁶ Б.п. Библиографические заметки... С.343.

³⁶⁷ Ковалева Д.В. От восстаний к прагматизму: роль князя Адама Чарторыйского в истории российско-польских отношений // Гуманитарные исследования Центральной России. 2019. №3(12). С.29.

и лозунг «Польша от моря до моря» в границах 1772 г., означавший, что в состав будущего независимого польского государства должны войти и исконные русские территории.

В публикациях «Русского вестника», выступавшего с началом польского восстания 1863 г. за введение в Польше жестких мер и последовательно проводившего мысль, что причинами всех антироссийских выступлений в Польше являются не столько стремления поляков к восстановлению политической самостоятельности своей страны, сколько националистические амбиции польской аристократии, Чарторыйский представал как злой гений Александра, интриган, который сумел «вкрасться в доверие будущего царя России с лукавством змея-искусителя», «ослепить и ум, и сердце великого князя»³⁶⁸, а затем, искусно поддерживая в нем юношеские увлечения, ловко пользовался его слабостями для достижения собственных целей. «Для Чарторыйского Александр был не более как орудием; он не колебался самым эгоистическим образом жертвовать его интересами, каждый раз как не согласовывались они с его собственными тайными замыслами; ничего не стоило ему позорить в глазах императора русское общественное мнение и побуждать его действовать вопреки этому мнению, в вопросе, который самым близким образом касался чести, достоинства и величия России. К русскому народу он чувствовал непримиримую ненависть», - писал Феокистов, подчеркивая, что на протяжении всей своей придворной карьеры Чарторыйский неизменно склонял императора к принятию мер, направленных исключительно к интересам Польши³⁶⁹. «... будучи удостоен дружбою юного Александра, старался сделать его впоследствии орудием своих политических расчетов», - вторил Феокистову Богданович³⁷⁰. Объективность своих оценок авторы журнала подтверждали ссылками на зарубежных дипломатов и их отзывы о Чарторыйском. Так, Каратыгин приводил выдержки из дневника

---

³⁶⁸ Каратыгин П.П. Супружество императора... Кн.11. С.267.

³⁶⁹ Феокистов Е.М. Польские интриги в первой четверти нынешнего столетия // РВ. 1865. Кн.7. Июль.С. 51.

³⁷⁰ Богданович М.И. Детство и юность... С. 395.

сардинского посланника графа Ж. де Местра, который писал о главе русского внешнеполитического ведомства в следующих выражениях: «Он высокомерен, коварен и производит довольно отталкивающее впечатление. Сомневаюсь, чтобы поляк, имевший притязание на корону, мог быть хорошим русским и истинным другом французов»³⁷¹. Автор «Библиографических заметок» цитировал высказывание французского дипломата Ж. Дюрока, который характеризовал Чарторыйского как человека, который «обрек себя вечной ненависти к русским, коих гнушается, к императору, которого обманывает, к его министрам, которых презирает; не скрывая свои чувства, он один лишь знает свои намерения»³⁷².

Без исключения все авторы «Русского вестника» признавали ошибочной политику Александра I в национальном вопросе, и в первую очередь – в отношении Польши, его стремление после победы над наполеоновской Францией восстановить Польское королевство, «которое должно было соединиться с Русской империей под державой одного императора». Мемуаристы не без сожаления писали о благородстве и великодушии монарха, его вере в честность поляков и их искренние чувства по отношению к России, вере, которую «ничто не могло изгладить: ни вражда поляков, с новой силой обнаружившаяся против России, следственно, против него, ни ужасы и опустошения, которые ровно двести лет тому назад произвели они в Москве и ее окрестностях»³⁷³. Так, В.В. Крестовский отмечал, что сразу по освобождении Польши «великодушный государь, забывая зло, нанесенное поляками России, выказал им полное свое благожелательство» и «искренно хотел осчастливить народ польский»³⁷⁴. Вигель прямо указывал на посторонние влияния на императора и, подразумевая Чарторыйского, писал, что Александра еще в юности убедили, «будто возвращение России

---

³⁷¹ Каратыгин П.П. Супружество императора... Кн.11. С.290.

³⁷² Б.п. Библиографические заметки... С.351.

³⁷³ Воспоминания Ф.Ф. Вигеля... 1865. Кн.1. С.161.

³⁷⁴ Крестовский В.В. Военная жизнь в Варшаве с 1815 по 1831 год. Эпизод из истории лейб-Уланского Его Величества полка // РВ. 1876. Кн.1. С.5,11.

отторженных от нее западные ее областей должно почитаться преступлением его бабки», вследствие чего он, придя к власти, «старался уверить себя, что будучи внуком Екатерины, он обязан загладить ее несправедливость»³⁷⁵.

Гораздо строже судили Александра I ученые-историки. В их публикациях этот император остался в первую очередь как инициатор основания в составе Российской империи польского государства – образования, сепаратистские устремления которого на протяжении многих лет составляли реальную угрозу государственной целостности Российской империи. Н.А. Попов, подробно анализируя русско-польские отношения в конце XVIII – первой четверти XIX в., указывал на неуместность симпатий императора, проявленных им во время посещений родовой усадьбы Чарторыйских в Пулавах: в 1805 г. когда провел в ней четыре недели, направляясь с войском на помощь австрийскому императору Францу, и в 1815 году – проездом на Венский конгресс. Выказанное Александром во время визитов внимание к польским реликвиям, его почтительные высказывания в адрес графини Изабеллы Чарторыйской («Я вас чту за то, что вы дали мне верного друга и умного руководителя»), уважение, с каким «окружавшие императора графы Толстой, Строганов, Новосильцев и другие относились к молодому Чарторыйскому», наконец, сам факт посещения «государем обширнейшего в Европе царства» имения Чарторыйских – все это дало повод польской аристократии питать «не совсем обманчивые надежды на восстановление Польши»³⁷⁶. С.М. Соловьев прямо называл план «восстановления свободной Польши» «плодом привязанности молодого Александра к князю Адаму Чарторыйскому и вместе плодом неисторического взгляда на так называемые разделы Польши»³⁷⁷. О решающем влиянии Чарторыйского на императора в ходе Венского конгресса писал и Е.М. Феоктистов, называя образование Царства Польского «великой ошибкой,

---

³⁷⁵ Воспоминания Ф.Ф. Вигеля... 1865. Кн.1. С.161.

³⁷⁶ Попов Н.А. Варшавское герцогство // РВ. 1866. Кн.2. С.586.

³⁷⁷ Соловьев С.М. Венский конгресс... С.397-398.

отозвавшейся впоследствии на России целым рядом бедствий»³⁷⁸. Сопоставляя требования Александра I на переговорах в Вене с «историческим взглядом» на «польский вопрос» «знаменитой собирательницы русский земель» - Екатерины II, Соловьев сделал безоговорочное заключение, что Александр допустил ошибку, приняв участие в разделе Польши. «Требую чего-нибудь для себя, становясь участником в дележе, он тем самым терял свою независимость при решении дела, подчинялся чужому суду, - писал историк, - тогда как являясь вполне бескорыстным, он заставлял умолкнуть завистливые толки и оставался на недосягаемой для других высоте, оставался по-прежнему главным авторитетом»³⁷⁹. Насколько эта позиция отличалась от той, которую император занял несколькими годами ранее, при заключении Бухарестского мирного договора! Тогда он «одобрил мысль об учреждении верховного совета или сената, но имея в виду сохранить к себе доверенность сербского народа, полагал более приличным не домогаться того, чтобы русский агент заседал в сербском совете», - писал Дубровин³⁸⁰. Теперь же император настойчиво требовал присоединения к Российской империи всего Варшавского герцогства и всех других земель, когда-то входивших в состав Речи Посполитой, хотя у него, по словам историков, «не было недостатка в лицах не только между русскими, но и между замечательнейшими государственными людьми Европы, которые убеждали ... отказаться от этого намерения»³⁸¹.

Все исследователи сходились во мнении, что российские дипломаты, возглавляемые на Венском конгрессе Александром I, явно уступили в этом состязании интриг и закулисных переговоров своим австрийским и французским коллегам. По мнению Соловьева, главным триумфатором в Вене стал представитель Франции – Ш.М. де Талейран, который осуществил

---

³⁷⁸ Феоктистов Е.М. Польские интриги... С.42-43.

³⁷⁹ Соловьев С.М. Венский конгресс... С.397.

³⁸⁰ Дубровин Н.Ф. Сербский вопрос в царствование императора Александра I. 1863. Кн. 8. С. 542.

³⁸¹ Феоктистов Е.М. Польские интриги... С.42-43.

«блистательную дипломатическую кампанию»³⁸². Н.А. Любимов в рецензии на мемуары Меттерниха, который успех Австрии объяснял в первую очередь своим «неотразимым» влиянием на русского императора, пытался оправдать Александра, но и он не мог не признать, что итоги конгресса во многом явились результатом «переворота в государе», который «совершился сам собой, вследствие настроения, давно уже обнаружившегося в характере государя, вследствие целого ряда политических событий, сильно повлиявших на него»³⁸³.

Серьезной ошибкой императора исследователи считали предоставление «особых прав» как Польше, так и присоединенным к России в последнюю треть XVIII в. прибалтийским («остзейским») губерниям. По их мнению, это не только поставило эти губернии в привилегированное положение по отношению к исконным русским землям, но и дало повод воспринимать их как «нечто целое, управляемое на особом основании» и в дальнейшем способствовало росту в них сепаратистских настроений. И опять-таки «ложная политическая система» Александра I сравнивалась публицистами с политикой Екатерины II, которая все присоединенные территории рассматривала как нераздельную органическую часть Российской империи и в управлении ничем не отличала их от других российских провинций. Публицисты «Русского вестника» прямо указывали, что с 1801 года «последовал ряд постановлений, шаг за шагом укреплявших за Прибалтийским краем его немецкий характер», вследствие чего «началось «постепенное, систематическое отчуждение этих губерний от России»³⁸⁴.

Реконструкция личности Александра I и интерпретация его государственной и военной деятельности в разные годы правления тесно переплетаются в публикациях «Русского вестника», рисуя перед читателем весьма неоднозначный и противоречивый образ, внушающий симпатии и

---

³⁸² Соловьев С.М. Венский конгресс... С.438.

³⁸³ Р. <Любимов Н.А. > Новые мемуары Меттерниха // РВ. 1881. Кн.4. С.737-738.

³⁸⁴ Мосолов А. Курляндия под управлением Екатерины Великой (1795) // РВ. 1870. Кн.5. С.58-60.

антипатии одновременно. Красавец, светский повеса и щеголь, окруженный всеобщим обожанием и любовью – и мрачный затворник, обремененный безрадостными думами и тяготящими душу воспоминаниями; великодушный полководец, со слезами на глазах наблюдающий, как русские солдаты самоотверженно штурмуют неприятельские батареи – и равнодушный созерцатель «палочной системы», возведенной в культ Аракчеевым в военных поселениях; мечтатель-идеалист, с юности грезивший о свободе и счастье всего человечества – и всевластный самодержец огромной страны, почти не знакомый с жизнью и чаяниями населяющих ее народов - таким предстает Александр I перед читателями журнала. Несмотря на лавры победителя Наполеона и славу «Агамемнона Европы»³⁸⁵, он производит впечатление человека без внутреннего «стержня», подверженного посторонним влияниям, поступки которого и решения первостепенных вопросов внутренней и внешней политики империи зависят от настроения, личных обстоятельств или от окружения. Консервативные установки «Русского вестника», руководители которого отвергали любые формы парламентаризма и настойчиво утверждали мысль о самодержавии как о наиболее приемлемой в России форме правления, находили отражение и в оценке правления Александра I. Либеральные начинания императора в первые годы царствования рассматривались изданием как результат отсутствия у него и у ближайших к нему лиц четкой политической программы и конкретных практических знаний о российской действительности. Наиболее существенной критике в «Русском вестнике» подвергалась внешняя политика Александра I, складывавшаяся, по мнению публицистов журнала, под влиянием князя Чарторыйского, стремившегося в первую очередь обеспечить интересы Польши в ущерб интересам России. Создание в 1815 г. по настоянию русского императора польского государства и предоставление ему конституции авторы журнала рассматривали как роковую ошибку Александра I, следствием которой стало появление на

---

³⁸⁵ Богданович М.И. Император Александр I в Париже // РВ. 1865. Кн.1. С.321.

западных рубежах России постоянно тлеющего очага сепаратизма, несущего реальную угрозу целостности Российской империи.

Подобный подход, не исключающий критического осмысления событий российской истории, был весьма новаторским для печати второй половины XIX века. Обращение публицистов к личности монарха, предание гласности некоторых эпизодов его биографии, а зачастую и весьма интимных фактов и подробностей жизни, попытка выявить зависимость его образа мыслей и действий от полученного воспитания и образования, семейных отношений, придворной среды и ближайшего окружения, анализ внешней и внутренней политики императора – весьма показательный факт, свидетельствующий как о значительном расширении границ гласности в 1860-1880-е гг., так и об изменении менталитета тогдашнего образованного общества, вдруг обнаружившего, что жизнь и деяния первого лица государства могут быть предметом освещения и обсуждения в печати.

2.3. Императрица Екатерина II и ее реформаторские начинания в оценке «Русского вестника»

Современные исследователи относят Екатерину II к умеренным консерваторам, испытавшим влияние идей Просвещения, а ее практические начинания рассматривают как проявления консервативного реформаторства, справедливо отмечая, что только таким путем она, как другие европейские монархи той эпохи, могла сохранить и упрочить абсолютистский строй в условиях зарождающихся новых экономических отношений. «Заняв трон, она поняла, что удержать его возможно, только выражая национально-государственные интересы, что найдет поддержку в среде русского дворянства, ставшего к тому времени значительной политической силой, - пишет профессор В.И. Моряков. - <...> Для этого в стране необходимо было провести реформы, дабы сделать существующий строй жизнеспособным в

условиях развивавшихся в стране ... буржуазных отношений»³⁸⁶. Управленческий опыт Екатерины оказался весьма востребованным во второй половине XIX в., когда Российская империя неуклонно «вращалась» в новый экономический уклад, создавала принципиально иные механизмы административно-хозяйственного управления, стремительно прирастала новыми территориями, покрывалась сетью железных дорог, заводов, фабрик, активно осваивала мировые товарные рынки - словом, из аграрной превращалась в мощную индустриальную державу. Государственная стратегия императрицы, ориентированная на умеренные преобразования и просветительские идеи и одновременно – не выходящая за рамки абсолютизма, во многом отвечала политическому курсу российских консерваторов, группировавшихся вокруг «Русского вестника». Сохраняя приверженность традиционализму, настойчиво доказывая необходимость сохранения единоличной власти монарха и ее укрепления в рамках существующей политической системы, они в то же время выступали в поддержку постепенных и умеренных преобразований, поддерживая заявленный Катковым в качестве фундамента прогрессивного развития страны «разумный консерватизм».

Богатое на события 34-летнее правление Екатерины II, вместившее несколько победоносных для России войн и – как следствие – значительное расширение границ и приращение населения, кардинальные изменения в системе государственного управления и финансов, развитие наук и искусств, системы образования и здравоохранения, не могло не привлечь внимания публицистов, которые в поисках ответов на стоящие перед страной задачи модернизации неоднократно обращались к опыту этой императрицы и настойчиво изучали ее государственную практику.

В публикациях журнала фигура Екатерины II в ряду других русских монархов XVII – первой половины XIX века занимает одно из первых мест: ей

---

³⁸⁶ Моряков В.И. Екатерина II – просветитель или консерватор? // Вестник Московского университета. Серия: История. 2010. №3. С.24-25.

лично, ее правлению, а также выдающимся деятелям ее эпохи – Г.Г. Орлову, Г.А. Потемкину, Н.И. Панину, Н.И. Новикову и др. было посвящено едва ли не больше материалов, чем императору Петру I и его реформаторской деятельности. Значение Екатерины в истории российской государственности, по мнению авторов «Русского вестника», было ничуть не меньшим, нежели значение Петра. «Ни один русский не может не почтить глубокой признательностью памяти этих двух великих государей»³⁸⁷, - писал П.К. Щербальский, один из первых авторитетных исследователей екатерининского царствования. Имя Екатерины II упоминалось публицистами журнала, как правило, сразу же вслед за именем первого российского императора, минуя всех других русских монархов XVIII века - Петра II, Анну Иоанновну, Елизавету Петровну, Петра III, словно только она и была его единственной преемницей. Но если в Петре исследователи видели основателя Российской империи, великого «зачинателя» реформ, чьими усилиями Россия наконец-то начала избавляться от средневековой отсталости, то Екатерину характеризовали как выдающуюся продолжательницу его дел, которая с успехом «продлила его царствование, приведя к окончанию многое им начатое»³⁸⁸, а в ряде случаев – и превзошла своего легендарного предшественника. В сравнении с инициативным, энергичным, но слишком жестким, не терпящим возражений, не знающим снисходительности и не склонным к уступкам Петром I, Екатерина - предприимчивая, деятельная, доводящая все свои начинания до завершения в конкретных делах и проектах, но вместе с тем по-женски терпеливая, рассудительно сдержанная, гуманная и милосердная, снисходительная к чужим слабостям, твердо убежденная, что «народ надобно вразумлять, а не бранить»³⁸⁹ и «лучше простить десять

---

³⁸⁷ Щербальский П.К. Русская политика и русская партия в Польше до Екатерины II // РВ. 1864. Кн.10. С.577.

³⁸⁸ Бюлер Ф.А. Два эпизода... 1870. Кн.1. С.14.

³⁸⁹ Из записок Сергея Николаевича Глинки... 1865. Кн.7. С.247.

виновных, чем наказать безвинного»³⁹⁰, - однозначно воспринималась историками «Русского вестника» как мудрая правительница, сердцем угадывавшая потребности вверенной ее правлению империи и чаяния населяющих ее народов и потому сумевшая поставить Россию в один ряд с ведущими европейскими державами.

Настойчиво подчеркивая «идейное родство» Екатерины с Петром I, авторы «Русского вестника» тем самым утверждали и законность ее прав на российский престол, т.к. легитимность прихода к власти в результате дворцового переворота летом 1762 г. подвергалась сомнениям как при жизни императрицы, так и после ее смерти. Современные историки отмечают, что «она не имела никаких прав на престол», и «своеобразным гарантом ее власти был сын, наследник», которого она при вступлении на трон включила в текст присяги, «как бы легализуя свою власть»³⁹¹. Для публицистов «Русского вестника» преданность Екатерины интересам России, ее твердая воля, ум и понимание своего долга перед государством были гораздо важнее, нежели соблюдение прав наследования, и тем решительнее они доказывали правомерность ее возведения на престол. Так, правовед Бюлер, ссылаясь на петровский «Указ о престолонаследии» 1722 г., согласно которому наследственная форма передачи верховной власти могла быть заменена на завещательную, т.е. на трон мог быть передан достойному идейному наследнику, причем даже в обход законных наследников, утверждал, что «и законность была на стороне одной только Екатерины II, т.к. ей и ее наследнику (одновременно, но сперва ей, а ему уже после нее и только в качестве ее наследника) принесена была присяга всеми служившими ей»³⁹². Авторы журнала неоднократно подчеркивали превосходство Екатерины над Петром III, неспособность последнего к управлению государством, его лень,

---

³⁹⁰ Щебальский П.К. Переписка Екатерины II с графом Н.И. Паниным // РВ. 1863. Кн.6. С.750.

³⁹¹ Коршунова Н.В. Дворцовые перевороты как инструмент утверждения абсолютной монархии в России в XVIII - начале XIX века // Социум и власть. 2017. №2(64). С.120.

³⁹² Бюлер Ф.А. Два эпизода... 1871. Кн.3. С.197.

мелочность, равнодушие и даже презрение к России и всему русскому. П.К. Щебальский, детально изучивший внешнюю и внутреннюю политику предшественника Екатерины в период его недолгого царствования, в статье «Политическая система Петра III» прямо писал, что «вся будущность России подверглась бы вопросу, если бы политическая его система имела время утвердиться»³⁹³. Автор обширного исследования «Жизнь Петра III до вступления на престол» А.Г. Брикнер однозначно утверждал «перевес» Екатерины над Петром³⁹⁴, повторяя вслед за С.М. Соловьевым, что последний остался «голландским герцогом на императорском русском престоле со всеми привычками и взглядами мелкого германского князька», тогда как Екатерина «употребляла необыкновенную силу воли, чтобы переродиться из немецкой принцессы в русскую великую княгиню и приобрести любовь русских людей»³⁹⁵, писал о настойчивости юной Екатерины в освоении русского языка и русской культуры, ее стремлении «образовать свой ум, расширить кругозор своих воззрений, учиться у замечательнейших писателей того времени, проникнуться духом настоящего просвещения и прогресса», отмечал ее «серьезное отношение к делу, надежду принести пользу России, чувство ответственности пред государством и народом»³⁹⁶. Превосходство Екатерины утверждалось не только по отношению к ее предшественнику на русском троне, но и по отношению к непосредственному преемнику Павлу I и даже к ее любимому внуку Александру I, которого историки «Русского вестника» сравнивали с «неуловимым Протеем»³⁹⁷ и который в публикациях журнала представлялся как человек нерешительный, изменчивый, подверженный посторонним влияниям и способный лишь на прекраснодушные мечтания в компании таких же, как он, «идеалистов». Словом, если использовать современную терминологию, Екатерина II занимала первое место в рейтинге

---

³⁹³ Щебальский П.К. Политическая система Петра III // Русский вестник. 1869. Кн.8. С.387.

³⁹⁴ Брикнер А.Г. Жизнь Петра III до вступления на престол // РВ. 1883. Кн. 2. С. 752.

³⁹⁵ Брикнер А.Г. Жизнь Петра III... С.731.

³⁹⁶ Брикнер А.Г. Жизнь Петра III... С.745,747.

³⁹⁷ Богданович М.И. Детство и юность... Кн.1. С.385.

верховных правителей России, а правовед Ф.А. Бюлер даже назвал ее правление «до 19 февраля 1861 года самым популярным у нас царствованием»³⁹⁸.

Оценка консерваторами «Русского вестника» Екатерины как выдающейся правительницы во многом складывалась на основе суждений о ее дипломатической деятельности и проводимой ею национальной политике на вошедших в состав Российской империи территориях. Существенное расширение в годы ее правления границ государства, присоединение Чукотки и Курильских островов на Дальнем Востоке, Дунайских княжеств Валахии и Молдавии, земель Северного Кавказа и Причерноморья и, наконец, огромных территорий в Восточной Европе и Прибалтике в результате разделов Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 гг. - превратили Россию в могущественнейшую империю, влияние которой на европейскую геополитику к концу XVIII века стало определяющим. Стремление императрицы укрепить влияние и международный престиж России, расширить границы империи путем присоединения сопредельных земель, ее независимость и чувство собственного достоинства в отношениях с европейскими монархами, желание ни в чем, даже в мелочах не уступать своим европейским союзникам – все это полностью соответствовало ценностным установкам журнала, связанным с идеей Российской империи как великой державы. «Россия хотела действовать вполне самостоятельно, не связывая себя никакими обязательствами и сообразуясь только со своими интересами»³⁹⁹, - эта мысль звучала лейтмотивом в «Русском вестнике», когда речь шла о внешнеполитическом курсе екатерининского царствования. Именно такой хотел видеть внешнюю политику современной ему России М.Н. Катков, именно об этом он писал в своем последнем письме императору Александру III, подчеркивая, что «зло ... исчезнет само собою, как только в Европе выступит во всем величие самостоятельная Россия, независимая от чужой политики, управляемая лишь

---

³⁹⁸ Бюлер Ф.А. Два эпизода... 1870. Кн.1. С.7-8.

³⁹⁹ Б.п. Граф Мерси-Аржанто при дворе Екатерины II // РВ. 1886. Кн.5. С.377.

своими, ясно сознаваемыми интересами. Могущество России, ее величие так всеми чувствуется, что достаточно ей стать во всем самою собой, чтобы смутить и парализовать всякую вражду, ободрить и оживить все дружелюбное ей, поднять авторитет России, возбудить к ней доверие»⁴⁰⁰. В передовых статьях по национальному вопросу в «Московских ведомостях» Катков приводил слова императрицы из ее наставления князю Александру Вяземскому при назначении последнего на должность генерал-прокурора: «Сии провинции, писала Екатерина, имея в виду Малороссию, Лифляндию и Финляндию, - надлежит привести легчайшими способами к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть как волки к лесу... Называть их чужестранными и обходиться с ними на таком основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью – глупостью»⁴⁰¹.

Вслед за Катковым публицисты «Русского вестника» – Е.М. Феокистов, П.К. Щербальский, М.Н. Лонгинов, А.Н. Мосолов и другие чрезвычайно высоко оценивали стратегию Екатерины II в национальном вопросе, заявляя, что она «руководилась верным и вполне национальным взглядом в своей политике»⁴⁰², и считали «ее действия в высшей степени поучительными»⁴⁰³, а выдающийся российский историк С.М. Соловьев, постоянный автор журнала в 1850-1860-е гг., именовал императрицу «знаменитой собирательницей русских земель», признавая за ней «исторический народный взгляд» на национальный вопрос⁴⁰⁴.

Суть этого «исторического взгляда» состояла, по определению авторов «Русского вестника», в первую очередь, в том, что во всех присоединенных территориях Екатерина изначально видела органическую часть Российской

---

⁴⁰⁰ Катков М.Н. Письмо Александру III. Май 1887 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.45. Л.39-53.

⁴⁰¹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 12.05.1872. №117.

⁴⁰² Тимиряев Д.О. Польский вопрос в отечественной консервативной и либеральной публицистике (1881-1887 гг.) // *Via in tempore*. История. Политология. 2016. №8(229). Вып.38. С.10.

⁴⁰³ Мосолов А.Н. Курляндия под управлением Екатерины Великой (1795) // РВ. 1870. Кн.5. С.28.

⁴⁰⁴ Соловьев С.М. Венский конгресс // РВ. 1865. №2. С.397.

империи, навсегда соединенную с ней нерушимыми узами, и потому старалась ничем не выделять и не отличать их в правах от других российских провинций. С этой целью императрица устанавливала на новых российских землях законы, общие с теми, которые действовали во всех других губерниях России, ликвидировала особые права и привилегии населения, уравнивая его таким образом в правах со всеми остальными подданными. Примером истинно государственной мудрости и твердости Екатерины публицисты «Русского вестника» считали ее повеление в 1783 г. распространить действие изданного в 1775 г. «Учреждения о губерниях» на Лифляндию и Эстляндию, которые до той поры управлялись «на особом основании», а в 1795 г. – и на территорию Курляндии, которая тогда же была присоединена к России, «без выстрела, мирно и безусловно признала над собой власть Екатерины II»⁴⁰⁵. Сторонники сильной государственной власти, консерваторы «Русского вестника» видели в этом несомненную заслугу «великой учредительницы губерний»⁴⁰⁶, которая таким образом вернулась к порядкам, установленным Петром в 1708-1718 гг., и, ликвидировав посредничество в лице коллегий между верховной властью и местными учреждениями, в конечно итоге – через наместников – сосредоточила в своих руках весь контроль за управлением на национальных окраинах империи. «Они [наместники – Е.П.] сделались представителями не только местной администрации, но и политики государства, и проводниками высших политических соображений», - подводил итоги этой деятельности Екатерины II А.Д. Градовский в историческом очерке учреждения в России генерал-губернаторства⁴⁰⁷. Дипломат А.Н. Мосолов, автор статьи «Курляндия под управлением Екатерины Великой», признавал абсолютно верной стратегию императрицы в прибалтийских губерниях, заключавшуюся в том, что она «не считала нужным прибегать к излишним приманкам не скрывала

---

⁴⁰⁵ Мосолов А.Н. Курляндия под управлением Екатерины Великой (1795) // РВ. 1870. Кн.5. С.28.

⁴⁰⁶ Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторства в России // РВ. 1869. №11. С.17.

⁴⁰⁷ Градовский А.Д. Исторический очерк... С.15.

своих намерений относительно управления своими тогдашними немецкими подданными», и с одобрением писал о ее твердости и постоянстве в этом вопросе: «Она была непреклонна, несмотря на протест местных привилегированных сословий. Городовой положение 1785 г. встретило не меньшее противодействие в городских учреждениях, но еще за два года до издания этого закона, императрица лично убедилась, во время вторичного путешествия по Лифляндии, в неудовлетворительности существовавшего там управления. Екатерина достоверно знала, что, вводя общие положения в остзейских губерниях, она делала им благодеяние. Ум ее был по преимуществу государственный, чуждый узких и эгоистических местных воззрений; никакая сила в мире не могла бы убедить ее в пользу сохранения дворянских и городских привилегий Балтийского края. В главных своих действиях она руководилась любовью и уважением к великому и доброму народу, судьбою которого управляла и дух которого она понимала едва ли не лучше всех своих предшественников»⁴⁰⁸.

В контексте присоединения к России в 1860-1880-е гг. обширных территорий в Средней и Центральной Азии (завоевание Чимкента, Ташкента, Туркестана, Самарканда, Кокандского ханства, подчинение Бухарского эмирата, установление протектората Российской империи над Хивинским ханством и т.д.), и усиления сепаратистских настроений на западных национальных окраинах империи - в Прибалтийских губерниях, Украине, Польше, Финляндии – данные заявления журнала приобретали весьма актуальный характер. В оживленных дискуссиях, которые велись в печати вокруг национального вопроса⁴⁰⁹, «Русский вестник» последовательно проводил мысль об исторических правах Российской империи на территории

---

⁴⁰⁸ Мосолов А.Н. Курляндия под управлением Екатерины Великой (1795) // РВ. 1870. Кн.5. С.40-42.

⁴⁰⁹ Кудряшев В.Н. Восточная экспансия российской империи в оценке русских публицистов второй половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. №1(33). С.79-86; Соколов Д.В. Особенности идеологии русских либеральных националистов второй половины XIX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. №4(20). С.130-132.

Средней Азии, подчеркивая их многолетние экономические связи с Россией, добровольность присоединения и благотворное влияние колонизации на местное население, а в отношениях с западными и прибалтийскими губерниями - требовал лишить их каких-либо привилегий и «особых прав», активно поддерживал государственную политику обрусения Польши, настаивал на более активном введении на польских землях русского языка и русского землевладения с целью упрочения их связей с Российской империей. Не удивительно, что национальная политика Екатерины на окраинах империи и в первую очередь - в Польше, ее стремление как можно скорее «обрусить» этот край, «ввести в него господствующим элементом *крупное* русское землевладение, сосредоточенное в руках заслуженных, по происхождению своему *вполне русских...*» [курсив Бюлера – Е.П.]⁴¹⁰, вызывала безусловное и однозначное одобрение публицистов «Русского вестника».

Логическим продолжением курса императрицы на «обрусение» Польши, стало, по мнению журнала, учреждение ею в 1782 г., в обход руководства Римско-католической церкви, Могилевского архиепископства и назначение во главе его «своего человека» - Станислава Богуша-Сестренцевича, подчинение ему всех католических епископов России и всех проживающих на территории Российской империи католиков латинского обряда. Два миллиона католиков, сотни монастырей и тысячи монахов, ставшие подданными Российской империи после присоединения в 1870-е гг. польских территорий, «составили особое государство в русском государстве, имея не только интересы и цели, совершенно отличные от интересов и целей русского народа, но даже и признавая над собой власть совершенно особую и независимую от русского правительства», - писал Щебальский об «аномальности» и абсолютной недопустимости подобного положения в государстве, где власть «неделимо принадлежит монарху»⁴¹¹. Предпринятые

---

⁴¹⁰ Бюлер Ф.А. Два эпизода... 1871. Кн.10. С.385-386.

⁴¹¹ Щебальский П.К. Католичество в России при Екатерине и после нее // РВ. 1864. Кн.8. С.622.

императрицей меры обнаружили, по мнению публициста, ее государственную мудрость и присущее ей истинно государственное мышление: не касаясь догматов католицизма и не возбуждая таким образом недовольства среди католического населения, она таким образом смогла ликвидировать зависимость своих новых подданных от Ватикана. Историк особо подчеркивал, что, как и большинство других «кадровых решений» императрицы, ее выбор и на этот раз оказался на редкость удачным: человек честолюбивый, энергичный, смелый, наделенный высоким умом, Сестренцевич, будучи искренним католиком, умел находить общий язык как со своей паствой, так и с российской администрацией и много способствовал установлению терпимых отношений католического населения к новой власти. «Римский двор не имел повода в этом случае соглашаться или отвергать: у него не спрашивали согласия⁴¹², - горячо писал Щебальский, ставя в заслугу Екатерины ее демонстративный отказ идти на компромисс с Римом. - И на это была очень простая причина: никаким обязательством, никаким конкордатом⁴¹³ мы не были связаны тогда»⁴¹⁴. Связь этих рассуждений с реалиями 1860-х гг. был очевиден: осенью 1866 г. императором Александром II был подписан указ о прекращении действия заключенного в 1847 г. конкордата с Римом. Причиной столь решительного разрыва отношений стали события польского восстания 1863 г., во время которого польское католическое духовенство открыто поддержало антироссийскую борьбу

---

⁴¹² Спустя два года – в феврале 1784 г. - папа Пий VI был-таки вынужден утвердить Сестренцевича на посту архиепископа.

⁴¹³ Конкорда́т (от лат. Concordatum - соглашение, от лат. Concordo - нахожусь в согласии - по канонической терминологии договор между папой Римским, как главой Римско-католической церкви и каким-либо государством, регулирующий правовое положение Римско-католической церкви в данном государстве и его отношения со Святым Престолом. Россия заключила конкордат с Римом в 1847 г., согласно которому Папа получил право определять границы римско-католических епархий в России, по согласованию с русским правительством – замещать епископов и ряд других прав. Конкордат оказался неудовлетворительным ни для папства, ни для русского правительства, и в 1866 г. сношения русского правительства с папским прерваны, а конкордат отменен.

⁴¹⁴ Щебальский П.К. Католичество в России при Екатерине и после нее // РВ. 1864. Кн.8. С.623.

польский повстанцев и, по существу, стало их духовным вождем, а папа Пий IX официально выступил в поддержку восставших. Впоследствии в отношениях России с Ватиканом постепенно наметилось сближение, но конкордат так и не был возобновлен. Все это вылилось в весьма оживленную полемику на страницах российской печати 1860-1870-х гг., в которой консервативные издания, и в первую очередь «Русский вестник», решительно выступали против конкордата, усматривая в нем вмешательство во внутренние дела Российской империи.

Многие инициативы Екатерины рассматривались в журнале как новаторские, свидетельствующие о присущем ей недюжинном уме и прирожденных способностях к управлению государством. Так, в статье экономиста А.Н. Куломзина «Государственные доходы и расходы в царствование Екатерины II» высоко оценивались предпринятые императрицей финансовые реформы, позволившие ей в первые же годы своего правления существенно сократить дефицит государственного бюджета. По мнению ученого, введение строгого таможенного контроля, государственного регулирования в сфере сбора налогов от питейной торговли и цен на соль, замена некоторых натуральных податей денежными, секуляризация церковных земель в пользу государства и другие меры если и не решили кардинально проблему дефицита бюджета, то изрядно сократили разницу между доходной и расходной его частями и сделали возможным увеличить расходы на развитие путей сообщения, общественные постройки, научные заведения и народное здравие, суммы на которые в начале царствования Екатерины достигли до 700.000 руб., «небывалой в прежнее время цифры».⁴¹⁵ Среди заслуг императрицы исследователи особо выделяли ее инициативу собирать материалы по русской истории, в первую очередь – свидетельства Петровской эпохи: коллекции писем Петра I, летописи, сборники, указы и т.п., позволяющие восстановить историю российской государственности, а также

---

⁴¹⁵ Куломзин А.Н. Государственные доходы и расходы в царствование Екатерины II (1762-1769) // РВ. 1869. №11. С.151.

пришедшиеся на годы ее правления первые попытки систематического изложения истории России М.В. Ломоносовым, В.Н. Татищевым, Ф.О. Туманским, Н.И. Новиковым, Г.Ф. Миллером и др. «Многие из этих трудов изданы были на счет императорского кабинета и производились по указаниям Екатерины, по ее личной инициативе; - писал П.К. Щербальский, - она сама собирала древние манускрипты и вступала в личные сношения с людьми, занимавшимися серьезно русской историей. Екатерина, наконец, и сама начала составлять популярное изложение русской истории, которое печаталось в Собеседнике под заглавием Записок» [Имеются в виду написанные Екатериной II «Записки касательно российской истории», опубликованные в 1783 г. в журнале «Собеседник любителей российского слова», издававшемся при Императорской академии наук – Е.П.]⁴¹⁶.

Одним из самых значительных реформаторских начинаний Екатерины II авторы «Русского вестника» считали созыв Уложенной комиссии для выработки нового свода законов и знаменитый «Наказ». Идеи этого документа, который современные исследователи рассматривают как попытку императрицы «вырваться из очерченного ее приближенными круга и найти поддержку у всего политически активного населения империи. ... ограничить политическую диктатуру дворянства и подтолкнуть общество к процессу европейского буржуазного развития»⁴¹⁷, были во многом созвучны консервативной программе «Русского вестника», издатели которого полностью разделяли выраженную в «Наказе» мысль Екатерины, что главным гарантом стабильности и порядка является государство в лице самодержавного монарха. «И она [Екатерина – Е.П.], но только гораздо ранее, говорила о необходимости улучшить положение крестьян, восставала против раздробления семейств, рекомендовала закон вместо произвола и внушала милосердие власть имеющим; и она говорила о сенате как о «хранилище

---

⁴¹⁶ Щербальский П.К. Драматические и нравоописательные сочинения Екатерины Второй // РВ. 1871. №6. С.539.

⁴¹⁷ Минеева Т.Г., Мигунова Т.Л. Особенности законотворческой деятельности Екатерины II: Наказ, конкурсы и проекты // Sciencis of Europe. 2018. № 27-1 (27). С. 17.

законов», о «вольности», о долге каждого государя отдаться заботам о благоденствии подданных, – писал Щебальский. - <...> Мысли, заключающиеся в Наказе, получили даже некоторую обязательную силу для тогдашней администрации. В беседах Александра [императора Александра I (1801-1825) – Е.П.] изредка появлялась, и притом очень неопределенно, мысль о собрании народных представителей, а Екатерина воплотила эту мысль»⁴¹⁸. Исследователь выражал твердую уверенность, что созванные императрицей депутаты «и более того сделали бы, если бы Турецкая война не началась»⁴¹⁹. В опубликованном в 1876 г. обширном труде П.Б. Бланка «Екатерининская комиссия 1767-1769» отмечалось, что «ни сочинение наказа, ни созыв депутатов не были минутным капризом неограниченной воли», а «последующее ревностное участие Екатерины в трудах Комиссии, постоянная заботливость о предоставлении свободы в суждениях, неудовольствие за расточаемые ей похвалы, показывают, как серьезно смотрела императрица на это дело»⁴²⁰. Публицист подчеркивал демократизм и широту взглядов Екатерины, которая, прежде чем предложить свой Наказ Комиссии в качестве руководства, «призвала нескольких лиц, известных ей по своему разномыслию, и предложила им прочесть окончанный ею Наказ. Императрица сама вызывала прения, каждая строка подвергалась горячему спору, и по данному праву изменять и выбрасывать», в результате чего подготовленный ею проект «потерпел значительные исправления»⁴²¹.

Признавая, что, будучи самодержавной государыней, Екатерина II не смогла избежать авторитарных приемов управления, публицисты журнала ставили ей в заслугу, что она гораздо в большей степени, нежели Петр I, доверяла своим министрам и военным начальникам, и хотя все стратегически важные решения принимала самостоятельно, но давала при этом их исполнителям лишь общее направление деятельности, предоставляла им

---

⁴¹⁸ Щебальский П. К. Идеалисты и реалисты // РВ. 1871. Кн.7. С.201-202.

⁴¹⁹ Щебальский П. К. Идеалисты и реалисты... С.203.

⁴²⁰ Бланк П.Б. Екатерининская комиссия 1767-1769 // РВ. 1876. Кн.1. С.135.

⁴²¹ Бланк П.Б. Екатерининская комиссия... С.130, 133.

максимум свободы и не вмешивалась в подробности исполнения, чем поощряла их инициативу и активность. Любопытный эпизод, свидетельствующий об административной мудрости Екатерины, сохранился в воспоминаниях генерала Л.Н. Энгельгардта: как-то раз на замечание фельдмаршала П.А. Румянцева, что ей «не нужно ни от кого принимать советы: свой ум царь в голове», Екатерина с улыбкой отвечала: «Правда, но есть и другая русская пословица, не менее справедливая: один ум хорош, а два лучше»⁴²². Несомненно, подобное доверие со стороны императрицы не могло не вызывать у окружающих ее лиц ответного желания оправдать возлагаемые на них надежды и принести максимальную пользу своей государыне. П.Щ. Щебальский, тщательно изучавший документы екатерининской эпохи в государственных архивах, так определял степень личного участия Екатерины в управлении государством: «Нам известно, что весьма многие указы, инструкции и манифесты были писаны рукой самой императрицы; нам случалось видеть в архивах собственноручные ее приказания незначительным военным начальникам, которые она пересылала через военную коллегия; но все-таки мы должны сказать, что она не принимала такого обширного, всестороннего и непосредственного участия в делах управления, как Петр I. <...> Екатерина действовала иначе: общее направление давала она, но и то большей частью по совещаниям со своими министрами: исполнение же вполне им предоставлялось»⁴²³. По мнению правоведа А.Д. Градовского, именно умение Екатерины «выбирать людей и готовить их для государственной деятельности», во многом компенсировало недостатки самодержавной формы правления и служило гарантией эффективности выстроенной ею «вертикали власти». Как пишет этот исследователь, произведенная Екатериной реформа местного самоуправления и введение института наместничества принесли «чрезвычайную пользу» государству и способствовали уменьшению

---

⁴²² Энгельгард Л.Н. Записки // РВ. 1859. Январь. Кн.1. С.136.

⁴²³ Щебальский П.К. Переписка Екатерины II с графом Н.И. Паниным // РВ. 1863. Кн.6. С.753.

произвола местного губернских чиновников, сокращению взяточничества, казнокрадства на местах и т.п., во многом благодаря тому, что императрица назначала на эти должности таких выдающихся деятелей, как Г.А. Потемкин, П.А. Румянцев, А.П. Мельгунов, Я.Е. Сиверс и др., которые пользовались ее «личной дружбой и полной доверенностью, ... действовали совершенно самостоятельно, сосредотачивая в своих руках не только главный местный, но и общий административно-политический надзор»⁴²⁴. Недостатки подобной системы управления, которая, как признавал исследователь, «едва ли могла послужить к укреплению государственного единства» и «скорее могла удалить страну от необходимой государственной централизации и привести к системе разрозненных сатрапий и многим замешательствам», не проявлялись при жизни императрицы именно потому, что она умело подбирала заместителей, личный состав которых при ней «был действительно замечателен»⁴²⁵. Среди вельмож екатерининского времени, «вполне честных, по крайней мере по понятию того времени, каких прежде у нас не бывало <...> стоявших в уровень с требованиями современной им степени просвещения», помимо уже перечисленных, историки «Русского вестника» называли графов Н.И. и П.И. Паниных, графа З.Г. Чернышева, А.И. Бибикова, П.Д. Еропкина, И.И. Бецкого, А.И. Черкасова, С.Х. Миниха и др. И даже те из деятелей екатерининской эпохи, для которых «интересы России были по преимуществу средством к достижению собственных целей», благодаря административному и управленческому таланту Екатерины честно выполняли свой долг. Таким, по словам А.Н. Мосолова, был граф П.А. Пален, первый генерал-губернатор Курляндии, который в годы ее царствования «успел оказать России великие услуги; с переменой правления он с тем же усердием, действуя в ущерб России, стал разрушать дело своих же рук»⁴²⁶. «Люди эти бывают хороши в хороших руках и опасны при иных условиях», - резюмировал Мосолов,

---

⁴²⁴ Градовский А.Д. Исторический очерк... С. 18.

⁴²⁵ Градовский А.Д. Исторический очерк... С. 15.

⁴²⁶ Мосолов А.Н. Курляндия под управлением Екатерины Великой (1795) // РВ. 1870. Кн.5. С.43.

подразумевая при этом, по всей вероятности, умение императрицы использовать в интересах империи не только достоинства, но даже и недостатки своих приближенных, и, сочетая в отношениях с ними настойчивость и строгость с присущими ей мягкостью и обаянием, добиваться исполнения своей воли.

Исследователи не могли не признавать, что нередко императрица была вынуждена искать поддержку среди людей авантюрного склада, «отчаянных удальцов, которые ..., не думая о нравственных обязанностях, ставили ни во что даже собственную жизнь и жизнь других, чтобы только успеть захватить приманчивые дары фортуны»⁴²⁷. Среди таковых историки в первую очередь называли Григория, Алексея и Федора Орловых, которые, как писал М.Н. Лонгинов, «были неразборчивы в средствах, не останавливались ни перед чем» и с которыми «сама Екатерина II ... считает нужным советоваться в важных случаях, иногда призывать их на помощь, ласкать и, так сказать, закупать их, зная, что как друзья они бесценны, но что честолюбие их, однажды чем-нибудь обольщенное, не знает пределов и может заставить забыть их все прежнее, а тогда в руках бывших ее наперсников окажется не одно страшное оружие»⁴²⁸. Показательно, что публицист не находил в этих фактах ничего, что бы компрометировало императрицу, а, напротив, подчеркивал, что она «сама нередко предпринимала хитрые и смелые планы», при осуществлении которых умело пользовалась как сильными сторонами, так и слабостями своих опасных союзников, благодаря чему братья Орловы, известные бесшабашностью и непредсказуемостью своих поступков и от которых было «можно ожидать всего в самых обширных размерах», верой и правдой продолжали служить и Российской империи, и самой Екатерине, выполняя самые опасные и щекотливые ее поручения. Как видим, даже столь распространенное в годы екатерининского правления явление, как

---

⁴²⁷ Лонгинов М.Н. Княжна Тараканова. Эпизод из анекдотической хроники XVIII века // РВ. 1859. Декабрь. Кн.2. С.717.

⁴²⁸ Лонгинов М.Н. Княжна Тараканова... С.717.

фаворитизм, публицисты «Русского вестника» трактовали в пользу императрицы, причем объясняли его истоки нравами и традициями, господствующими еще при дворе Елизаветы Петровны, т.е. в те времена, когда молодая Екатерина, «не имея ни друга, ни наставника, ... не могла не привыкнуть к обдуманым, расчетливым действиям. При дворе, где фаворитизм играл столь важную роль, где каждый был занят своими частными интересами, более или менее тайными сношениями с разными лицами, и Екатерина должна была рано или поздно искать опоры в подобных сношениях»⁴²⁹. Историк В.В. Макушев в одной из своих публикаций приводил любопытное мнение итальянского посла в Петербурге генуэзца Стефано Риваролы, который утверждал, что «чудовищное влияние его [фаворита – Е.П.] на государственные дела, замечаемое во всех государствах, где фавориты когда-либо существовали, не имеет ныне места при русском дворе»⁴³⁰. Итальянский дипломат, проживший в России два года, был очарован русской императрицей, о которой с восхищением писал, что при ее дворе «все дышит величием, великолепием, славой, энтузиазмом», а сама она «внушает почтение даже самым предубежденным и недовольным и подчиняет их своей воле. По качествам души эта великая государыня заслуживает названия милосердной, справедливой, свободомыслящей и разумно славолубивой, т.е. мыслящей оставить по себе бессмертную славу <...> она все видит, все испытывает и служит уздою и примером для министров, предотвращая гибельные последствия летаргического и всегда пагубного усыпления»⁴³¹.

Подобные характеристики Екатерины можно найти едва ли не в каждой посвященной ей публикации «Русского вестника». С нескрываемым восхищением исследователи и мемуаристы журнала писали о способности Екатерины II «внушать восторг, привлекать и располагать к себе

---

⁴²⁹ Брикнер А.Г. Жизнь Петра III до вступления на престол // РВ. 1883. Кн.2. С.751.

⁴³⁰ Макушев В.В. Россия и Польша в XVIII веке. По реляциям венецианца Д. Дольфина и генуэзца С. Риваролы // РВ. 1870. Кн.5. С.19-20.

⁴³¹ Макушев В.В. Россия и Польша в XVIII веке. По реляциям венецианца Д. Дольфина и генуэзца С. Риваролы // РВ. 1870. Кн.5. С.19.

население»⁴³², о том, что она «удивительно понимала народное чувство», «понимала, какой великий политический рычаг есть народная преданность»⁴³³, подчеркивали ее стремление всеми силами заслужить признание своих подданных. По словам Щербальского, «обаяние, которое эта женщина распространяла вокруг себя, независимо от своего сана, еще в то время, когда ее положение при дворе было очень сомнительно, когда едва ли кто мог предвидеть в ней будущую императрицу, - обаяние, которое доставило ей горячих приверженцев и, наконец, возвело ее на престол»⁴³⁴. «Екатерина, бесспорно, принадлежала к числу самых светлых умов своего времени, - писал Ф.А. Бюлер. - Девизом императрицы было *полезное* [курсив Бюлера – Е.П.]. В бумагах императрицы... везде преобладают искренняя любовь к России, уважение к ее обычаям и преданиям, справедливая гордость женщины, знающей себе цену, характер пылкий и энергический, желание совершить что-либо достославное или взять верх над политическим соперником; но при этом много осторожной, рассудительной сдержанности и терпения»⁴³⁵. «В ее царствование Россия была славна и счастлива, подданные ее наслаждались спокойствием, каждый гражданин уверен был в безопасности личной и обладании своей собственности, - вторил Бюлеру Энгельгардт. - <...> Она сделала многие учреждения к управлению России, способствовавшие к утверждению благоустройства и скорому течению дел. Она основала и приобрела до 250 городов, торговля в ее царствование распространилась по всем морям, доходы государства, прежде бывшие не свыше 35 миллионов рублей, без наложения новых податей, знатно умножены; морская и сухопутная сила России в ее время приводила в ужас всю Европу.

---

⁴³² Бюлер Ф.А. Два эпизода... 1870. Кн.3. С.168.

⁴³³ Щербальский П.К. Переписка Екатерины II с графом Н.И. Паниным // РВ. 1863. Кн.6. С.752.

⁴³⁴ Щербальский П.К. Переписка Екатерины II... С.749.

⁴³⁵ Бюлер Ф.А. Два эпизода... 1870. Кн. 1. С.7-8.

Покровительствовала науки и художества, и привела к концу то, что Великий Петр предпринимал. О всех ее делах вкратце сказать нет возможности»⁴³⁶.

Искреннюю любовь и почитание подданных, по мнению публицистов, Екатерина заслужила своим неустанным попечением об их благе, тем, что вникала в мельчайшие подробности их быта и повседневных нужд, чему в немалой степени способствовали ее многочисленные путешествия по России. «Как кибитка Петра Великого перестала носиться по России, народ русский не видал царей своих», - писал Щебальский, замечая, что именно возможность увидеть вблизи свою государыню стала «одна из причин той огромной популярности, которою она до сих пор пользуется. Народ толпами сбегался в города и на станции, где она останавливалась, и ее поездка имела действительно вид триумфального шествия»⁴³⁷. Вот как, к примеру, описывалась в мемуарах С.Н. Глинки встреча Екатерины с простонародьем на ее обратном пути из Белорусского края в 1781 г.: «День был как будто праздником сельской природа. Яркие лучи полудневого солнца, разливаясь по густым вершинам деревьев придорожных, образовали какой-то светозарный свод, под которым медленно двигалось шествие Екатерины. По одну сторону крестьяне в нарядных одеждах, по другую – крестьянки с различными садовыми и полевыми цветами. Одни простирали руки с сокровищами нив своих, другие усыпали дорогу цветами и зеленью. Гремели хоры родных песен; по мере движения кареты, тянулись вереницы хороводные. С очаровательным приветом своим Екатерина раскланивалась во все стороны, часто останавливалась и спрашивала у радостных поселян: «Довольны ли вы, друзья мои, вашим капитан-исправником?» И раздался общий отклик: «Довольны, матушка –царица! Довольны! Он нам отец!». Лицо Екатерины сияло удовольствием. <...> Екатерина любила голос сердечный.

---

⁴³⁶ Энгельгард Л.Н. Записки... Декабрь. Кн.1. С.576.

⁴³⁷ Щебальский П.К. Переписка Екатерины II... С.751-752.

Приветливо откушала она нашей хлеба-соли, выпила бокал липца за здоровье хозяев⁴³⁸.

В отличие от тиражировавшегося впоследствии представления о поездках Екатерины по империи как об исключительно увеселительных вояжах, в которых на ее пути повсеместно являлись «потемкинские деревни», публицисты «Русского вестника» подчеркивали, что эти путешествия затевались с серьезными целями и являлись одним из действенных способов для осуществления лично императрицей административного контроля на местах. Они носили характер ревизий, программа которых была весьма обширна: лица, состоящие в свите Екатерины, были обязаны собирать сведения о состоянии губерний, уездов, статистические данные и т.п., и докладывать императрице об увиденном, а сама она многие часы проводила в беседах с представителями местной администрации. Так, в статье известного исследователя истории России XVIII века профессора А.Г. Брикнера «Путешествие императрицы Екатерины II в Могилев в 1780 году» подчеркивалось, что во время этой поездки государыня в первую очередь решала внешнеполитическую задачу – вела переговоры с сопровождавшим ее австрийским императором Иосифом, результатом которых стало заключение в 1781 г. выгодного для Российской империи союза с Австрией, а также осматривала «тот край, который был присоединен к России вследствие первого раздела Польши, ей хотелось лично удостовериться, насколько привилось учреждение наместничеств»⁴³⁹. О поездке в Херсон и Крым в 1787 г. историк писал, что ее целью было «посетить приобретенные в последнее время провинции, оба путешествия имели значение ревизий; обе они превратились в политические демонстрации и находились в тесной связи с восточным вопросом»⁴⁴⁰. Несмотря на то, что императрица нигде долго не задерживалась, многочисленные выезды позволяли ей ближе познакомиться с

---

⁴³⁸ Из записок Сергея Николаевича Глинки... 1866. Кн.1. С. 245,247.

⁴³⁹ Брикнер А.Г. Путешествие императрицы Екатерины II в Могилев в 1780 году // РВ. 1881. Кн.8. С.465.

⁴⁴⁰ Брикнер А.Г. Путешествие императрицы Екатерины II... С.465.

местной администрацией, своими глазами увидеть, как и чем живет народ вверенной ей державы. «Я слышал от отца моего, в какую подробность и тонкость она входила, расспрашивая каждого с глазу на глаз; - читаем в записках генерала Л.Н. Энгельгарда, отец которого в годы правления Екатерины служил могилевским губернатором, - многие лишены были своих мест; многих при первых открывшихся местах пожаловала она в губернаторы и иные государственные должности, по способности каждого, некоторых оставил при себе и помнила каждого из них, так что без всякого постороннего покровительства жаловала в свое время»⁴⁴¹. Нечто подобное произошло и в 1767 г., во время поездки в Казанскую губернию, когда, несмотря на усилия местной администрации скрыть от Екатерины неблагоприятное положение дел в губернии и тягостное положение крестьянства, «нужды края, однако ж, не замедлили открыться»⁴⁴². Любопытный эпизод сохранился в воспоминаниях Е.П. Яньковой, имение отца которой находилось под Калугой и которая таким образом стала очевидицей посещения Екатериной Калужской губернии в 1787 г. В этом году в губернии был плохой урожай зерновых, и наместник М.Н. Кречетников, пытаясь создать видимость довольства и зажиточности местного крестьянства, расставил вдоль пути следования царского кортежа скирды хлеба, а на вопрос Екатерины: «Хорош ли был урожай?» отвечал: «Прекрасный». Однако эта уловка отнюдь не обманула проницательную императрицу, отличавшуюся наблюдательностью и умением отличать реальное положение дел от того, в каком виде их хотели ей представить местные чиновники. Реакция ее была скорой, но достаточно сдержанной: вечером, после спектакля (шла пьеса «Хвастун»), Екатерина посетовала, что ее не угостили самым дорогим - черным хлебом - и вслед за этим высказала свое неудовольствие наместнику: «Я желаю знать всю правду, а от меня ее скрывают и думают сделать мне угодное, скрывая от меня дурное! Здесь неурожай, голод, народ терпит нужду, а вы еще делаете триумфальные ворота

---

⁴⁴¹ Энгельгард Л.Н. Записки... Январь. Кн.1. С.128.

⁴⁴² Щебальский П.К. Переписка Екатерины II... С.752.

из снопов! Чтобы мне угодить, не следует от меня таить правды, хотя бы и неприятной. Прошу это запомнить на будущее время»⁴⁴³.

В то же время в мемуарных публикациях «Русского вестника» содержится немало фактов, подтверждающих, насколько внимательна и предупредительна была Екатерины к тем, кто ей преданно и честно служил, как проста, доступна и обаятельна она была в общении. Так, в записках С.Н. Глинки приводится случай, произошедший во время визита Екатерины в Смоленск в 1787 г., где она во время представления дворянства вспомнила о первом смоленском губернском предводителе Я.И. Повало-Швейковском, который к тому времени уже давно находился в отставке и, страдая подагрой, отсутствовал на приеме. «Когда ей доложили, что он слаб ногами, она сказала: “пусть он назначит час и придет запросто”, - пишет Глинка. - Иван Яковлевич назначил десять часов утра, что и было утверждено императрицею. Ласково усадив своего бывшего оратора, Екатерина угощала его кофеем и шоколадом»⁴⁴⁴. В другой раз Глинка приводит любопытный рассказ княгини Е.Р. Дашковой о посещении Екатериной М.В. Ломоносова незадолго до кончины ученого. Узнав, что тот «что-то слишком закручинился», императрица запросто, без доклада, «тихомолком» поехала его навестить и также запросто пригласила его приехать к ней завтра «откушать хлеба-соли»⁴⁴⁵. Энгельгард вспоминал о еженедельных собраниях в Эрмитаже, куда «приглашаемы были люди только известные» и где «всякая церемония была изгнана; императрица, забыв свое величество, обходилась со всеми просто; были сделаны правила против этикета»⁴⁴⁶. Простота и приветливость императрицы распространялись не только на лиц из ее «ближнего круга»: на маскарады, устраиваемые на новый год в Зимнем дворце, «всякий имел право получить билет для входа, в придворной конторе. Купечество имело свою залу, но обе залы имели между собой сообщение, и не запрещалось переходить

---

⁴⁴³ <Янькова Е.П.> Рассказы бабушки... 1878. Кн.3. С.355.

⁴⁴⁴ Из записок Сергея Николаевича Глинки... 1865. Кн.2. С.656.

⁴⁴⁵ Из записок Сергея Николаевича Глинки... 1865. Кн.7. С.244.

⁴⁴⁶ Энгельгард Л.Н. Записки... Январь. Кн.2. С.264.

из одной в другую. <...> Императрица сама выходила маскированная одна без свиты»⁴⁴⁷. Мемуарные источники, подобные вышеприведенным, несмотря на свойственную этому жанру субъективность, придавали воссоздаваемому на страницах «Русского вестника» образу императрицы «человечность», глубину и многогранность. Именно в мемуарах рисовался тот самый образ милосердной «матушки-царицы», «великой государыни», перед памятью которой, «несмотря на четыре войны, несмотря на укрепление малороссийских крестьян, на ужасы чумы и пугачевщины», продолжал благоговеть народ и прославлять ее царствование⁴⁴⁸.

Мудрая правительница, обладающая широтой взглядов, твердостью характера, политическим чутьем, стратегическим мышлением, блестящими организаторскими талантами, умевшая выбирать таких же, как и сама, волевых, талантливых и инициативных помощников, и одновременно с этим – гуманная и милосердная, обаятельная и простая в общении, способная к пониманию и прощению – такой предстает Екатерина II в публикациях «Русского вестника». Для авторов журнала она не просто воплощала идеал монарха – мудрого государственного деятеля и дальновидного политика; она олицетворяла собой саму идею Российской империи как мощной мировой державы, ее политических традиций и политической культуры. Преданность Екатерины интересам России, которые она ставила превыше всего, ее независимость в отношениях с другими монархами, присущее ей чувство национальной гордости и собственного достоинства, самодостаточность ее внешней и внутренней политики, результатом которой стал сложившийся в годы ее правления комплекс имперских идей и ценностей, значительное расширение границ, существенное укрепление политического, экономического, военного могущества России, усиление ее международного авторитета – все это делало эту императрицу в глазах консерваторов «Русского вестника» образцовым примером для современных государственных деятелей

---

⁴⁴⁷ Энгельгард Л.Н. Записки... С.263.

⁴⁴⁸ Бюлер Ф.А. Два эпизода... 1870. Кн.1. С.15.

Российской империи. Подчеркивая громадное значение екатерининского царствования на пути России к достижению национальных, политических и культурных целей, они убеждали в необходимости более глубокого осмысления опыта правления Екатерины II, извлечения исторических уроков из ее государственной практики, в первую очередь, в области национальной политики, настаивали на широком использовании государственных принципов императрицы применительно к современным российским реалиям.

2.4. Проблема сохранения историко-культурного наследия на страницах газеты «Московские ведомости»

На фоне динамично развивающегося капиталистического уклада в России 1860-1880-х гг. проблема сохранения памяти об историческом прошлом страны, ее традициях и многовековом укладе отходила на второй план, вытеснялось более насущными вопросами: установление новых экономических отношений в деревне, взаимоотношения нанимателей и наемных рабочих, борьба с распространением социалистических учений и т.п. Попытки государственной власти улучшить положение дел успеха почти не имели: инициированный в 1877 г. комиссией во главе с товарищем министра внутренних дел А.Б. Лобановым-Ростовским «Проект правил о сохранении исторических памятников» в итоге так и не получил законодательного утверждения в связи с отказом Министерства финансов выделить деньги. Спасение исторических памятников России в основном зависело от общественной инициативы, и в этом не последнюю роль играла журналистика.

М.Н. Катков придавал проблеме сохранения историко-культурного наследия исключительно важное значение. Одним из существенных элементов отстаиваемой публицистом теории «разумного консерватизма» было требование вдумчивого и уважительного отношения к традициям прошлого, к памятникам отечественной истории и культуры, защита всего ценного, что создано предыдущими поколениями. Незыблемость историко-

культурных корней нации, сохранение исторической и культурной памяти поколений являлись для Каткова своего рода духовным основанием России, залогом ее государственного единства и могущества, гарантией крепости союза народа и верховной власти. Сквозной нитью в «Московских ведомостях» проводилась мысль, что разрушение традиционного историко-культурного уклада, отказ от привычных духовных ценностей, забвение исторического прошлого своей страны ведет к уничтожению нравственных устоев нации, духовному оскудению и, как следствие, к разрушению национального единства россиян, к потере национальной самобытности и самостоятельности. «Московские ведомости» убеждали читателей в необходимости бережного отношения к памятникам старины ради будущих поколений, призывали «обновить в себе дух нашей истории, перестать быть иностранцами и стать поистине детьми своей страны, живой частью своего народа»⁴⁴⁹.

Среди публикаций, направленных на сохранения у читателей исторической памяти о героическом – и одновременно трагическом прошлом России, выделяются «Рассказы очевидцев о двенадцатом годе», собранные и записанные со слов очевидцев Е.В. Новосильцевой. Просто и непритязательно в них описывался захват древней русской столицы французами и московский пожар 1812 г., рассказывалось, «как в это время жили среди развалин пылающего города и в его окрестностях, как жили в монастырях и церквях, где искали убежища, как жили в подвалах и под открытым небом»⁴⁵⁰. Собеседниками писательницы становились, как правило, люди простого звания - мещане, мелкие торговцы, крестьяне: рассказ Прасковьи Ионовой, крестьянки сельца Семеновского, что на Бородинском поле; рассказ Афимьи Власовой, бывшей крепостной г-жи Арсеньевой, рассказ Авдотьи Ивановны Кромановской, бывшей крепостной Марфы Яковлевны Кротковой, рассказ Глафиры Климовны Рожновой, живущей в Покровской богадельне и т.д.

---

⁴⁴⁹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 3.04.1879. №82.

⁴⁵⁰ Т.Н. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе // МВ. 24.01.1872. №21.

Собирая свидетельства и опрашивая очевидцев, писательница придавала важное значение точности полученных ею фактов. В начале каждого рассказа она скрупулезно указывала данные о своем собеседнике: точное имя, возраст, сколько лет тому было в момент войны с Наполеоном, какое образование, профессия и т.д. Отсутствие вымысла и сохранение писательницей в тексте всех речевых особенностей своих собеседников, придавали собранным ею рассказам особую достоверность и убедительность.

С газетой сотрудничали известные ученые-историки: архитектор, археолог и реставратор А.А. Мартынов, искусствовед, директор Государственного Эрмитажа А.А. Васильчиков, литературовед, директор общедоступной Чертковской библиотеки, основатель и издатель «Русского архива» П.И. Бартенев, писатель и дипломат А.В. Рачинский, краеведы С.И. Бочарников, С.М. Любецкий, А.А. Титов - один из инициаторов и участников реставрации Ростовского кремля и создатель музея ростовских древностей и др. Их публикации объединяла тема бережного отношения к старине, важность сохранения исторической и культурной памяти народа, идея самобытности и неповторимости русской культуры. Часто помещались статьи об истории Москвы и ее окрестностей, о памятных местах столицы, связанных с важными историческими событиями в жизни народа, о произведениях материального и духовного творчества, представляющих историческую, научную, художественную или культурную ценность. Среди наиболее интересных материалов - «Заметка о сохранении старины», «Возобновление ворот с теремом крутицкого архиерейского дома», «Несколько слов по поводу возобновления Потешного дворца в Московском кремле», «Москва в старину и ныне», «Из истории московских домов» А.А. Мартынова, «Благовещенский собор и его древняя стенопись» П.И. Бартенева, «Село Пушкино и его окрестности», «Московские окрестности» С.М. Любецкого, «Любителям старины», «О старом Преображенском дворце», «Красные ворота» А. Колосовского, «Стопятидесятилетие Санкт-Петербургских ведомостей» и др.

«Московские ведомости» не только знакомили своих читателей с историко-культурными достопримечательностями столицы и других древних городов России, но и стремились внушить понимание их уникальности и неповторимости, пробудить желание сохранить память о героическом прошлом, объединить усилия общественности с целью предотвратить утрату памятников старины. Так, в 1881 г. издание озвучило инициативу Московской городской думы начать сбор материалов для составления историко-статистического описания Москвы и призвало москвичей всемерно помогать ученому-историку И.Е. Забелину, председателю Московского общества истории и древностей, которому было поручено это благородное и важное, но весьма непростое и хлопотное дело⁴⁵¹. Само название статьи – «Московское дело» - говорило, что это начинание должно стать общим делом всех жителей столицы. В 1868 г. московские краеведы просили читателей поддержать их и не допустить размещения в здании Сухаревой башни - одном из самых известных памятников гражданской архитектуры Москвы – трактира, который предполагали открыть в ней некие предприимчивые дельцы, и предлагали распорядиться историческим памятником более уважительно и рационально, а именно отдать башню в распоряжение Общества распространения полезных книг⁴⁵². В том же году газета решительно встала на защиту замечательного памятника средневековой фортификации – крепостной стены в Смоленске, разборка которой была начата «за ненадобностью». Призывая не допустить разрушения смоленской крепости, газета подчеркивала, что она имеет не только архитектурное, но и историческое значение, сопоставимое в истории России со значением Спасских или Иверских ворот в Москве⁴⁵³. В 1874 г. «Московские ведомости» с негодованием сообщали о варварском сносе колокольни Богоявленского собора в Дорогомилове, вследствие чего храм утратил свой древний облик⁴⁵⁴. «Кажется, все слова искренних любителей

---

⁴⁵¹ Прихожанин. Московское дело // МВ. 12.07.1881. №191.

⁴⁵² Ростиславов Н. Быть ли трактиру в Сухаревой башне // МВ. 20.09.1868. №203.

⁴⁵³ МВ. 14.03.1868. №56.

⁴⁵⁴ Васильчиков А.А. О дорогомилловской колокольне // МВ. 18.06.1874. №153.

отечественной старины произносятся втуне. Сколько было говорено и писано, а все не впрок», - с горечью писала газета⁴⁵⁵.

С целью сохранения исторической памяти «Московские ведомости» не раз выступали с инициативой установления памятников в честь великих соотечественников или героических событий отечественной истории. Так, именно «Московские ведомости» в 1871 г. выступили с предложением поставить в древней столице памятник АС. Пушкину на площади Тверских ворот, где памятник великому поэту «находился бы в обстановке, соответствующей характеру его поэзии, открытой, возвышенной, цветущей и свободной»⁴⁵⁶. В 1883 г. «Московские ведомости» развернули кампанию в поддержку предложения Московского археологического общества поставить в древней столице памятник русскому первопечатнику Ивану Федорову⁴⁵⁷. Когда осуществление проекта затянулось, газета разместила подборку материалов, посвященную книгопечатнику⁴⁵⁸, и вновь напомнила о необходимости установления ему памятника. Среди других материалов был напечатан отчет о заседании Археологического общества и Общества истории и древностей, выступления историков Е.В. Барсова, И.Е. Забелина, и даже рисунок надгробного камня Ивана Федорова и рисунок проекта памятника ему. В 1884 г. газета призвала восстановить уничтоженную в результате пожара «избу Кутузова» в Филях, и сделать ее памятником великому русскому полководцу⁴⁵⁹. Предложение газеты было с воодушевлением воспринято москвичами, и в 1887 г. на собранные ими средства архитектором Н.П. Струковым была сооружена новая «Кутузовская изба».

«Московские ведомости» придавали огромное значение музеям как хранилищам накопленных за многие годы материальных и духовных

---

⁴⁵⁵ Васильчиков А.А. Еще о дорогомилловской колокольне // МВ. 4.07.1874. №167.

⁴⁵⁶ Прихожанин. Московское дело // МВ. 12.07.1881. №191.

⁴⁵⁷ Мин Г. Памятник первому книгопечатнику // 25.05.1879. №130.

⁴⁵⁸ В.П. Чествование памяти первого русского книгопечатника Ивана Федорова // МВ. 5.12.1883. №337.

⁴⁵⁹ Светлов Н. Памяти М.И. Кутузова // МВ. 23.04.1884. №111.

историко-культурных ценностей. По мнению авторитетного исследователя консервативной идеологии А.Э. Котова, музеи рассматривались Катковым как инструмент патриотической пропаганды⁴⁶⁰. С этим утверждением трудно не согласиться, особенно если принять во внимание, насколько активно поддерживалось газетой в 1869 г. создание музея в Севастополе, появление первых московских музеев: публичного музея, созданного в 1862 г. на основе собрания древних рукописей и коллекций графа Н.П. Румянцева, открытого в 1872 г. Промышленного (современный Политехнический) музея, Исторического музея, торжественное открытие которого состоялось в 1883 г. В публикациях газеты неоднократно поднимался вопрос о необходимости создания в столице и других специализированных музеев. Так, в 1872 г. председатель московских отделений мануфактурного и коммерческого советов В. Бутовский – один из инициаторов устройства в Москве центрального общеобразовательного политехнического музея, или Музея для содействия промышленности, выступил в «Московских ведомостях» с заявлением, что Москве нужен не один, а несколько специализированных музеев, с целью увеличения интереса среди его населения к науке и техническому прогрессу⁴⁶¹.

Газета была в числе первых, кто поддержал в 1866 г. инициативу Московского отделения Русского музыкального общества открыть в Москве консерваторию – как образовательного центра и как центра сохранения и преумножения классического музыкального наследия. В опубликованной в «Московских ведомостях» статье учредителей консерватории во главе с Н.Г. Рубинштейном указывалось на значение профессионального музыкального образования, а сам Катков выступил с передовой статьей, в которой в присутствии ему полемическом стиле и, возможно, отвечая на претензии сторонников утилитарного подхода к искусству, писал: «Нет ничего на свете

---

⁴⁶⁰ Котов А.Э. «Арсенал нравственных орудий»: музейная тема в публицистике М.Н. Каткова // Вопросы музеологии. 2016. С.24-31.

⁴⁶¹ Бутовский В. Как важна исходная точка в деле // МВ. 22.04.1872. №98.

столь мало утилитарного, как музыка, и однако музыкальное образование, основанное на серьезной школе, может принести неисчислимую пользу» и призывал поддержать начинание пожертвованиями⁴⁶².

Значительный вклад «Московские ведомости» внесли в организацию и становление первого общедоступного московского музея - «Московского публичного музеума и Румянцевского музеума», возникшего в 1862 г. на основе собрания древних рукописей и коллекций, собранных государственным деятелем и меценатом графом Н.П. Румянцевым. Собрание музея пополнялось за счет пожертвований петербургских библиотек и музеев, а также благодаря помощи самих москвичей, которые передали в 1860-е гг. в фонд музея более трёхсот книжных и рукописных коллекций и отдельных экспонатов. В регулярной рубрике «Новейшие приращения Московского публичного музея» «Московские ведомости» регулярно сообщали о новых поступлениях в «музей наук и художеств».

В 1870 г. газета энергично поддержала инициативу учредить в городе Промышленный музей, настоятельно писала о том, что место подобному музею именно в Москве, «где наибольшее число людей из народа может посещать его с практической для себя пользой»⁴⁶³. В дальнейшем в материалах «Московских ведомостей» освещалось все, что было связано с его деятельностью, подчеркивалась необходимость создания и других специализированных промышленных музеев, которые бы способствовали развитию промышленности и приращению общеобразовательных технических знаний у населения города⁴⁶⁴.

Выступления и инициативы «Московских ведомостей» были своего рода ответом на получившую широкое распространение в России в 1860-1870 гг. философию нигилизма, носители которой ставили под сомнение, а зачастую и абсолютно отрицали традиционные ценности, культуру, идеалы,

---

⁴⁶² Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 10.02.1866. №30.

⁴⁶³ МВ. 26.09.1870. №207.

⁴⁶⁴ Бутовский В. Как важна исходная точка в деле // МВ. 22.04.1872. №98.

общепринятые нормы нравственности. В своем стремлении избавить общество от социальной несправедливости представители нигилистических теорий предлагали отказаться от всего того, что с их точки зрения олицетворяло социальный гнет и насилие в любых проявлениях, в том числе и от памяти об историческом прошлом. Радикальная печать активно подхватывала идеи нигилизма и на своих страницах пропагандировала сугубо утилитарный взгляд на историю.

Напротив, в публикациях «Московских ведомостей» культурно-историческое наследие рассматривалось как залог сохранения исторической памяти русского народа, основа системы его нравственных ценностей, подчеркивалась недопустимость поверхностного отношения к собственной истории, непозволительность отказа от исторических корней и проверенных временем авторитетов и традиций. Авторы издания стремились доказать самобытность русской национальной культуры, ее высокую значимость, призывали читателей задуматься о бережном сохранении для потомков всего, что воплощает историю Отечества, формировали чувство ответственности и уважительное отношение к отечественной истории и традициям.

Выводы по второй главе

Крылатое высказывание советского историка-марксиста М.Н. Покровского, что «история – это политика, опрокинутая в прошлое», представляющее перефраз известного постулата британского историка Эдварда Фримана «История есть политика прошлого, а политика – история настоящего», может быть с полным основанием применено для характеристики места исторических публикаций «Русского вестника» и «Московских ведомостей» в концепции данных изданий.

Катков видел неизбежность изменений, но считал необходимым дать им историческое обоснование, представить аргументированное подтверждение их важности и полезности для дальнейшего поступательного развития России.

Переосмысление исторического прошлого России в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» можно рассматривать, с одной стороны, как один из основных инструментов формирования идеи национальной и гражданской идентичности, как средство консолидации общества с государственной властью в лице самодержавного государя, с другой - как своего рода ответ на усиливающийся радикализм разночинской интеллигенции и рост сепаратистских настроений на национальных окраинах империи.

История в катковских изданиях была поставлена на службу политике, а исторический опыт использовался в целях продвижения консервативных политических идеалов. Российская империя в исторических публикациях «Русского вестника» и «Московских ведомостей» представала как мощная держава, центр славяно-православной цивилизации, а ее социально-политический и религиозно-культурный опыт рассматривался как залог ее прав на лидерство в современной европейской политике. В многочисленных публикациях на историческую тематику проводилась мысль о необходимости использования отечественного исторического опыта государственного строительства, образцом которого, как правило, выступали начинания Екатерины II. Транслируемое со страниц «Русского вестника» и «Московских ведомостей» уважительное отношение к отечественной истории, стремление доказать самобытность русской национальной культуры, критическое отношение к заимствованиям русскими высшими социальными слоями иностранных нравов и обычаев, от модных нарядов до модной риторики, обращение к русским национальным традициям и русской героической истории и т.п. – все это в совокупности служило формированию мысли о величии России, особом духовном строе русского национального характера и превосходстве России перед Западом. В публикациях изданий Каткова на историческую тематику реконструировалась история России как великого и мощного государства, как хранительницы православных устоев и традиционных духовно-нравственных ценностей и норм, а на основе примеров из исторического прошлого формировались образцы, которые должны были

стать примером истинного служения государю и своему отечеству в настоящем. Историческая память составляла, таким образом, в рецепции «Русского вестника» и «Московских ведомостей» своего рода ценностно-смысловое ядро и духовную основу государства и служила задаче объединения нации вокруг самодержавного монарха.

ГЛАВА III. МЕСТО КОНСЕРВАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК» И ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Преобразования, начавшиеся в России с восшествием на престол императора Александра II, положили начало оживленным спорам среди образованной интеллигенции по самым разным общественно-политическим вопросам, скорейшее решение которых, как показали события последних лет царствования Николая I, стало насущной необходимостью для страны, изрядно отстававшей в своем развитии от государств Западной Европы. В полемике в первую очередь затрагивались вопросы, касающиеся земельной реформы и ее последствий, национальных отношений, преобразований в судебной системе, образовании, городском самоуправлении и т.д. На этом фоне эстетическая проблематика, казалось бы, отходила на второй план, оттесненная более актуальными темами. Но публикация в 1855-1856 гг. в некрасовском «Современнике» «Очерков гоголевского периода русской литературы» Н.Г. Чернышевского, утверждавшего тезис «прекрасное есть жизнь» и заявившего, что целью искусства должно стать объяснение жизни, объективная оценка общественных явлений и событий, дала толчок ожесточенной полемике в прессе вокруг вопроса о целях и задачах искусства, которая не угасала на протяжении 1860-1880-х гг.

Материалистическая эстетика очерков заложила не только новый этап в развитии реализма в отечественной литературе и искусстве, но и легла в основу новой мировоззренческой системы, сформировала целое поколение, видевшее в искусстве исключительно средство борьбы с социальными язвами и пороками. Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, М.А. Антонович, Н.К. Михайловский, Н.В. Шелгунов и др. последователи эстетической концепции Чернышевского, рассматривали реализм в искусстве в первую очередь как способ выполнения общественных задач, достижения социального прогресса, при условии верного и объективного отражения в произведениях

действительности, со всеми ее противоречиями, «темными» и «грязными» подробностями, социальными конфликтами и т.д. Как либеральная, так и радикальная печать активно подхватывала идеи Чернышевского и, зачастую доводя их до абсурда, пропагандировала на своих страницах сугубо утилитарный взгляд на искусство, настойчиво обличала «отсталость» и «антинародность» творчества А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и других «дворянских писателей», «безыдейность» созданной прошлыми поколениями культуры как культуры «крепостников» и «охранителей», несовременность и невостребованность транслируемых в них нравственных ценностей.

Подобный взгляд на литературу и искусство в первую очередь с точки зрения их социальной ориентированности, заявления об исчерпанности дворянского искусства, которое признавалось сторонниками Чернышевского лишенным идейной целеустремленности и не способствующим умственному развитию общества, вызвали резкое отторжение значительной части представителей русской литературы и общественной мысли, придерживавшейся традиционных взглядов на искусство как на явление исключительно самодостаточное, свободное, преследующее прежде всего эстетические цели и воспитывающее в читателях представления о «вечных», непреходящих ценностях: любви, добре, красоте, духовности, нравственности, самопожертвовании и т.п. В полемике вокруг вопроса о назначении и задачах искусства издания Каткова занимали наиболее решительную и активную позицию в ряду противников Н.Г. Чернышевского и его последователей.

3.1. Эстетическая программа журнала «Русский вестник» в первые годы издания (1856-1862)

В первые годы издания литературная позиция и эстетическая программа журнала «Русский вестник» содержала как требования «социальности» и «общественного содержания» искусства, так и положения, близкие

сторонникам теории «искусства для искусства». В острой полемике, развернувшейся в конце 1850-х – начале 1860-х гг. «между «общественниками», видевшими в искусстве своего помощника, и «антиобщественниками», защитниками автономии искусства, его «независимости от общественных ситуаций и изменений»⁴⁶⁵, журнал стремился объединить основные положения обеих противоборствующих сторон, и, таким образом, сохранить объективность своих эстетических оценок.

Теоретической почвой для выработки общих принципов в оценке искусства стала статья Каткова «Пушкин», опубликованная в 1856 г. как отклик на изданное в 1855 г. под редакцией П.В. Анненкова собрание сочинений поэта. Творчество Пушкина и горячие споры вокруг него в середине 1850-х гг. стали пробным камнем, определяющим позицию критиков и направление изданий. На крайних полюсах этих споров находились «Современник», где с приходом Н.Г. Чернышевского, а затем Н.А. Добролюбова отстаивались принципы «реальной критики», ставящей своей главной задачей «разъяснение тех явлений действительности, которые вызвали известное литературное произведение»⁴⁶⁶, и «Библиотека для чтения», ведущий критик которой А.В. Дружинин был, напротив, убежденным защитником «свободного искусства», не подчиняющегося никаким «тенденциям» и «дидактике». С точки зрения начавшего утверждаться в 1850-е гг. публицистического отношения к литературным явлениям, поэзия Пушкина не могла вызывать у критиков-«общественников» иного к себе отношения, кроме негативного. Утверждая, что Пушкин был прежде всего поэтом-художником, в котором художественная форма торжествовала над живым содержанием, они отказывали его поэзии в значении для современности, доходя подчас даже до отрицания в лице Пушкина всей пушкинской эпохи. Представители эстетической критики со своей стороны

---

⁴⁶⁵ Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л. 1892. С.77.

⁴⁶⁶ Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: В 9 т. М.-Л. 1961-1964. Т.6. С.99.

усиленно подчеркивая исключительно художественное, даже отвлеченное, мирозерцание поэта, чем также в немалой степени способствовали развитию отрицательного взгляда на Пушкина в 1860-е гг.

Резкая полярность этих двух точек зрения стала причиной появления работ, авторы которых, не принимая ни одну из них, пытались объединить положения сторонников «свободного» искусства с выводами об общественном значении литературных произведений, о взаимовлиянии общества и литературы. Среди них была и публикация Каткова в «Русском вестнике». Это было не первое обращение публициста, число литературно-критических работ которого весьма невелико, к пушкинскому творчеству. Еще в 1838-1839 гг., во время сотрудничества в «Московском наблюдателе» и «Отечественных записках», Катков опубликовал статью «О философской критике художественного произведения и предисловие к переводу статьи немецкого писателя Фарнхагена фон-Энзе «Отзыв иностранца о Пушкине», где основу его эстетических построений составили основные положения немецкой идеалистической философии, в частности, учение Ф. Шеллинга, отводившего особое место работе души, человеческим чувствам, эмоциям, страстям и ставившего эмоциональное познание в приоритет всем другим видам знания. Убежденный, что душевное, эмоциональное познание мира оставляет более глубокий след в душе человека, нежели рациональное познание, Катков проводил в этих публикациях мысль, что «философские начала должны стать основанием эстетической критики»⁴⁶⁷, и рассматривал Пушкина не как поэта какой-либо одной эпохи, а как поэта целого человечества: «Пушкин - поэт не одной какой-нибудь страны, а целого мира, - утверждал начинающий критик, - не лазаретный поэт, как думают многие, не поэт страдания, но великий поэт блаженства и внутренней гармонии...»⁴⁶⁸.

---

⁴⁶⁷ Катков М.Н. О философской критике художественного произведения // Московский наблюдатель. - 1838. Т.17. Кн.5.

⁴⁶⁸ Катков М.Н. Отзыв иностранца о Пушкине. Письмо переводчика // Отечественные записки. 1839. Кн.5.

В цикле очерков 1856 г. Катков продолжал развивать основные положения своей ранней работы, выступив, наряду с А.В. Дружининым, Б.Н. Алмазовым и другими представителями эстетической критики, последовательным и доказательным защитником Пушкина-художника. Однако, написанные в духе отвлеченной немецкой философии, сухим языком, его очерки представляли собой не столько литературную статью, сколько лекцию по отвлеченной научной дисциплине. Как справедливо отмечает Т.В. Назарова, цель статьи Каткова состояла в том, чтобы «указать на обязательность преемственности в развитии русской литературы, доказать, что изучение традиций и следование им - единственно возможный путь прогресса и общественного сознания, и искусства как формы его выражения, и общества в целом»⁴⁶⁹. Критик подчеркивал важность преемственности в развитии русской литературы, взаимообусловленности всех этапов ее развития, указывал на роль искусства в развитии общества, но при этом отвергал как мысль, что искусство должно обязательно следовать внешним целям, так и идею, что художественная деятельность заключается только в искусстве исполнения. Он утверждал, что искусство, как и всякая другая деятельность, должно иметь свои законы, строящиеся на началах «самоуправления, самобытности и независимости», и свою внутреннюю цель», заключающуюся в постижении и в воспроизведении всех явлений жизни, чтобы таким образом возбуждать «деятельность мысли, которая вносит жизнь в человеческое сознание и сознание в самые потаенные изгибы жизни»⁴⁷⁰. С другой стороны, по его мнению, художник не мог быть освобожден от обязанности заботиться о содержании своих произведений и, таким образом, его призвание заключается в постижении и воспроизведении всех явлений жизни.

---

⁴⁶⁹ Назарова Т.В. Формы пропаганды идеи консервативного развития в журнале «Русский вестник» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2013. №12. С.100.

⁴⁷⁰ Катков М.Н. Пушкин // РВ. 1856. Январь. Кн.2. С.315.

Пытаясь совместить противоположные эстетические концепции, Катков утверждал мысль, что в основании искусства должна лежать не красота, а то же, что и в основании познающей мысли - истина, которая и составляет первооснову, внутреннюю цель всякой поэзии. Его вывод, что поэзия и познающее мышление - в сущности одно и то же, а различие между научным знанием и поэзией состоит лишь в предмете и способах постижения действительности – весьма эклектичен. В продолжение этой мысли он указывал на нравственное влияние искусства на общество, на постоянную связь между культурой и «успехами гражданственности», «благородством общественных отношений», рассматривая при этом общество как целостную систему, а искусство – как ее обязательный элемент и настойчиво доказывая, что любое произведение искусства, в том числе и искусство прошедшей (дворянской) эпохи, не может не влиять на нее. «Линии Рафаэля не решали никакого практического вопроса из современного ему быта, но великое благо и великую пользу принесли они с течением времени для жизни, - писал Катков, - они могущественно содействовали к ее очеловечению. Действие великих произведений искусства остается не в одной лишь ближайшей их сфере, но распространяется далеко и оказывается там, где об идеалах художника нет и помина»⁴⁷¹. Указывая на преемственность этапов искусства и литературы, критик настаивал на недопустимости отказа от традиционных, признанных и проверенных временем начал под маской борьбы «против всего мертвого, против всякого застоя и всякой косности», призывал сохранить все ценное, что создано предыдущими поколениями.

Данная публикация позволяет судить об общих принципах Каткова при оценке и анализе им литературных произведений и демонстрирует, на наш взгляд, первоочередность политических интересов даже в его эстетических построениях. Главной заслугой Пушкина публицист назвал установление литературного языка, что, по его мнению, послужило основой формирования

---

⁴⁷¹ Катков М.Н. Пушкин... С.315.

единой русской нации. «Ничем так не скрепляется народное единство, как образованием литературного языка, - утверждал Катков. - Пока еще шло это дело образования, мы в семье исторических народов казались отсталыми, были робкими учениками и подражателями. Когда дело это совершилось, русская мысль находит в себе внутреннюю силу, для оригинального живого движения, и народная физиономия выясняется из тумана»⁴⁷². В этом утверждении критика усматриваются положения, которые в дальнейшем приобретут особую значимость в свете разрабатываемой им концепции национального и государственного устройства Российской империи. Так, к примеру, в стихотворении-завещании поэта «Памятник» критик отметил в первую очередь понятие «язык», которому в своих построениях отвел роль некоего ядра, центра, позволившего объединиться вокруг русской народности всем другим народностям, населяющим территорию империи: «Множество разнообразных племен, населяющих наше отечество, должно вполне, умственно и нравственно, подчиниться русской народности, как подчинены они теперь Российскому государству. Для этих племен русская народность есть единственный путь к человеческому образованию, и они “назовут имя Пушкина”»⁴⁷³. В этом утверждении явно прослеживаются социально-политические доминанты публициста, среди которых «стройный и правильный порядок» русской речи стал одним из важнейших условий формирования сильного русского государства. Об этом же свидетельствует и лексика очерков, характерной чертой которой стало наличие социального и политико-экономической терминологии: «самоуправление», «самобытность», «независимость» и т.п.

Попытка Каткова сочетать идеи собственно искусства и научное познание, найти некий компромисс между «пушкинским» и «гоголевским» направлениями в искусстве не имела какого-либо серьезного значения в эстетических спорах 1860-х гг., не внесла ясности в полемику между

---

⁴⁷² Катков М.Н. Пушкин... С.322-323.

⁴⁷³ Там же.

сторонниками «свободного» и «тенденциозного искусства», однако основные положения его очерков получили дальнейшее развитие в литературно-критических статьях П.В. Анненкова «О значении художественных произведений для общества» (1856) и «"Дворянское гнездо", роман г. Тургенева» (1859), Н.Д. Ахшарумова «"Обломов", роман г. Гончарова» (1860), в которых защищался принцип свободы творчества, а основным критерием оценки литературных произведений называлась художественность и верное отражение действительности, а также содержалась критика в адрес сторонников «непосредственной гражданской пользы искусства».

Однако в это же время в статьях «Чиновник» (1856), «Вотяки и г. Дюма» (1858) Н.Ф. Павлова, «Алексей Васильевич Кольцов» (1856) М.Е. Салтыкова утверждались положения об общественном значении литературных произведений, о взаимовлиянии общества и литературы и выдвигались требования «общественного содержания искусства», во многом совпадавшие с установками Н.Г. Чернышевского в «Современнике». Так, Павлов, взяв за основу постановку пьесы В.А. Сологуба «Чиновник» в Александринском театре, коснулся одного из самых «больных» российских явлений – бюрократизма и взяточничества. Критик вскрыл фальшь основных положений комедии, доказав, что основа взяточничества - не в конкретных людях, не в законах, а в понятиях; а сами взятки - не причина, а лишь следствие неверного воззрения и ложного понимания, которые и дают «простор своекорыстным побуждениям», и поэтому бороться следует не с взятками, а с «рутиной, пошлостью и бессмыслием». Не призывая к коренной ломке государственной системы, Павлов убежденно доказывал, что нужны не просто честные, но и «мыслящие люди, сотни, тысячи мыслящих людей»⁴⁷⁴, что отвечало курсу «Русского вестника» на «умеренный прогресс» в рамках существующей системы. Статья было высоко оценена И.С. Тургеневым⁴⁷⁵, А.И. Герценом⁴⁷⁶,

---

⁴⁷⁴ Павлов Н.Ф. Чиновник. // РВ. 1856. Июль. Кн.2. С.402-406.

⁴⁷⁵ Мельгунов Н.А. Письмо Н.Ф. Павлову // Русское обозрение. 1895. Кн.3. С.397.

⁴⁷⁶ Герцен А.И. Письмо И.С. Тургеневу от 8 ноября (27 октября) 1856 г. // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1954-1969. Т.25. С.326-327.

Н.П. Огаревым⁴⁷⁷, а Н.Г. Чернышевский назвал ее примером «истинно художественной критики»⁴⁷⁸. Очевидна связь основных положений Павлова, его утверждений, что в литературе главное - не «путаница случайно сплетенных обстоятельств», а мысль, идеалы, связь с внутренним миром человека», а задачи литературы – заставлять «мысль работать», «воспитываться под стройными впечатлениями искусства», «расти от прикосновения с мыслями писателя, а не скользить по гладкой поверхности»⁴⁷⁹, с требованием Н.Г. Чернышевского отказаться от «литературных игрушек» и «рассуждений об отделке бубенчиков на игрушках»⁴⁸⁰.

Значительный разброс точек зрения во взглядах на искусство авторов «Русского вестника», с одной стороны, свидетельствует об отсутствии у издания единой четкой эстетической программы, неопределенности его критериев в оценке произведений искусства. С другой - эти публикации можно рассматривать как попытку журнала занять в вопросах эстетики и литературной критики собственную, отличную от других позицию, как стремление найти более объективные критерии оценки литературных явлений, избегая крайностей, присущих сторонникам противоборствующих эстетических школ. Выдвигая на первый план тезис о первостепенном значении художественности, протестуя против излишнего увлечения современной литературой социальными вопросами, редакция пыталась отмежеваться от принципа «тенденциозного искусства», имеющего какие-либо внешние законы и цели развития. В то же время, выступая против тезиса о бессознательности «истинного искусства», утверждая, что сочетание в творческом процессе познания и таланта может являться, помимо

---

⁴⁷⁷ Огарев Н.П. Приписка на письме А.И. Герцена к Н.М. Сатину от 25 октября 1856 г. Цит. по: Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1954-1959. Т.26. С.43.

⁴⁷⁸ Чернышевский Н.Г. Заметки о журналах // Собрание сочинений: В 15 т. М., 1939-1953. Т.3. С.662-664.

⁴⁷⁹ Павлов Н.Ф. Вотяки и г.Дюма // РВ. 1858. Август. Кн.2. С.714.

⁴⁸⁰ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939-1953. Т.3. С.663.

художественности, одним из критериев оценки литературного произведения, редакция подчеркивала свои расхождения с позицией защитников «свободного искусства».

Противоречивость данных установок отразилась на отборе беллетристических произведений. С августа 1856 г. в «Русском вестнике» стали печататься остросоциальные «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова, подписанные псевдонимом Н. Щедрин. Представленные в них яркие картины недостатков старой николаевской административной системы, демонстрирующие не только отдельные ее недостатки, но и противоестественность в целом, сразу произвели «страшный эффект на публику»⁴⁸¹. «"Русский вестник" идет в гору ... особенно в последних книжках. "Губернские очерки" чрезвычайно живы и верны - о них теперь всеобщая молва», - писал актер М.С. Щепкин⁴⁸². Литератор, поэт, библиограф М.Н. Лонгинов, близкий в те годы кругу «Современника», в письме И.С. Тургеневу от 20 января 1857 г. упоминал, что «Губернские очерки» «производят фуфор»⁴⁸³.

Демократической критикой «Очерки» были встречены одобрительно. Для Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, они стали именно той книгой, которая отвечала на многие болезненные вопросы современности. И если поначалу Чернышевский рассматривал их только как «отрывки из мемуаров», предъявляя единственное требование «чтобы они были написаны недурно»⁴⁸⁴, то спустя несколько месяцев критик посвятил им обширную статью и оценил их как «исторический факт русской жизни», правдивый документ эпохи,

---

⁴⁸¹ Чернышевский Н.Г. Письмо Н.А. Некрасову от 7 февраля 1857г. // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939-1953. Т. 14. С. 336-339.

⁴⁸² Щепкин М.С. Записки. Письма. Современники о М.С. Щепкине. М.: Искусство, 1952. С.17.

⁴⁸³ Лонгинов М.Н. Письмо И.С. Тургеневу. 20 января 1857 г. // Сборник Пушкинского дома на 1923 г. Пг., 1922. С.180.

⁴⁸⁴ Чернышевский Н.Г. Заметки о журналах // Полное собрание сочинений: В 15 т. М. 1939-1953. Т.3. С.700.

доказывающий необходимость социальных перемен⁴⁸⁵. В то же время представители эстетической критики – Б.Н. Алмазов, Е.Н. Эдельсон, П.В. Анненков - обвиняли писателя в том, что он принес художественность в жертву задаче обличения общественных злоупотреблений и видели в его очерках признак кризиса литературы. В статьях Б.Н. Алмазова «Взгляд на русскую литературу в 1858г.» и Е.Н. Эдельсона «Н. Щедрин и новейшая сатирическая литература» на примере «Очерков» утверждалось, что современная литература постепенно приобретает «утилитарный» характер, которому следует решительно противопоставить «чистое искусство», свободное от увлечения современными тенденциями и направлениями. Творчество Щедрина эти критики находили «вовсе не художественным» и смотрели на писателя прежде всего как основателя «деловой» беллетристики⁴⁸⁶. П.В. Анненков называл произведения «грязной Атлантидой», утверждая, что «деловая» беллетристика есть «низший род литературы», а увлечение писателя преследованием пороков общества увело его от «свободного художнического созерцания», вследствие чего его произведения требуют «мысленных оговорок и поправок» читателя «ради спасения истины»⁴⁸⁷.

Отрицательные отзывы представителей эстетической критики никак не отразились на публикациях «Русского вестника»: успех «Очерков» был подкреплён публикацией в журнале обличительных повестей и рассказов П.И. Мельникова, И.В. Селиванова, С.Т. Славутинского, М. Вовчка, пьесы А.А. Потехина «Мишура» и др. Нарисованные в них яркие остросатирические портреты чиновников-лихоимцев и мошенников-купцов, демонстрировали антинародную сущность российского крепостничества и бюрократии. Особую

---

⁴⁸⁵ Чернышевский Н.Г. «Губернские очерки» Н. Щедрина // Полное собрание сочинений: В 15 т. М. 1939-1953. Т.4. С.263.

⁴⁸⁶ Эдельсон Е.Н. Н. Щедрин и новейшая сатирическая литература // Утро. 1859. М. С.352-358.

⁴⁸⁷ Анненков П.В. «Сатиры в прозе» Н. Щедрина // С-Петербургские ведомости. 19 апреля. 1863. №85.

остроту изображаемому придавало то, что это были отнюдь не «нравственно-карикатурные личности» и не исключительные, из ряда вон выходящие события, а такие, к которым общество уже успело «приглядеться» и привыкнуть и в которых читатели могли узнать и себя, и своих знакомых. Наиболее интересны рассказы П.И. Мельникова – «Медвежий угол», «Дедушка Поликарп», «Непременный», «Именинный пирог» и др., в которых во всей циничной наготе рисовались нравы и порядки николаевской эпохи. Герои этих рассказов - уездные или губернские чиновники различных рангов, в среде которых царят законы разбойничьей шайки, а взяточничество, вымогательство, грабительство стало делом заурядным и естественным. Дар объективности и чувство меры, позволившее автору избежать излишнего дидактизма, умение органично сочетать обличительную сущность рассказов с художественностью изображения сразу выдвинули Мельникова на одно из первых мест в литературе тех лет. «Я с Салтыковым по одной дорожке иду: что Щедрина, то и Печерскому», - признавался сам писатель⁴⁸⁸. Катков быстро сумел оценить значение Мельникова-беллетриста и почти сразу после публикации в «Русском вестнике» его первых рассказов предложил ему «исключительное сотрудничество», на что писатель незамедлительно согласился⁴⁸⁹.

К обличительному направлению примыкали и стихотворения П.-Ж. Беранже и Р. Бернса в переводе В.С. Курочкина: «Старая песня», «Добрый знакомый», «Сверчок», «Бедный чудака», «Тринадцать за столом», «На смерть поэта» и др., «Невольничий корабль» Г. Гейне в переводе Ф.Б. Миллера, «Дуняша. Легенда древнейших времен» Г.В. Кугушева и др. Общему характеру выступлений «Русского вестника» соответствовала публикация в 1856-1860 гг. отрывков из поэмы английского поэта Джорджа Крабба (1754-

---

⁴⁸⁸ Усов П. П.И. Мельников, его жизнь и литературная деятельность // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Полное собрание сочинений. - СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1897. Т.1. С.188.

⁴⁸⁹ Мельников П.И. Письма М.Н Каткову. Санкт-Петербург. 5 июля 1857 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.6. Ед. хр.50.

1832) «Приходские списки» в переводе Д.Е. Мина, в которых реалистически изображалась жизнь сельских бедняков.

Обличительная, остросоциальная направленность содержания этих произведений во многом соответствовала характеру публицистики журнала и курсу редакции на защиту и пропаганду реформ в первые годы издания. Вера в то, что принятие разумных и справедливых законов и честное исполнение чиновниками своего долга перед народом способно изменить российскую действительность, была характерна для большей части беллетристики «Русского вестника», критический пафос которой отражал общественную потребность, стремление избавиться от стереотипов прошлого. При этом выводы, к которым авторы подводили читателя, по большей части, были достаточно умеренны и вполне соответствовали общественно-политической программе журнала.

Наряду с остросоциальными и обличительными произведениями в «Русском вестнике» первых лет издания печатались авторы, чье творчество было далеко от социальной проблематики и рассматривалось критикой демократических изданий как образцы «чистого искусства». Так, Л.Н. Толстой, отказавшийся от участия в «Современнике», напечатал в 1859 г. в «Русском вестнике» роман «Семейное счастье». Значительную долю публикуемой поэзии составляли стихотворения А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, А.К. Толстого, А.Н. Майкова, Я.П. Полонского, Н.Ф. Щербины и др., с доминирующей в них лирической тематикой. Значительную место в литературном отделе «Русского вестника» составляли произведения женщин-писательниц: Ю.Ф. Ауэрбах, Р.А. Гарднер, Данненберг, В.А. Вадбольской, Е.П. Ермоловой, Ю.В. Жадовской, А.Я. Кирьяковой, Е.А. Лодыженской, К.К. Павловой, Е.В. Салиас-де-Турнемир, Е.А. Словцовой, Н.С. Соханской, А.В. Павловой, Н.Д. Хвоцинской-Зайончковской, Н.П. Шаликовой, С.Д. Хвоцинской, Н.Д. Шамониной, С.В. Энгельгардт, Е.А. Драшусовой и др., для Характерной чертой их творчества было тяготение к морально-нравственной проблематике, дух гуманизма в самом широком смысле слова, внимание к

человеческой личности, задушевность, искренность и непосредственность выражения чувств, стремление приблизиться к положительному идеалу, воздействуя на «тонкие струны» в душе читателя и пробуждая в нем чувства добра, красоты, правды. Для многих писательниц, например, для Н.Д. Хвощинской, Е.А. Словцовой, Н.С. Соханской, литература была не только способом самовыражения, но и средством заработка и обеспечения семьи, что может рассматриваться как одно из проявлений процесса эмансипации женщин, начавшейся в России в обстановке реформ конца 1850 – начала 1860-х годов. Публикация большого количества произведений женской поэзии и прозы свидетельствует, с одной стороны, о демократизме издателя журнала в «женском вопросе», с другой – о его стремлении избежать излишнего радикализма, «смягчить» общий «тон» журнала, т.к. морально-нравственная проблематика большинства женских произведений сочеталась с курсом журнала на постепенное обновление общества путем либеральных реформ⁴⁹⁰.

В беллетристике журнала первых лет издания преобладали «положительные герои», обладающие «здравым смыслом», не обольщающиеся различными социальными утопиями и стремящиеся к честному исполнению долга в рамках существующих законов: гуманные помещики, честные чиновники, идейные педагоги и т.п. Таковы, к примеру, Заворский и Глыбин – герои повести «Пашинцев» (1859), Шатров – в «Житейских сценах» (1857) А.Н. Плещеева. Их отличает «прямой, здравый смысл», при этом они не обольщаются «несбыточными грезами» юности и различными «социальными утопиями». Главное для них - не искание отвлеченной истины, а честное исполнение долга в рамках существующих законов. «Не ищите себе деятельности далеко, она у вас всегда под рукой», - утверждает Шатров, находя при этом преступным «пренебрежение своими обязанностями во имя какой-нибудь отвлеченной цели», так как целью жизни

---

⁴⁹⁰ См. подробнее: Перевалова Е.В. «Женская» проза «Русского вестника» // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. М.: МГУП, 2011. №3. С.126-139.

должны быть «долг и самоотвержение». Похожи на него Заворский и Глыбин, которые проповедуют труд на пользу народа, стараются быть гуманными помещиками, честными чиновниками, идейными учителями, словом, прогрессивными деятелями в реальных условиях настоящей действительности.

«Идеальная героиня» из народа представлена в повести С.Т. Славутинского «Читальщица» (1858) - воспитанная учителем местной гимназии, человеком безукоризненной честности, она с детских лет впитала идеи о любви к ближнему, к богу, о чистом труде на общую пользу, о святом долге бескорыстия⁴⁹¹. Цель ее жизни - служение ближним, Богу, труд на общую пользу, стремление к бескорыстной помощи людям. Появление этой героини в канун подготовки крестьянской реформы способствовало формированию у читателей нового, более уважительного взгляда на «низшие сословия». Даже критик «Современника» дал высокую оценку этому образу повести Славутинского, подметив в нем признаки сильной натуры, «не выдуманный, а присущий русской жизни идеальный образ», «новое явление положительного характера, зарождающегося в недрах народной жизни»⁴⁹².

Характерные черты «положительного героя», представленного в беллетристике «Русского вестника», во многом совпадали с пропагандируемой в журнале теорией «умеренного общественного прогресса», согласно которой «друзья прогресса должны прежде всего работать над собою, ... над своими понятиями, над своими познаниями», должны отказаться «от притязаний перестраивать общество по чистому разуму» и предаться «всестороннему и сознательному изучению действительной жизни»⁴⁹³.

---

⁴⁹¹ Перевалова Е.В. «Правда без всяких прикрас»: проза С.Т. Славутинского в «Русском вестнике» // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Сборник научных трудов. – Саратов, 2015. Вып. 20. – С. 148-156.

⁴⁹² Добролюбов Н.А. Повести и рассказы С.Т. Славутинского // Собрание сочинений: В 9 т. Т.6. С.52.

⁴⁹³ Б.п. <Катков М.Н.> Элегическая заметка // РВ. 1861. Кн.8. С.165-166.

Идейному радикализму в прозе «Русского вестника» противопоставлялись русский старинный упорядоченный быт, патриархальные традиции России, подчеркивалась их нравственная красота и сила. Очень ярко эта черта проявилась в повестях Н.С. Соханской «После обеда в гостях» (1858) и «Из провинциальной галереи портретов» (1859), в которых с необыкновенной художественностью, психологической глубиной и поэтичностью были воспроизведены великолепные картины жизни в провинциальной старинной усадьбе, русские гулянья, хороводы, девичьи посиделки, пляски и песни. Даже темные стороны действительности в изображении Соханской были лишены мрачного колорита и не оставляли в читателях ощущения безысходности. Как можно предположить, именно положительные идеалы и изображение светлых сторон жизни, внимание к нравственному миру своих героев и привлекло к повестям Соханской внимание издателя журнала, который отмечал в них «оригинальность мотивов, глубину задетого чувства, удивительную поэзию», почерпнутую «со дна глухого быта, которого еще не касалась рука художника, а если и касалась, то только для того, чтобы посмеяться, побалагурить, передразнить ..., не понимая, что и в этих людях есть живое сердце, и в этом быту есть своя глубина, есть своя поэзия»⁴⁹⁴. «Вы умеете тронуть здесь такие струны, на которые отзывается всякое сердце, которые понятны будут людям самым разнохарактерным, самым отдаленным и по месту, и по времени, – писал Катков Соханской. - Эти хороводы, танцы на дворе, это невысказанное чувство любви простой, но глубокой, <...> эта правда в характерах, красках, положениях, в обстановке простой будничной жизни, которая изображена как есть, без всякой вычурности и фальшивой идеализации, но зато со всею своею внутреннею, своею действительною идеальностью. Ваш микроскоп открыл чудеса и в этом маленьком мире показал нам столько разнообразия и жизни, столько чарующих тайн души!»⁴⁹⁵

---

⁴⁹⁴ Катков М.Н. Письмо Н.С. Соханской от 3 мая 1859г. // ОР РГБ. Ф.120. К.57. Ед. хр.2.

⁴⁹⁵ Там же.

Публикация в «Русском вестнике» И.С. Тургенева романов «Накануне» (1860) и «Отцы и дети» (1862), затронутые в этих произведениях социально-политические проблемы, образы их главных героев Инсарова и Базарова вызвали огромный интерес читательской аудитории и бурную полемику в литературной критике о новых «героях времени», причем решение этого вопроса быстро перешло из чисто литературной сферы в область политическую.

До публикации «Отцов и детей» в беллетристике «Русского вестника» лишь однажды мелькнул отрицательный образ «нового человека» как антипод «положительного героя». В рассказе «Человек с направлением», опубликованном в 1858 г. под инициалами В.П., был выведен некто Томилин - «передовой человек», выпускник Московского университета, убежденный в собственном великом предназначении, одолеваемый грезами о преобразовании человечества, которыми он с жаром делится в кружке приятелей, излагая их как незыблемые истины. Самоуверенность героя, презрительное отношение к повседневному труду, его неумение и нежелание заниматься реальным делом в итоге приводят его к нравственному опустошению, низводят на роль приживальщика в доме его приятеля. Смешны его попытки сохранить в глазах окружающих сознание собственной значимости, его напыщенные высказывания о своих убеждениях, с «которыми трудно жить на свете», и высокопарные уверения, что «наше время прошло, но мы свое сделали, мы все должны работать для будущего». В 1858 г. этот персонаж воспринимался как пародийный образ, не внушающий ничего, кроме негодования и презрения. Однако в дальнейшем некоторые черты Томилины будут узнаваться в тургеневском Базарове, в представителях радикально настроенной молодежи, изображенной в «антинигилистических» романах Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского Н.С. Лескова В.П. Ключникова, Б.М. Маркевича, В.В. Крестовского, В.Г. Авсеенко, Н.А. Чаева, публикация которых станет одной из «визитных карточек» беллетристического отдела «Русского вестника» 1860-1880-х гг.

Таким образом, переходность политической программы «Русского вестника» в первые годы издания, включавшей как черты буржуазного либерализма, так и дворянского консерватизма, отразилась и на литературной позиции журнала, которая во многом определялась его политической программой и зависела от политических пристрастий редакторов. Характер публикуемой беллетристики соответствовал выдвинутой журналом программе широких преобразований, в первую очередь искоренения недостатков старой бюрократической системы, а «архилиберальный» тон общественно-политических статей поддерживался публикацией произведений так называемой «обличительной литературы», составившей в первые два года издания основу отдела беллетристики. Но при этом в произведениях обличительной направленности отнюдь не указывалось на необходимость коренных изменений существующего строя России, а вскрывались лишь отдельные недостатки и пороки административной системы.

Консерватизм эстетической программы «Русского вестника», выраженный в статьях Каткова о творчестве Пушкина и Тургенева, определил направление и тональность литературно-критических выступлений журнала в последующие годы, связанных с оценкой «новых людей» в отечественной литературе и искусстве, с отношением к проблеме свободы творчества и т.п., очертил контуры будущей полемики с «Отечественными записками», «Делом», «Вестником Европы». В 1860-1880-е гг. подобные оценки будут характерны для литературно-критических выступлений А.В. Авсеенко, П.К. Щербальского, Н.А. Любимова, Е.Ф. Феокистова, Б.М. Маркевича, Г.А. Лароша, С.В. Флерова и других авторов «Русского вестника» и «Московских ведомостей».

Стремление придать образу передового человека отрицательные черты и превратить его в «нигилистическое пугало» свидетельствует об отрицании журналом радикальных методов преобразований, о явно негативном отношении к «новым людям» в реальной жизни. По мере того как политическая программа «Русского вестника» приобретала более

определенные черты, эстетическая позиция журнала также конкретизировалась и способы их выражения становилось более четкими. Оценки художественных произведений становились все более уверенными и определенными, что нашло отражение в статьях Каткова «Роман г. Тургенева и его критики» (1862), «О нашем нигилизме по поводу романа г. Тургенева» (1862). Показательно, что главной целью этих статей был отнюдь не литературный анализ произведения, а полемика с политическими оппонентами. Катков впервые активно использовал термин «нигилизм» при характеристике общественно-политической позиции своих идейных противников, определил его как «отрицание для отрицания» и указал на обстоятельства среды как на питательную почву его развития и распространения. Увидев в Базарове «не просто тип, но и характер, лицо живое до мельчайших подробностей», взятое из текущей жизни и потому весьма опасное, Катков справедливо отметил, что образ Базарова производит «сильное практическое действие», «какое едва ли когда производило у нас литературное явление», показал его привлекательность для молодежи, позволяющую ему завладеть умами и заполнить имеющуюся в сознании его последователей «пустоту», т.е. отсутствие ясных представлений и убеждений⁴⁹⁶. Не без оснований Катков подчеркивал противоречивость позиции Базарова, отрицательный догматизм которого, направленный против всех авторитетов, в то же время был основан на грубейшем поклонении авторитету, причем, чем решительнее отрицание, «тем менее обнаруживает оно колебаний и сомнений, тем лучше, тем могущественнее авторитет, тем возвышеннее идол, тем непоколебимее вера»⁴⁹⁷. По справедливому замечанию А.А. Ширинянца, Катков первым применил понятие «нигилизм» «к общественному умонастроению и некоторым сторонам идеологии и поведения значительной части русской молодежи конца 50-60-х гг. понимая

---

⁴⁹⁶ Без подп. <Катков М.Н.> Роман г. Тургенева и его критики // РВ. 1862. Кн.5. С.396-403.

⁴⁹⁷ Без подп. <Катков М.Н.> О нашем нигилизме по поводу романа г. Тургенева // РВ. 1862. Кн.7. С.407.

под ним «позицию жесткого отрицания, проповедь разрушения ради самого разрушения, высмеивание всего, “что дорого всякому образованному и культурному, человеку”, издевательство над всякими проявлениями прогресса в русской жизни, отсутствие положительных взглядов»⁴⁹⁸. Таким образом, с легкой руки Каткова термин «нигилизм» прочно вошел в обиход и стал обозначать отрицательное отношение к существующим государственным, церковным, семейным институтам и традиционным религиозным, морально-этическим и нравственным ценностям и нормам, а затем начал использоваться для обозначения теории и практики революционной борьбы. Доказывая неискренность и нежизнеспособность подобных базаровых, в появлении которых видел временную болезнь общества, публицист в качестве лекарства против распространения нигилизма и основного способа борьбы с его сторонниками предлагал идею поступательного общественного развития, цивилизации, культуры, науки.

3.2. Классическое наследие в оценке журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» в 1860-1880-е гг.

В 1860-1870-е гг. в либеральных и демократических журналах был опубликован целый ряд историко-литературных работ, в которых жесткой критике была подвергнута классическая («дворянская») литература, которая, с точки зрения этих авторов этих изданий – А.Н. Пыпина, А.М. Скабичевского, П.Н. Ткачева, Н.В. Шелгунова и др., не привнесла никакого существенного вклада ни в отечественное искусство, ни в общественную мысль в целом⁴⁹⁹.

---

⁴⁹⁸ Ширинянц А.А. Русское общество и политика в XIX веке: революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия: Политические науки. 2012. №1. С.41-42.

⁴⁹⁹ Скабичевский А.М. Новое время и старые боги // Отечественные записки. 1868. №1. Отд.2; Шелгунов Н.В. Русский индивидуализм // Дело. 1868. №7; Ткачев П.Н. Подрастающие силы // Дело. 1868. №10; Шелгунов Н.В. Глухая пора // Дело. 1870. №4; Шелгунов Н.В. Бесхарактерность нашей интеллигенции // Дело. 1872. №11; Скабичевский А.М. Очерки умственного развития нашего общества // Отечественные записки. 1870. №10,

Перечисленные авторы доказывали исчерпанность дворянской литературы, ее непригодность к новым историческим условиям, указывали на необходимость выработки новых методов художественного творчества, выдвигая на первый план принцип «сознательной идейности» или «сознательной тенденциозности», который в их представлениях являлся определяющим в процессе создания и оценки художественных произведений.

Так, ведущий литературный критик «Вестника Европы» А.Н. Пыпин предлагал отказаться от понятия «художественность» и ограничить понимание современного литературного процесса публицистикой. В его представлениях, только откликающаяся на злободневные «тенденции» публицистика, пусть и лишенная ярких художественных достоинств, была способна оказать воздействие на политическую и социально-экономическую ситуацию, тогда как классическая литература, напротив, уводила читателя в область «умозрений» и «абстракций», отвлекала от анализа существенных текущих вопросов. «Произведения менее объективные связывают с общественной жизнью более тесным образом, - утверждал Пыпин, - они, может быть, действуют менее возвышенными средствами, но с большей силой убеждения и с более непосредственным влиянием на умы»⁵⁰⁰. В выступлениях авторов журналов «Дело» и «Отечественные записки», позиционирующих себя в качестве продолжателей традиций «реальной критики» Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и Д.И. Писарева, содержались еще более уничижительные оценки общественной роли литературы и искусства. В «разрешении вопросов, нерешенных жизнью»⁵⁰¹ публицисты этих изданий видели главную задачу литературы, а П.Н. Ткачев вообще относил образное выражение мысли к «низшей ступени умственного развития»⁵⁰². Дискуссия по

11; 1871. №1,2; 1872. №4; Пыпин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I // Вестник Европы. 1871. №5; Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов» // Вестник Европы. 1873 и др.

⁵⁰⁰ Пыпин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I // Вестник Европы. 1871. №5. С.234-235.

⁵⁰¹ Шелгунов Н.В. Глухая пора // Дело. 1870. №4. С.27.

⁵⁰² Ткачев П.Н. Подрастающие силы // Дело. 1868. №10. С.22.

вопросам эстетики, таким образом, перетекала в область общественно-политическую и отражала остроту споров о дальнейшем развитии не только литературы, но и страны в целом.

Выступления «Русского вестника» и «Московских ведомостей» по вопросам искусства были полемически направлены против петербургской прессы и ориентировались на «положительные начала», что выражалось в защите свободы художника и художественности как основы творчества, в отстаивании принципа преемственности в развитии отечественного искусства и литературы, в энергичной критике тенденциозного, одностороннего и узко прагматичного взгляда на искусство. Программный характер имела статья одного из крупнейших отечественных искусствоведов профессора Московского университета Ф.И. Буслаева «Задачи современной эстетической критики» (1868), в которой подвергалось порицанию «мнимо практическое» воззрение на искусство и подчеркивалась неприемлемость прагматизма, при котором объективность подменяется «рабским подражанием действительности», а в качестве сюжетов избираются лишь те, в которых «проглядывает неурядица и безобразие современной жизни» с целью «приучать к мысли о необходимости переворота во всех наших общественных и политических учреждениях»⁵⁰³. Прозрачно намекая на критика «Русского слова» Д.И. Писарева, Буслаев справедливо оценивал такую точку зрения как крайне унижающую искусство, низвергающую его до «совершенного ничтожества». Он призывал отказаться от тенденциозной и односторонней оценки произведений искусства «только в ее приближении к принципу общественного и политического переворота», и предлагал вернуться к широкому взгляду на искусство, к справедливым и всесторонним суждениям, в основу которых был бы положен принцип преемственности искусства различных исторических эпох и различных эстетических направлений. «Вкус не может быть правильно развит на одних только новейших произведениях.

---

⁵⁰³ Буслаев Ф.И. Задачи современной эстетической критики // РВ. 1868. Кн.9. С.279-281.

Необходимо изучение всего художественного предания, завещанного нам от прошедших времен, - писал Буслаев. - ... Искусство есть такая примирительная область, в которой более нежели где бы то ни было настоящее сближается и роднится с прошедшим. Греческая статуя и теперь нравится. Портрет Рембрандта и теперь дает нового знакомого в изображаемой им личности. Меняются взгляды на жизнь, но гениальное воссоздание жизни, когда и бы и кем бы оно произведено ни было, всегда и для всех будет современно. Отнимать у публики непосредственное знакомство со старинными произведениями значит более нежели лишать ее эстетическое воспитание исторических основ: это – лишать ее всегда новых и свежих художественных наслаждений»⁵⁰⁴. Объективность в оценках искусства, доказывал Буслаев, может быть достигнута отнюдь не тенденциозным следованием в одном направлении, но в результате сопоставления разных взглядов и точек зрения: «Чем разнообразнее будут направления искусства, тем больше оно исчерпает действительность, тем более точек зрения изберет для наблюдения и тем более удовлетворит современной публике, с ее разнообразными убеждениями, направлениями и интересами»⁵⁰⁵. Несмотря на присущий статье Буслаева резкий, даже пристрастный тон, ее основные мысли - призыв к отказу от односторонности и узкой утилитарности в оценках произведений искусства, к объективному и разноаспектному взгляду на них – не могут не быть признаны справедливыми.

Близкая Буслаеву точка зрения была заявлена в статье профессора Варшавского университета Г.Ф. Струве «Искусство и позитивизм» (1875), в которой критиковался позитивизм как система философских взглядов и его воплощения в современном искусстве. Струве порицал сторонников позитивисткой философии не только за стремление все знания строить исключительно «на анализе внешних явлений мира при содействии внешних средств исследования», но в первую очередь за «догматическую уверенность

---

⁵⁰⁴ Буслаев Ф.И. Задачи... С.334-336.

⁵⁰⁵ Буслаев Ф.И. Задачи... С.301.

в исключительной научности эмпирического метода и внешнего опыта», в результате которой «эстетическая теория становится предметом нового догмата»⁵⁰⁶. Будучи сторонником теории самостоятельного существования психических явлений и одним из основоположников психологии как науки о душевных проявлениях, Струве утверждал, что искусство «не может и не должно никогда отказываться от решения высокой задачи: содействовать всеобщему развитию, усовершенствованию человечества», и считал, что разрешение этой задачи требует «непрерывно внимания к идеальному содержанию духа, к разнородным требованиям его внутренней жизни». Ученый выступал за серьезный и вдумчивый подход к искусству, одинаково критикуя как стремление видеть в нем лишь предмет развлечения и наслаждения, так и узко социальный взгляд на его содержание, рассматривая и тот и другой подходы как упрощение и обеднение искусства. Главной задачей искусства ученый считал представление аудитории возвышенных идеалов. «Искусство, воплощая эти идеалы, - заключал свои рассуждения Струве, - расширяет при их содействии наш умственный горизонт, возбуждает ослабленную энергию, словом, возвышает уровень нашей внутренней жизни и содействует таким образом ее надлежащему развитию»⁵⁰⁷.

Защита творчества, свободного от политических и социальных тенденций, нашла воплощение в обширном трактате писателя и критика Д.В. Аверкиева «О драме» (1877-1878) - единственном на тот момент в России труде, посвященном исследованию драматического искусства как особого вида поэзии. Рассмотрев основные положения позитивистской философии 1860-х гг. и ее последователей – сторонников обличительного направления в русском искусстве и литературе, критик «Русского вестника» доказывал недопустимость упрощения представлений о природе драматургии, несостоятельность понимания драмы лишь как изображение героев в процессе

---

⁵⁰⁶ Струве Г.Е. Искусство и позитивизм. Публичные лекции, читаемые автором в Варшавском университете // РВ. 1875. Кн.5. С.371.

⁵⁰⁷ Струве Г.Е. Искусство и позитивизм... С.378-379.

их острого противоборства и настоятельно требовал, чтобы законы искусства «были выведены из него самого, а не произвольно ему навязаны извне». Представителей «реальной критики» Аверкиев упрекал в тенденциозной пристрастности и предвзятости мнений, в стремлении ограничить анализ произведений искусства поиском «излюбленных ими политических или общественных идеалов», а эстетическую позицию их создателей выводить из их политических убеждений, начиная от отношения к крестьянскому вопросу и заканчивая взглядом на новые суды и т.п.⁵⁰⁸ Аверкиев считал невозможным объективное исследование произведений искусства и литературы в контексте общественно-политических предпочтений критика, когда «художнику воздается хвала или хула, смотря по тому, столь ли он просвещен, как сам критик, или на свою беду разнится с ним в воззрениях»⁵⁰⁹. Он настаивал на воспитательном значении драматургии, которое видел в нравственно-психологическом воздействии на чувства зрителей и возбуждении в них сострадания. Дополняя учение Аристотеля о типе и характере, Аверкиев ввел понятие «личность» - изображение в драматургии персонажей, в которых воля не является изначально доминирующей чертой, а связана с разнообразными чувствами и стремлениями, с глубокой духовной либо душевной жизнью. Подобное определение драматизма - более уклончивое, не подчеркивающее острую конфликтность - по справедливому утверждению современных исследователей, «было связано с новым типом драмы, рождавшимся в ту пору в России и на Западе»⁵¹⁰.

В момент публикации трактат Аверкиева был воспринят демократической и либеральной критикой как устаревший и вызвал многочисленные упреки в неисторическом подходе к идеям Аристотеля и Лессинга, в неоправданном преклонении перед ними. Не замечая ряда новаторских идей Аверкиева, оппоненты противопоставляли его взглядам

---

⁵⁰⁸ Аверкиев Д.В. О драме // РВ. 1877. Кн.3. С.140-141.

⁵⁰⁹ Аверкиев Д.В. О драме... С.188-189.

⁵¹⁰ Аникст А. Теория драмы от Пушкина до Чехова. М.: Наука, 1972. С.417.

идеи Г. Фрейтага, А. Шопенгауэра, чье понимание трагического, по их мнению, «лучше отвечает» современной мысли. Лишь много позже работа Аверкиева была высоко оценена научным сообществом – в 1893 г. она была удостоена Пушкинской премии Академии наук.

Откровенно полемический характер по отношению к принципам «новой литературы», утверждаемым в публикациях «Вестника Европы», «Отечественных записок» и «Дела», носили выступления композитора и художественного критика Г.А. Лароша. Его постоянному сотрудничеству в катковских изданиях способствовали весьма консервативные общественно-политические взгляды, вполне соответствующие политической программе «Московских ведомостей» и «Русского вестника». «Фритредер, юдо-, финн-, ляхофил (что не мешало также ему быть и русофилом), противник сметной казни, ненавистник войны, сторонник безусловного равноправия, безусловной свободы веры, убеждений, гласности, - писал о Лароше хорошо его знавший М.И. Чайковский (они вместе обучались в Петербургской консерватории), - он тем не менее никогда, даже в молодости, не примыкал к деятельным революционерам... Ларош не только стоял в стороне от так называемых нигилистов 60-х гг., но не общался даже и с не столь крайними либералами “Санкт-Петербургских ведомостей”, “Русского слова” и “Отечественных записок”»⁵¹¹.

В пренебрежении демократических изданий к традициям отечественной и зарубежной культуры и литературы, в отрицании ими принципа постепенности исторического развития, в их стремлении навязать искусству новые законы Ларош видел лишь опасную игру в отрицание «под знаменем прогресса и свободы», угрожающую стабильности общества, «курьезный образчик умственного самодурства и умственного пассивного подчинения»⁵¹². Истинной целью настоящего художника, утверждал критик, должно быть

---

⁵¹¹ Чайковский М. Герман Августович Ларош // Ларош Г.А. Собрание музыкально-критических статей. В 2 т. М. 1913. Т.1. С.22-23.

⁵¹² Л.Н. <Ларош Г.А.> Заметки // РВ. 1870. Кн.7. С.367-368.

«изучение вечных и неизменно присущих человеческой природе свойств, а не эфемерных явлений тенденциозного характера», а художественное произведение должно служить не какой-либо конкретной, заданной цели, а идеалам просвещения, гуманности, свободы, истины, разума. Примером истинного служения искусству он называл Я.П. Полонского, в поэзии которого отмечал «сочетание отзывчивости, живого интереса к современным вопросам и теплой любви к человеку, задушевного желания человеку свободы и счастья»⁵¹³. «Художественная натура вообще, прежде чем ненавидеть человека партии, любит человека, - писал Ларош, - и только благодаря этой возвышенной любви к вечной человеческой природе со всеми ее временными, случайными уклонениями и слабостями способна воспроизводить эту человеческую природу с той живостью и правдой, без которой нет художественного произведения»⁵¹⁴.

Одним из наиболее заметных выступлений Лароша стала его статья в «Русском вестнике» о романе И.А. Гончарова «Обрыв», публикация которого в 1869 г. в журнале «Вестник Европы» вызвала восторг аудитории, но была негативно воспринята в среде профессионалов. Критики демократических изданий увидели в романе клевету на молодое поколение революционеров-разночинцев, попытку опорочить социалистическую доктрину в целом. Так, М.Е. Салтыков-Щедрин в статье «Уличная философия» назвал роман творческой неудачей Гончарова, причина которой, по мнению критика, состояла в неясности идейной позиции писателя, который пошел на поводу у «обывательской» философии и воплотил в романе примитивные, «уличные» представления о «новых людях»⁵¹⁵. Подобная трактовка героев романа была характерна для работ других представителей демократической и либеральной критики тех лет: Н.В. Шелгунова, А.М. Скабичевского, Е.И. Утина, П.А.

---

⁵¹³ Нелюбов Л. <Ларош Г.А.> Русская литература. Сочинения Я.П. Полонского // РВ. 1870. Кн.3. С.402.

⁵¹⁴ Нелюбов Л. <Ларош Г.А.> Русская литература... С.402-403.

⁵¹⁵ Б.п. <Салтыков-Щедрин М.Е.> Уличная философия (по поводу 6-1 главы 5-й части романа «Обрыв») // Отечественные записки. 1869. Кн.6. С.127-159.

Гайдебурова и др. В ожесточенной дискуссии, завязавшейся вокруг романа, позиция Лароша была близка к позиции его постоянных оппонентов: он также оценил роман как произведение «фальшивое, натянутое, плод рефлексии без вдохновения», характеры главных героев назвал фальшивыми, а сюжет – неправдоподобным. В образа нигилиста Марка Волохова Ларош так же, как и Щедрин, увидел карикатурность, «пошлую смесь трактирных приключений и нигилистических фраз», в главной героине романа - «незрелый плод нездоровых учений, нечто среднее между «кисейной барышней» и стриженной нигилисткой», а в ее чувстве к Волохову - ложь и фальшь, увлечение «самого низменного свойства»⁵¹⁶. Однако в отличие от демократической критики, причиной неудачи Гончарова Ларош считал отказ писателя от принципов художественности, пренебрежение вневременными законами искусства. Лишь в поэтических эпизодах деревенского быта, в описании Гончаровым патриархального, неспешного усадебного уклада, «в деталях будничной, старомодной жизни, провинциальной жизни», в образе бабушки Татьяны Марковны Бережковой критик нашел воплощение жизненной правды и поэзию истинного искусства. Такая трактовка Ларошем сюжета и основной идеи романа «Обрыва» вполне соответствовала консервативным социально-политическим установкам «Русского вестника» и «Московских ведомостей»: с одной стороны, оценка нигилизма как опасной болезни, разрушительно влияющей на нравственные устои общества, была близка объяснению этого явления в передовых статьях Каткова в «Московских ведомостях», с другой – отчетливо звучащий в статье Лароша призыв сохранить все устойчивое, жизнеспособное, проверенное временем, выработанное многовековым русским укладом - отвечал представлениям этих изданий о традиционных ценностях как основном условии стабильности общества и государства.

Вместе с тем, ввиду отсутствия в «Русском вестнике» постоянного литературного критика, все перечисленные публикации имели случайный и

---

⁵¹⁶ Нелюбов Л. Новый роман г. Гончарова // РВ. 1869. Кн.7. С.367.

неупорядоченный характер, вследствие чего журнал явно уступал «Вестнику Европы», «Отечественным запискам», «Делу», ведущие публицисты которых А.Н. Пыпин, Н.К. Михайловский, Н.В. Шелгунов системно и планомерно декларировали эстетические принципы своих изданий. По свидетельству Н.С. Лескова, Катков придавал эстетической программе большое значение и «саморешительнейше» говорил о необходимости критического отдела для «Русского вестника», дабы «не оставлять его сборником безгласным и не давать развиваться на его счет успеху “Вестника Европы”»⁵¹⁷. Писатели-петербуржцы – Н.С. Лесков, В.П. Мещерский, Г.П. Данилевский, бывшие в 1870-е гг. годы постоянными авторами «Русского вестника», даже предлагали Каткову сообща «заботиться» о статьях для литературного отдела, а с целью обеспечения в нем «единства мысли и направления» предлагали публиковать их без подписей, с условием, «чтобы они шли через одни руки и дабы этот редактор группировал их и примирял их несогласия в частностях»⁵¹⁸. Под «редактором», скорее всего, они подразумевали самого Катков, однако его чрезвычайная занятость не позволила бы ему качественно выполнять эти обязанности. На роль заведующего отделом литературной критики планировался П.К. Щербальский, который с 1866 г. вел в «Русском вестнике» регулярные рубрики «Библиография» и «Библиографические заметки» и публикации которого отличались и литературным вкусом, и тактом, и объективностью, однако назначение в ноябре 1871 г. на службу в Польшу не позволило публицисту продолжать активно печататься в журнале. Одно время на роль литературного критика рассматривалась кандидатура писателя А.П. Милюкова, автора фундаментального «Очерка русской поэзии» и ряда историко-литературных статей. Основательный ученый и публицист, чьи работы отличались самостоятельностью, аргументированностью, глубиной проникновения в художественную ткань анализируемых текстов, Милюков,

---

⁵¹⁷ Лесков Н.С. Письмо П.К. Щербальскому. 22 апреля 1871 г. Петербург // Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т.10. С.314-316.

⁵¹⁸ Лесков Н.С. Письмо П.К. Щербальскому. 22 апреля 1871 г. Петербург // Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т.10. С.314-316.

который к тому же был человеком весьма консервативных убеждений, почти идеально «вписывался» в редакционный круг «Русского вестника», но, ввиду большой занятости, и он не мог обещать постоянного сотрудничества.

Придать эстетической позиции «Русского вестника» завершенность, концептуальность и системность сумел В.Г. Авсеенко, занявший в 1873 г. место литературного критика журнала. Выпускник Киевского университета, он в 1869 г. переехал в Петербург, где начал служить по министерству народного просвещения. Увлечшись под влиянием Н.Н. Страхова философией почвенничества, он поначалу регулярно выступал в журнале «Заря» со статьями, содержащими резкую критику западных идей. Однако публицист вскоре разочаровался в почвеннических воззрениях и пришел к мысли, что истинными носителями культурных ценностей могут быть исключительно представители образованного общества, «тонко развитые и тонко чувствующие» дворяне. По-видимому, именно эта убежденность в особой роли образованного дворянства и дворянской культуры сблизила его с издателем «Русского вестника», последовательно проводившем мысль о дворянском сословии как духовном предводителе общества.

Многочисленные статьи Авсеенко, регулярно печатавшиеся в каждом номере «Русского вестника» в 1870-е гг.: «А нужна ли нам литература?», «Практический нигилизм», «Общественная психология в романе», «Народность в новой литературе», «Судьбы русского романа» и др. - представляли собой развернутый ответ на публикации демократической и либеральной прессы. В них утверждалась мысль, что главная беда современной русской литературы - в тенденциозности и отсутствии общественного положительного идеала, место которого занял «бесплодный и жалкий пессимизм». Популярность «отрицательного направления» в искусстве, под которым в первую очередь он подразумевал творчество писателей «новейшей литературы» - Ф.М. Решетникова, В.А. Слепцова, Н.Г. Помяловского и др., критик объяснял воздействием Д.И. Писарева и других представителей петербургской журнальной и газетной критики, которые

превратили искусство в «служебное орудие житейской практики», отвергнув при этом «элементарные требования красоты и благородства»⁵¹⁹ и перечеркнув «приемы и предания прежней дворянской литературы»⁵²⁰. «Кто же выкуривал из литературы ее идеальное содержание? ... Кто толковал, что сапоги выше Шекспира, что эпиграммы Пушкина выше его лирических стихотворений? Кто всеми силами противодействовал пересозданию школы?»⁵²¹ - последний вопрос Авсеенко, как видимо, уже адресовал своим современным оппонентам.

Ключевыми категориями эстетической концепции Авсеенко являлись понятия «национальность» и «народность». Первое он рассматривал как «совокупность духовных интересов народа, все стороны его духовной самобытности, выразившиеся в его прошедшем и нынешнем просвещении», а второе - как «то, что непосредственно относится до умственного и нравственного обихода народной массы, ее быта и преданий»⁵²².

При этом народ критик считал «пассивным» и «беспомощным» по своей природе, ограниченным «идеалом растительной, стоячей жизни», но вместе с тем могучим и до конца еще не познанным⁵²³. Одним из проявлений «беспомощности» русского народа он не без оснований называл русскую общину, «это архи-народное учреждение», обязанное «своим происхождением прежде всего слабости личных, индивидуальных инстинктов в русском крестьянине», которому «нужна эта собирательная общинная личность, потому что он сознает слабость и бездеятельность своей единичной личности»⁵²⁴. Отголоски почвеннических убеждений Авсеенко в его эстетической концепции проявлялись в понимании народа как носителя

---

⁵¹⁹ А.<Авсеенко В.Г.> Реальнейший поэт // РВ. 1874. Кн.7. С.455-456.

⁵²⁰ А.<Авсеенко В.Г.> Исторический роман. «Пугачевцы» графа Евг. Салиаса. // РВ. 1874. Кн.4. С.865-894.

⁵²¹ А. <Авсеенко В.Г.> Литературные эфемериды // РВ. 1875. Кн.9. С.508-509.

⁵²² А. <Авсеенко В.Г.> Художественное изучение раскола // РВ. 1874. Кн.1. С.353.

⁵²³ А <Авсеенко В.Г.> Опять о народности и о культурных типах // РВ. 1876. Кн.3. С.375-376.

⁵²⁴ А. <Авсеенко В.Г.> Опять о народности... С.367.

пассивной, русской культуры, а образованного российского общества - активной – западноевропейской – культуры. Основную проблему критик видел именно в глубокой разобщенности народа и европейский образованного меньшинства – дворянства, и настаивал на необходимости меньшинства «вобрать в себя из народа все, что в его стоячей культуре было жизненного и нравственного», «перерабатывать эти начала в горниле своей собственной культуры», с тем чтобы в последующем прийти «на выручку» народу и помочь ему обрести личную самобытность и активную энергию. Литературе критик отводил в этом процессе ведущую роль, но литературе не тенденциозной, а чисто художественной, чуждой всякого предвзятого отношения к народу и культурным типам и объективно отражающей явления русской действительности. «Любить народ и служить народу – значит воспитывать в обществе веру в его силы, в его способность к культурному развитию», - в этом видел Авсеенко одну из главных задач литературы. Современным «пореформенным» беллетристам «отрицательного направления» - Ф.М. Решетникову, А.И. Левитову, И.А. Куцевскому, Г.И. Успенскому и др., в произведениях которых, как он писал, мужик изображался «в состоянии безнадежной дикости и тупости»⁵²⁵, критик отказывал в праве говорить от лица народа, обвиняя их в незнании народной жизни, в отсутствии любви к народу и в непонимании народной психологии.

Ярким примером истинной народной литературы Авсеенко считал отнюдь не творчество писателей-демократов, а произведения «аристократического нувеллиста» (как называла писателя демократическая критика) Л.Н. Толстого, ценя в них в первую очередь «глубокий анализ общечеловеческих и в частности национальных движений души»⁵²⁶.

Но главным представителем истинной народной литературы критик считал Андрея Печерского (П.И. Мельникова), в дилогии которого – «В лесах» и «На горах» - видел не только широкую эпическую картину народной жизни,

---

⁵²⁵ А. <Авсеенко В.Г.> Литературные заметки // РВ. 1877. Кн.8. С.357.

⁵²⁶ А. <Авсеенко В.Г.> Литературные заметки... С.356.

но «трезвое и здоровое отношение к народу, одинаково чуждое как фальшивой идеализации, так и преднамеренной темноты красок», «выдающиеся стороны художественного и этнографического материала», «особенное эпическое отношение автора к народной жизни» и «чрезвычайную правду и жизненность изображений»⁵²⁷. Охарактеризовав романы Андрея Печерского как «Одиссею великорусского раскола», Авсеенко справедливо отмечал, что изображение старообрядчества у него «служит лишь концентрированным выражением этой формы развития, несостоятельность которой пред двинувшейся вперед жизнью сказывается все сильнее и сильнее» и служит свидетельством того, что «предания старого жизненного строя не могут более служить руководящим началом», а «расширившиеся потребности жизни не укладываются в старые, тесные формы»⁵²⁸.

По мнению Авсеенко, художественное творчество, подобное произведениям Л.Н. Толстого и Андрея Печерского, должно способствовать пониманию образованным сословием того, «чего недостает нашему народу, и что ему необходимо выработать в себе во что бы то ни стало». «Не преклоняться пред народом и не идти за ним, но передать ему элементы европейской культуры – разумеется ее здоровые элементы – вот что нам нужно», - писал критик⁵²⁹. За демонстративным отказом от «народопоклонства» у Авсеенко скрывалось отнюдь не равнодушие, недоверие или презрение к народу, но, напротив, признание в нем «сознания национальной цельности и обаяние политического могущества»; но при этом критик не без оснований утверждал, что народу «необходимо учиться, много и упорно учиться, чтобы принять участие в нравственных интересах образованного русского общества»⁵³⁰.

Позиция Авсеенко, выражавшая в его статьях резко, бескомпромиссно, вызывала резкое неприятие как у представителей либерально-западнической,

---

⁵²⁷ А. <Авсеенко В.Г.> Художественное изучение раскола // РВ. 1874. Кн.1. С.354-356.

⁵²⁸ А. <Авсеенко В.Г.> Художественное изучение раскола... С.377-378.

⁵²⁹ А. <Авсеенко В.Г.> Опять о народности... С.387.

⁵³⁰ А. <Авсеенко В.Г.> Опять о народности... С.387.

так и либерально-почвеннической ориентации. Его обвиняли одновременно как в «обожании высшего света», так и в «презрении к народу» и т.д., не замечая, что его взгляд на литературу и литературный процесс был гораздо шире. Он стремился обратить внимание как на недостаток подлинной культуры в образованных слоях, так и на упадок «культурных элементов» в обществе в целом⁵³¹, а критический пафос его выступлений был направлен против прямолинейного подхода к литературе, против стремления превратить ее лишь в средство обличения общественных язв.

Однако с конца 1870-х гг. сотрудничество Авсеенко как литературного критика в журнале прекратилось, что, возможно, было связано с его активным участием в газетах «Русский мир» и «Санкт-Петербургские ведомости». Вместо остроумных по стилю, пронизательных в суждениях и смелых в своих оценках статей Авсеенко в «Русском вестнике» вновь стали печататься лишь краткие «Новости литературы», которые в 1883 г. сменила рубрика «Библиография», представлявшая собой краткие анонсы книг, вышедших за последний месяц. В качестве ее авторов чаще всего выступали литературный, музыкальный и театральный обозреватель «Московских ведомостей» С.В. Флеров, литератор и переводчик И.Н. Павлов, публицисты П.К. Щебальский, Б.М. Маркевич, Ф.Н. Берг и Н.А. Любимов, но эти редкие публикации по вопросам текущей литературы в основном представляли собой полемические выступления против писателей и критиков демократического и народнического толка: Г.И. Успенского, Ф.М. Решетникова, А.И. Эртеля, Н.Н. Златовратского, А. Осиповича (А.О. Новодворского), Н. Щедрина (М.Е. Салтыкова) и др. Их творчество сравнивалось рецензентами с «чердаками» и «подвалами», «грязными чуланами» и «задними дворами» литературы⁵³², что, впрочем, по резкости выражений, было сопоставимо с выступлениями авторов «Дела», в публикациях которых лирическая поэзия называлась «поэтическим разгильдяйством», а лирические поэты характеризовались как представители

---

⁵³¹ . <Авсеенко В.Г.> По поводу одной литературной репутации // РВ. 1874. Кн.8. С.873-896.

⁵³² Щебальский П.К. Наши беллетристы-народники // РВ. 1882. Кн.4. С.727-752.

«заоблачной поэзии, эстетической нравственности и индифферентной философии»⁵³³. Тенденциозность и односторонность подобного рода оценок, грубые попытки дискредитировать своих оппонентов в глазах читателей не делала чести «Русскому вестнику» и явно снижали репутацию журнала в глазах читателей как солидного издания «с направлением». «Если бы в каждой книжке помещалось таковых о разных книгах приблизительно листа на 3 на 3 ½, - с сожалением писал Каткову Б.М. Маркевич, - журнал приобрел бы значительно большую вескость в глазах публики и перестал бы заслуживать упрек в том, что он не журнал, а “сборник”, имеющий, де, “чисто случайный характер”»⁵³⁴.

Недостаток анализа текущей литературы в «Русском вестнике» восполняли регулярные рубрики «Московских ведомостей» «Литература и искусство», «Литературные заметки». Их постоянный автор - публицист и критик И.Н. Павлов был одновременно и автором «Русского вестника», что способствовало формированию единой эстетической платформы газеты и журнала. Сторонник серьезной и ответственной критики, Павлов рассматривал литературные явления прежде всего с точки зрения заложенного в искусстве глубокого нравственного начала, отказываясь видеть в них лишь «тенденцию» и сугубо «полезное» значение для общества. В своих публикациях он рекомендовал читателям те из книжных новинок, которые, по его мнению, были способны «возбуждать и проповедовать» добро и нравственную чистоту: воспоминания «Из дальних лет» Т.П. Пассек, стихотворения А.К. Толстого, романы Антони Троллопа, очерки и рассказы «Из американской жизни» Арнольда Гиллина и т.д. Позиция Павлова вызывала понимание и одобрение среди многих литераторов. Так, И.А. Гончаров ценил в выступлениях Павлова «серьезный, умный прием, вполне достойный тех времен, когда у нас была настоящая критика, при котором

---

⁵³³ Дело. 1882. Кн.10.

⁵³⁴ Это мнение о публикациях И.Н. Павлова И.А. Гончаровым было высказано в разговоре с писателем Б.М. Маркевичем. См.: Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 20 октября 1879 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.33. Л.104-105.

вопрос искусства стоит исключительно перед глазами, отрешенный от всех побочных тенденций, полезности и т.д. – а такой критики у нас и предания до этой минуты были затеряны»⁵³⁵.

Б.М. Маркевич вел в газете фельетонные обзоры «С берегов Невы» и «Прогулки по Невскому проспекту», в которых под псевдонимом «Иногородний обыватель» с присущей ему эмоциональностью, ироничностью и прямолинейностью, зачастую – в крайне резких и хлестких выражениях характеризовал как политическую, так и литературную жизнь столицы. В особенности доставалось от него либеральной интеллигенции и петербургским либеральным органам печати, которые он убежденно порицал за погоню за политической конъюнктурой и стремление угодить радикально настроенной части молодежи, чрезмерное увлечение западными идеями и ценностями, пропаганду «отрицательного направления» и тенденциозности в искусстве в ущерб творческой свободе художника, пренебрежение национальными устоями и традициями и т.п. Редкий фельетон «Иногороднего обывателя» обходился без ожесточенной полемики с петербургским «Голосом» А.А. Краевского, «Новым временем» А.С. Суворина, «Санкт-Петербургскими ведомостями» и др. «Крылатыми» стали его слова, высказанные в адрес коллег-литераторов, сотрудников либеральных изданий: «мошенники пера, прелюбодеи мысли и разбойники печати». Колкие, язвительные, изобилующие бойкими эпитетами и саркастическими характеристиками фельетоны Маркевича вызывали, в свою очередь, острую неприязнь в лагере оппонентов «Московских ведомостей», которые, в свою очередь, также не стеснялись в выражениях и нередко именовали «Иногороднего обывателя» «юродствующий фискал», «шпион пера и доносчик печати» и т.п., переиначивая таким образом его же собственные слова. Публициста не смущало подобное «признание», и на выпады своих

---

⁵³⁵ Это мнение о публикациях И.Н. Павлова И.А. Гончаровым было высказано в разговоре с писателем Б.М. Маркевичем. См.: Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 20 октября 1879 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.33. Л.104-105.

противников он отвечал еще более вызывающе, дерзко и даже грубо. Вот одна из его характеристик современной литературы: «Позорнейшее зрелище злого невежества и бездарности, неистового топтания в грязь всякого духовного начала, беспощадной усобицы, ненависти, клеветы, цинический, грязный, гнойный мир, где ни одного угла не остается не оболганным или не оплеванным, где пошлая, истрепанная, зловонная «либеральная» фраза, никому не нужная и всякому давно претящая, служит тем не менее неоспоримым средством этой бездарности и невежеству затыкать рот всякому независимому слову, всякой благородной мысли и действительно честному стремлению, где не знаешь, чему более удивляться: наглости ли пишущего или жалкому умственному уровню круга его долготерпимых читателей...»⁵³⁶. Современники нередко сравнивали Маркевича с Полем Кассаньяком - знаменитым французским политическим деятелем и журналистом последней трети XIX в., прославившимся своими резкими выходками в печати и последовавшими за ними целым рядом дуэлей и судебных процессов, - и это сопоставление как нельзя больше подходило публицисту «Московских ведомостей»: темпераментный, общительный, острый на язык, он прожил бурную жизнь, не раз бывал в центре разного рода «историй» и скандалов, успел приобрести как многочисленных друзей и поклонников, так и нажить немало неприятелей и критиков...

Не столь харизматичным, но не менее узнаваемым был другой постоянный фельетонист «Московских ведомостей» - журналист, публицист и литературный критик С.С. Окрейц, подписывавшийся литерой «О» или псевдонимом «НОМО NOVUS», что в переводе с латыни означало «новый человек», «выскочка», «парвеню». В 1870-е гг. в рубриках «Из Петербурга» и «Петербургская летопись» он выступал с резкой критикой в адрес демократической литературы и петербургской прессы и никогда не упускал случая упрекнуть своих коллег в фальшивости тона, конъюнктурности,

---

⁵³⁶ Иногородний обыватель <Маркевич Б.М.> С берегов Невы // МВ. 18.01.1879. №15.

стремлении во всем руководствоваться коммерческими расчетами и т.п. С нескрываемым сарказмом в них характеризовался современный демократический читатель, который, по мнению Окрейца, «лихорадочно стремится ... *никуда и ни к чему* [курсив «Московских ведомостей» - Е.П.] сознательно. <...> Чего же он ищет? Чего? Он сам не знает. Ему инстинктивно хочется найти такую книжицу, где бы на белом листе было написано крупным шрифтом одно только слово: *ничего!*»⁵³⁷

Профессиональной точностью оценок, объективностью, вдумчивостью, глубиной обобщений выделялись литературные рецензии и фельетонные обозрения «Арабески» драматурга Л.Н. Антропова, которые в 1872-1876 гг. регулярно публиковались в газете, занимая от двух до четырех колонок на полосе. Его установки на искусство формировались под сильным влиянием А.А. Григорьева, взгляды которого он пытался примирить с системой «реальной критики» Н.А. Добролюбова. Оставаясь в целом на позициях «чистого искусства», Антропов рассматривал в качестве «главнейшей стихии дарования» «народность», и исходя из этого выносил оценки произведениям современной литературы.

Стиль и язык Антропова отличался живостью, а нередко резкостью и ядовитой саркастичностью; в его текстах часто встречались диалоги, сценки, прямая речь, «картинки с натуры», «голоса из толпы», рисовались случаи из жизни, допускались весьма оригинальные сравнения и т.д. Предметом насмешек публициста становилась современная литература, которую он без обиняков обвинял в безыдейности, развлекательности, цинизме, погоне за коммерческим успехом, чрезмерном стремлении угодить потребностям толпы и т.п. «Журналистика наводнилась деятелями из семинаристов, не кончивших курса, ученых – кончивших курс уездного училища, архитекторских учеников, кантонистов, детей целовальников, - с ехидством писал Антропов. - Явление несомненно отрадное, ибо свидетельствует о распространении учения, не

---

⁵³⁷ О <Окрейц С.С.>. Петербургская летопись // МВ. 28.05.1878. №134.

отрадно только то изменение, которое потерпели при этом литературные нравы. Новые деятели, входя в литературу, и не думали оставлять у порога ее своих привычек и манер; не прежде сложившиеся нравы старались они усвоить, а их хотели принизить до себя; они вступили в словесный монастырь со своими уставами, тащили за собой казарму, кабак и переднюю. Букет получился острый, местами совсем заглушивший прежний дух»⁵³⁸.

С 1875 г. в газете регулярно появлялась фельетонная рубрика «Литературная кунсткамера», целью которой была полемика с тенденциозной «нигилистической» литературой и журналистикой. Уже в самом названии рубрики (от нем. *Kunstkammer* - кабинет редкостей, музей), обозначавшем собрание различных исторических, художественных, естественно-научных и других редкостей и места их хранения, был заложен элемент иронии по адресу «прогрессистов» и «передовых людей», как называл их автор рубрики, подписывавшийся псевдонимом Странник. Сегодня затруднительно со стопроцентной точностью определить, кто же из литераторов скрывался за этой подписью, но он явно был убежденным противником либеральной петербургской прессы и «направленческой» литературы, которую с яростью обвинял в ангажированности и конъюнктурности, в уклонении от спора с литературными и политическими противниками, в «передергивании и отвиливании» от фактов и в «укладывании под спуд всего что не соответствует их цели»⁵³⁹. Нигилистический, прагматический подход к художественным текстам подвергался им жесткой критике. Резкую отповедь Странника вызвали оценки опубликованного в «Русском вестнике» романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в демократических и либеральных изданиях. Так, публицист «Биржевых ведомостей» увидел в романе лишь «эпопею барских и офицерских амуров», «полную внутренней бессодержательности»⁵⁴⁰ а критик журнала «Дело» рассматривал роман как «знамение нравственного упадка

---

⁵³⁸ Посторонний <Антропов Л.Н.> Арабески // МВ. 11.09.1872. № 227.

⁵³⁹ Странник. Литературная кунсткамера // МВ. 30.05.1875. 135.

⁵⁴⁰ Странник. Литературная кунсткамера // МВ. 30.05.1875. 135.

известной эпохи» и причислял Толстого к художникам, чье творчество понижает нравственный уровень общества»⁵⁴¹.

Таким образом, литературно-критические выступления «Русского вестника» и «Московских ведомостей» в 1860-1880-е гг. представляли собой попытку противопоставить «отрицательному направлению» литературы, концентрировавшейся сначала в «Современнике» Н.А. Некрасова и «Русском слове» Г.Е. Благовестлова, а затем – в «Вестнике Европы», «Отечественных записках» и «Деле», «положительный идеал». В отличие от радикальной критики, искавшей в литературных произведениях прежде всего социальное содержание, авторы катковских изданий требовали от литературы воплощения положительных сторон жизни и непреходящих нравственных ценностей.

Наиболее последовательным критиком «Русского вестника» был В.Г. Авсеенко, в эстетической концепции которого носителями положительного идеала было в первую очередь образованное дворянство, что отвечало представлениям издателя журнала о движущих силах общественного прогресса. В его публикациях звучало требование взвешенного и уважительного подхода к искусству, критиковался утилитарный подход к искусству, «отрицательное направление» в литературе.

Однако отсутствие в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» постоянного литературного критика снижало степень воздействия эстетической концепции изданий на читателей.

3.3. Отражение консервативных установок журнала «Русский вестник» в литературном отделе издания в 1860-1880-е гг.

Подбор художественных произведений был одним из важнейших элементов выстраивания общей программы и формирования концепции «Русского вестника» как консервативного органа печати. Литературная

---

⁵⁴¹ Б.п. Критический фельетон // Дело. 1875. Кн.5. С.13-42.

позиция журнала после 1862 г. по-прежнему определялась М.Н. Катковым и сохраняла те же черты консерватизма, что и публицистический отдел издания: неприятие утилитарного подхода к литературе и к искусству, критика тенденциозного творчества, защита принципов художественности, требование объективности в изображении действительности.

Взвешенный, исторически оправданный подход к литературному процессу, свойственный «Русскому вестнику», в сочетании с пропагандируемым им «разумным консерватизмом» и весьма выгодной гонорарной политикой⁵⁴² делал возможным сотрудничество в нем литераторов, для которых был неприемлем сугубо прагматический подход к искусству петербургских изданий. «Ни И.С. Тургенев, ни Л.Н. Толстой, ни Гончаров, ни Писемский уже невозможны для «Современника», - писал Каткову Н.Ф. Щербина весной 1863 г., - им только и осталось, что печататься у вас»⁵⁴³. Приблизительно в это же время Л.Н. Толстой признавался в одном из писем Каткову, что его «Русский вестник» - это «один журнал, который я читаю и получаю»⁵⁴⁴. Лесков в начале 1870-х гг. откровенно говорил о себе как о литераторе «московского уряда мыслей»⁵⁴⁵. Продолжатели классических традиций «золотого века русской поэзии» - А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, А.К. Толстой, Я.П. Полонский, вынужденные отказаться от участия в петербургских ежемесячниках вследствие их отрицательного отношения к поэзии, лишенной ярко выраженной социальной направленности, всегда находили радушный прием в редакции «Русского вестника», а многих из них связывали с издателем давние дружеские связи. Например, Я.П. Полонский всегда был желанным гостем в доме Каткова: «Всякий раз, когда судьба

---

⁵⁴² Перевалова Е.В. В борьбе за литературные таланты: гонорарная политика журнала «Русский вестник» в 1850-1880-е гг. // Текст. Книга. Книгоиздание. Томск, 2018. №18. С.65-90.

⁵⁴³ Щербина Н.Ф. Письмо М.Н. Каткову. СПб. 16 марта 1863 г. // ОР РГБ. Ф.120. К. 41. Ед.хр.4. Л.1-5.

⁵⁴⁴ Толстой Л.Н. Письмо М.Н. Каткову. Ясная Поляна. 30 сентября 1864 г. // Л.Н. Толстой. Литературное наследство. Т. 37-38. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С.200-201.

⁵⁴⁵ Лесков Н.С. Письмо П.К. Щебальскому. 22 апреля 1871 г. Петербург // Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т.10. С.316.

забрасывала меня в Москву, я не могу отказать себе в удовольствии видеть Вас, и всякий раз в Вашем доме встречаю радушный прием», - писал он в одном из писем редактору «Русского вестника»⁵⁴⁶. А.Н. Апухтин, около двадцати лет не печатавшихся в периодике, когда в 1880-х гг. обстоятельства вынудили его к этому, принял решение публиковаться исключительно в «Русском вестнике» и «нигде более»⁵⁴⁷. Постоянным сотрудником «Русского вестника» был А.Н. Майков, который прямо писал о себе: «Я – катковской партии»⁵⁴⁸. Журнал Каткова поэт называл местом, «куда влечет сердце», на суд Каткова он высылал многие свои произведения⁵⁴⁹ и всегда высоко ценил его суждения о поэзии: «Нет такой мысли, чувства и даже образа, которые не прошли бы через Вашу голову и сердце, т.е. мысли и чувства, внушаемые у каждого русского, не сведенного с ума или эгоистическим расчетом, или чужой теорией», - писал поэт в одном из своих писем, адресованных журналисту⁵⁵⁰.

Нельзя не отметить, что в формировании литературной и эстетической программы «Русского вестника», в подборе и подготовке рукописей к печати немалую роль играли общественно-политические предпочтения Каткова, «отголоски» взглядов можно найти в целом ряде произведений Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, П.И. Мельникова и других писателей. Безусловно, речь ни в коем случае не идет о том, что эти авторы шли «на поводу» у Каткова, однако можно предположить, что они вполне сочувствовали некоторым декларируемым им идеям. Так, в романе «Анна Каренина» Толстой с иронией характеризует псевдолиберальные взгляды Стивы Облонского, созвучные тем, которые декларируется на страницах читаемой им по утрам газеты: «Степан Аркадьич получал и читал

---

⁵⁴⁶ Полонский Я.П. Письмо М.Н. Каткову. 20 января 1860 г. // ОР ИРЛИ. Ф.160. Архив Н.Н. Любимова. №2 (редк.).

⁵⁴⁷ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Б.д. // ОР ИРЛИ. Ед.хр.4758.

⁵⁴⁸ Майков А.Н. Письмо А.И. Майковой. 19 июня 1880 г. // Литературное наследство. Т.86. - М.-Л.: Наука, 1973. С.508.

⁵⁴⁹ Майков А.Н. Письмо М.Н. Каткову // ОР ИРЛИ. Ф.160. №2.

⁵⁵⁰ Майков А.Н. Письмо М.Н. Каткову. Б.д. // ОР ИРЛИ. Ед.хр.16671.

либеральную газету, не крайнюю, но того направления, которого держалось большинство. И, несмотря на то, что ни наука, ни искусство, ни политика, собственно, не интересовали его, он твердо держался тех взглядов на все эти предметы, каких держалось большинство и его газета, и изменял их, только когда большинство изменяло их, или, лучше сказать, не изменял их, а они сами в нем незаметно изменялись. <...> Если и была причина, почему он предпочитал либеральное направление консервативному, какого держались тоже многие из его круга, то это произошло не оттого, чтоб он находил либеральное направление более разумным, но потому, что оно подходило ближе к его образу жизни. Либеральная партия говорила, что в России все дурно, и действительно, у Степана Аркадьича долгов было много, а денег решительно не доставало. Либеральная партия говорила, что брак есть отжившее учреждение и что необходимо перестроить его, и действительно, семейная жизнь доставляла мало удовольствия Степану Аркадьичу и принуждала его лгать и притворяться, что было так противно его натуре. Либеральная партия говорила, или, лучше, подразумевала, что религия есть только узда для варварской части населения, и действительно, Степан Аркадьич не мог вынести без боли в ногах даже короткого молебна и не мог понять, к чему все эти страшные и высокопарные слова о том свете, когда и на этом жить было бы очень весело. <...> Итак, либеральное направление сделалось привычкой Степана Аркадьича, и он любил свою газету, как сигару после обеда, за легкий туман, который она производила в его голове»⁵⁵¹.

Можно предположить, что речь в романе шла о политической и литературной газете «Голос» А.А. Краевского, бывшей одним из главных объектов полемики «Московских ведомостей». Основанная в 1863 г., эта газета стала одним из самых успешных столичных ежедневных общественно-политических изданий, ее тираж в конце 1870-х – начале 1880-х гг. достигал двадцати двух и более тысяч экземпляров – цифры для тех лет весьма

---

⁵⁵¹ Толстой Л.Н. Анна Каренина // РВ. 1875. Кн.1. С.249-251.

значительной. В отличие от «Московских ведомостей», «Голос» с первых же дней заявила о своих либеральных предпочтениях⁵⁵² и вступила в яростную полемику с катковскими изданиями. Предметом споров становились самые разные события и явления: гимназическая реформа и проект университетского устава, деятельность новых судов, роль дворянства в общественной и политической жизни пореформенной России, действия русской администрации в Царстве Польском и Прибалтийских губерниях, преобразования городского самоуправления, цензурные репрессии, правительственные льготы и субсидии в адрес прессы и т.д. Поводом к полемике, к резким обвинениям друг друга в тенденциозности, в сознательном искажении фактов, их подтасовке и даже подлоге, в намеренной публикации ложных известий и сфабрикованных телеграмм, в предвзятости и субъективности мнений и т.п. могла стать даже незначительная ошибка или неточность в тексте и даже не к месту поставленные кавычки... Как вспоминал писатель и публицист Д.Л. Мордовцев, активный сотрудник «Голоса», адресованные ему записки Краевского напоминали «депешы на самом поле сражения, развозимые быстроногими адъютантами с одной части к другой, от колонны к колонне, от действующего отряда к резерву. Да это и была война – война преимущественно с Катковым, с “Московскими ведомостями”, когда на выстрел нужно было отвечать залпом, на удар – ударом». Краевский без обиняков требовал от своих сотрудников – В.А. Бильбасова, В.И. Модестова, Д.Л. Мордовцева, Е.Л. Маркова и др. – поскорее «дать хороший урок» «московским друзьям», т.е. Каткову и Леонтьеву, попутно напоминая, что «церемониться с этими господами нечего и быть разборчивым в выражениях не стоит»⁵⁵³. Нередко передовые статьи «Голоса» представляли собой целый ряд обильных выдержек из передовиц «Московских ведомостей»,

---

⁵⁵² Зайцева А.А. Газета «Голос» во внутренней политике самодержавия периода буржуазных реформ: 1863-1870 : дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; Луночкин А.В. Газета «Голос» в общественном движении России 70 - начала 80-х гг. XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.

⁵⁵³ Мордовцев Д.Л. Из переписки с А.А. Краевским // Новое слово. 1894. Кн.3. С.91.

сопровождаясь комментариями и замечаниями, суть которых сводилась к обвинениям Каткова и его газеты в обскурантизме и охранительстве. «Московские ведомости» также не проявляли умеренности и терпимости, доказывая, что либеральные идеи, отстаиваемые «Голосом», - лишь маска и представляют собой не что иное, как способ привлечь внимание публики и заслужить ее доверие. В публикациях московской газеты «Голос» именовалась «специальным и патентованным органом общественного обмана»⁵⁵⁴, ее издатель - «либеральным буржуа», что представляло собой весьма прозрачный намек на показной характер либеральных заявлений «Голоса», а сотрудники - «Хлестаковыми русского просвещения», «фразистыми критиками», «бессовестными софистами», «писакнами», которых «не прошибешь ничем» и для которых «как для женщин известного сорта, нет ни стыда, ни позора» и т.п. Тезисно изложенное в романе Толстого содержание «руководящей статьи» «либеральной газеты», во многом представляет собой аллюзию на передовые «Голоса»: в ней указывается, «что в наше время совершенно напрасно поднимается вопль о том, будто бы радикализм угрожает поглотить все консервативные элементы и будто бы правительство обязано принять меры для подавления революционной гидры, что, напротив, "по нашему мнению, опасность лежит не в мнимой революционной гидре, а в упорстве традиционности, тормозящей прогресс", и т. д.».

В последующих главах романа Толстой упоминает «либералов» и «либеральное направление» лишь в ироническом контексте и, как правило, сопровождает насмешливыми комментариями. Так, в четвертой части автор описывает некоего Песцова – гостя в доме Облонского, которого характеризует как «известного чудака энтузиаста, либерала, говоруна, музыканта, историка и милейшего пятидесятилетнего юношу». В пятой части упоминается о «высокоумной либеральной деятельности», которую избрал Голенищев, товарищ Вронского по Пажескому корпусу. В шестой части

---

⁵⁵⁴ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 1.07.1882. №180.

Толстой саркастически описывает процедуру губернских дворянских выборов и кружок Свяжского - одного из претендентов на это место: «либеральных, новых деятелей и вместе остроумных и порядочных», которые тем не менее «с удовольствием» обращаются к вновь избранному предводителю Неведовскому со словами «ваше превосходительство», а тот «делал вид, что он не только равнодушен, но и презирует это звание, но очевидно было, что он счастлив и держит себя под уздцы, чтобы не выразить восторга, не подобающего той новой, либеральной среде, в которой все находились».

Аналогичная оценка псевдолиберализма ощутимо заметна в романе И.С. Тургеневе «Дым», один из героев которого – генерал Ратмиров – сделал блестящую карьеру благодаря «какому-то особенному искусству фамильярно почтительного обращения с высшими, грустнolasкового, почти сиротливого прислуживанья, не без примеси общего, легкого, как пух, либерализма», что не помешало ему «перепороть пятьдесят человек крестьян в взбунтовавшемся белорусском селении, куда его послали для усмирения» и т.д.

Очевидна связь всех выше приведенных эпизодов с основными положениями передовых статей Каткова в «Московских ведомостях» 1870-х гг., в которых либерализм рассматривался как искусственно привнесенная в русскую действительность система взглядов, не имеющая ничего общего с реальной жизнью и проблемами, волнующими русское общество, и даже сами понятия «либерализм», «либерал», «либеральный» всегда, как правило, заключались в кавычки или же к ним присовокуплялась приставка «псевдо», выражение «так называемые» и т.п.

Не раз заявлял о своей солидарности с «Русским вестником» Ф.М. Достоевский, который характеризовал его как «решительно лучший и твердо сознающий свое направление журнал у нас в России»⁵⁵⁵. Эстетическая позиция издания, основанная на объективном и глубоком взгляде на искусство, на

---

⁵⁵⁵ Достоевский Ф. М. Письмо С. А. Ивановой. Флоренция. 8 (20) марта 1869 г. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 тт. М.: Наука, 1972-1990. Т.29. Кн.1. С.23.

принципе преемственности искусства различных исторических эпох и различных эстетических направлений, не могла не привлекать писателя, утверждавшего, что «всякое художественное произведение без предвзятого направления, исполненное единственно из художественной потребности, и даже на сюжет посторонний, совсем и не намекающий на что-нибудь “направительное” ... окажется гораздо полезнее»⁵⁵⁶. Публикация в «Русском вестнике» романов Достоевского «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868), «Бесы» (1871-1872), «Братья Карамазовы» (1879-1880), а также появление в «Московских ведомостях» одного из программных и самых резонансных выступлений писателя – Пушкинской речи, прочитанной им 8 июня 1880 г. в заседании Общества Любителей Русской словесности в честь открытия памятника А.С. Пушкину в Москве, свидетельствует, что его многолетнее сотрудничество с изданиями Каткова было обусловлено далеко не случайными обстоятельствами. Несмотря на то что в адресованных Каткову письмах Достоевский откровенно признавался в своих расхождениях с программными заявлениями журналиста, заявляя, что он «был и, кажется, навсегда останусь по убеждениям настоящим славянофилом, кроме крошечных разногласий и следовательно никогда не могу соглашаться вполне с “Московскими ведомостями” в иных пунктах»⁵⁵⁷, писатель неоднократно поддерживал выступления Каткова в защиту национальных интересов и православных ценностей, его борьбу с нигилизмом и социалистическими учениями, ожесточенную полемику с либеральными изданиями и т.п. Отрицательные образы нигилистов в его романах: карикатурный Лебезятников в «Преступлении и наказании», Антип Бурдовский и его компания в «Идиоте», «бесы» и «бесовство» в одноименном романе, а также указания на либеральную интеллигенцию как на один из основных источников распространения нигилистических идей в русском образованном обществе -

---

⁵⁵⁶ Достоевский Ф. М. Дневник Писателя. М.: Современник, 1989. С.73.

⁵⁵⁷ Достоевский Ф. М. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 25 апреля 1866 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.21. Л.76-77.

напрямую можно соотнести с тезисами передовых статей Каткова в «Московских ведомостях», посвященных «нечаевскому делу», а позже – делу В.И. Засулич⁵⁵⁸, в которых обращалось внимание не только на революционную агитацию как на потенциальную угрозу государству, но и на опасность, исходящую из глубин самого образованного общества – опасность недооценки революционной пропаганды и оправдания ее носителей.

Нельзя не заметить еще одной «точки соприкосновения» Достоевского и Каткова. Поляки, время от времени появляющиеся на страницах романов Достоевского: заезжий, «очень юливший поляк» в «Бесах»; эпизодическая, но тем не менее запоминающаяся фигура суетливого «жалкого полячка» в «Преступлении и наказании», который привел на поминки двоих своих никому не известных соплеменников, рассчитывавших, как видимо, выпить и закусить на дармовщину, паны Муссялович и Врублевский в «Братьях Карамазовых» - проходимцы, мошенники, и карточные шулеры, люди безнравственные и подлые, у которых за душой нет ничего святого, а один из них тут же готов за деньги отказаться от своей любовницы - все эти герои вызывают у читателя исключительно стойкую неприязнь и презрение. Писатель, который во всех своих героях, даже в представителях преступного мира, пытался найти гуманные начала, изобразил их как людей мелких и ничтожных. Именно такая оценка представителей польской шляхты была характерна для публикаций «Московских ведомостей», как и признание того, что сосланные в Россию поляки окружены вниманием и пиететом местного населения. В этой связи весьма показательна ремарка Достоевского, указывающая на лояльное отношение русской интеллигенции к полякам: во время допроса «Пан Муссялович вставлял страшно много польских слов в

---

⁵⁵⁸ Перевалова Е.В. С.Г. Нечаев и «нечаевское дело» в оценке газеты «Московские ведомости» // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2014. Вып.4; Перевалова Е.В. Освещение процесса Веры Засулич в газете М. Н. Каткова «Московские ведомости» // Вопросы теории и практики журналистики. Научный журнал Байкальского государственного университета. - Иркутск, 2015. Т.4. № 1. С.29-41.

свои фразы и видя, что это только *возвышает его в глазах председателя и прокурора* [курсив мой – Е.П.], возвысил наконец свой дух окончательно и стал уже совсем говорить по-польски». Этим замечанием писатель подчеркнул, что во мнении русского образованного общества (в данном случае – представителей закона) поляки приобретают значительность и важность уже в силу своей принадлежности к польской нации, несмотря на нарушение ими законов и правил благопристойности. Безусловно, эти образы нельзя назвать обобщающими, но тем не менее писателем был достаточно верно нарисован определенный тип поляка, встречающегося и в общественной жизни тогдашней России. «Поляки у Достоевского созданы из двух противопоставленных друг другу частей. Одна из них состоит из обидчивого самолюбия и гордости, несколько формальной патриотической печали, мистической веры в свои достоинства и привязанности к торжественным формам жизни. Вторая - из ловкости воришек, использующих любой случай, из полного отсутствия угрызений совести и достоинства. (...) Эти две группы черт, которые, казалось бы, невозможно согласовать в одном характере, словно бы объясняются отсутствием чувства реальности, самокритичности и способности вникнуть в чувства других людей», - писал известный польский публицист и литературный критик Ежи Стемповский⁵⁵⁹.

«Антинигилистическая» тематика в беллетристике «Русского вестника» нашла продолжение в романах «Взбаламученное море» (1863) А.Ф. Писемского, «На ножах» (1870-1871) Н.С. Лескова, «Марево» (1864) В.П. Ключникова, «Марина из Алого Рога» (1873), «Четверть века назад» (1878), «Перелом» (1880-1881), «Бездна» (1883-1884) Б.М. Маркевича, «Панургово стадо» (1869), «Две силы» (1874) В.В. Крестовского, «Млечный путь» (1875-1876), «Скрежет зубовой» (1878), «Злой дух» (1881) В.Г. Авсеенко, «Подспудные силы» (1870) Н.А. Чаева и др. Как отмечают современные исследователи, само понятие «антинигилистический роман» появилось в

---

⁵⁵⁹ Стемповский Е. Поляки в романах Достоевского // Новая Польша. Варшава, 2000. № 7-8(11).

публикациях радикальных критиков М.А. Антоновича, В.А. Зайцева, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др. для обозначения «ретроградных» в их представлениях произведений, лишенных общественного звучания, поэтизирующих «барство» и – одновременно – осуждающих «новых людей» и движущие ими идеи⁵⁶⁰. Как справедливо полагает К.Ю. Зубков, «сама влияние радикальной критики породила представление о ряде «антинигилистических романов», сочиненных такими писателями, как Тургенев, Гончаров и Достоевский», а сотрудники «Русского вестника» «решили продолжить этот ряд», причем «их понимание эстетической и идеологической природы «антинигилистического романа» определялось не произведениями Тургенева, Гончарова и Достоевского, а статьями тех самых нигилистов, которых Авсеенко, Маркевич и прочие пытались победить»⁵⁶¹.

Полемический смысл, вложенный критиками журналов «Дело» и «Отечественные записки», в понятие «антинигилистический роман», способствовал, таким образом, созданию авторами «Русского вестника» целого ряда художественных произведений, ориентированных на образы тех самых «антинигилистов», созданных в выступлениях радикальной критики. Революционно-демократические идеалы и их носители, «нигилисты», изображались в этих произведениях в откровенно негативном, зачастую даже карикатурном виде. Подчеркивалось, что русской нации чужды привнесенные из-за рубежа революционные идеи, поэтому их распространителями авторы зачастую делали представителей иных национальностей, скрывающих свои личные амбиции и расчеты под маской социалистических идей.

С другой стороны, многие из перечисленных выше романов выходили далеко за рамки «антинигилистической тематики» и обладали несомненными художественными достоинствами. Написанные на основе наблюдений и

---

⁵⁶⁰ Thorstytsson Victoria. The Dialog with Nigilizm in Russian polemical novels of the 1860s-1870s. A dissertation ... for the degree of Doctor of Philosophy (Slavic languages and literatures). University of Wisconsin-Madison, 2013.

⁵⁶¹ Зубков К.Ю. «Антинигилистический роман» как полемический конструкт радикальной критики // Вестник Московского университета. Серия: Филология. 2015. №4. С.138.

глубокого изучения жизни различных социальных слоев общества, они демонстрировали широкую картину русской общественной жизни, содержали немало житейских и бытовых подробностей, характеризующих ту или иную социальную среду, детально и с большой психологической глубиной показывали настроение и мироощущение героев. В них поднимались важные морально-нравственные вопросы, затрагивалась общекультурная, общечеловеческая проблематика, обращалось внимание на такие проблемы тогдашнего российского общества, как девальвация идеалов и моральная апатия, меркантилизм и разрушение семейных устоев, трагическая судьба молодежи, увлеченной «нигилистическими» идеями, сатирически изображалась бюрократическая система, административный произвол, несправедливая судебная практика, лицемерие высшего света. Динамичная интрига, сочный и богатый язык, образная стилистика – также делали эти произведения привлекательными в глазах читателей, их с удовольствием читали как в великосветских салонах, так и в гостиных среднего класса, и даже среди студенческой аудитории они пользовались популярностью.

Носителям нигилизма и других радикальных теорий в беллетристике «Русского вестника» противопоставлялись представители исконно русских начал, патриархальных морально-нравственных устоев и старины. Именно этим можно объяснить большое число произведений, в центре внимания которых – традиционные черты русского национального уклада и характера, а их главные герои – праведники, исполнены добродетели, достоинства, мужества, человеколюбия и напоминают персонажей народного героического эпоса. Таковы, к примеру, герои произведений Н.С. Лескова «Плодомасовские карлики. Картины из старорусской жизни» (1869), «Соборяне» (1862), «Запечатленный ангел» (1873), «Захудалый род» (1874). Истинные христианские праведники, такие, как «соборяне» протопоп Савелий Туберозов, дьякон Ахилла Десницын, священник Захарий Бенефактов, противопоставлены здесь не только нигилистам, но «хищникам» – гражданским и церковным чиновникам нового типа. В романе-хронике

«Захудалый род» прослеживается история древнего дворянского рода Протозановых и показана целая галерея лучших представителей русского дворянства: бабушка Варвара Никаноровна, Дормидонт (Дон-Кихот) Рогожин, княжна Вера Дмитриевна. Исторически точно и с замечательным художественным талантом Лесков демонстрирует присущие этим героям благородство, верность древним традициям, доблесть, честность и т.п. Однако пессимистическая трактовка писателем будущего дворянского сословия, его обреченности и неминуемого вымирания, морального и материального оскудения, постепенного вытеснения дворянства торгово-промышленными дельцами, представителями нового, капиталистического уклада, шла вразрез с позицией издателя журнале, в представлениях которого дворянства выступало не только хранителем устойчивых традиций, но и основным источником модернизации страны и главным фактором исторического прогресса. Катков потребовал внести изменения в ряд эпизодов романа, с целью подчеркнуть особую обязанность высших слоев общества получать образование и служить стране, не допуская ни род свой, ни страну на «погибельный путь, а последние две главы романа, содержание которых усугубляло мысль о трагическом исходе дворянского сословия, остались ненапечатанными⁵⁶².

Весьма вероятно, что по этой же причине - невыгодное освещение дворянских фигур по сравнению с нравственным обликом крепостного богатыря Ивана Флягина – Катков с недоверием отнесся к рассказу Лескова «Черноземный Телемак», получившему впоследствии известность как «Очарованный странник». На позицию Каткова не повлияли даже аргументы Б.М. Маркевича, к мнению которого он, как правило, прислушивался. «Вы нашли это чем-то “недоделанным”, “материалом”, более чем оконченным произведением – но я позволю себе не разделять этого мнения, - пенял Маркевич Каткову. - Повторяю, на меня, на всех, слышавших эту вещь,

---

⁵⁶² Фрагмент черновой редакции хроники «Захудалый род». Вступ. статья и публикация Н.И. Озеровой // Литературное наследие. Т. 101. В 2 кн. М.: Наследие, 1997. Т.1. С.239-245.

рассказ тот произвел обаятельное [подчеркивание автора письма – Е.П.] впечатление; интерес его все время поддерживается равно, и когда рассказ кончается, жаль становится, что он кончился. Мне кажется, лучшей похвалы нет для художественного произведения! <...> Я привык говорить Вам правду – в общем мнении странным покажется, если Лесков принужден будет отойти от Вас вследствие того, что Вам показалось что-то, что он написал теперь, слабее прежнего. Про него я уж не говорю – он чуть не плачет, так тяжела ему мысль перейти в другой журнал. <...> Не найдете ли Вы возможность, Михаил Никифорович, взять назад Ваше беспощадное решение? Вы не можете сомневаться, что мое в этом случае заступничество внушено не только Лесковым, участием к нему, сколько интересами Вашего издания, которому никак не расчет лишаться такого талантливого и ценимого публикою писателя, как Лесков»⁵⁶³. Однако Катков после долгих колебаний все же решил отказаться от публикации рассказа. Как следует из письма Лескову Н.А. Любимова от 10 мая 1873 г., Катков советовал «подождать печать эту вещь, самый мотив которой может ... выделаться во что-либо хорошее»⁵⁶⁴, однако писатель передал рассказ в газету «Русский мир».

Как видим, Катков зачастую выступал не только в роли литературного редактора, но стремился воздействовать на идейную сторону произведений, что нашло отражение в процессе подготовки к печати произведений не только Н.С. Лескова, но и И.С. Тургенева, и Ф.М. Достоевского, и Л.Н. Толстого⁵⁶⁵. В

---

⁵⁶³ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 15 мая 1873 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.190-192.

⁵⁶⁴ Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова. М.: Художественная литература, 1884. В 2 тт. Т.1. С.408.

⁵⁶⁵ Архипов В. К творческой истории романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская литература. 1958. №1. С.132-162; Батюто А.И. К истории создания романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (по поводу одной публикации) // Русская литература. 1985. №4. С.156-165; Рейфман П.С. Борьба в 1862-1863 гг. вокруг романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1963. Вып.139. С.82-94; Гроссман Л. П. Стилистика Ставрогина (К изучению новой главы «Бесов») // Ф.М. Достоевский. Л.-М., 1924. Сб.2. С.139-148; Буданова М.Ф. О некоторых источниках нравственно философской проблематики «Бесов» // Достоевский. Материалы и исследования Л., 1988. Т.8. С.93-106; Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Бесы»: некоторые аспекты восприятия // Вестник СПбГУКИ. 2013. Вып.4(17). С.130-136; Из

некоторых случаев это приводило к серьезным конфликтам, как, например, со Л.Н. Толстым, когда Катков отказался печатать в «Русском вестнике» восьмую, заключительную часть романа «Анна Каренина», в результате чего писатель принял решение прекратить дальнейшее сотрудничество с его журналом. Принципиальные расхождения в конечном итоге привели к отказу от сотрудничества с «Русским вестником» И.С. Тургенева, Н.С. Лескова и некоторых других литераторов.

Возможно, политическими предпочтениями Каткова объясняется публикация в «Русском вестнике» в 1870-е гг. большого числа произведений Д.В. Аверкиева: «Каширская старина» (1872), «Царь Петр и Царевич Алексей» (1872), «Темный и Шемяка» (1873), «Хмелевая ночь» (1871), «Новая барышня» (1875) и др., в которых преобладала тенденция к изображению патриархальной старины как некоего национального идеала. Реалистическое и колоритное изображение в прозе и драматургии Аверкиева многовекового уклада России, ее нравственных и духовных традиций складывалось благодаря включению в текст исторических и этнографических реалий, талантливой стилизации старинного быта и языка, использованию архаизмов, фольклора и диалектной лексики, живого диалога. С любовью и знанием дела воскрешая старинную жизнь, писатель объективно и достоверно изображал характеры героев прошлого, людей XVII-XVIII в., не «осовременивая» их внутренний облик, образ мыслей и действий, и поэтому его произведения, несмотря на некоторую идеализацию старинного уклада жизни, не грешили односторонностью и тенденциозностью. Любуясь стариной, писатель не скрывал и негативных сторон ушедшей эпохи, показывая и боярское самоуправство, и крестьянскую нищету, и бесправие незнатных, но при этом его произведения оставляли ощущение яркости и праздничности изображаемого времени.

воспоминаний Дмитрий Николаевича Любимова (1864-1824) // Вопросы литературы. 1961. №7 и др.

Столь же самобытные картины старорусского уклада рисовались в дилогии П.И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах» (1871-1874) и «На горах» (1874-1881), которую по праву современники называли «национальной эпопеей». Широкий охват действительности, глубокое проникновение в сущность важных общественных процессов и многостороннее их исследование, значительный географический и хронологический диапазон действия сделали дилогию значительным явлением литературного процесса 1870-х гг. Ее главными героями были старообрядцы-раскольники - «старозаветные» праведники из народа, которые в глазах читателя становились воплощением национальных духовно-нравственных идеалов и выразителями христианского мироощущения, а устойчивые и тщательно сохраняемые ими формы старообрядческого быта представляли как проявление национального характера и духовной самобытности, хранимой народом. Колоритные, запоминающиеся герои – Патап Максимыч Чапурин, Герасим Чубалов, Фленушка и др. - воплощали лучшие черты русского простого человека: сострадание к ближним и трудолюбие, здравый смысл и природную сметливость, хлебосолье, радушие и юмор. Вместе с тем старообрядчество и старина отнюдь не идеализировались романах Мельникова: писатель не игнорировал присущих раскольникам жестоких понятий, их замкнутости и обособленности, считая несовместимым все это с «добродушием мягкосердого, любвеобильного нашего народа». Не скрывались в дилогии и негативные черты, присущие крестьянскому «миру»-общине, в ней немало примеров того, как «мирская порука», зависимость от общины является тормозом развития сельского хозяйства. С сочувствием описывались Мельниковым промыслы, дающие русскому мужику возможность жить в достатке. Верный жизненной правде, он показывал, как на смену патриархальному укладу неизбежно приходят цинично-деловые отношения, под натиском которых разрушается старина, в резко сатирических красках рисовал нравы купеческой среды. Присущая дилогии публицистичность в оценке ряда явлений и некоторая идеализация любимых героев отнюдь не

портила ее, не превращала в откровенно тенденциозное произведение; напротив, по своим художественным достоинствам и реалистической точности описаний она не уступала таким признанным произведениям русской классической литературы, как «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Бесы» Ф.М. Достоевского, «Соборяне» Н.С. Лескова, и прочно вошла в круг чтения самой широкой публики.

Безнравственным и бесчестным представителям новой, сугубо «коммерческой» морали - дельцам, предпринимателям, кулакам, и «новым людям», подобным героям романа Чернышевского «Что делать?», воплощающим собой идеалы социалистической морали, в беллетристике «Русского вестника» противопоставлялась не только «патриархальная старина», но и «новый положительный герой» уже новой, буржуазной эпохи. Как правило, это был дворянин, владелец небольшого родового поместья, «средний человек», посвятивший себя заботам об имении и стремящийся к честному и благородному труду. Таковы, к примеру, персонажи повестей и романов К.Ф. Головина «Серьезные люди» (1879), «Искупление» (1880), «Вне колеи» (1882), «Блудный брат» (1884), «Дядюшка Михаил Петрович» (1886), которые, будучи исполнены долга и ответственности, честно выполняют свои гражданские обязанности, активно участвуют в пореформенных преобразованиях в русской деревне. Избегая каких-либо конфликтов с окружающей их средой, эти герои не ставят высоких задач, не пытаются преобразовать «весь мир», ограничиваясь весьма узкой сферой насущных интересов. Они не идеалисты и не ораторы, но зато истинные труженики и практики, и именно от них и от подобных им, по мысли автора, зависит дальнейший прогресс и развитие страны. Именно в таких героях, по мнению журнала, нуждалась современная отечественная литература: в «молодых людях обоих полов усиленным трудом, “истинно в поте лица” добывающих свой хлеб, но не жалующихся, не унывающих, не завидующих и бодро продолжающих свою трудовую жизнь», в «общественных деятелях честно, разумно, с искренним желанием служащих общему делу на разных

поприцах», в «людей верующих»⁵⁶⁶. Подобные характеристики «положительного героя» эпохи во многом соотносились с теорией «умеренного» общественного прогресса, пропагандируемой «Русским вестником», согласно которой для продвижения вперед следовало отказаться «от притязаний перестраивать общество по чистому разуму» и предаться «всестороннему и сознательному изучению действительной жизни»⁵⁶⁷.

Установка на «положительные начала» в совокупности с высоким художественным уровнем публикуемых произведений оказалась весьма востребованной читателями: для образованной аудитории «Русский вестник» на протяжении многих лет оставался лучшим отечественным «толстым» ежемесячником. Немало свидетельств тому сохранилось в редакционной переписке. «Со всех сторон [подчеркивание автора письма – Е.П.] слышатся самые сочувственные отзывы и похвалы прекрасному составу Вестника за последнее время, - писал Каткову в 1872 г. из Петербурга Б.П. Маркевич. – “Сплошь от начала до конца читается книжка с величайшим интересом”, - приходится, к большой моей радости, слышать каждый раз, когда заговорят о нашем журнале. Оно особенно рельефно замечается всеми теперь, когда “Вестник Европы” сделался так скучен, что книжки его – как я это я видел в десятках домов – лежат неразрезанные на столе читателя»⁵⁶⁸. «Симпатии к нашему “Вестнику” возрастают здесь с каждым днем; - сообщал Маркевич в Москву в марте 1873 г., - постоянно слышишь в обществе, что вот тот-то подписался, тот непременно подпишется, что только в “Русском вестнике” и “есть что читать” и т.п. Базунов⁵⁶⁹, свидетельствуя, что подписка постоянно на

---

⁵⁶⁶ Щебальский П.К. Добро пожаловать! По поводу соч. г. Орловского // РВ. 1883. Кн.12. С.875.

⁵⁶⁷ Элегическая заметка // РВ. 1861. Август. Литературное обозрение и заметки. С.165-166.

⁵⁶⁸ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 31 марта 1872 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.125.

⁵⁶⁹ Базунов Александр Федорович (1825-1899) – известный столичный издатель и книгопродавец, владелец книжного магазина на Невском проспекте в Петербурге.

него увеличивается, обещает “Вестнику” огромную [подчеркивание автора письма – Е.П.] подписку на будущий год»⁵⁷⁰.

В противовес радикальному антиэстетизму и прагматизму петербургских изданий, беллетристика «Русского вестника» отвечала заявленным в литературной критике издания требованиям художественности и объективности изображения действительности. Заложенные в прозе Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, П.И. Мельникова (Андрея Печерского), Н.С. Лескова, поэзии А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, А.К. Толстого и др. авторов журнала глубоко нравственные начала, уважение к человеческой личности, ее духовной природе, внимание к морально-этической стороне человеческой деятельности – все это соответствовало консервативным установкам издания. Но при этом общий журнальный контекст зачастую придавал публикуемым художественным текстам смыслы, может быть, и не предусмотренные их авторами.

3.4. Творчество художников-передвижников в оценке газеты «Московские ведомости»

Консервативные эстетические установки «Московских ведомостей» наглядно проявились в оценке деятельности созданного в 1870 г. «Товарищества передвижных художественных выставок». Это первое независимое объединение русских художников, противопоставившее казенной академической регламентации и государственному управлению искусством свободу художественного творчества и идею экономической самоорганизации, вызывало неподдельный интерес в среде творческой интеллигенции второй половины XIX в. Каждая передвижная выставка становилась предметом активного обсуждения в печати, причем полемика вокруг работ передвижников, как правило, выходила за рамки чисто

---

⁵⁷⁰ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 25 марта 1873 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.170.

эстетических споров вокруг вопроса о целях и задачах искусства, отражая идейные расхождения и политические пристрастия того или иного издания.

С одной стороны, внимание «Московских ведомостей» к передвижникам во многом было обусловлено полемикой издания с В.В. Стасовым – главным идеологом и вдохновителем «Товарищества», крупнейшим художественным и музыкальным критиком тех лет, сторонником социально ориентированного искусства, чьи эстетические взгляды во многом формировались под влиянием демократической эстетики Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. Как правило, все выступления газеты были полемически направлены против выступлений Стасова в «Вестнике Европы» и других либеральных изданиях.

С другой стороны, повышенный интерес в 1880-е гг. к творчеству передвижников был связан с императора Александра III, который в своем стремлении развивать русское национальное искусство оказывал большую поддержку русским художникам. Начав приобретать их полотна еще задолго до своего восшествия на престол, он с 1882 г. стал постоянным и желанным посетителем всех организуемых «Товариществом» выставок, активно общался с художниками и покупал, не скупясь, их работы для будущего музея русского искусства⁵⁷¹.

В первые годы существования «Товарищества» о его деятельности в «Московских ведомостях» писал драматург Л.Н. Антропов, представления которого об искусстве формировались под сильным влиянием А.А. Григорьева, взгляды которого он пытался примирить с системой «реальной критики» Н.А. Добролюбова. Оставаясь в целом на позициях «чистого искусства», Антропов рассматривал в качестве «главнейшей стихии дарования» «народность», и исходя из этого выносил оценки произведениям современной литературы и театральным постановкам. Однако его публикации о передвижных выставках, как правило, ограничивались перечислением

---

⁵⁷¹ Кудрина Ю. Передвижники и императорская власть: к 175-летию со дня рождения И. Е. Репина // Иные берега. 2019. №1. С.136-149.

выставленных полотен и кратким пересказом их сюжетов, лишь изредка сопровождавшиеся какими-либо оценками и комментариями.

Концептуальность и, что называется, «свое лицо», художественная критика «Московских ведомостей» приобрела в 1875 г. с приходом в газету выпускника историко-филологического факультета Московского университета С.В. Флерова, который стал со временем одним из ведущих музыкальных, театральных и художественных обозревателей изданий Каткова. Именно его перу принадлежали обширные ежегодные обзоры передвижных выставок, печатавшиеся подчас с продолжением сразу в нескольких номерах газеты.

Флеров был убежденным сторонником концепции «чистого искусства», видел в нем в первую очередь источник «успокоения, примирения с жизнью, света, нравственного очищения»⁵⁷². Предметом истинного искусства, в его представлении, была «частица вечной истины, правящей миром и приводящей ко благу все, что в нем совершается», частица, от соприкосновения с которой «происходит светлое и радостное чувство, разливаемое искусством, в ней основа гармонии, отличающей произведения искусства от явлений действительной жизни»⁵⁷³. В стремлении брать за основу исключительно злободневные темы и сюжеты публицист видел «голый реализм», деформацию объективной действительности, разрушение художественности, вне которой, по его мнению, не существовало нравственно-общественного значения искусства, и он с возмущением писал о тех, кто ставит творчество «в услужение вседневной жизни и заботам дня», низводя его таким образом «на степень репортерства»⁵⁷⁴, тогда как «свободно должен парить “свободный” художник над мелькающею вереницей событий, выхватывать их лишь черты, способные иллюстрировать временным вечное, подтверждать частное общим»⁵⁷⁵.

---

⁵⁷² *** <Флеров С.В.> Итоги передвижной выставки // МВ. 15.05.1886. №132.

⁵⁷³ Там же.

⁵⁷⁴ Васильев С. <Флеров С.В.> Художественная заметка // МВ. 10.05.1884. №128.

⁵⁷⁵ Там же.

Критик «Московских ведомостей» с горячим одобрением и похвалой отзывался о просветительской деятельности Товарищества, благодаря которому жители не только крупных столичных городов – Петербурга, Москвы, Киева, но и российской глубинки смогли познакомиться с современной отечественной живописью. Так, уже первая выставка, открытая в 1871 г. в столице, успела за два месяца побывать в Москве, Киеве и в Харькове, а следующие выставки выезжали в Ярославль, Тулу, Саратов, Воронеж, Ригу, Кишинев, Казань, Одессу и другие российские города. Помимо просветительских целей, достигались и финансовые: все доходы, за вычетом пяти процентов и стоимости билетов, выплачивались художникам в качестве гонораров, тогда как доходы от выставок Академии художеств, в год едва достигавшие пяти тысяч рублей, целиком шли в государственную казну. «Московские ведомости» писали о просветительской деятельности «Товарищества» как о «чрезвычайно полезной» и заслуживающей «признательности за прошлое и дальнейшего поощрения в будущем со стороны русского общества», подчеркивали, что передвижные выставки «служат делу искусства, художественного развития и воспитания публики», знакомя «с произведениями русских художников такой широкий круг русской публики, какому, наверное, не были бы известны эти произведения, если бы выставка их производилась исключительно в Москве или в Петербурге»⁵⁷⁶. С восторгом Флеров писал о таких шедеврах, как «Малороссийская ночь» А.И. Куинджи, «Ночь» И.Н. Крамского, «Новое знакомство» К.В. Лемоха, «Засуха» Г.Г. Мясоедова и др., в которых отмечал постижение художниками «тайны народного духа», умение передать гармонию бытия, отразить характер русского человека «таким, каков он есть, не подбавляя к нему ни перцу ни сахару»⁵⁷⁷.

И все же значительная часть работ членов Товарищества оценивалась Флеровым весьма скептически. Видя одну и главных задач живописи в

---

⁵⁷⁶ *** <Флеров С.В.> Передвижная выставка // Московские ведомости. 14.08.1882. № 224.

⁵⁷⁷ *** <Флеров С.В.> Передвижная выставка картин // МВ. 9.06. 1878. №145.

формировании чувства прекрасного, в передаче чувств, настроений и переживаний от художника к зрителю, он отказывался воспринимать как произведения искусства работы, в которых на первом плане выступала социальная тематика или отсутствовала, по его мнению, положительная идея. Так, резко отрицательной была его оценка исторического полотна В.И. Сурикова «Казнь стрельцов», которое показалось ему лишенным этического содержания, вследствие того что художник, по его мнению, так и не смог определиться, какой из сторон он сочувствует: стрельцам или Петру. «Это большая ошибка, - подводил итоги Флеров. - Одно из двух - г. Суриков сочувствовал или Петру, или стрельцам. Это сочувствие той или другой стороне должен был он выразить в своей картине, и тогда картина его получила бы тот внутренний смысл, который напрасно ищет в ней зритель теперь. Для художника нет выбора. Его историческое лицо должно быть или хорошо, или дурно, право или неправо, велико или низменно»⁵⁷⁸.

Прав ли художник, когда избирает для своих полотен сюжеты, пробуждающие в зрителе «невыразимое чувство страдания», но при этом не давая ему ни малейшего утешения, не ведя к душевной гармонии, не пробуждая светлых, радостных переживаний? Ответ на эти непростые вопросы рецензент «Московских ведомостей» пытался найти, анализируя едва ли не самое мрачное из произведений В.Д. Polenova - картину «Больная», представленную на четырнадцатой передвижной выставке в 1886 г. На мрачном, почти черном полотне зритель видел тонкую фигурку лежащей на постели девочки, очертания которой скрадывала сизая, словно туман, мгла, ее освещенное настольной лампой осунувшееся лицо, огромные блестящие глаза, а в глубине комнаты – едва заметные очертания женской фигуры, возможно, матери или сестры умирающей. Все в картине подчеркивало неотвратимость трагического исхода и бессилие перед приближающейся смертью. «От этой картины можно зарыдать...» - совершенно искренне писал

---

⁵⁷⁸ *** <Флеров С.В.> Передвижная выставка картин // МВ. 26.04.1881. №114.

Флеров, отмечая, что художник «с изумительной правдивостью» передал драму смерти, от которой «невыразимое чувство страдания охватывает душу зрителя». Однако взгляд на искусство исключительно как на «источник успокоения, примирения с жизнью, света, нравственного очищения» не позволил критику по достоинству оценить это полотно, в котором, по его мнению, не доставало гармонии, место которой занял «мучительный диссонанс, кристаллизация нестерпимого, мучительного томления». «Искусство имеет полное право изображать пред нами страдания, мучения и ужасы, но под непременно условием вызвать в нас посредством испытанных нами страданий чувство высшего порядка, очищающее чувство духовного просветления, - рассуждал Флеров. - Этический момент не может быть опускаем из вида при обсуждении картины, имеющей своим предметом изображение единственного существа, до которого этот предмет касается, человека. Если вам становится тяжело на душе при виде известной картины и в это состояние душевного угнетения не западает из той же картины ни единого луча света, если вы не чувствуете себя после перенесенного вами нравственного томления, после испытанной вами скорби лучшими, просветленными, духовно очищенными, если вы не можете принудить себя снова вернуться к картине, инстинктивно боитесь, проходя мимо, опять взглянуть на нее, - то это верный признак отсутствия этического момента в изображении страдания и в вызываемом этими изображениями томительном чувстве»⁵⁷⁹. Знал ли строгий критик, что на это полотно, которое создавалось Поленовым на протяжении тринадцати лет, художник решился перенести свои собственные тягостные переживания, связанные с целой чередой личных невосполнимых утрат: безвременной смертью княжны М.А. Оболенской, в которую он был влюблен в молодости, кончиной Е.А. Богуславской, с которой длительное время состоял в переписке, наконец, смертью новорожденного сына-первенца и скоропостижной смертью своей сестры В.Д. Хрущевой? По

---

⁵⁷⁹ *** <Флеров С.В.> Итоги передвижной выставки // МВ. 15.05.1886. №132.

всей вероятности, вряд ли, иначе он никогда не написал бы, что Поленов «был решительно не прав, избрав такой сюжет исключительно для целей живописных, для того чтобы показать свое мастерство и умение», и «не прочувствовал своей картины, не пережил ледящего ужаса изображенной им драмы»⁵⁸⁰. Этическая сторона картины, глубоко реалистичное изображение трагедии смерти на которой «бесцельно растравило» «сколько глубоких, не заживающих ран <...> в чутких материнских сердцах», показалось критику важнее лежащей в ее основе реальной жизненной правды.

В выступлениях художественного критика «Московских ведомостей» весьма взыскательной оценке подвергалось техническое исполнение представленных на выставке полотен, строго взыскивалось за небрежное обращение с перспективой, неряшливость в деталях, за увлечение внешней виртуозностью и новыми техническими приемами в ущерб внутреннему содержанию и т.д. По этой причине пейзажи «Вечер» и «Лес» работы Куинджи, которого, кстати, Флеров считал одним из самых замечательных живописцев своего времени, были отмечены в его художественном обзоре всего лишь как «превосходные этюды освещения», талантливая попытка художника передать поразивший его эффектный контраст между мраком и пурпуром, «багрянец, сверкнувший сквозь деревья и заливший своим пурпурным отливом белые стены хаты»⁵⁸¹. «Небрежность письма», «намеренное, принципиальное пренебрежение к “выписыванию” и отделке подробностей», критик отмечал едва ли не во всех работах на сказочные сюжеты В.М. Васнецова, подвергая их резкой критике и сравнивая с «совершенно безразличными политипажами, которыми издатели снабжают различные рассказы из русской истории»⁵⁸².

Разделяя в целом стремление передвижников к отражению явлений современной действительности, Флеров считал ошибкой преобладание в

---

⁵⁸⁰ Там же.

⁵⁸¹ *** <Флеров С.В.> Передвижная выставка картин // МВ. 19. 05. 1878. №126.

⁵⁸² *** <Флеров С.В.> Передвижная выставка картин // МВ. 29. 04. 1881. №117.

творчестве многих из них сатирических и обличительных тенденций, излишнее, на его взгляд, внимание к изображению преимущественно негативных сторон жизни. Это направление в искусстве он называл «реально-натуралистическим» или «фальшиво-тенденциозным» и остроумно сравнивал созданные под влиянием «тенденции» полотна с «написанным масляными красками фельетоном» и с иллюстрациями «провинциальных корреспонденций, журнальных статей, сатирических и обличительных рассказов, незрелых, задорных, полуневежественных, quasi-научных очерков русской социологии» и т.п.⁵⁸³ По его глубокому убеждению, использование средств искусства для решения сиюминутных запросов современного общества, для демонстрации лишь темных сторон человеческого бытия, для обличения социального зла – наносит ущерб всем другим его задачам. В социально ориентированной живописи Флеров видел тенденциозность, односторонность и ограниченность подходов к искусству, отрицание его эстетической роли: «Наши художники пустились в сатирико-обличительное направление. Русские литераторы отрицали Пушкина, русские живописцы отрицали Рафаэля. Литература и искусство, хранители и оберегатели духовных идеалов, духовного сокровища нации, внезапно почувствовали призвание стать более реальными, нежели самая жизнь, - с горечью писал рецензент «Московских ведомостей» о стремлении русских живописцев видеть в действительности лишь ее отрицательные стороны. - Оказалось недостаточным брать эту жизнь какова она есть. Для русского реализма потребовалось исключительно все безобразное. Если художнику нужно было изображать русского мужика, то он непременно брал мужика самого “ледащенького”, самого “заскорузлого”, испитого, болезненного; реалисты - художники наши точно “идеализировали” в направлении безобразия, как прежде считалось необходимым “прикрашивать”»⁵⁸⁴. Подобный взгляд на действительность критик «Московских ведомостей»

---

⁵⁸³ *** <Флеров С.В.> Передвижная выставка // МВ. 14.08.1882. №224.

⁵⁸⁴ *** <Флеров С.В.> Передвижная выставка картин // МВ. 1.05.1880. №119.

объяснял увлечением «односторонним, непонятым культом грубейшего реализма», следствием которого стало подавление в себе эстетического чувства, творческой свободы и художественной фантазии и заставило многих из них перейти черту, «отличающую искусство от грубой действительности»⁵⁸⁵.

Еще большую неприязнь Флерова вызывало стремление передвижников к отражению политических реалий современности, что особенно заметно проявилось в его оценке картины И.Е. Репина «Не ждали», экспонировавшейся на двенадцатой передвижной выставке в 1884 г. Для сюжета картины художник избрал момент встречи вернувшегося из ссылки революционера с семьей, уже отчаявшейся увидеть его живым. Темная фигура ссыльного на фоне светлого дверного проема, его настороженный взгляд, усталая фигура матери, еще не до конца уверившейся, что к ней вернулся давно утраченный сын, радость и одновременно страх в глазах детей, из которых старший уже почти готов кинуться на шею отцу, недоуменный взгляд горничной – все это подчеркивает драматизм сцены, напряженность немой паузы, возникшей при его внезапном появлении. Подобный сюжет в 1880-е гг. когда политические процессы стали реалиями повседневной жизни, был понятен каждому зрителю, в герое картины все однозначно угадывали политического ссыльного, осужденного, возможно, за пропаганду народнических идей, интерес к которым в среде разночинской интеллигенции продолжал оставаться весьма высоким. Именно этот политический подтекст стал предметом резкой отповеди автора «Московских ведомостей» в адрес художника. «Это не картина; это загадка, - пишет Флеров. - Художник изображает какого-то худого и желтого мужчинку неопределенных лет, одетого не то в армяк, не то в какой-т о арестантский халат. Мужчина этот вошел в комнату, по-видимому, служащую гостиной где-то на даче или в деревне. <...> На лице вошедшего нет никакого определенного выражения,

---

⁵⁸⁵ *** <Флеров С.В.> Передвижная выставка картин // МВ. 7.05.1880. №125.

общее впечатление лица и фигуры носят характер какой-то тупой робости с оттенком идиотизма. Таково содержание картины»⁵⁸⁶. Не подвергая сомнению талант Репина-живописца, Флеров увидел в его полотне «ребяческое, фельетонно-самодовольное отношение к искусству, недостойное зрелого художника отсутствие зрелой мысли!», и в буквальном смысле обвинил художника в стремлении поставить свое творчество на службу политической пропаганде и в недостойном истинного служителя искусства подыгрывании к нездоровому любопытству публики, всегда падкой на скандальные и сенсационные факты и подробности. Даже название картины, по мнению критика, представляло собой не что иное, как пример недостойного искусства «рабьего языка», смешную и насквозь фальшивую попытку художника завуалировать свой истинный замысел. «Г-н Репин многозначительно подмигивает нам одним глазом: “Смотрите, каков я! Ведь у меня нарисован – политический ссыльный!”» – с иронией пишет критик, и затем выносит свой окончательный приговор: «Жалкая гениальность, покупаемая ценой художественных ошибок, путем подыгрывания к любопытству публики и посредством «рабьего языка»⁵⁸⁷.

Таким образом, художественная критика «Московских ведомостей» в оценке творчества передвижников придерживалась промежуточной позиции: газета с одинаковой резкостью критиковала понимание искусства как средства развлечения и услаждения публики, так и узко социальный взгляд на его содержание, видя и в том и в другом упрощение и обеднение искусства. Убежденно доказывая, что художник должен быть свободен от социальных и политических установок, а его главная задача – формирование у аудитории возвышенных идеалов, авторы издания отвергали социально-ориентированное творчество, утилитаризм и прагматичный подход, рассматривая его как одно из проявлений нигилизма и политического радикализма. Вместе с тем газета высоко оценивала просветительскую

---

⁵⁸⁶ Васильев С. <Флеров С.В.> Художественная заметка // МВ. 10.05.1884. №128.

⁵⁸⁷ Там же.

деятельность Товарищества, признавала большое значение для русского искусства творчества Репина, Васнецова, Поленова и других передвижников, хотя и подвергала некоторые их работы резкой и подчас несправедливой критике. И, конечно же, заслуживает уважения и внимания протест консервативной газеты против тенденции поверхностного отношения к искусству, требование вдумчивого и уважительного отношения к традициям и опыту прошлого, мысль о том, что недопустимо ставить художественное творчество в зависимость от политических, идеологических, социальных факторов.

3.5. Творчество «Могучей кучки» композиторов в оценке публицистов журнала «Русский вестник и газеты «Московские ведомости»

Одним из самых ярких эпизодов полемики по вопросам эстетики второй половины XIX в. стали споры о новаторской музыке «Могучей кучки» – сложившегося в Петербурге в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Балакиревского кружка, в который помимо композитора М.А. Балакирева, входили выпускник военного училища М.П. Мусоргский, профессор химии А.П. Бородин, морской офицер Н.А. Римский-Корсаков и военный инженер Ц.А. Кюи. Музыканты считали себя наследниками традиций М.И. Глинки и выступали против академической рутины, полагая, что русское музыкальное искусство нуждается в новых формах, способных воплотить в музыке русскую национальную идею. Свою цель они видели в возвращении музыки к национальным корням и называли себя представителями «новой русской музыкальной школы», но с легкой руки В.В. Стасова, крупнейшего музыкального и художественного критика тех лет, главного идеолога и вдохновителя их творческого объединения, в обиход быстро вошло выражение «Могучая кучка», которое стало активно использоваться в печати тех лет для обозначения творчества композиторов Балакиревского кружка.

Примечательно, но в 1850-е гг. Стасов некоторое время сотрудничал с «Русским вестником». В частности, здесь в 1857 г. был опубликован его монографический очерк «Михаил Иванович Глинка», представлявший первое в отечественной литературе обстоятельное жизнеописание и характеристику творчества великого русского композитора, искусство которого рассматривалось автором с последовательно-патриотических позиций, как символ могущества и полной самостоятельности русской музыки. Однако уже в начале 1860-х гг. сотрудничество Стасова в «Русском вестнике» прекратилось по причине, как представляется, разницы во взглядах на роль и задачи искусства. Сторонник социально ориентированного искусства, Стасов во многом исходил из материалистической эстетики Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова⁵⁸⁸, тогда как другие авторы катковских изданий, и в первую очередь сам Катков, главную задачу искусства видели в представлении аудитории возвышенных идеалов, в формировании у читателя и зрителя чувства прекрасного.

Искусствоведческая тематика не являлась приоритетной ни в «Русском вестнике», ни в «Московских ведомостях», однако в них в разные годы сотрудничали известные искусствоведы, музыкальные и театральные критики Д.В. Аверкиев, Н.А. Рамазанов, К.К. Герц, Г.А. Ларош, М.Е. Кублицкий, П.А. Щуровский, В.Ф. Одоевский и др. В «Московских ведомостях» регулярно печатались рубрики «Музыкальная хроника», «Музыкальные известия», «Музыкальные письма из Петербурга», публиковались многочисленные обзоры и рецензии на почти все заметные оперные и симфонические премьеры. В «Русском вестнике» время от времени появлялись фундаментальные статьи, посвященные творчеству российских и

---

⁵⁸⁸ Зиннуров Ф.К. Эстетические воззрения В.В. Стасова: Дисс. на соискание уч. ст. к. филос.н. М., 1953; Ильина Л.В. Проблема национальной самобытности искусства в эстетике В.В. Стасова : Дисс. на соискание уч. ст. к. филос.н. М., 2004; Каренин В. Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Л.: Мысль, 1927; Лебедев А.К. Владимир Васильевич Стасов. 1824-1906. М.-Л.: Искусство, 1948; Стефанович В.Н. В.В. Стасов (1824-1906): Очерк библиотечной деятельности. - М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956 и др.

западноевропейских композиторов, вопросам музыкального образования и музыкальной науки и пр.

Предметом истинного искусства, в представлении авторов «Русского вестника» и «Московских ведомостей», должна стать «частица вечной истины, правящей миром и приводящей ко благу все, что в нем совершается», частица, от соприкосновения с которой «происходит светлое и радостное чувство, разливаемое искусством, в ней основа гармонии, отличающей произведения искусства от явлений действительной жизни»⁵⁸⁹. Они с настороженностью, а затем и с неприкрытой враждебностью встретили новаторские приемы представителей «новой русской музыкальной школы», в которых видели всего лишь дилетантов от искусства, а в их стремлении выработать новые музыкальные формы - ничем не обоснованную попытку избавиться от классического наследия, от выработанных их предшественниками традиций отечественной музыки, стремление обеднить и упростить искусство, превратить его в предмет развлечения и услаждения праздной толпы.

Так, в публикациях профессора Петербургского университета А.Н. Веселовского развивалась мысль о необходимости основательного изучения истории музыки и развитии национальной музыкальной школы. Будучи сторонником самобытности славянской музыки и высоко ценя ее, он в статье «Музыка у славян» с горечью констатировал неразвитость этой области искусства в России и зависимость от иностранной культуры. «Надобно еще удивляться, как при отсутствии у нас до последнего времени каких бы то ни было музыкальных образовательных институтов и основательного изучения музыки, создалась и развивается целая самобытная школа, как окончательно еще не заглохли все природные задатки в народе, - писал Веселовский. - У нас на 75 миллионов 2 консерватории и 2 музыкальных общества, что доселе все преподавание музыки и пения остается в руках иностранцев, что наши оркестры сплошь почти иноземные»⁵⁹⁰. Выступая против засилья всего

---

⁵⁸⁹ *** <Флеров С.В.> Итоги передвижной выставки // МВ. 15.05.1886. №132.

⁵⁹⁰ Веселовский А.Н. Музыка у славян // РВ. 1866. Кн.7. С.155.

иностранного, Веселовский призывал к развитию музыкального образования, к собиранию и изданию народных песен, к устройству и обеспечению быта музыкантов, к объединению их в организации. Постоянным автором просветительских статей на музыкальную тематику был немецкий филолог-классик, теоретик музыки и переводчик Р. Вестфаль, преподаватель греческого языка и сравнительного языкознания в основанном Катковым и Леонтьевым Лицее цесаревича Николая, в статьях которого рассматривалось античное музыкальное искусство, исследовались вопросы античной метрики и ритмики и т.д.

В 1870-е гг. главную критическую силу, противостоящую творчеству «Могучей кучки композиторов» и их идейному вдохновителю Стасову, представлял ведущий музыкальный критик «Московских ведомостей» - композитор и преподаватель Московской и Петербургской консерваторий Г.А. Ларош, который по праву считался в те годы одним из самых талантливых музыкальных критиков России. Глубокое понимание искусства сочеталось в нем с широтой общекультурного кругозора и с определенно выраженной эстетической позицией, которую он последовательно защищал в своих печатных выступлениях. Известность и славу Ларошу принесла уже первая же серьезная публикация - обширный труд «Глинка и его значение в музыке», увидевший свет в 1867-1868 гг. в «Русском вестнике». По мнению музыковедов, это исследование представляло собой новаторский по своей эрудиции и исторически прогрессивный опыт русского музыкознания и явилось лучшим, что было написано в XIX веке о вкладе Глинки в отечественное музыкальное искусство⁵⁹¹. Эта работа и сегодня считается одним из фундаментальных исследований по истории музыки, оказавшим значительное влияние на формирование музыкальной культуры русского общества и способствовавшим уяснению национального характера русской классической музыки. Ларош сопоставил значение М.И. Глинки в

---

⁵⁹¹ Кремлев Ю.А. Русская мысль о музыке. В 3 тт. Л.: Государственное музыкальное издательство, 1954-1960. Т.2. С.328-329.

отечественной музыке с ролью А.С. Пушкина в развитии русской литературы, и убедительно доказал, что композитор, восприняв и претворив различные элементы современной ему художественной культуры, достиг в своем творчестве огромного богатства, полноты содержания и совершенства художественного воплощения, положив таким образом начало мировому влиянию русской музыки. В наследии Глинки критик в первую очередь выделял «дух бодрости и отваги, дух радости и торжества» как воплощение «одной из основных черт нашей народности – выражение того смелого удальства, поэтическому возвеличению которого так часто бывают посвящены наши народные предания и сказки»⁵⁹². Катков, внимание которого в 1860-е гг. было сосредоточено на проблемах национальной политики и тех явлениях, которые составляют «непосредственное выражение народности и национальности»⁵⁹³, несомненно, обратил внимание на молодого критика, который с этого момента стал постоянным автором его изданий. Журналисту не мог не импонировать консервативно-академический характер взглядов молодого композитора, который страстно защищал консерватории, как хранилища музыкальных традиций и технического мастерства, отстаивал возвращение к стилю классиков - нидерландских контрапунктистов, В.-А. Моцарта, И.-С. Баха, осуждал программное направление в музыке не только у представителей новой русской музыкальной школы, но и у Бетховена, которого ставил ниже Моцарта, и т.п. Так, в опубликованной в «Русском вестнике» в 1869 г. статье «Мысли о музыкальном образовании в России» Ларош энергично отстаивал контрапунктную систему в качестве основания отечественного музыкального образования. Заранее предвидя упреки в педагогическом педантизме и отсталости, он подчеркивал, что в результате отказа от традиционных методов преподавания появилось «поколение композиторов, воспитанных в презрении великого прошлого музыки, в незнании истории, в неумении писать вокальные партии, в безвольном

---

⁵⁹² Ларош Г.А. Глинка и его значение в истории музыки // РВ. 1868. Кн.10. С.384.

⁵⁹³ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 4.08.1867. №170.

оригинальничаньи, в тщеславном невежестве»⁵⁹⁴. Критик запальчиво и эмоционально обращался к противникам контрапунктной школы и, называя их «рьяными прогрессистами в музыке» и «музыкальными либералами», прямо и недвусмысленно обвинял их в том, что они, прикрываясь «обманчивой наружностью прогрессивного либерализма», «в современном искусстве признают только то, в чем видят борьбу его со старым, новые пути, новые формы; <...> не допускают авторитетов, проповедают разрыв с преданием»⁵⁹⁵. Содержащиеся в этой и других статьях Лароша указания на недопустимость поверхностного отношения к искусству, на непозволительность отказа от традиций и авторитетов, от исторических основ в преподавании музыки в целом соответствовали отстаиваемой Катковым теории «разумного консерватизма», его заявлениям о необходимости вдумчивого и уважительного отношения к традициям и опыту прошлого.

Поклонник классического искусства и консерваторского просвещения, Ларош относился с большим недоверием к новейшей музыке, видел в ней явные симптомы упадка, а в ее сторонниках – разрушителей музыкальной эстетики. Он с нескрываемым раздражением писал о «псевдомузыкальном», «псевдоноваторском» направлении М.И. Балакирева, М.П. Мусоргского и других «кучкистов», эстетическую платформу которых он абсолютно не принимал. Новой русской музыкальной школе и новаторским исканиям композиторов «Могучей кучки» он противопоставлял творчество П.И. Чайковского, в котором видел единственного современного русского «настоящего» композитора, которым «может гордиться современная Россия перед Западной Европой». В то время как Стасов, по мнению которого подлинными носителями национальности в музыке являлись лишь представители Балакиревского кружка, а консерваторское обучение исключительно пагубно сказывалось на таланте и врожденных дарованиях, упрекал Чайковского в «эклектизме», в «неразборчивом многописании»,

---

⁵⁹⁴ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 4.08.1867. №170.

⁵⁹⁵ Ларош Г.А. Мысли о музыкальном образовании... С.67.

Ларош на примере творчества последнего широко развернул идею доходчивости, общедоступности музыки, основанной на устоявшихся традициях как мировой, так и отечественной музыкальной школы.

Статьи Лароша отличались блестящим литературным стилем, точностью формулировок, и в то же время - изрядной резкостью суждений, тонкой ироничностью и язвительностью, которые критик решительно пускал в ход, когда подмечал слабые стороны творческих теорий и творческой практики участников Балакиревского кружка, в которых, по его мнению, «эстетическое пресыщение» соединилось с «узостью воззрений» и которые «при сомнительной подготовке и силах, не превышающих посредственности», взялись «перестраивать все здание музыки»⁵⁹⁶. Остроумно и метко Ларош указывал на крайности музыкальных воззрений «кучкистов»: фанатическую боязнь «банального» и нередко ничем не обоснованную «погоню за оригинальностью», «страсть к вычурам и курьезам», презрение к традиционным музыкальным вкусам, черты нигилизма в отношении классического наследия и традиционного профессионального образования. Он запальчиво и эмоционально называл своих противников «рьяными прогрессистами в музыке», «музыкальными либералами» и недвусмысленно обвинял их в отказе от отечественных музыкальных традиций и пренебрежении к авторитетам, уподобляя их новаторские искания нигилизму. «У нас хотят чего-то нового, небывалого: у нас признали, что все оперное искусство, бывшее до сих пор чуждо “жизненной правды”, и что полная жизненная правда в опере должна привести к совершенно новым формам, к новому способу сочинения»⁵⁹⁷, - писал Ларош в 1873 г. в связи с постановкой на петербургской сцене оперы «Каменный гость» А.С. Даргомыжского, над завершением которой после смерти композитора в 1869 г. работали Ц.А. Кюи и Н.А. Римский-Корсаков. Критик «Московских ведомостей» увидел в новом произведении лишь «пеструю мозаику», «необузданную роскошь и

---

⁵⁹⁶ Ларош Г.А. Музыкальные письма из Петербурга // МВ. 01.02.1873. №28.

⁵⁹⁷ Ларош Г.А. Музыкальные письма из Петербурга // МВ. 29.01.1873. №25.

хаотическую пестроту» звуков и остроумно сравнивал его с «нескончаемо длинным обедом, в котором каждое блюдо приготовлено со жгучими пряностями»⁵⁹⁸. «От блюд, впрочем, можно отказаться, но не слышать музыки нельзя, если не уйти из театра, - с нескрываемой иронией резюмировал Ларош свои впечатления от постановки, добавляя, что «так как вся опера написана речитативом, так как гармония модулирует и диссонирует в каждом такте, постоянно тревожа и обманывая слух, то, как целое, несмотря на сверкающую пестроту деталей, “Каменный гость” невероятно однообразен»⁵⁹⁹. Но едва ли не главным объектом нападок Лароша был М.П. Мусоргский, которого критик в своих статьях желчно уподоблял то ловкому маляру, на полотне которого «в неживописном беспорядке громоздится куча фигур, лиц, рук и ног, намалеванных самым ярким образом, пестреющих и режущих глаза, “бьющих в нос” и производящих действие стихийное, материальное», то дикарю-островитянину, поражающему цивилизованного человека «своим фантастическим видом, перьями и татуировкой», у которого «для осуществления его замыслов нет ничего, кроме природной силы и молодчества»⁶⁰⁰. Критик «Московских ведомостей» не мог простить Мусоргскому слишком вольного обращения с классикой, в первую очередь – с трагедией А.С. Пушкина «Борис Годунов», замысел которого, по его мнению, композитор «упростил и удешевил», пройдясь по тексту произведения с «цензорским карандашом современного реалиста». «Этот реалист, напоминающий нам тип, хорошо известный в нашей современной литературе, - писал Ларош о Мусоргском. - Бойкое перо и отсутствие элементарных знаний, стремление обновить искусство, средства и памятники которого ему неизвестны, обилие отрицания и полная зависимость от того, что отрицается, претензия на самобытную силу и частая подражательность, главное же самоуверенность первобытного человека – вот черты, которые в

---

⁵⁹⁸ Там же.

⁵⁹⁹ Там же.

⁶⁰⁰ Ларош Г.А. Музыкальные письма из Петербурга // МВ. 25.02.1874. №49.

нашей литературе возбуждали, наряду с отвращением и противодействием, сочувствие и даже поклонение»⁶⁰¹. Ларош предлагал современным композиторам обратиться к упорному, всестороннему и глубокому изучению классического музыкального наследия.

Вместе с тем Ларошу отнюдь не были свойственны «музыкальный фанатизм», пристрастность и излишняя тенденциозность, и в своих оценках он, как правило, всегда оставался весьма объективен и искренен. Так, зачастую он достаточно резко высказывался по поводу тех или иных сочинений столь любимого им П.И. Чайковского, и в то же время мог с одобрением откликнуться на новаторскую постановку «Снегурочки» «кучкиста» Н.А. Римского-Корсакова, которого оценивал очень высоко и как композитора, и как профессора, и как общественного деятеля. «Мне не хотелось и не хочется, чтобы Римский–Корсаков обратился на путь истинный. Мне кажется, что нам, консерваторам, он не ко двору. Он имеет все данные для превосходного еретика, и весьма немногие для правоверного», - писал Ларош, обнаруживая не только терпимость к не разделяемому им самим направлению современной музыки, но и умение увидеть и оценить его новаторскую сущность⁶⁰². Критик откровенно признавался, что ему всегда «приятнее вид вагнериста или балакиревиста, чувствующего себя на просторе и работающего рукой уверенною, чем последователя Баха и Гайдна, идущего ощупью ради ученого эксперимента»⁶⁰³.

Чуткость и понимание истинных произведений искусства, эрудиция, блестящий литературный стиль, необыкновенная легкость и пластичность языка, благодаря чему его статьи, несмотря на специальные музыкальные термины, были понятны, доступны и интересны читателю, даже мало знакомому с музыкальной спецификой, - все эти черты сделали многочисленные выступления Лароша в «Русском вестнике» и «Московских

---

⁶⁰¹ Ларош Г.А. Музыкальные письма из Петербурга // МВ. 25.02.1874. №49.

⁶⁰² Ларош Г.А. Новая опера молодой русской школы // РВ. 1885. Кн.10. С.876.

⁶⁰³ Ларош Г.А. Новая опера... С. 877.

ведомостях» серьезным вкладом в развитие отечественной музыкальной критики.

Выступления Лароша были направлены не только против Стасова, но и против молодых публицистов демократических «Отечественных записок» и «Дела», которых он упрекал в пренебрежении традициями отечественной и зарубежной культуры и литературы, в отрицании принципа постепенности исторического развития и стремлении насильно навязать искусству новые законы. Подчеркивая, но новому поколению лишь только «кажется, что оно покончило не только с предрассудками отечественной старины, но и со всеми устарелыми заблуждениями Западной Европы, которое мнит, что оно стоит на пьедестале всех исторических веков и с него озирает все язвы современной культуры», Ларош с не без оснований делал вывод, что результатом отрицания «под знаменем прогресса и свободы» становится лишь смена одних авторитетов другими, и сам нигилизм превратился в ничто иное, как «курьезный образчик умственного самодурства и умственного пассивного подчинения»⁶⁰⁴.

К сожалению, критик был мало приспособлен к газетной работе, его тяготила необходимость писать регулярно и к определенному сроку, тогда как газета нуждалась в оперативных и систематических откликах на актуальные события в мире искусства. «Ларош положительно не в состоянии посылать Вам таковые [музыкальные корреспонденции – Е.П.] аккуратно, - писал Каткову представитель его изданий в Петербурге Б.М. Маркевич осенью 1874 г., - <...> с ним, как говорится, пива не сварить – он какой-то неуловимый, выскальзывающий, неустойчивый»⁶⁰⁵. В середине 1870-х гг. Лароша сменил Ф.М. Толстой, высокопоставленный чиновник министерства народного просвещения, профессионально увлекающийся музыкой, автор более двухсот романсов и опер. Как композитор, он не имел серьезного успеха, но заслужил

---

⁶⁰⁴ Л.Н. <Ларош Г.А.> Заметки // РВ. 1870. Кн.7. С.367-368.

⁶⁰⁵ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 5 октября 1874 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.33. Л.46-47.

признание читателей в роли музыкального критика, хотя и уступал Ларошу в части оригинальности суждений. Его музыкальные предпочтения, также в значительной степени сформировавшиеся под влиянием М.И. Глинки, с которым они были очень дружны, во многом совпадали с музыкальными пристрастиями Лароша, благодаря чему, несмотря на смену автора, в направлении музыкальной критики «Московских ведомостей» сохранялась преемственность. «Он беллетрист неважный, но по части музыки одних мнений с Ларошем – сиречь здравым – и пишет бойко и приличным языком», - рекомендовал его Каткову Б.М. Маркевич⁶⁰⁶. И хотя от представителей демократической и либеральной печати Толстой заслужил обвинения в доктринерстве, недооценке русской музыки и ограниченности суждений, однако нельзя не признать, что его публикации во многом способствовали популяризации отечественной классической музыки. Под псевдонимом «Ростислав» он регулярно помещал в «Московских ведомостях» музыкальные корреспонденции, в которых умно и толково, хотя и в довольно своеобразной, иронической манере писал о новостях культурной жизни северной столицы. О композиторах «Могучей кучки», которая к концу 1870-х гг. как единое творческое объединение перестала существовать, но ее участники продолжали активно работать, он почти всегда отзывался крайне негативно. Само название – «Могучая кучка» - в его публикациях звучало как злая ирония, а входивших в нее композиторов он называл «самонадеянными самоучками», «псевдоноваторами» и т.п. Как и его предшественник, он с нескрываемым раздражением писал о М.П. Мусоргском, в котором видел талантливое, но «крайне невежественного неуча», а в его музыке – «какафоническое» «преднамеренное сочетание фальшивых звуков, в которых нет ни смысла, ни значения»⁶⁰⁷.

---

⁶⁰⁶ Там же.

⁶⁰⁷ Ростислав <Толстой Ф.М.> Петербургские письма (о музыке и театре) // МВ. 1.04.1875. №83.

Не только эстетическая концепция Стасова, но и его личные качества подвергались Толстым резкой критике. С возмущением он писал о публикации Стасовым в журнале «Русская старина» записок М.И. Глинки и писем к друзьям и родным покойного А.С. Даргомыжского, которые содержали весьма интимные подробности и явно не предназначались к печати. Факт предания гласности личной переписки известных лиц, уже ушедших из жизни, Толстой трактовал не просто как неуважение к памяти Глинки и Даргомыжского, но и как проявление бестактности и неделикатности, как желание Стасова усилить свое влияние на аудиторию путем использования подобного рода приемов. «В.В. Стасов <...> поистине замечательная в своем роде личность, - писал Толстой. - Не владея ни кистью, ни резцом, не будучи, сколько известно, ни певцом, ни виртуозом, ни композитором, он судит и рядит свысока и о живописи, и о скульптуре, и о музыке, произнося безапелляционные приговоры по всем отраслям искусства»⁶⁰⁸.

Творчество «кучкистов» критик «Московских ведомостей» сопоставлял с сочинениями писателей школы Н.Г. Чернышевского, в первую очередь – с натуралистическими очерками Ф.М. Решетникова, поскольку, по его мнению, и те и другие были всего лишь «самонадеянные самоучки», не только не знакомые с основами искусства, но еще и гордящиеся своим невежеством и возводящие его в абсолют. «Решетников рассказывает власть, как старушка накормила девушку киселем с разбухшими тараканами, а наши музыкальные новаторы угощают слушателей раздирающей какофонией под предлогом, что поет или, лучше сказать, завывает какая-нибудь бестолковая баба или неграмотная девчонка-нищенка», - с негодованием и брезгливостью писал Толстой о творческой «неопрятности» и «неряшливости» «корифеев новаторского музыкального нашего кружка»⁶⁰⁹. По мнению критика, лишь

---

⁶⁰⁸ Ростислав <Толстой Ф.М.> Петербургские письма (несколько слов о покойном А.С. Даргомыжском по поводу интимной его корреспонденции, сообщенной в «Русскую старину» г. Стасовым) // МВ. 29.06.1875. №164.

⁶⁰⁹ Ростислав <Толстой Ф.М.> Петербургские письма (о музыке и театре) // МВ. 16.06.1875. №151.

основательное музыкальное образование по классическим источникам, получаемое в Консерватории, может сделать из даровитого музыканта настоящего творца. «Вдохновение дается свыше; никакая музыкальная наука не может, конечно, образовать вдохновенного мелодиста, - писал критик, - но ученик, изучивший основательно контрапункт, гармонию и правильное ведение голосов и оркестровых партий, всегда сумеет *оформить* [курсив Ф.М. Толстого – Е.П.] свою мысль лучше, чем самый даровитый неуч. Не подлежит сомнению, что рутина и застой вредны для искусства, но открывать новые для него стези может только композитор, изучивший основательно произведения образцовых писателей, иначе выйдет только нечто в роде какафонических пьес г. Мусоргского»⁶¹⁰. Единственным представителем «кучкистов», для которого Толстой, как и Ларош, делал исключение, был Римский-Корсаков, в творчестве которого он время от времени находил «поэтические музыкальные картины», как, к примеру, в пьесе «Садко», составившей впоследствии основу одноименной оперы⁶¹¹.

«Новой русской музыкальной школе» авторы «Московских ведомостей» противопоставляли деятельность Русского музыкального общества, Петербургской и Московской консерваторий, педагогическую деятельность выдающегося российского преподавателя музыки и директора столичной консерватории Н.И. Зарембы, творчество композитора, дирижера и блестящего виртуоза-исполнителя А.Г. Рубинштейна, которого называли одним из самых выдающихся музыкантов современности и в музыке которого видели «капитальное значение» для русского музыкального искусства, ценя ее за «мелодичность, гармоническую чистоту, научную разработку музыкальных мыслей и оформленность»⁶¹². Как о выдающемся событии в мире искусства

---

⁶¹⁰ Ростислав <Толстой Ф.М.> Петербургские письма (о музыке и театре) // МВ. 9.06.1875. №144.

⁶¹¹ Ростислав <Толстой Ф.М.> Петербургские письма (о музыке и театре) // МВ. 1.04.1875. №83.

⁶¹² Ростислав <Толстой Ф.М.> Петербургские письма (о музыке и театре). Письмо I // МВ. 21.01.1875. №19.

газета писала об «Исторических концертах» Рубинштейна зимой 1885-1886 гг., когда за один сезон в Москве и Петербурге знаменитый музыкант с огромным успехом наизусть переиграл сотни лучших фортепианных произведений композиторов XVI, XVII, XVIII и XIX столетий, вызвав восхищение и признание соотечественников. В некоторых российских изданиях успех Рубинштейна был воспринят с изрядной долей иронии, звучали даже намеки на корыстные намерения музыканта и его стремление «заработать» на интересе слушателей к историческому наследию. Так, фельетонист «Русских ведомостей» И.Ф. Василевский, печатавшийся под псевдонимом «Буква», недвусмысленно дал понять, что концерты стали для знаменитого музыканта лишь средством быстрого заработка, *музыкальным предприятием*, затеянным по образцу чисто американских предприятий и по принципу «время – деньги». «План исторических концертов задуман по правилам стратегического плана: стремительность и натиск лежат в его основе, - с иронией писал фельетонист петербургской газеты. - Он оригинален и остроумен. Четыре века в четыре недели и приподнятая контрибуция с обеих столиц за чисто *фельдъегерское* житье в вагоне. Так много еще неутомимости и молодости в великом пианисте»⁶¹³. Более того, будучи одновременно еще и редактором юмористического еженедельника «Стрекоза», Василевский на обложке его пятого номера за 1886 г. разместил оскорбительную карикатуру на Рубинштейна, на которой гениальный пианист был изображен буквально разрывающимся между двумя российскими столицами: в концертном фраке, с развевающимися волосами, он восседал верхом на паровозе, судорожно колотя неестественно длинными руками и ногами по находящимся по обе стороны железнодорожных путей роялям, один из которых установлен в Москве, а другой – в Санкт-Петербурге. «Московские ведомости», напротив, поддерживали музыканта, которого называли «если не единственным, то наиболее деятельным носителем воззрений на искусство, установившихся

---

⁶¹³ Буква <Василевский И.Ф.> Петербургские наброски // Русские ведомости. 15.01.1886. №15.

между великими музыкантами прошедшего и начала нынешнего столетия», «наиболее компетентным посредником между великою эпохою и современным поколением»⁶¹⁴. В ответ на попытку Василевского представить проект выдающегося пианиста и популяризатора классической музыки как всего лишь как «ловкую аферу на американский лад с целью быстро заработать деньги» музыкальный обозреватель «Московских ведомостей» С.В. Флеров остроумно сравнил своего петербургского коллегу с персонажем древнегреческих мифов – всеми презираемым крикуном Терситом⁶¹⁵, уличив его не только в эстетическом и литературном цинизме, но и в пренебрежении фактами, в неточностях и элементарных ошибках: «Петербургский борзописец не дает себе даже труда справиться о том, сколько времени в действительности займут исторические концерты А.Г. Рубинштейна и с фельетонной развязностью говорит про четыре недели, тогда как этих недель будет семь, - ехидно писал автор «Московских ведомостей». - Он ни одним словом не упоминает про то, что знаменитый пианист безвозмездно повторяет каждый свой концерт для учащихся и учащихся, сам платя за наем помещения для этих даровитых повторений. Какое дело фельетонисту до этого? Ему важно было лишь упомянуть о контрибуции» и т.д. Отдавая дань уважения выдающемуся исполнителю, автор «Московских ведомостей» назвал его «Исторические концерты» «художественным подвигом, одиноко и беспримерно стоящим в истории искусства»⁶¹⁶.

Обсуждение и горячие споры в печати вокруг творчества «Могучей кучки» и новаторских тенденций в русской музыке отразили рост интереса русского образованного общества к национальному музыкальному искусству, к тенденциям и перспективам его развития в пореформенный период.

---

⁶¹⁴ Н.Г. Исторические концерты А.Г. Рубинштейна // МВ. 13.01.1886. №13.

⁶¹⁵ Терсит (Ферсит, др.-греч. Θερσίτης «дерзкий») - персонаж древнегреческой мифологии. Согласно Гомеру, самый уродливый, злоречивый и дерзкий из греков, бывших под Троей, неутомимый крикун, которого Одиссей при всеобщем одобрении ударил жезлом за оскорбление, нанесённое на словах Агамемнону.

⁶¹⁶ IGNOTUS <Флеров С.В.>. Искусство и фельетон // МВ. 18.01.1886. №18.

Широкий общественный резонанс этой полемики свидетельствовал о возросшем уровне отечественной музыкальной культуры и музыкальных вкусов русской публики, ее заинтересованности в судьбах русской музыки. Дискуссии по вопросам эстетики в то же время служили зеркалом дискуссий политических, своего рода барометром политических настроений российской интеллигенции и демонстрировали усиливающееся размежевание по политическому признаку как русского образованного общества в целом, так и российской печати в частности.

Авторы «Русского вестника» и «Московских ведомостей» искренне отстаивали принцип преемственности в отечественном музыкальном искусстве, указывали на непозволительность отказа от его исторических основ и традиций, заявляли о необходимости вдумчивого и уважительного отношения к опыту прошлого. Они справедливо указывали на крайности музыкальных воззрений «кучкистов»: фанатическую боязнь «банального» и нередко ничем не обоснованную «погоню за оригинальностью», демонстративный отказ от авторитетов и пренебрежение к традиционным музыкальным вкусам. Их критика присущего «кучкистам» пренебрежительного отношения к классическому наследию, к консерваторскому образованию, к историческим основам преподавания музыки, была вполне обоснованной. В заслугу консервативным публицистам можно поставить пропаганду классической музыки, в первую очередь, творчества М.И. Глинки и П.И. Чайковского, просветительской деятельности композитора и музыканта А.Г. Рубинштейна, попытки защитить свободу художника от социальных и политических установок. Опора на классическое наследие позволяла Г.А. Ларошу, Ф.М. Толстому, С.В. Флерову и др. глубоко проникать в смысл произведений искусства, уделять больше внимания заключенному в них сокровенному замыслу авторов. Безусловно, в своих выступлениях они не смогли избежать субъективности и пристрастности, а зачастую и предвзятого отношения к представителям «новой русской музыкальной школы», но вместе с тем их нельзя упрекнуть в косности и

догматической приверженности к классике, в отрицании всего нового, что несла в себе музыка композиторов «Могучей кучки». Их идейно-эстетическая позиция объяснялась отнюдь не узостью взглядов и ограниченностью музыкального кругозора, не рутинностью и инертностью их мышления, а абсолютно искренним стремлением защитить классическое музыкальное наследие, продемонстрировать его жизнеспособность и современность. Полемика в прессе 1860-1880-х гг. вокруг новаторских тенденций современной музыки и участие в ней консервативной печати, с ее глубоко уважительным отношением к классике и критическим подходом к творческим исканиям композиторов Балакиревского кружка, позволила выявить крайности, присущие воззрениям «кучкистов» на искусство, сильные и слабые стороны их творческой практики.

Выводы по третьей главе

Содержание литературы и искусства в последнюю треть XIX в. активно переосмысливалось в контексте национального дискурса, с позиций формировавшейся концепции национального искусства. В данном процессе была заинтересована как власть в лице ее самых высших представителей, так и интеллигенция, вследствие чего новаторские тенденции в культуре, литературе и искусстве становились предметом оживленных дискуссий в печати. В беллетристических отделах отечественных «толстых» еженедельников, в литературной и художественной критике 1860-1880-х гг. наглядно отразилась идейная борьба различных политических группировок российского общества.

Эстетическая платформа изданий Каткова представляла собой продолжение их консервативной политической концепции. Продолжая исполнять в «Русском вестнике» обязанности литературного редактора, Катков осуществлял жесткий отбор беллетристических текстов, предъявляя к ним одновременно как идейно-политические требования, так и настаивая на

их высоком художественном уровне и на соответствии жизненной правде. Подобная взыскательность Каткова, его достаточно жесткий подход к художественному и идейному уровню публикуемой беллетристики способствовало соответствию содержания изящной словесности «Русского вестника» характеру материалов публицистического отдела, что, в итоге, обеспечивало единство направления и идейную целостность издания.

Политический консерватизм «Московских ведомостей» и «Русского вестника», установка на традиционализм, свойственный этим изданиям, их настороженное отношение к любым попыткам внести изменения в существующий миропорядок – все это отчетливо проявлялись и в их эстетической программе. В свете резкого размежевания с либеральными и демократическими изданиями в 1870-1880-е гг. идеям «нового», тенденциозного, демократического искусства в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» противопоставлялось классическое искусство, основу которого составляли универсальные, т.е. вневременные и непреходящие ценности: любовь, уважение к традициям, приоритет морально-нравственного начала, религия как духовный стержень личности и т.п. Духовные традиции позиционировались как основа русского национального уклада, как фундамент стабильности общества и государства. В усилении нигилистических настроений в среде образованной интеллигенции и распространении социалистических учений авторы катковских изданий видели нравственный кризис общества, результат утраты преемственности в сфере духовных интересов, пренебрежения традициями классического искусства, преобладания утилитарного, сугубо прагматического подхода в оценке произведений искусства и литературы.

Дальнейшее развитие национального искусства и литературы в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» связывалось исключительно с искусством «положительным», т.е. способствующим формированию положительных идеалов, при этом носителями этих идеалов выступали прежде всего представители образованного дворянского сословия.

«Отрицательной» эстетической концепции «Отечественных записок» и «Дела» в них противопоставлялась проза и поэзия дворянских литераторов, на примере которой доказывалось, что «можно иметь душу, открытую народности, не родившись в крестьянской избе и не бегая за мужиком с записной книжкой»⁶¹⁷. «Положительным героем» беллетристики «Русского вестника» часто становился «средний человек», дворянин по происхождению, или же купец, или зажиточный крестьянин, посвятивший свою жизнь честному и благородному труду, исполненный чувства долга и ответственности, истинный труженик, на практике реализующий основные положения теории «умеренного» общественного прогресса. Напротив, носители революционно-демократических идеалов в целом ряде произведений Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского Н.С. Лескова В.П. Ключникова, Б.М. Маркевича, В.В. Крестовского, В.Г. Авсеенко, Н.А. Чаева изображались в откровенно негативном, зачастую даже карикатурном виде, подчеркивалась чужеродность революционных идей русскому национальному укладу.

В ответ на требования «современной литературы» и «современных героев», звучавшие из либерального и демократического лагеря, авторы катковских изданий – Ф.И. Буслаев, В.Г. Авсеенко, П.К. Щебальский и др., предлагали установить для литературных произведений обязательный, нравственный критерий, который не зависел бы от господствующих сиюминутных веяний, но основывался бы на вневременных абсолютных, глубоко нравственных началах, на уважении к религии и национальным традициям и устоям. Аналогичные требования предъявлялись Г.А. Ларошем, Ф.М. Толстым, С.В. Флеровым и другими авторами катковских изданий к изобразительному и музыкальному искусству, что ярко проявилось в оценке творчества композиторов «Могучей кучки» и художников-передвижников.

---

⁶¹⁷ Щебальский П.К. Искусство, религия, народность. По поводу сочинений графа А.К. Толстого // РВ. 1883. Кн.3. С.376.

ГЛАВА IV. РЕЛИГИОЗНАЯ ИЛИ НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА: ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ЗНАНИЯ НА СТРАНИЦАХ ИЗДАНИЙ М.Н. КАТКОВА

Интенсивное развитие промышленности, сельского хозяйства, железнодорожного строительства в России второй половины XIX в., значительные достижения русских ученых в различных областях научных знаний, активизация русской разночинской интеллигенции – все эти факторы обусловили усиление интереса широкой аудитории к естественным наукам. В периодике 1860-1880-х гг. материалы научной тематики занимали постоянное место, в научных отделах газет и журналов сотрудничали крупнейшие ученые, освещались самые разнообразные научные проблемы, от опытов с электричеством до спиритических сеансов. В развитии науки стали видеть залог успешного реформирования страны, возможность сближения всех сословий общества в интересах прогресса и достижения общей пользы.

Но эти же годы вошли в историю России как время серьезного духовного кризиса общества, причиной которого стали все явственнее обнаруживающиеся противоречия между наукой и религией, между материалистическим и идеалистическим мировоззрением. Если наука тяготела к исследованию законов материального мира, существующего вне человека и независимого от него, то для религии была характерна ориентация на вневременные ценности, внимание к морально-этическим нормам, духовному миру человека, понимание свободы воли как осознанной необходимости и т.п., вследствие чего рационалистичность и независимость научного мышления, стремление представителей научного сообщества к познанию мира с трудом совмещались с религиозными догматами и верой в Бога. Церковь не торопилась признавать новейшие достижения науки, а наука, в свою очередь, воспринимала любые религиозные представления – как нечто ей совершенно чуждое, видела в церкви оплот косности и тормоз на пути прогресса. Распространение философии позитивизма в последней трети XIX

в. еще более усугубило противостояние науки и религии, особенно в связи с публикация в 1860 г. в «Современнике» статьи Н.Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии», в которой главный идеолог русского социализма на основе учения Л. Фейербаха формулировал собственную концепцию «разумного эгоизма», согласно которой человеком движут стремление к собственной выгоде и расчет, и одновременно требовал отказаться от ряда христианских ценностей, в частности, отвергал идею свободы воли.

По выражению Н.А. Бердяева, 1860-1870-е гг. в России можно охарактеризовать как «позитивистическое мракобесие»: «Аскетическое воздержание от философских исканий, от мысли над конечными проблемами бытия считается чуть ли не признаком общественной порядочности. Право философского творчества было отвергнуто в высшем судилище общественного утилитаризма»⁶¹⁸. Под влиянием Н.Г. Чернышевского и его последователей значительная часть русской разночинской интеллигенции составила, по выражению современного исследователя русской философии В.А. Фатеева, «особое сообщество «демократически», или, точнее, нигилистически, антигосударственно настроенных людей западнического толка, своего рода духовный «орден» с определенным комплексом идеологических принципов, ставящий своей целью достижение идеалов «свободы, равенства и братства»⁶¹⁹. Для многих представителей русского образованного общества стало характерно безверие и сугубо прагматическое отношение к сфере нравственности и религии, исчезала потребность искать ответы на свои духовные запросы в церкви. Идеи преемственности, наследия, верности прошлому, традиционному социальному укладу уступали место западноевропейским социалистическим и нигилистическим учениям, широкое распространение которых, заметное особенно ощутимо в рядах

---

⁶¹⁸ Бердяев Н. А. *Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные.* М.: Канон+; Реабилитация, 2002. С.315.

⁶¹⁹ Фатеев В.А. *Борьба В.В. Розанова за репутацию и наследие «литературных изгнанников» // Христианское чтение.* 2015. С.167.

столичной студенческой молодежи, формировало искаженные представления о нравственности, справедливости, честности, общественном долге и т.д.

Материалистическое понимание мира и безотчетная вера в науку заменили веру в бога, этические понятия подменялись принципами пользы, культурные ценности – ценностями утилитарно-политическими, религиозные ценности, которые всегда были основой фундаментальных общественных ценностей, перестали восприниматься как нечто основополагающее, снижался авторитет православной церкви, обесценивался ее вклад в решение общественно значимых проблем, а православие стало рассматриваться как один из идеологических символов самодержавия⁶²⁰.

Воспитанный на классической немецкой философии, ученик Ф. Шеллинга и сторонник идеологии Просвещения, в подлиннике изучавший труды Г. Гегеля и других немецких философов, Катков не мог принять упрощенные трактовки вульгарного материализма Л. Бюхнера, К. Фохта и Я. Молешотта и их русских последователей, согласиться с их попытками перестроить науки нравственного мира по образцу наук о природе. Выступая за свободу и «соревновательность» философской мысли, он полагал важным и необходимым ведение в печати дискуссий по вопросам философского характера, полагая, что, «каково бы ни было направление мысли, но если в ней есть жизнь, если она точно мысль, а не фальшивое подобие ее, то она всегда плодотворна и всегда оставляет добрые последствия»⁶²¹.

4.1. Проблема познания мира и человека в публикациях журнала «Русский вестник»

Либерализация общественного мнения в первые годы правления Александра II благоприятствовала возникновению полемических споров

---

⁶²⁰ Римский С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ. М.: Общество любителей церковной истории, 1999. 567 с.; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М.: Terra, 1997.

⁶²¹ Б.п. <Катков М.Н.> Старые боги и новые боги // РВ. 1861. Кн.2. С.897.

между сторонниками материалистической и идеалистической философии о предмете познания и роли духовного начала в жизни человека. На фоне усиливающейся радикализации социально-политических взглядов значительной части образованного российского общества, распространения нигилистических представлений об общем миропорядке издания Каткова оставались одними из немногих авторитетных органов светской отечественной периодики, которые в пореформенное время систематически обращались к философской проблематике, защищая приоритет духовных начал над материальными.

Полемика «Русского вестника» с антропологической теорией Н.Г. Чернышевского, М.А. Антоновича и других его последователей положила начало дискуссия, развернувшаяся после публикации в «Современнике» в 1860 г. уже упоминавшейся статьи Чернышевского и появления в «Трудах Киевской духовной академии» статьи профессора-богослова П.Д. Юркевича «Из науки о человеческом духе», ставшей ответом на выступление лидера некрасовского журнала. Ученый подверг критике учение Чернышевского о «всецелой материальности человеческого существа» и, как истинный ученый, провел разницу между естествознанием как наукой и материализмом, заявив, что «между современным естествознанием и материализмом существует это глубокое различие, что естествознание изъясняет человеческий организм из материальных оснований, а материализм из этих оснований изъясняет все существо, всего человека»⁶²². Как справедливо отмечают И.Б. Гаврилов и С.В. Антонов, «критический труд безвестного киевского академического философа, опубликованный в малочитаемом богословском журнале, скорее всего, остался бы незамеченным широкой образованной аудиторией, если бы в дело не вмешался видный консервативный публицист и издатель Михаил Никифорович Катков», открыв для широкой публики статью и ее автора⁶²³.

---

⁶²² Б.п. <Юркевич П.Д.> Из науки о человеческом духе П. Юркевича. Труды Киевской духовной академии. Кн.4. 1860. С.90-91.

⁶²³ Гаврилов И.Б. Памфил Данилович Юркевич: защита философии и полемика с нигилизмом // Христианское чтение. 2019. №6. С.183.

Перепечатка статьи Юркевича в «Русском вестнике» в апреле-мае 1861 г. послужила поводом к полемике, в которой Каткову удалось убедительно доказать недопустимость утилитарного подхода к философии, вред и ложность распространенной в нигилистической среде крайней нетерпимости и «слепого культа» и показать разницу между «слепым поклонением и сознательным, свободным признанием»⁶²⁴. В 1862 г. в «Русском вестнике» был опубликован фундаментальный труд Юркевича «Язык физиологов и психологов», в котором, продолжая спор с Чернышевским, мыслитель показал, что «вопросы о душе, ее изменениях, состояниях, а также об отношении душевных явлений к физической составляющей человека, различным частям организма и т.д. тесно связаны не только с проблемами физиологии, но и с социальной организацией, а следовательно, и с духовной составляющей человеческого общества (наукой, искусством, религией)»⁶²⁵. Критикуя Чернышевского за пренебрежение духовным началом человека и примитивный подход к анализу искусства и других духовных сфер человеческой жизни, Юркевич указывал на недопустимость отождествления физиологии и психологии и предлагал выделить психологию как отдельную науку о внутреннем чувстве.

Продолжением дискуссии стала публикация статьи «Успехи психологической методы в Англии со времен Бекона и Локка» (1867) профессора Московского университета и основателя Московского психологического общества М.М. Троицкого, который доказывал первенство психического начала (в плане познания) перед реальностью, при условности трактовки сущности того и другого, и высказал мысль о невозможности материалистического и, в конечном итоге, физиологического объяснения психических явлений. Бурные споры вызвала публикация в «Русском вестнике» труда профессора Варшавского университета Г.Е. Струве

---

⁶²⁴ Б.п. <Катков М.Н.> По поводу «Полемических красот» в «Современнике» // РВ. 1861. Июнь. С.138-158.

⁶²⁵ Шарова М.А. К определению предмета теоретической психологии в философии П.Д. Юркевича // Гуманитарий Юга России. 2017. Т.6. №5. С.113.

«Самостоятельное начало душевных явлений. Психофизиологическое исследование» (1870), в котором нашли продолжение идеи Юркевича о необходимости самостоятельного изучения психических явлений и о самостоятельном значении психологии как науки о душе. Ученый утверждал, что физиология не в состоянии заменить собой психологию, и душевные явления имеют свою собственную, независимую от физиологических явлений, природу. Исключительно добросовестно, даже с излишней педантичностью, подтверждая каждое свое утверждение ссылками на проведенные им исследования или другие авторитетные научные источники, Струве на основе большого количества анатомических, физиологических и патологических данных делал вывод, что «отрицательная теория материализма касательно существования души не имеет никаких действительно *научных* оснований», а, напротив, эмпирические данные доказывают «существование самостоятельного начала душевных явлений, т.е. души», подчеркивая, что нет ни одного физиологического факта, который бы доказывал отсутствие души, тогда как «основательное исследование таких важных психических явлений, как сознание, мышление, действие чувств и фантазии, свободная воля и т.д. ... приводит к научному убеждению, что для объяснения всех этих явлений необходимо требуется принятие *самостоятельного начала* психической жизни, или, что то же, существования *души*» [курсив Г.Е. Струве – Е.П.]⁶²⁶. Отнюдь не отвергая физиологию как науку, ученый заявлял, что «психология и физиология суть главные части великой науки, предмет которой есть исследование человека и разнородных явлений его жизни», и утверждал, что разница между ними «обнаруживается прежде всего в том, что психические явления соединяются с сознанием своих процессов, состояний и действий, и кроме того заключают в себе возможность свободы и произвола»⁶²⁷. Исследование Струве и диссертация, защищенная им в Московском

---

⁶²⁶ Струве Г.Е. Самостоятельное начало душевных явлений. Психофизиологическое исследование // РВ. 1870. Кн.2. С.513.

⁶²⁷ Струве Г.Е. Физиология Людвига с психологической точки зрения (прибавление к статье «Самостоятельное начало душевных явлений») // РВ. 1870. Кн.3. С.356-357.

университете, стали предметом ожесточенных споров и дискуссий, причем позиция критика была оспорена как материалистами, так и спиритуалистами. Почти одновременно против него выступили богослов Н.П. Аксаков и зоолог С.А. Усов, один из самых активных сторонников и популяризаторов учения Ч. Дарвина в России, которые обвинили его в незнании материалистической литературы по теме исследования и едва ли не в плагиате. Катков поддержал молодого ученого, предоставив ему возможность выступить с ответом на страницах своих изданий: в «Московских ведомостях» был опубликован подробный отчет о диспуте, состоявшемся в Московском университете во время защиты диссертации Струве⁶²⁸, а в «Русском вестнике» был размещен обстоятельный и подробный ответ философа своим оппонентам⁶²⁹. В защиту своего ученика на страницах журнала выступил и сам Юркевич, который в статье «Игра подспудных сил по поводу диспута профессора Струве» (1870) продемонстрировал философскую односторонность и тенденциозность оценок Усова и Аксакова. В последующие годы Струве еще не раз публиковал в «Русском вестнике» свои философские изыскания, в которых, позиционируя философию как важнейшую социальную науку, доказывал, что ее изучение служит образованию общего мировоззрения и позволяет сформировать самостоятельное мышление, подчеркивая, что «только единство всех наук, особенно же философии и специальных наук, их взаимное пополнение и вспомоществление составляют необходимое условие истинного прогресса человеческого познания»⁶³⁰.

Существенную поддержку в катковских изданиях получил еще один ученик Юркевича - В.С. Соловьев, когда защищенная им в 1874 г. магистерская диссертация «Кризис западной философии» подверглась

---

⁶²⁸ МВ. 9.05.1870. №99.

⁶²⁹ Струве Г.Е. Взгляд на материалы, необходимые для разработки вопроса о самостоятельном начале душевных явлений. Ответ С. Усову и И. Аксакову // РВ. 1870. Кн.6. С.724-808.

⁶³⁰ Струве Г.Е. Отличительные черты философии и их значение в сравнении с другими науками // РВ. 1872. Кн.12. С.669.

суровой критике сторонников позитивизма. «Московские ведомости» ответили на критику несколькими заметками, в которых отмечалось, что диссертация «написана умно, основательно, со знанием дела»⁶³¹, а взгляды молодого ученого, которому едва исполнилось 21 год, «принадлежат к действительно высокой области философской мысли; на них лежит печать сродства с благороднейшими стремлениями человеческого ума и сердца»⁶³². В «Русском вестнике» Соловьеву была предоставлена возможность ответить на критику позитивиста В.В. Лесевича в «Отечественных записках»⁶³³, и возражения К.Д. Кавелина в брошюре «Априорная философия или положительная наука?»⁶³⁴ В течение 1877-1880 гг. в журнале был опубликован полный текст докторской диссертации Соловьева «Критика отвлеченных начал», защита которой в апреле 1880 г. стала, по выражению А.А. Киреева, «Vendepunkt»ом [переломным моментом – Е.П.] в нашей философской жизни». «Происходила борьба между двумя направлениями; в лице Соловьева выступил на сцену идеализм, выступил честно, смело, открыто; его очевидно собирались «съесть», «смешать с грязью», - писал Киреев Каткову⁶³⁵. Соловьев исходил из убеждения, что объяснить познание из него самого невозможно, критиковал рационалистические подходы к пониманию познания, согласно которым предмет познания сводился к данным чувственного опыта (ощущениям или явлениям), и настаивал, что предметом познания должно быть не явление само по себе, а «нечто такое, что лежит за явлением, будучи основой его существования, и позволяет осмысливать явления в их необходимости». Одним из важнейших компонентов познания Соловьев считал веру, которая, по его представлениям, «открывает безусловное существование познаваемого, не выводимое ни из ощущений, ни

---

⁶³¹ М.П. Заметка // МВ. 6.12.1874. №306.

⁶³² Н.С. Еще о диспуте Вл. С. Соловьева // МВ. 9.12.1874. №308.

⁶³³ Соловьев Влад. Страшное недоразумение. Ответ г. Лесевичу // РВ. 1875. Кн.2. С.874-903.

⁶³⁴ Соловьев В. О действительности внешнего мира и основании метафизического познания. Ответ К.Д. Кавелину // РВ. 1875. Кн.6. С.696-707.

⁶³⁵ Киреев А.А. Письмо М.Н. Каткову. 15 апреля. Б.г. // ОР РГБ. Ф.120. К.23. Л.11.

из понятий». Но для воплощения веры в знание, для преобразования всей неопределенной множественности частных, разрозненных чувств и впечатлений в рациональные формы как органическую часть мира, в котором живет человек, по мысли философа, необходим акт творчества, позволяющий объединить веру и идею воспринимаемого нами предмета в единое знание о предмете. Дневниковые записи А.А. Киреева, свидетельствуют, что основные идеи диссертации Соловьева очень занимали Каткова, который много беседовал с молодым философом о Христе, о Логосе и т.п.⁶³⁶ По свидетельству самого Соловьева, Катков «очень внимательно читал и даже посоветовал (очень обоснованно) отказаться от публикации одной из глав, в которой излишне подробно излагался утопический идеал общества»⁶³⁷. Столь исключительный интерес, проявленный Катковым к философским трудам Соловьева свидетельствует не только о явной симпатии журналиста к молодому ученому, его искреннем интересе к предмету исследования, которому он сам посвятил годы своей молодости.

О недопустимости игнорирования философских категорий в процессе познания писал еще один постоянный автор «Русского вестника» - философ-идеалист А.Ц. Стадлин, в статьях которого утверждалось, что «философия и опытные науки суть две равно необходимые и каждая в своей сфере равно законные проявления одного и того же начала, стремления человеческого ума к истине, к познанию»⁶³⁸ и осуждался сугубо материалистический подход, характерный для представителей современной естественно-научной школы, в частности, критиковались «Психологические этюды» И.М. Сеченова, философские взгляды философа-позитивиста Г.Д. Льюиса, подчеркивалась ошибочность стремления позитивистов видеть в философии лишь историю заблуждений, доказывающую невозможность иного пути познания, кроме позитивизма. Оригинальный, хотя и не бесспорный взгляд был представлен в

---

⁶³⁶ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.7. Л.105.

⁶³⁷ Соловьев В.С. Несколько личных воспоминаний о Каткове // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М.: Изд-во Правда, 1989. Т.2. С.630.

⁶³⁸ Стадлин А.Ц. Беседы о философии и науке // РВ. 1876. Кн.3. С.208-209.

исследовании философа-идеалиста П.Е. Астафьева «Психический мир женщины, его особенности, превосходства и недостатки» (1881-1882), поводом к написанию которого стала полемика вокруг «женского вопроса» в отечественной прессе 1880-х гг. Астафьев одним из первых коснулся проблемы психологии пола и особенностей женской психологии, ввел понятие «психический ритм», подразумевая под этим большую или меньшую быстроту смены психических состояний и действий, и на этом основании пытался объяснить особенности женской психологии. Показательно, что философские категории в данной работе сочетались с политическими: ученый явно отдавал предпочтение «женственности» как исконному и основному качеству женской души, в котором видел «залог конечной победы над пессимизмом и всяким нигилизмом»⁶³⁹.

Особняком в ряду вышеперечисленных работ стоит исследование известного психиатра, доктора медицины В.Ф. Чиж «Достоевский как психопатолог» (1884), которое представляло собой абсолютно новый в отечественной публицистике жанр литературно-психиатрического очерка. Автор попытался проанализировать изображенные в творчестве писателя болезненные душевные явления с точки зрения сугубо научных методов профессиональной психиатрии и выявить, насколько эти описания «согласны с установленными данными современной психопатологии». В целях чистоты и объективности исследования Чиж рассматривал произведения Достоевского не как литературное творчество, а как непосредственное описание бывших в действительности фактов и явлений, переходя от одного литературного героя к другому на основании принципов, принятых в учебниках психиатрии: от элементарных явлений - к более сложным. Подробно проанализировав поведение тех героев Достоевского, которых он, как психиатр-профессионал, причислял к разряду душевнобольных: Голядкина, Прохарчина, Раскольников, Свидригайлова, Мармеладова, Мышкина, Иволгина,

---

⁶³⁹ Арефьев П.Е. Психический мир женщины, его особенности, превосходства и недостатки // РВ. 1882. №10. С.643-644.

Лебядкина, Дмитрия, Ивана и Алексея Карамазовых, Смердякова и др. – Чиж делал вывод, что собрание сочинений писателя представляет «почти полную психопатологию» «не только по количеству сделанных им наблюдений, но и по верности и точности описания, достойных лучшего естествоиспытателя, и наконец по глубине понимания предмета, возбуждающей изумление»⁶⁴⁰. Важно, что при этом Чиж отнюдь не отвергал законы художественного творчества и высокого нравственного значения произведений Достоевского, признавая, что вне этого романы писателя были бы «только популяризацией науки», а свою задачу скромно ограничивал лишь тем, что «во многих отношениях точные методы изучения психиатров позволяют нам более научно исследовать и объяснять материал, даваемый художниками»⁶⁴¹. Следует отметить, что оригинальное исследование доктора В.Ф. Чижа не утратило своего значения и сегодня, а в 1880-е гг. позволило дополнить классические оценки литературного наследия Достоевского и дало толчок к изучению творчества писателей-классиков представителями естественных наук – докторами Я.Ф. Капланом, М.О. Шайкевичем и др.

Широкими взглядами Каткова-философа на процессы познания и его интересом к явлениям, противоположным физиологическим проявлениям человеческого бытия, можно объяснить активное участие «Русского вестника» и «Московских ведомостей» в 1870-е гг. в дискуссии о медиумических явлениях и спиритизме, в которой приняли участие такие известные ученые, как С.А. Рачинский, Н.П. Вагнер, А.М. Бутлеров, А.С. Шкляревский. В 1860-1880-е гг. спиритизм был не только модным увлечением в светских гостиных и салонах, но являлся предметом пристального внимания ученых, художников, писателей, а как малоизученная область науки о человеческом духе в 1870-е гг. стал предметом серьезных исследований. Так, по инициативе А.М. Бутлерова в Петербурге в 1871 г. была образована комиссия для исследования медиумических явлений, в 1875 г. по инициативе Д.И.

---

⁶⁴⁰ Чиж В.Ф. Достоевский как психопатолог // РВ. 1884. Кн.5. С.275.

⁶⁴¹ Чиж В.Ф. Достоевский как психопатолог... С.273.

Менделеева с той же целью была создана еще одна комиссия, и хотя ею спиритизм был признан антинаучным явлением, это не смогли разубедить его защитников, рассматривавших его как одно из самых интересных, но пока не доступных современной науке явлений. Начало дискуссии было положено «Вестником Европы», опубликовавшем в апреле 1875 г. письмо известного зоолога, профессора Петербургского университета Н.П. Вагнера «По поводу спиритизма», с описанием спиритических сеансов известного магнетизера и спирита Даниэля Юма. «Русский вестник» первым откликнулся на эту публикацию, опубликовав статью профессора С.А. Рачинского «По поводу спиритических сообщений г. Вагнера», в которой автор высказал сомнения в научной природе медиумических явлений и указал на вероятность крайне вредных для нервной системы последствий участия в медиумических сеансах. Рачинский характеризовал спиритизм как «суррогат религии», и предупреждал об опасности надвигающегося на Европу «религиозного кризиса»⁶⁴². Но вскоре в поддержку медиумизма в «Русском вестнике» выступили сам Н.П. Вагнер, опубликовавший в октябре 1875 г. статью «Медиумизм», а вслед за ним и А.М. Бутлеров, который в статье «Медиумические явления» описал свой собственный «мистический» опыт и выразил полное убеждение в «объективном и реальном существовании медиумических явлений»⁶⁴³. В начале 1876 г. в журнале одновременно были напечатаны статьи «Медиумизм и философия. Воспоминания о профессоре Московского университета Юркевиче» А.Н. Аксакова - одного из самых активных сторонников спиритизма, и «Критики того берега» А.С. Шкляревского – яркого противника медиумизма, требовавшего доказательств подлинности спиритических явлений. Затем полемика была перенесена на страницы «Московских ведомостей»⁶⁴⁴, но вскоре вновь вернулась на

---

⁶⁴² Рачинский С. По поводу спиритических сочинений г. Вагнера // РВ. 1875. Кн.5. С.398-399.

⁶⁴³ Бутлеров А.М. Медиумические явления // РВ. 1875. Кн.11. С.300-348.

⁶⁴⁴ Аксаков А. Петербургская комиссия о медиумизме // МВ. 9.03.1876. №61; N.N. Несколько слов к статье о медиумизме // МВ. 10.03.1876. №62.

страницы «Русского вестника», где были напечатаны статьи Бутлерова «Четвертое измерение пространства и медиумизм» (1878) и «Эмпиризм и догматизм в области медиумизма» (1879), в которых ученый заявил, что не может не признать «крайне замечательным совпадения факта с теорией» в спиритических опытах⁶⁴⁵, и утверждал высокую степень вероятности того, что «наше сознательное духовное существование продолжается и по разрушении грубой телесной оболочки», признав таким образом существование души как нематериальной субстанции⁶⁴⁶.

Показательно, что если в рассуждениях политических и экономических Катков не допускал какого-либо «разномыслия» среди авторов своих изданий, так что современникам нередко казалось, что все материалы «написаны одной рукой», то в рамках философской дискуссии он демонстрировал широту взглядов и свободу мышления. «Главная задача журналиста в настоящее время - возбуждать вопросы и вызывать мысль на деятельность, - писал он известному законоведу А.Н. Попову, своему товарищу по Московскому университету и по слушанию лекций в Берлине. - В статье ученой я прежде всего должен смотреть, в духе ли науки поставлен вопрос; а более или менее близкое к истине решение вопроса придет само собою»⁶⁴⁷. Как представляется, к позиции издателя «Русского вестника» и «Московских ведомостей» вполне может быть применена мысль профессора Бутлерова, высказанная в заключении его фундаментального труда «Основные понятия химии»: «Верование в то, что лежит вне области научного знания, может уживаться рядом с полнейшим признанием реальных истин науки, - утверждал один из основоположников отечественной химии, - но слепое верование в непогрешимость научных теорий ведет к ненаучному, не оправдываемому ничем скептицизму и зачастую мешает видеть новые реальные истины,

---

⁶⁴⁵ Бутлеров А.М. Четвертое измерение пространства и медиумизм // РВ. 1878. Кн.2. С.970.

⁶⁴⁶ Бутлеров А.М. Эмпиризм и догматизм в области медиумизма // РВ. 1879. Кн.5. С.41.

⁶⁴⁷ Катков М.Н. Письмо А.Н. Попову. 7 марта 1857 г. // Русский архив. 1888. Кн.2. С.499.

лежащие вне области излюбленных теорий»⁶⁴⁸. В качестве одного из программных принципов изданий Каткова можно рассматривать мысль профессора Н.А. Любимова, который определял «дух естествоведения» как «дух открытия» и утверждал, что «свободное исследование, имеющее своей единственной целью открытие истины, насколько она доступна нашему уму, есть неотъемлемое право науки, которым обуславливается ее самостоятельная жизнь, ее естественный рост»⁶⁴⁹.

4.2. Популяризация естественно-научных знаний в газете «Московские ведомости» и журнале «Русский вестник»

Понимание Катковым науки как деятельности, свободной от узких ограничений и способствующей выработке объективных знаний о действительности, его убежденность в том, что процесс постижения истины бесконечен, а «вера в науку» недопустима, определяли содержание научного отдела «Московских ведомостей» и «Русского вестника». На их страницах целенаправленно и системно велась пропаганда естественно-научных знаний, внедрения научно-технического прогресса и новых технологий, необходимых для модернизации и повышения продуктивности промышленности и сельского хозяйства.

Для газеты, рассчитанной на широкий круг читателей, была характерна занимательная и доступная форма подачи информации, простой доступный язык. Стремление заинтересовать читателя сочеталось в издании с научным подходом, популярным объяснением научных фактов и явлений. Этим целям служило несколько постоянных рубрик. «Научные новости» появились в газете в 1873 г. и публиковались на протяжении 1870-1880-х гг. Их постоянным автором был И.М. Хайновский, педагог и популяризатор науки,

---

⁶⁴⁸ Бутлеров А.М. Основные понятия химии. СПб.: Издание книгоиздательства Н.Г. Мартынова, 1902. С.55-56.

⁶⁴⁹ Любимов Н.А. В чем дух естествоведения? // РВ. 1867. Кн.1. С.53.

член Московского общества испытателей природы, основатель и директор частного реального училища в Москве. Рубрика состояла из небольших по объему 8-10 заметок, писалась простым, доступным языком и знакомила читателей с самой разнообразной информацией: здесь можно было прочитать об открытиях Пастера в медицине, новых исследованиях о дифтерите, о столетнем юбилее воздухоплавания, землетрясениях и кольцах Сатурна, протоплазме и каменных дождях, гипнотических опытах и т.д. Хайновский также вел рубрику «Из области прикладных знаний», в которой рассказывал читателям о применении результатов научных открытий и экспериментов в повседневной жизни. Зачастую заметки сопровождались небольшими рисунками, как, например, информация о наблюдении над Солнцем иллюстрировалась картинкой солнечного затмения⁶⁵⁰. В 1877 г. наряду с «Научными новостями» стало появляться «Научное обозрение», содержание которого имело более строгий научный характер. Здесь, к примеру, давалось описание устройства батометра – прибора для точного измерения глубины моря и для составления топографических карт морского дна⁶⁵¹, рассказывалось о результатах английской экспедиции к Северному полюсу,⁶⁵² об изобретениях П.Н. Яблочкова⁶⁵³, о телефонной связи, наблюдениях профессора Ф.А. Бредихина над планетой Юпитером и т.п. Объемы обозрения были весьма внушительными – от трех до четырех колонок. Автор рубрики скрывался за литерой Ц, и определить его имя сегодня, к сожалению, представляется затруднительным. Однако можно предположить, что им был К.Э. Циолковский. Первая публикация, подписанная литерой К.Ц, появилась в 1876 г. Это была достаточно объемная (две с половиной колонки) статья «Солнечная теплота как двигатель», где подробно анализировался многообразный опыт применения «солнечной машины» французского изобретателя Мушо и ставилась задача поиска и изобретения новых

---

⁶⁵⁰ Хайновский И. Научные новости // МВ. 18.06.1873. №151.

⁶⁵¹ У. Научное обозрение // МВ. 1.02.1877. №29.

⁶⁵² Ц. <Циолковский К.Э.??> Научное обозрение // МВ. 17.02.1877. №41.

⁶⁵³ Ц. <Циолковский К.Э.??> Научное обозрение // МВ. 17.02.1877. №41.

источников энергии. В пользу предположения об авторстве Циолковского говорит не только совпадение инициалов, но и тот факт, что ученый в это время жил в Москве и изучал физико-математические науки по циклу средней и высшей школы, занимался точными науками с одним из основоположников русского космизма Н.Ф. Федоровым, а в дальнейшем большая часть его научных изысканий была посвящена именно освоению энергии Солнца.

В «Московских ведомостях» начинал свой путь в журналистике и известный просветитель и популяризатор науки, изобретатель, основатель и издатель научно-популярного журнала «Наука и жизнь» М.Н. Глубоковский. Именно он с 1884 г. под псевдонимом М.Г. вел рубрики «Научные известия» и «Научные новости». С 1885 г. в газете печаталась регулярная рубрика «Научная беседа», содержание которой представляло сообщения об интересных фактах из мира науки и изобретений. Материалы рубрики представляли собой не только сообщения о новинках науки и техники, но также содержали комментарии публицистического характера, авторские комментарии и оценки научных опытов и открытий. Так, к примеру, в одной из публикаций описывались опыты над обезглавленными преступниками, произведенные французским ученым Б.В. Лабордом, который пытался доказать, что мозг продолжает функционировать даже после отсечения головы. Опыты Лаборда потрясли тогдашнее общество, так как ему, казалось бы, почти удалось добиться восстановления на некоторое время нормальных мозговых функций – в отсеченных головах. Автор «Научной беседы» убедительно доказывал, что возвращение сознания имело лишь мнимый характер и убеждал читателей в безнравственности подобных опытов⁶⁵⁴.

Целям популяризации естественно-научных знаний служил появившийся в 1887 г. регулярный раздел «Из области научных и практических открытий и изобретений», содержащий небольшие заметки,

---

⁶⁵⁴ Ц. <Циолковский К.Э.?.> Научная беседа // МВ. 1.08.1885. №210.

посвященные любопытным фактам из мира живой природы: «Температура планет», «Как защищаются растения», «Светящиеся бактерии в море» и т.п.

Помимо вышеперечисленных рубрик, в газете публиковались достаточно значительные по объему (2-3 колонки) статьи, посвященные самым разным областям естественно-научных знаний, авторами которых были известные ученые и исследователи: Б.Я. Швейцер – ученый-астроном, астрометрист, географ, профессор и директор обсерватории московского университета. Ф.А. Бредихин – ученик профессора астрономии А.Н. Драшусова, директор обсерватории Московского университета, декан физико-математического факультета Московского университета, директор университетской обсерватории, создатель «московской астрофизической школы», профессор физики Московского университета А.Г. Столетов, профессор Петровской земледельческой академии К.Э. Линдеман и др.

«Московские ведомости» рассказывали читателям не только о новостях науки, но и о практической значимости научных открытий. Так, в 1880-е гг., когда в России только начиналась промышленная разработка нефтяных месторождений и появлялись первые промышленные предприятия, создавались транспортная и сбытовая нефтяные сети и т.д., «Московские ведомости» активно поддерживали научные изыскания в этой области, писали о научных опытах с нефтью, приводили большое количество расчетов, обоснования дешевизны нефти, доказывающие, что «всякая замена оставшихся лесов минеральным топливом желательна безусловно»⁶⁵⁵. Здесь печатался известный ученый-химик, профессор Московского университета, один из организаторов Русского химического общества, исследователь нефти на Кавказе В.В. Марковников, научная и практическая деятельность которого

---

⁶⁵⁵ Б.п. Нефть как топливо // МВ. 30.08.1881. №240.

содействовала развитию отечественной химической промышленности⁶⁵⁶, известный геолог и гидрогеолог В.Д. Соколов⁶⁵⁷ и др.

Заслужено «Московских ведомостей» стали публикации по проблемам народной медицины и общественной гигиены, пропаганда профилактики эпидемиологических заболеваний. Значительным вкладом в дело народной медицина стала публикация труда врача-гигиениста Н.И. Соловьева «Санитарная карта Московского военного округа и г. Москвы»⁶⁵⁸, а также его постоянная рубрика «Известия из медицинского мира». О профилактике инфекционных заболеваний и мерах борьбы с ними в газете писали известный врач-инфекционист и эпидемиолог Г.Н. Мин, начальник Московской врачебной управы доктор медицины В.М. Остроглазов⁶⁵⁹, доктор-эпидемиолог М. Богомолов и др.

Много внимания уделялось деятельности возникающих в 1860-1870-е гг. научных обществ – Русского технического общества, Петербургского общества естествоиспытателей, Русского химического общества и т.д., научным съездам, которые стали важнейшим фактором развития науки в последней трети XIX в. Газета публиковала отчеты о всероссийских научных съездах, подчеркивая важность создания объединений ученых, их значение в распространении естественно-научных знаний, в организации научных экспедиций с целью исследования территорий Дальнего Востока, Сибири, Урала, Алтая и т.п., роль в формировании взаимосвязей с зарубежными коллегами. Здесь часто размещались материалы о результатах научных экспедиций, статьи о выдающихся путешественниках и первооткрывателях:

---

⁶⁵⁶ Марковников Вл. Вывоз нефти за границу и русское нефтяное производство // МВ. 15.01.1882. №15; 21.01.1882. №21; Он же. Из экскурсии на юго-восточные окраины России // МВ. 23.02.1885. №53; 9.03.1885. №67 и др.

⁶⁵⁷ Соколов В. Нефть в Закаспийской области // МВ. 5.04.1886. №94.

⁶⁵⁸ Соловьев Н. План санитарной карты России // МВ. 31.12.1872. №331; Он же. Проект санитарной карты Москвы // МВ. 16.06.1873. №149.

⁶⁵⁹ Остроглазов В. Дифтерит в Москве за последние два с половиной года // МВ. 30.01.1880. №29; Он же. Холера в Москве в 1830 году // МВ. 21.07.1884. №200; Он же. Смертность в Москве за 1884 год // МВ. 19.11.1885. №320 и др.

знаменитом русском зоологе Н.А. Северцове⁶⁶⁰, Н.Н. Миклухо-Маклае⁶⁶¹, Д. Ливингстоне⁶⁶², Н.М. Пржевальском⁶⁶³, А. Гриле⁶⁶⁴, П.К. Пахтусове⁶⁶⁵ и др. В регулярно публикуемых обзорах российских и зарубежных торговых и промышленных выставок освещались научно-технические новости, рассказывалось о лучших образцах промышленного производства. Так, «Московские ведомости» подробно писали о Лондонской международной выставке 1874 г., Всемирной выставке в Париже 1878 г., Московской Промышленно-художественной выставке 1882 г., промышленной выставке 1884 г. в Турине, Третьей электрической выставке 1885-1886 гг. в Петербурге, Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке 1887 г. в Екатеринбурге, Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Харькове и др.

Несмотря на репутацию исключительно «русского» органа печати, «Московские ведомости» активно освещали европейский научный опыт, рассказывали читателям о передовых технологиях Европы, приветствуя любые шаги на пути технического просвещения и научного прогресса. Но при этом они неустанно призывали развивать отечественную науку и помогать российским изобретателям, подчеркивая, что не стоит гнаться за Западом, но следует предоставить возможность проявить свой талант и потенциал русским ученым и исследователям. Не замалчивая факта технической отсталости России, «Московские ведомости» освещали трудности и бюрократические проволочки, с какими приходится сталкиваться российским изобретателям, сравнивали ситуацию в России с Германией, где повсеместно были учреждены технические бюро и приобретение патентов на изобретения не было сопряжено с большими расходами, как в нашем отечестве. Отмечалось, что

---

⁶⁶⁰ Огромный баран и гриф-исполин // МВ. 8.03.1869. №52.

⁶⁶¹ Новые известия о Миклухо-Маклае // МВ. 31.05.1873. №133.

⁶⁶² Путевой дневник Негра // МВ. 10.08.1874. №199; 13.08.1874. №202; 14.08.1874. №203.

⁶⁶³ Письма Н.М. Пржевальского // МВ. 27.12.1884. №358.

⁶⁶⁴ Гибель полярной экспедиции // МВ. 15.07.1884. №194.

⁶⁶⁵ П.К. Пахтусов (Из «Правительственного вестника») // МВ. 23.10.1886. №293.

длительность и высокая стоимость получения патента в России приводит к тому, что фабриканты не рискуют покупать отечественные разработки, и русским изобретателям волей-неволей приходится обращаться на Запад⁶⁶⁶. Бывали случаи, когда публикации «Московских ведомостей» являлись откликом на конкретные просьбы ученых и изобретателей. Примером может служить письмо инженера-электрика А.А. Столповского, который, увлекшись телефонией, сумел изрядно усовершенствовать изобретенный американцем А. Беллом телефонный аппарат и в 1884 г. обратился к секретарю редакции с просьбой о «помощи и содействии»⁶⁶⁷, а именно - передать Каткову бумаги, подтверждающие успешность проведенных Телеграфным ведомством опытов с использованием его телефона. Изобретатель надеялся, что публикация в «Московских ведомостях» ускорит процесс получения им привилегии (так в дореволюционной России называлась юридическая форма патента). Его ожидания с успехом оправдались: переданные документы стали для Каткова, который в эти годы активно продвигал идею развития национальной промышленности и отечественного производства, поводом для написания передовой статьи, в которой публицист с негодованием обрушился на тех лиц во власти, которые оказывают предпочтение «худшему иностранному перед лучшим отечественным» и вопрошал о том, «когда же наконец прекратится это систематическое избиение русских людей в жертву чужеземному Молоху?»⁶⁶⁸ Не без влияния этой публикации Столповский вскоре получил патент на свое изобретение, и его телефонный аппарат долгое время применялся на российских железных дорогах.

В журнале «Русский вестник» естественно-научная тематика также была представлена полно и разнообразно, здесь публиковались статьи по вопросам химии, физики, медицины и т.п.⁶⁶⁹ Их авторами были известнейшие ученые-

---

⁶⁶⁶ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 11.09.1884. №252.

⁶⁶⁷ Столповский А.А. Письмо С.И. Соколову. 1884 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.10. Ед.хр.55.

⁶⁶⁸ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 6.09.1884. №247.

⁶⁶⁹ Среди наиболее интересных - «Цветы и насекомые» (1863) С.А. Рачинского, «Падающие звезды» (1871), «Кометы» (1872), «Периодичность солнечных пятен» (1876) Ф.А.

естественники: К.А. Тимирязев – доктор ботаники, профессор Петровской сельскохозяйственной академии, а затем Московского университета, основоположник русской и британской научных школ физиологов растений; М.Ф. Хандриков – астроном и геодезист, доктор астрономии, впоследствии – руководитель астрономической обсерватории в Киевском университете; Г.Е. Щуровский – известный геолог и популяризатор науки, возглавлявший около 50 лет кафедру геологии и минералогии Московского университета и один из основателей и первый президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; Д.Н. Абашев – химик и агроном, профессор химии Новороссийского университета, вице-президент Сельскохозяйственного общества южной России и др. Большое количество публикаций принадлежало ближайшему сотруднику изданий Каткова – профессору Московского университета Н.А. Любимову, одному из основоположников отечественной технической научной школы, автору фундаментального курса «Начальные основы физики». Постоянным автором был профессор и просветитель С.А. Рачинский, ученик первого российского эволюциониста додарвиновского периода К.Ф. Рулье, заведующий кафедрой физиологии растений в Московском университете. Автором многочисленных статей научно-познавательной тематики был известный просветитель и популяризатор естественно-научных знаний, один из выдающихся русских педагогов-физиков, крупный исследователь, член Московского общества испытателей природы и Общества любителей естествознания Я.И. Вейнберг. Особо важное практическое значение имело его сочинение «Лес и его

Бредихина, «Золотые россыпи в Сибири», «Землетрясения около Байкала» (1864) Г.Е. Щуровского, «В чем дух естествознания?» (1867), «Успехи физики. Учение о сохранении энергии в природе», «Успехи физики. Очерк трудов Фарадея в области электричества» (1868) Н.А. Любимова, «Затмение 22 февраля 1867 г.» М.Ф. Хандрикова, «Растение как источник силы» (1875) и «Жизнь растения» (1876-1877) К.А. Тимирязева, «Очерки русского лесоводства» (1868) А. Рудзкого, «Вопрос об уменьшении воды в источниках и реках» (1878), «Лес и его значение в природе» (1879), «Электрическое освещение» (1880) Я.И. Вейнберга, «Обзор сейсмических и вулканических явлений 1883 года» (1884) А.П. Орлова и др. Освещалась работа ежегодных съездов британских естествоиспытателей, Британского общества споспешествования науке и т.п.

значение в природе» (1879), удостоенное премии Академии наук. На обширном материале, обобщении имеющихся данных европейских естествоиспытателей, ученым были исследованы физические свойства живого леса, выявлено его значение в теплообмене Земли, круговороте воды, показано влияние леса на атмосферные явления, роль в природно-климатических процессах. Среди авторов журнала были видные представители научного сообщества Запады: замечательный популяризатор науки, выдающийся английский астроном и физик Джон Гершель, известный английский физик, директор Королевского института в Лондоне Джон Тиндаль и др.

Содержание многих статей «Русского вестника» выходило за рамки научно-популярной тематики. Так, в контексте освоения и сельскохозяйственного развития свободных земель Кавказа, появившихся после массовой эмиграции горцев в 1864 г. в Турцию, особый интерес приобретала статья агронома Ф.И. Гайдука «О значении для России сельскохозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря» (1881). Русское правительство стремилось привлечь на освободившиеся кавказские территории квалифицированных рабочих из числа славян, проживавших на территории Австро-Венгрии, которых к переселению вынуждало обезземеливание в ходе интенсивного развития капитализма на родине. В результате переговоров Наместника кавказского графа И.И. Воронцова-Дашкова и председателя Пражского комитета по переселению подданных Австро-Венгрии доктора права А. Пенриченко на побережье стали возникать этнические хозяйственные поселения чехов, однако процессы адаптации сопровождались рядом трудностей, особенно на первом этапе заселения. Исследования агронома Черноморского округа Ф.И. Гейдука, который, кстати, сам был чехом по национальности, в немалой мере способствовали освоению новых территорий, развитию виноградарства, виноделия, садоводства, интенсивных способов производства и т.п. В своей статье в «Русском вестнике» ученый анализировал перспективы хозяйственного развития чешских колоний на Кавказе, рассматривал

технологические и экономические условия освоения Черноморского побережья, указывал на культурно-просветительское значение чешских поселений, поднимал вопрос о важности сохранения единой общности славянских народов и общеславянского освоения «окраинных земель»⁶⁷⁰.

Важное значение для освоения кавказского побережья имела публикация известного врача С.А. Смирнова «Минеральные воды за границей и на Кавказе» (1870). Ученик знаменитого клинициста Ф.И. Иноземцева, Смирнов, назначенный в 1861 г. директором Кавказских минеральных вод, энергично взялся за переустройство курортов и поставил грандиозную по тем временам задачу – поднять отечественные курорты до уровня известных заграничных лечебных местностей, став, таким образом, основоположником отечественной бальнеологии. Им было проведено немало нововведений и преобразований в организации курортного лечения больных, в частности, организована первая на русских курортах химическая лаборатория, в которой периодически проводились сравнительные анализы воды источников кавказской группы, а затем и анализы лечебных грязей. Публикация в столь авторитетном издании, как «Русский вестник», подробно рассказывающая о свойствах минеральных вод, о том, какую общественную пользу они могут принести, что необходимо для их дальнейшего развития и благоустройства, какой доход может обеспечить государство, организовав концессию по их использованию и т.п., обеспечивала широкую заинтересованность как русских врачей и публики, так и государства в богатых природных ресурсах Кавказа.

Значительный общественный интерес имели санитарные очерки Н.И. Соловьева «Москва и Петербург в санитарном отношении» (1871)⁶⁷¹, «Источники повального распространения болезней» (1872)⁶⁷² и др., которые

---

⁶⁷⁰ Гейдук Ф.И. О значении для России сельскохозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря // РВ. 1871. Кн.3. С.5-41; Кн.4. С.381-404.

⁶⁷¹ Соловьев Н.И. Москва и Петербург в санитарном отношении // РВ. 1871. Кн.3. С.153-179.

⁶⁷² Соловьев Н.И. Источники повального распространения болезней // РВ. 1872. Кн.2. С.663-692.

фактически стали первыми публикациями на тему общественной гигиены, народного здоровья и необходимости использовать профилактические методы предупреждения заболеваний. Интерес представляет и сам жанр «санитарного очерка», сочетающий данные о санитарном состоянии крупных российских городов с популярным изложением и акцентом на общественный характер исследуемой проблемы. Показательно, что «Русский вестник» стал едва ли не первым изданием в России, который обратил внимание на проблемы наркозависимости: в статье профессора-востоковеда Петербургского университета И.Н. Березина «Блаженство мусульманина. К физиологии сумасшествия» (1867) анализировалось влияние, которое оказывает на организм человека употребление наркотических курительных смесей, приводились данные официальной статистики и т.д.

Сельским хозяевам и землевладельцам, а также всем интересующимся новыми технологиями обработки земли и новыми методами ведения хозяйства были предназначены статьи научно-практического характера И.У. Палимпсестова, М.М. Вольского, И.Н. Шатилова, К.Э. Линдемана и др.

Таким образом, состав авторов и содержание публикаций на естественно-научную тематику «Русского вестника» и «Московских ведомостей» свидетельствует о пристальном внимании изданий к успехам естествознания и точных наук, к результатам инновационной деятельности. Издания Каткова отнюдь не являлись противниками современной науки, напротив, они вели системную активную просветительскую деятельность среди читателей, их можно назвать в числе активных пропагандистов науки и популяризаторов достижений научно-технического прогресса. На их страницах постоянно проводилась мысль о необходимости поддерживать развитие естественных наук, доказывалась их важность и значимость. Содержание многих статей было значительно шире чисто естественно-научной тематики, в них затрагивались проблемы экономики, промышленности, сельского хозяйства, острые социальные вопросы, актуальные для России 1860-1880-х гг. Подобные публикации не просто

служили задачам популяризации естественно-научных знаний, но и стимулировали общественную активность, ориентировали аудиторию на решение насущных проблем, формировали инновационную культуру общества.

4.3. Религиозная проблематика в изданиях М.Н. Каткова

Наука и религия не были противопоставлены друг другу в изданиях Каткова, и научная картина мира не противоречила признанию в них религии одним из нравственных ориентиров общества. Такой подход был тем более важен, что собственно церковные издания, например, научные журналы, издававшиеся при духовно-учебных заведениях («Христианское чтение», «Православный собеседник», «Богословский вестник», «Труды Киевской Духовной Академии», «Духовная беседа» и др.), газеты «Епархиальные ведомости», начавшие выходить в 1860-е гг. почти во всех российских регионах, как правило, носили академичный, сугубо научный, отвлеченный характер, ограничивались чисто богословскими вопросами и не стремились откликаться на актуальные проблемы, стоящие перед церковью, не готовы были вести диалог с аудиторией и участвовать в дискуссиях. Появившиеся во второй половине XIX в. духовно-просветительские журналы – «Душеполезное чтение», «Православное обозрение», «Странник» и др., издание которых было начато с целью донести позицию Церкви до широкой аудитории, имели более массовый характер, однако не могли конкурировать с ведущими светскими изданиями, в которых, официальная церковь, как правило, подвергалась осуждению как один из институтов государственной власти. «По тем данным, которые представляет наша журналистика за одни только два последние года, можно смело сказать, что она дошла до невыносимой распущенности, - указывалось в отчете начальника Третьего отделения П. А. Шувалова за 1869 г. - В критических статьях отрицаются сказания библейские с целью поколебать основы православия. Среди них: «Вестник Европы», «Санкт-

Петербургские ведомости», «Голос», «Судебный вестник», «Отечественные записки», «Русский архив», «Русская старина». Другая группа изданий занимается общеою социальной и антирелигиозною пропагандой. К этой группе принадлежат: «Неделя», «Дело», «Всемирный труд», «Заря»⁶⁷³.

Напротив, в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях», церковная тематика занимала достойное место, в их публикациях деятельность церкви освещалась весьма объективно и всесторонне, демонстрировалось ее положительное значение для общества, много внимания уделялось церковным реформам и т.п.

Сам Катков был человеком глубоко и искренне верующим, свято исполняющим православные обряды. Как отмечает Г.П. Измestьева, «Москва знала Каткова набожным человеком. Его уважали как храмоздателя и старосту лицейской церкви. Было общеизвестно, что в любой час он пешком ходит на Остоженку в церковь Лицея, чтобы помолиться уединенно, а в дни престольных праздников Катковы направляются туда всей семьей»⁶⁷⁴. Среди постоянных корреспондентов и собеседников журналиста было немало авторитетных священнослужителей и иерархов православной церкви: митрополит Сербии Михаил, епископ российской духовной миссии в Японии Николай, киевский епископ Александр, архимандрит Григорий Палама, епископ Можайский Игнатий, ректор Московской духовной академии протоиерей С.К. Смирнов, протоиерей А. Ключарев и др. Одним из постоянных его корреспондентов был преосвященный Леонид, архиепископ Ярославский и Дмитровский, дружба с которым продолжалась с 1863 г. до самой смерти Леонида в 1876 г. Сохранилось несколько десятков его писем к журналисту: от кратких, написанных в начале 1860-х гг., служащих лишь вежливой припиской к отсылаемым в «Московские ведомости» проповедям - к обширным и доверительным исповедам 1870-х гг. Все они свидетельствуют

---

⁶⁷³ Цит. по: Карнишина Н.Г. Русская православная церковь в период реформ второй половины XIX века: духовенство и паства // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. №1(37). С.17-18.

⁶⁷⁴ Измestьева Г.П. Михаил Никифорович Катков // Вопросы истории. М., 2004. №4. С.89.

о большом доверии и близости взглядов авторитетного публициста и одного из самых уважаемых и образованных иерархов русской православной церкви⁶⁷⁵. Катков был активным участником церковных общественных организаций: являлся действительным членом созданного в 1865 г. по инициативе митрополита Московского Иннокентия Православного миссионерского общества⁶⁷⁶, в задачи которого входило содействие православным миссиям за рубежом, а также общая координация миссионерских усилий Церкви, почетным членом Московской духовной академии, которую он называл «родным приютом, куда отныне, среди борьбы, могу я мысленно обращаться, ища освежения и укрепления сил в минуты их упадка»⁶⁷⁷.

Искренняя вера в Бога сочеталась в Каткове с «религиозной толерантностью». Он, как свидетельствуют современники, «как философ, ничего не имел вообще против религиозных исканий»⁶⁷⁸. При обсуждении религиозных вопросов в печати Катков, как истинный просветитель-интеллектуал, воспитанный на идеях Гегеля и Шеллинга, предпочитал сохранять терпимость и умеренность, утверждая, что «религиозный интерес, если он искренен и не соединяется с фанатизмом, заслуживает уважение не только во мнении людей религиозных, хотя бы и других вероисповеданий, но и во мнении тех, кто к этому делу равнодушен»⁶⁷⁹.

Публицист не отвергал принцип веротерпимости, который понимал как «взаимно независимое существование» разных отступающих друг от друга верований⁶⁸⁰, и утверждал право каждого «посещать ту или другую церковь,

---

⁶⁷⁵ Преосвященный Леонид, епископ Дмитровский. Письма М.Н. Каткову // ОР РГБ. Ф.120. К.21.

⁶⁷⁶ Свидетельство православного миссионерского общества // ОР РГБ. Ф.120. К.56. Ед.хр.8.

⁶⁷⁷ Катков М.Ф. Письмо С.К. Смирнову. Б.д. // ОР РГБ. Ф.120. К.45. Л.61-63.

⁶⁷⁸ С.У. <Уманец С.И.> Мозаика (из старых записных книжек) // Исторический вестник. 1912. Кн.12. С.1062.

⁶⁷⁹ Ред. прим. к статье: Е. Тур <Салиас де Турнемир Е.В.> Госпожа Свечина // РВ. 1860. Апрель. Кн.1. С.362.

⁶⁸⁰ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 14.08.1869. №178.

как предоставляется каждому посещать церкви разных приходов»⁶⁸¹. Он полагал недопустимым отождествлять религиозную принадлежность и политической национальность и называл «великим приобретением» «признание и оправдание на деле той истины, что христианская церковь в существе своем может оставаться непобедимо единой, при полном разнообразии обрядов и церковного быта»⁶⁸².

Правда, в отношении польского католичества такое понимание утвердилось далеко не сразу. Показательна эволюция отношений Каткова к католичеству в контексте событий польского восстания 1863 г., когда «польский патриотизм» подогревался как непосредственно руководством католической церкви Западного края, так и католическими иерархами Ватикана. В первые месяцы восстания Катков рассматривал римско-католическое духовенство как едва ли не главный катализатор восстания, как его духовный источник, опасный именно тем, что его невозможно подавить силовым путем. «Наш главный враг – не польский патриотизм и не польское властолюбие, а фанатизм и властолюбие римско-католического духовенства», - писал он в июне 1863 г.⁶⁸³ В целом ряде передовых статей публицист рисовал католичество, как религию, лишившуюся каких-либо нравственных основ, утратившую представления об истинных христианских ценностях и заботящуюся лишь о сохранении своего политического лидерства: «Жалкое и горестное явление представляет эта церковь, исказившаяся в самом существовании своем. Нельзя без скорби смотреть на то, до чего дошла эта некогда великая церковь, не удовольствовавшаяся святыней совести и возлюбившая мир паче Господа»⁶⁸⁴. Однако подобная трактовка означала придание политическому противостоянию России и Польши характера межконфессионального религиозного конфликта и превращала значительную часть католического населения края во врагов империи уже по факту

---

⁶⁸¹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 18.06.1869. №131.

⁶⁸² Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 18.06.1869. №131.

⁶⁸³ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 19.06.1863. №133.

⁶⁸⁴ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 20.06.1863. №134.

исповедуемой ими религии. Причем к врагам в этом случае могли быть причислены не только представители высших сословий, польское шляхетство, но и низшие сословия, а также католическое население других регионов России. Вследствие этого уже к осени 1866 г. из статей Каткова исчезала радикальная трактовка католицизма как политического врага русского государства и, напротив, стала утверждаться его неравнозначность с польской национальностью и указывалось на необходимость «освободить католичество от польской народности», т.е. разделить понятия «национальность» и «религия». Стремясь обеспечить лояльность лиц католического вероисповедания и лишить католическую церковь национально-политического характера, Катков доказывал, что национальность не определяется верой и можно «принадлежать к национальности своего государства», не отрекаясь от религии своих предков. По мысли публициста, необходимо, чтобы «католическая иерархия в России не состояла преимущественно и почти исключительно из национальных польских элементов», и как на один из путей к этому указывает обязательное введение русского языка в католическое богослужение⁶⁸⁵. Теперь он утверждал, что «католическая церковь пользуется у нас полной терпимостью, и люди, принадлежащие к ней, обладают всею полнотой гражданских и политических прав», и поэтому признает, что они могут оставаться католиками, при условии, что «они должны быть русскими», т.е. признавать себя подданными русского государства⁶⁸⁶.

Как видим, подлинная личная религиозность Каткова и его толерантность в вопросах религии не исключали весьма прагматичного подхода к пониманию значения церкви. В своих оценках ее политической роли он исходил в первую очередь из интересов государства, в структуре которого главное место им отводилось единовластному самодержавному монарху, а церковь мыслилась, по выражению А.Э. Котова, как «нечто желательное, но

---

⁶⁸⁵ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 2.08.1863. №168.

⁶⁸⁶ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 10.08.1863. №174.

необязательное для того, чтобы принадлежать к нации»⁶⁸⁷. Церковь как самостоятельный и независимый институт в его представлениях могла означать лишь угрозу единству государства, и признавая статус православия как государственной религии, он одновременно отвергал ее политическую самостоятельность как нарушающую принцип единовластия. Отдавая должное церкви как одному из важнейших социальных институтов, Катков видел ее главное общественное значение в первую очередь в нравственном влиянии, в побуждении свой паствы к поиску истинных духовных начал и самоусовершенствованию. «Церковь не может превращаться в полицейское учреждение; и именно в интересе своего святого дела, ей не следует прибегать к системе запрета, но следует изобличать что ей противно и предлагать верующим что ею одобряется, - писал Катков в ответ на решение Святейшего Синода подвергнуть пересмотру действующие правила духовной цензуры. - Ее достоинство и польза ее дела требуют, чтобы она не пресекала путей к проявлению какой бы то ни было мысли, но была деятельным и неусыпным органом истины»⁶⁸⁸. Ценности православия в глазах публициста служили лучшей гарантией прочного основания государства именно потому, что они, как он неоднократно подчеркивал, являются воплощением нравственных законов и традиционных, устойчивых, проверенных временем морально-этических ценностей. В своих рассуждениях о роли православия он опирался в первую очередь на исторический опыт России, где церковь изначально воспринималась как некий духовный стержень и воплощение непреходящих христианских морально-нравственных норм. «В России есть национальная Церковь, - писал Катков в 1867 г., - она присутствовала при начале нашего исторического бытия, при рождении нашего государства. Как только можем мы запомнить себя, она уже светила в нашей тьме и сопутствовала нам во всех превратностях исторической жизни. Она поддерживала и спасала нас; она

---

⁶⁸⁷ Котов А.Э. Русский политический предмодерн. Забытые консерваторы второй половины XIX века. СПб: «Владимир Даль», 2019. С.21.

⁶⁸⁸ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 5.02.1870. №28.

проникала во все изгибы нашего существования и на все положила свое знамение. Все наши воспоминания связаны с ней, вся наша история исполнена ею... мы усвоили ее себе изначала и что она существует у нас как наше национальное учреждение»⁶⁸⁹. В обращении к единому покровителю - «русскому Богу» публицист видел путь к преодолению отчуждения между народом и государством.

Впрочем, в последующие годы Катков, не подвергая критике постулаты католичества, постоянно будет подчеркивать негативную политическую роль римско-католической церкви как социального института и ее враждебность интересам России. С резким осуждением он будет писать о попытках российского правительства заключить конкордат - соглашение с римской курией, регулирующее правовое положение римско-католической церкви в России. Публицист сохранял убежденность в том, Ватикан, или «папская держава», как нередко он называл римскую церковь, представляет собой главную опору «польской интриги» и заботится не столько о духовных запросах своей паствы в России, сколько стремится влиять на разрешение вопросов внешней и внутренней политики России. В приватном письме Александру II он по-прежнему указывал на католичество как на «национально-политическое польское учреждение под видом римской церкви»: «У нас образовалась аномалия, противная столько же канонам католической церкви, сколько и государственным интересам России: церковь эта отождествилась с польской национальностью и стала в России польским политическим учреждением. У нас явился вместо римского польский католицизм», - оправдывал публицист перед императором излишнюю резкость своей статьи, направленной против заключения соглашения с римским папой⁶⁹⁰.

---

⁶⁸⁹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 9.05.1867. №101.

⁶⁹⁰ Катков М.Н. Письмо Императору Александру II. 22 июня 1879 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.45. Л.136-53.

Стремясь к всестороннему и фундаментальному освещению деятельности церкви в своих изданиях, Катков привлекал к участию в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» известных ученых, специализирующихся на религиозной проблематике: профессоров Московской духовной академии Н.И. Субботина, А.П. Лебедева, Д.Ф. Касицына, С.К. Смирнова, В.Н. Потапова, И.Н. Корсунского; профессора Московской духовной семинарии В.Г. Назаревского, профессоров Московского университета И.Д. Беляева, Н.С. Тихонравова, Н.А. Попова; профессора Дерптского университета А.Г. Брикнера, профессоров Киевской духовной академии Н.И. Петрова, А.Д. Воронова, профессора Лазаревского института восточных языков Г.А. Муркоса и др. Со статьями на религиозную тематику в его изданиях выступали служители церкви (священник тверской епархии И.С. Белюстин, священник англиканской церкви В. Дентон; архиепископ Антоний и др.), чиновники (П.И. Мельников, Н.В. Реутский, С.П. Сушков, Ю.М. Юзефович, А.М. Гезен, П.К. Щебальский), врачи (В.В. Корсаков) и даже представители купеческого сословия (В.А. Сапелкин). Жанровый спектр публикаций на религиозную тематику был весьма широк: помимо публицистических выступлений и научных статей, это были обзоры русской церковно-исторической литературы, воспоминания, письма и записки священнослужителей и даже рецензии на произведения искусства религиозного содержания. Так, например, в «Русском вестнике» были опубликованы литературно-критический очерк П.К. Щебальского «Искусство, религия, народность» (1883), «Эстетический этюд по поводу Венской всемирной выставки» (1874) известного философа Г.Е. Струве, в котором рассматривалась современная религиозная живопись, «Письма» Филарета, архиепископа Черниговского (1885), «Посмертные записки иеромонаха Киево-Печерской лавры отца Антония» (1881) и т.п.

Издания Каткова с энтузиазмом откликнулись на церковные реформы 1860-1870-х гг., значение которых для православного духовенства приравнивалось ими к отмене крепостного права для крестьян, а

освобождение выходцев из духовного звания от необходимости в обязательном порядке посвящать свою профессиональную деятельность служению церкви рассматривалось как «новый шаг к полноправности русского народа»⁶⁹¹. Авторами «Русского вестника» и «Московских ведомостей» подчеркивалась необходимость коренных перемен в положении православного духовенства, неотложность ликвидации потомственного характера духовного сословия и предоставления выходцам из духовного звания права избирать другие сферы деятельности, заявлялось требование установить гласное управление церковными имуществами и правильное употребление доходов церкви⁶⁹². Большое внимание уделялось правовым вопросам, в частности, устройству духовного суда в епархиях и пересмотру устава духовных консисторий⁶⁹³.

«Религиозной толерантностью» Каткова можно объяснить неоднократное обращение его изданий к таким малоизученным областям русской духовной жизни, как старообрядчество, мистические религиозные секты – хлыстовство, скопчество и др. Теме сектантства были посвящены опубликованные в журнале статьи «Тайные секты» (1868), «Белые голуби» (1869) П.И. Мельникова, «Московские “божьи люди” во второй половине XVIII и в XIX столетии» (1882) Н.В. Реутского и др., в которых был собран богатый фактический материал, а сами явления описывались объективно и беспристрастно. Одним из первых исследований молоканства – почти не изученного на тот момент религиозного течения - стал очерк врача В.В. Корсакова «Молокане» (1886), в котором подробно, весьма объективно и даже сочувственно рисовались общественные, культурные и бытовые особенности жизни молокан Таврической губернии. Автором была сделана попытка объяснить успех сектантства в народной среде, который он связывал с

---

⁶⁹¹ Щербальский П.К. По поводу последних законов о православном духовенстве в России // РВ. 1869. Кн.9. С.385-386.

⁶⁹² П.С.Ц. Об улучшении быта духовенства // РВ. 1863. Кн.10. С.481-482.

⁶⁹³ Сушков С.П. Каноническое устройство церковного управления. // РВ. 1870. №7. С.169-222.

отсутствием тесных и прочных связей между народом и представителями духовенства и интеллигенции, которую он обвинял в равнодушии к религии и к народной духовной жизни. Первым исследованием христианского общественно-религиозного движения штундизма стал очерк профессора Киевской духовной академии А.Д. Воронова «Штундизм. Очерк религиозно-бытовой жизни в Малороссии» (1884), в котором была дана весьма объективная картина религиозной жизни южных окраин империи и проанализированы причины, позволившие этому движению быстро получить широкое распространение в малороссийских губерниях.

Церковный раскол, или старообрядчество, привлекало Каткова с точки зрения сохранения среди раскольников «охранительных начал старо-русских устоев». Сохранились свидетельства, что он даже оказывал помощь некоторым из них, в частности, по свидетельству С.И. Уманца, даже организовал их встречу с К.П. Победоносцевым. В личном беседах с коллегами журналист не раз замечал, «что ни в одном политическом процессе ... вы не встретите ни одного раскольника»⁶⁹⁴, а в передовых статьях доказывал вред и бессмысленность насильственных мер по отношению к старообрядцам. Так, в 1865 г. он выступил в «Московских ведомостях» в защиту крестьян-старообрядцев северо-западного края, молельни которых были закрыты, доказывая, что нельзя добиться возвращения людей «в лоно православной церкви ... посредством военной команды»⁶⁹⁵, в 1872 г. - опубликовал статью в защиту школ для детей старообрядцев⁶⁹⁶, в 1873-1874 гг. - опубликовал несколько передовых статей в поддержку законопроекта, легитимизирующего раскольничьи супружества, т.е. устанавливающего для раскольников возможность заключения гражданского брака⁶⁹⁷ и т.д. В

---

⁶⁹⁴ С.У. <Уманец С.И.> Мозаика (из старых записных книжек) // Исторический вестник. 1912. Кн.12. С.1062.

⁶⁹⁵ .п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 4.06.1865. №120.

⁶⁹⁶ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 5.02.1872. №32.

⁶⁹⁷ Б.п. <Катков М.Н.> Передовые статьи // МВ. 3.08.1873. №195; 8.03.1874. №59; МВ. 29.10.1874. №270.

передовых статьях Катков не раз высказывал мысль, что наиболее правильной и действенной мерой борьбы с расколом, как и с сектантством, является терпимость и гласное и публичное разъяснение сути данных явлений. «Свободным разъяснением самими раскольниками своих воззрений на церковь, государство и общество можно достигнуть желаемого определения той степени терпимости, какую может воспользоваться та или другая секта», - писал он в одной из своих передовиц⁶⁹⁸.

Издания Каткова стали местом оживленных дискуссий о роли церковного раскола и значении его лидеров в прошлом и настоящем России. Истоки раскола были весьма объективно изучены в статье профессора Н.С. Тихонравова «Боярыня Морозова» (1865), где старообрядчество рассматривалось не только как церковное, но и духовное, общественное, политическое явление, указывалось на его важное историко-культурное значение для России и предлагалось в будущем «спокойное, свободное и беспристрастное изучение «судеб русского староверства»⁶⁹⁹. Особую ценность данной статье придавали прилагаемые к ней подлинные письма протопопа Аввакума к боярыне Морозовой, публикация которых была осуществлена впервые.

Объективностью и беспристрастием отличались статьи другого постоянного автора и не менее авторитетного и компетентного исследователя старообрядчества и сектантства - П.И. Мельникова. С раскольничьим бытом, фольклором, традициями и обычаями он был знаком с детства, которое провел в Семеновском уезде Нижегородской губернии, где издавна селились раскольники. В годы службы чиновником особых поручений при нижегородском генерал-губернаторе, а затем в Министерстве внутренних дел, Мельников руководил статистической экспедицией по изучению старообрядческого раскола, принимал непосредственное участие в его

---

⁶⁹⁸ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 6.10.1866. №208.

⁶⁹⁹ Тихонравов Н.С. Боярыня Морозова (эпизод из истории русского раскола) // РВ. 1865. Кн.9. С.36.

искоренении, участвовал в разорениях старообрядческих скитов и молелен и даже стал «героем» раскольничьего фольклора. Выйдя в 1866 г. в отставку, он посвятил жизнь изучению раскола и в буквальном смысле стал его летописцем, опубликовав в «Русском вестнике» статьи «Старообрядческие архиереи» (1863), «Исторические очерки поповщины» (1864-1866), «Счисление раскольников» (1868) и др. Выступления Мельникова отличались не только злободневностью, но и объективностью подходов к освещению проблем старообрядчества, строгой документальностью и достоверностью, а также весьма высокими художественными достоинствами. Так, в статье «Счисление раскольников» на основе большого количества статистических данных и документов им был рассмотрен вопрос, как в России осуществляется перепись старообрядцев, и убедительно доказывалось, что как светская, так и духовная власть на местах стремится занижать сведения, указывались причины данного явления. «Приходский священник, решаясь представить начальству действительную, известную ему цифру раскольников, должен бы был, вместо прошлогодних десятков, показать сотни, - писал П.И. Мельников. - Верно показавший число раскольников в своем приходе может таким образом подвергнуться строгому взысканию, даже лишиться места»⁷⁰⁰. Критикуя бюрократический подход, публицист не скрывал факта, что духовенству даже выгодно иметь «незаписных» раскольников, но считающихся по церковным ведомостям православными, так как «доход с “незаписного” вернее и обеспеченнее», и прямо писал, что «так бывало в прежнее время, а по местам и до сих пор делается». Объективно оценивая ситуацию, публицист делал вывод, что уничтожение раскола «может совершиться не вдруг, а в продолжение, быть может, еще многих десятилетий и при том непременно условии, что система стеснений, оказавшаяся на опыте лишь способствовавшей к умножению раскольников и к усилению фанатизма раскола, никогда и ни в каком виде не будет восстанавливаема»⁷⁰¹. Как на

---

⁷⁰⁰ Мельников П.И. Счисление раскольников // РВ. 1868. Кн.2. С.403-442.

⁷⁰¹ Мельников П.И. Счисление раскольников... С.441-442.

основное средство борьбы с расколом Мельников указывал на распространении в народе образования, а также предоставление раскольникам равных гражданских прав, что, несомненно, было прогрессивно.

Иной взгляд на раскол содержался в публикациях профессора истории Московской духовной академии Н.И. Субботина, считавшегося «высшим специалистом по расколоведению» в России. Он вел в «Московских ведомостях» рубрики «Летопись происходящих в расколе событий» и «Из современных летописей раскола», публиковал «Беседы со старообрядцами» - отчеты о беседах между православными и старообрядческими священниками; в «Русском вестнике» появились его обширные научные изыскания: «Современные движения в расколе» (1863-1866), «Рассказ Петра Великого о патриархе Никоне» (1864), «Из современных летописей раскола» (1867), «Русская старообрядческая литература за границей» (1868). Написанные на основе большого количества первоисточников, официальных документов, писем главных деятелей раскола, статьи Субботина и в настоящее время могут служить ценным источником по истории старообрядчества, хотя им была свойственна ярко выраженная полемическая тенденция и обуславливаемая ею односторонность взглядов. В расколе Субботин видел отрицательное явление, распространяемое невежественными или нравственно недоброкачественными деятелями, сознательно и упорно пренебрегающими требованиями правды и совести ради мелких личных побуждений. Внутренние распри раскольников ученый рассматривал как «бесплодные и нескончаемые попытки взаимного примирения» и на этом основании делал вывод о «полной несостоятельности» раскола и его «разложении»⁷⁰².

Вопросы, поднимаемые в публикациях Н.И. Субботина, П.И. Мельникова, Н.С. Тихонравова, находили продолжение в статьях историка церкви и литературоведа Н.И. Петрова «Дела о московских старообрядцах четверть века тому назад» (1881), С.К. Смирнова «Немецкие сектанты за

---

⁷⁰² Субботин Н.И. Из современных летописей раскола. Белокриницкий собор 1868 г. и его последствия // РВ. 1869. Кн.2. С.749.

Кавказом» (1865). Большой интерес представляли «Рассказы и записки» (1864) московского купца-старообрядца В.А. Сапелкина, который после пятидесяти лет, прожитых «в старой вере», перешел в единоверие и даже основал на старообрядческом Рогожском кладбище единоверческий храм. Написанные в форме дневника, достаточно объективного и воспроизводящего как светлые, так и темные стороны старообрядчества, записки Сапелкина содержали самые разнообразные сведения: о прежних временах раскола, о современных раскольниках, об их отношениях с разными служебными лицами и т.п.

Таким образом, несмотря на явное осуждение еретических движений, церковного раскола и деятельности его руководителей, в изданиях Каткова делались попытки объективной оценки этих столь сложных явлений русской духовной жизни, читателям предлагалось взвешенное, обоснованное и убедительно аргументированное исследование причин раскола и обстоятельный анализ его современного состояния. Авторы «Московских ведомостей» и «Русского вестника» сопровождали свои выступления убедительными доказательствами, статистическими таблицами, большим количеством ссылок на тексты старообрядческой литературы.

Большое внимание в изданиях Каткова уделялось международной деятельности православной церкви, в частности необходимости наращивания религиозного присутствия России на Востоке. В цикле аналитических статей «Интересы России в Палестине» (1882) представителя Антиохийского патриархата Г.А. Муркоса отмечалось усиление русофобских настроений среди представителей Иерусалимского патриархата, состоявшего в основном из греков, их стремление заявить о своих «исключительных правах» на обладание палестинскими святынями и указывалось на необходимость усиления деятельности Православного Палестинского общества. В контексте активно обсуждаемого вопроса о положении православного славянского населения в странах Западной Европы, интерес представляют статьи известного профессора-слависта Н.А. Попова о положении униатской церкви в Венгрии и Галиции. Ученый имел возможность тщательно изучить

состояние униатской церкви в австрийских землях, собрал немало фактов и сведений непосредственно из местных источников и в результате представил читателям газеты объективное и достоверное исследование. Проанализировав историю и современное состояние унии не только в Европе, но и Азии, и даже Африке, Попов предположил, что в недалеком будущем предстоит ожесточенная и бескомпромиссная борьба между римской католической и православной церквями за влияние на население, исповедующее унию⁷⁰³. В его статьях приводилось немало фактов насильственного «окатоличивания» русского униатского населения в Европе, ожесточенного противостояния русских униатов и венгерских католиков⁷⁰⁴. Сравнивая положение униатов в России и странах Европы, Попов настаивал на осторожной и осмотрительной политике в отношении униатской церкви в России, указывал на недопустимость жестких и насильственных мер, обращенных против униатского населения, призывал к терпимости, а решение вопроса видел в повсеместном расширении русского языка и народного просвещения в приходах, населенных униатами.

Многие вопросы церковной и религиозной жизни рассматривались в прямой связи с наиболее актуальными проблемами политического, экономического, культурного характера. Например, конфликт болгарской и греческой церквей, в основе которого лежало стремление болгарского духовенства обособиться от греческого Константинопольского патриархата и создать автокефальную болгарскую церковь, рассматривался в изданиях Каткова не только как чисто церковный спор, но и как спор политический. На фоне роста национально-освободительных настроений среди славянского населения Балканского полуострова «Московские ведомости» увидели в требованиях болгарского духовенства вести богослужения на церковнославянском языке вместо греческого и разрешить избрание народом

---

⁷⁰³ Попов Н.А. Современное состояние униатской церкви в Европе, Азии и Африке // МВ. 17.07.1865. №156.

⁷⁰⁴ Попов Н.А. Уния и русская народность в Холмской епархии // МВ. 8.07.1865. №148.

лиц болгарского происхождения на епископские кафедры шаг болгарского народа к политической независимости и однозначно приняли сторону болгар. В передовых статьях Катков проводил мысль, что Россия должна активизировать свое влияние на Балканском полуострове, поддержать стремление христианского населения к политической и духовной независимости и стать опорой в их борьбе с Османской империей. Суть греко-болгарского конфликта исследовалась в обстоятельных статьях Н.А. Попова «Болгарский вопрос» (1866), который, рассмотрев истоки и причины разногласий между греческой и болгарской церквями, также указал на национально-политический, а не церковный характер конфликта и полагал важным поддержать требования болгарской церкви⁷⁰⁵. Ситуация вокруг греко-болгарского конфликта продолжала отслеживаться в «Русском вестнике», причем рассматривались как аргументы сторонников Болгарской автокефалии, так и ее противников. Показательно, что Катков допустил к публикации в журнале статью историка церкви и православного богослова Т.И. Филиппова «Решение болгарского вопроса» (1870), который, по рассмотрении истории учреждения независимых церковных престолов, утверждал, что требования болгарского духовенства безосновательны, игнорируют все канонические правила и постановления и представляют сугубо политический интерес, а в дальнейшем могут привести к серьезному конфликту между православными церквями и заставить болгар «искать опоры вне православного мира»⁷⁰⁶. Когда же в 1872 г. болгарская православная церковь самовольно провозгласила свою автокефалию, отделившись от Константинопольского патриархата, издания Каткова поддержали болгар и осудили политические амбиции греков. «Московские ведомости» с осуждением писали о стремлении греков найти себе поддержку в Турции и в Европе против славян и в первую очередь – против России в надежде со

---

⁷⁰⁵ Попов Н. Болгарский вопрос // МВ. 2.06.1866. № 112; 7.06.1866. №116.

⁷⁰⁶ Филиппов Т.И. Решение Болгарского вопроса // РВ. 1870. Кн.6. С.678-723.

временем приобрести доминирующее влияние на Балканах⁷⁰⁷. В опубликованной в «Русском вестнике» статье К.Н. Леонтьева «Панславизм и греки» (1873) прямо указывалось, что действия греков объясняются их стремлением противодействовать панславистскому движению, и «грекам турки на Босфоре нужны, как средство предохранительное от развития того панславистического государства, которого они так опасаются»⁷⁰⁸. В последующие годы и «Московские ведомости», и «Русский вестник» еще неоднократно обращались к теме греко-болгарского конфликта, выступая в поддержку болгарской церкви. В статьях А.И. Муромцевой «Первый Болгарский экзарх, блаженный Антим» (1881), В.А. Теплова «Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам» (1882), Р. Вителова «Греко-Болгарская распря» (1886) и др. рассматривался характер взаимоотношений России и православных общностей европейской Турции, подробности борьбы между высшими представителями болгарской церкви и правительством Болгарского княжества и т.п.

Можно сделать вывод, что регулярное обращение изданий Каткова к православной тематике было явлением не случайным и во многом отражало позицию русской православной церкви. При этом деятельность церкви рассматривалась в газете зачастую с позиций политической «злобы дня», поднимались вопросы о правах лиц православного, католического и униатского вероисповедания, проживающих в Западных губерниях, о введении русского языка в католическую богослужебную практику, о международной деятельности церкви и т.п. Все публикации «Русского вестника» и «Московских ведомостей» отличались актуальностью, богатством и разнообразием проблематики, единством программных установок, глубиной исследования рассматриваемых вопросов и неподдельной озабоченностью судьбами русской православной церкви в России и в мире. Они во многом способствовали уяснению роли православия в общественной жизни,

---

⁷⁰⁷ Из Константинополя // МВ. 14.10.1872. №258.

⁷⁰⁸ Константинов Н. Панславизм и греки // РВ. 1873. Кн.2. С.924.

формировали осознанный, вдумчивый взгляд на религиозные процессы как внутри России, так и за рубежом.

4.4. Учение Ч. Дарвина и дарвинизм в оценке журнала «Русский вестник»

Научная и религиозная картина мира представляли в изданиях Каткова как две стороны человеческого существования, не противостоящие друг другу, а, напротив, находящиеся в диалоге и взаимодействии. Критике подвергались нетерпимость к инакомыслию в научных изысканиях, догматический подход к науке, попытки придать научному знанию вид аксиомы, не развивающейся и не нуждающейся в доказательствах, поставить, таким образом, на место науки «веру в науку». Наиболее ярким примером тому могут служить публикации «Русского вестника», посвященные учению Ч. Дарвина и его последователям, в первую очередь – тем вульгарным «истолкователям» его трудов, которые пытались придать открытиям английского ученого излишне упрощенный и даже вульгарный характер.

В 1860-1870-е гг. книги Ч. Дарвина, почти сразу переведенные на европейские языки, быстро получили известность в странах Европы и в Америке и вызвали яростные споры, обусловленные необходимостью смены мировоззренческих парадигм. В его труде «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» (On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life), опубликованном в Англии в 1859 г., была продемонстрирована трансформация видов растений и животных, их естественное происхождение от более ранних видов под действием естественного отбора. Основные положения этой теории нашли продолжение во втором фундаментальном труде Дарвина на тему эволюции «Изменение животных и растений в домашнем состоянии» (The Variation of Animals and Plants under Domestication), увидевшем свет в 1868 г. В 1871 г. Дарвин

опубликовал одно из первых обобщающих произведений о происхождении человека – труд «Происхождение человека и половой отбор» (*The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex*), в котором привёл аргументы в пользу естественного происхождения человека от животных (обезьяноподобных предков).

Следует отметить, что если происхождение биологического разнообразия в результате эволюции было признано ещё при жизни Дарвина, то его теория естественного отбора как основного механизма эволюции, подрывавшая традиционные для биологии парадигмы, вызвала бурные дискуссии. Отсутствие знаний о законах наследственности, о соотношении исторического и индивидуального развития организмов, о генетической и экологической структуре видов и т.д. стало причиной критического отношения к выдвинутым Дарвином идеям, которые получили окончательное признание научного сообщества лишь в 50-е гг. XX в. с появлением синтетической теории эволюции. Многие авторитетные ученые – современники Дарвина - не согласились с теорией естественного отбора и высказались резко против выдвинутых им идей. Среди оппонентов Дарвина были крупные палеонтологи Ж.-Л. Агассис, Р. Оуэн, биологи Р. Вирхов, П. Флуранс, геолог А. Сэдживик и др. В то же время у значительного числа представителей европейской науки идеи Дарвина нашли восторженный отклик. К числу сторонников Дарвина принадлежали Дж. Бейтс, Т. Гексли, Дж. Гукер, А. Уоллес, К. Гегенбауэр, Э. Геккель, Ф. Мюллер и др. Сам термин «дарвинизм» как обозначение направления эволюционной мысли, согласно которой главным фактором эволюции является естественный отбор, был введен в научный обиход страстным почитателем и виднейшим сторонником Дарвина в Англии Т. Гексли, который с гордостью называл себя «бульдогом дарвинизма» («*Darwin's bulldog*»). Вместе с тем если утверждения самого Дарвина никогда не выходили за пределы чисто биологических процессов, то некоторые его последователи и сторонники пытались перенести идеи борьбы

за выживание в сферу общественной жизни, тем самым упрощая научную теорию английского естествоиспытателя и придавая ей вульгарный оттенок.

В России главные работы Дарвина - «Происхождение видов» и «Происхождение человека» - были опубликованы на русском языке в 1864 г. и в 1871 г. соответственно и также стали предметом горячих споров, «оживили» научные отделы русских «толстых» ежемесячных журналов, которые до того момента по сравнению с отделами политики и литературной критики были всегда в наименьшей степени подвержены «злобе дня» и зачастую носили отвлеченный, сугубо научный характер.

Сторонниками и защитниками учения Дарвина явились такие представители нового поколения российских ученых-естественников, как братья А.О. и В.О. Ковалевские, И.И. Мечников, И.М. Сеченов, К.А. Тимирязев⁷⁰⁹. Однако интерес к основным положениям теории Дарвина в России был обусловлен не только принципиально новаторским характером его трудов: споры вокруг учения Дарвина и дарвинизма почти сразу вышли далеко за рамки чисто научной проблематики и привлекли внимание широкой аудитории. Новое поколение разночинской интеллигенции 1860-х гг., внимание которой было сосредоточено вокруг естествознания, преимущественно биологии, медицины, увидело в учении Дарвина основу для формирования новых мировоззренческих и идеологических установок. Одним из главных популяризаторов учения Дарвина, причем в его вульгарной форме, стал публицист демократического журнала «Русское слово» Д.И. Писарев, который рассматривал естественные науки как основу рационального преобразования общества и переносил принципы борьбы за существование и естественный отбор на законы человеческого общества. После выступлений ведущих публицистов демократической журналистики - Д.И. Писарева, М.А. Антоновича, В.А. Зайцева - дарвинизм начал восприниматься как краеугольный камень революционной идеологии. Защита положений теории

---

⁷⁰⁹ Трапезов О.В. Дарвинизм и уроки российской практической селекции // Вестник ВОГиС. 2009. Т.13. №2. С.249-297.

Дарвина и дарвинизма в целом стала восприниматься как один из признаков «прогрессивности», тогда как критика этого учения - как черта, присущая «реакционерам» и «охранителям».

Упрощенное истолкование основных положений дарвиновской теории, универсальный характер, который пытались придать ей публицисты демократического лагеря, их попытка обосновать учением о естественном отборе социальную жестокость и оправдать таким образом революционное насилие - такая трактовка учения Дарвина в свою очередь вызвала резко негативную реакцию со стороны многих представителей русской интеллигенции. В либеральной и консервативной журналистике тех лет учение Дарвина и попытки его последователей пропагандировать и популяризировать основные положения дарвинизма вызывало неоднозначные отклики. Не приняли предложенную Писаревым и его последователями трактовку дарвинизма писатели Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, ученые-публицисты Н.Н. Страхов, Н.Я. Данилевский и др. В своих работах они пытались показать ущербность, односторонность увлечения исключительно естественными науками, недопустимость рассмотрения естественно-научных выводов применительно к социальной жизни.

«Русский вестник» стал одним из самых основательных и последовательных критиков сторонников Дарвина, приняв в 1870-1880-е гг. активно участие в дискуссиях вокруг выдвинутых Дарвином идей естественного отбора и происхождения человека.

Однако отношение журнала к учению Дарвина и особенно к работам последователей английского естествоиспытателя было далеко не однозначным. В статьях авторов «Русского вестника» - Н.Н. Стрхова, литературного критика и публициста (кстати, Страхов имел степень магистра зоологии), А.П. Лебедева - ученого-историка и богослова, профессора Московской духовной академии (позже – профессора Московского университета), А.Ф. Циона, профессора физиологии, научные заслуги которого, несмотря на сугубо консервативный характер его политических

взглядов, оценивались современниками очень высоко (в частности, И.М. Сеченов рекомендовал Циона в 1870 г. на свое место в Медико-Хирургической академии) и др. - попытки сторонников дарвиновского учения расширительно истолковать основные положения трудов английского естествоиспытателя были подвергнуты строгой и детальной оценке.

После появления в отечественной прессе первых восторженных откликов на изданные на русском языке труды Дарвина «Русский вестник» указал на то негативное влияние, которое могут оказать идеи Дарвина на молодежь и «незрелые умы» представителей низших классов. По мнению журнала, увлечение дарвинизмом, быстро ставшее модным среди широкой публики, не обладавшей ни научной компетентностью в области естествознания, ни навыками серьезного анализа научных результатов, ни способностью критического восприятия научных гипотез, может привести к упрощенному и вульгарному пониманию теории Дарвина. «Что могут вынести из книги Бокля – о ходе всемирной цивилизации, и Дарвина – о превращении видов, люди, никогда не читавшие ни одной книги исторического или естественно-исторического содержания, не имеющие никаких самых даже элементарных понятий о том, что такое цивилизация и что такое вид? – писал один из постоянных авторов «Русского вестника» В.П. Безобразов. - Какой туман должен возникнуть в их головах от подобного чтения?»⁷¹⁰

Первоначально в «Русском вестнике» лишь перепечатывались отклики и рецензии на сочинения Дарвина из авторитетных английских источников в сопровождении небольших комментариев. Так, вслед за выходом книги Дарвина «Происхождение человека и половой отбор», в майском номере журнала за 1871 г. была помещена обширная статья из «Times» и выдержки из ряда других английских изданий. Подборка сопровождалась комментарием, что эти отзывы «отдают полную справедливость таланту и трудолюбию автора в сборе различных наблюдений, отказываясь в то же время признать

---

⁷¹⁰ Безобразов В.П. Очерки нижегородской ярмарки // РВ. 1866. Кн.1. С.278.

логическую последовательность и необходимость в слишком смелых предположениях и выводах, какие позволяет себе Дарвин делать из собранного им материала»⁷¹¹. Автор комментария «Русского вестника» предупреждал, что сочинение Дарвина может дать «обильную пищу легкомыслию и что еще хуже, может, помимо мысли и воли автора, сделаться аргументом в руках пропагандистов пагубной философии, отрицающей нравственность в ее основе»⁷¹², имея в виду, как представляется, Д.И. Писарева и его сторонников. В ноябрьской книжке журнала за 1871 г. был перепечатан разбор трудов Дарвина из «Quarterly Review» - одного из самых уважаемых и серьезных научных английских журналов. Английские рецензенты, подвергнув детальному критическому анализу выдвинутую Дарвином теорию о происхождении человека, высказывали сомнения в обоснованности и применимости его выводов непосредственно к человеку⁷¹³.

В 1872 г. в «Русском вестнике» была опубликована анонимная рецензия на работу Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных» (The Expression of the Emotions in Man and Animals). За основу рецензии также были взяты отклики на новую книгу Дарвина в английском журнале «Атений», представлявшие подробный и объективный анализ нового исследования английского ученого. В рецензии отмечалось отсутствие «ясности и стройной связи» новой книги Дарвина, но при этом указывалось, что исследование «изобилует любопытными взглядами и меткими указаниями на физические причины и движущие силы многих явлений, в выражении лица и объясняет многое в том, что можно назвать выразительностью в положении человеческого тела и его членов». «Любители науки многому из нее научатся», - резюмировал автор «Русского вестника»⁷¹⁴.

Первым серьезным критическим выступлением «Русского вестника» в адрес дарвиновской теории и ее сторонников стал цикл философско-

---

⁷¹¹ Д. Английские критики о новой книге Ч. Дарвина // РВ. 1871. Кн.5. С.372-385. С.381.

⁷¹² Д. Английские критики... С.372.

⁷¹³ Б.п. По поводу новой теории Дарвина // РВ. 1871. Кн.11. С.321-360.

⁷¹⁴ Д. Новое сочинение Дарвина // РВ. 1872. Кн.12. С.945.

критических этюдов «Учение Дарвина о происхождении мира органического и человека» А.П. Лебедева, опубликованный в нескольких номерах журнала в 1873 г. Несмотря на то, что Лебедев в первую очередь был известен как историк церкви (кстати, один из крупнейших в России), однако его блестящая эрудиция, разнообразие научных интересов, глубина и скрупулезность подхода к теме, солидная научная основа в виде отечественных и зарубежных исследований, на которые он ссылался в своих этюдах - сделали его работу ценным вкладом в разработку естественно-научной теории. Статья Лебедева представляла серьезное научное исследование, объективное, построенное на основе научных фактов, далекое от какой-либо тенденции и предвзятости и таким образом являла пример серьезного и обдуманного подхода к научному дискурсу. Ученый подробно разбирал труды Дарвина «О происхождении видов» и «О естественном отборе», руководствуясь в своих оценках отнюдь не религиозной точкой зрения, не нравственными идеалами, а научными фактами и достижениями естествоведения, опирался на работы таких ученых, как немецкий психолог и антрополог Т. Вайц, французский зоолог-эволюционист Ж. С.-И. Этьен, немецкий психолог К.Г. Карус, французский антрополог и археолог А. Картфаж, основоположник эмбриологии и сравнительной анатомии К.Э. фон Бэр и др. Лебедев поставил своей целью определить, в какой мере выводы Дарвина «могут считаться приобретением науки и претендовать во имя ее на общественное доверие». Отдав должное британскому естествоиспытателю, его титаническим трудам и грандиозности его системы, Лебедев на основании анализа фактов и многочисленных исследований высказал мнение, что науке пока известно мало палеонтологических фактов, которые подтверждали бы теорию Дарвина, а сама предложенная английским ученым концепция эволюции органического мира достаточно противоречива. Он особо остановился на вопросе, какую роль может сыграть учение Дарвина в пропаганде материализма и каковы его собственные взгляды на вопрос о первоисточнике всего сущего. Ссылаясь на слова самого английского ученого, что его теория «не имеет ничего общего с

великим вопросом, существует ли вообще Творец», Лебедев определил мировоззрение Дарвина как «натуралистический деизм» и указал, что опасность состоит не в самом учении Дарвина, не отрицающем саму идею существования Бога, а в том, что его трудами могут воспользоваться сторонники материалистического воззрения, «чтобы находить подтверждение своих взглядов на исключительно материалистическое происхождение всех органических существ, населяющих землю»⁷¹⁵.

Статьи Лебедева, обозрения английских источников, в которых предложенная Дарвином концепция эволюции была подвергнута критическому анализу, свидетельствуют отнюдь не о «охранительном» подходе «Русского вестника» к новаторским идеям английского естествоиспытателя, а о стремлении журнала к выработке взвешенного, обоснованного взгляда как на само учение, так и на науку в целом. В этих и последовавших за ними публикациях «Русского вестника», в которых так или иначе рассматривались выдвинутые Дарвином идеи, отнюдь не отвергалась ценность открытий ученого, но они рассматривались как гипотеза, нуждающаяся в дополнительных исследованиях. Совершенно справедливо в журнале отмечалось, что выводы Дарвина, как и любая другая научная гипотеза, не могут претендовать называться конечным результатом научного знания и «последним словом науки», дающим ключ к уразумению всего строя природы и всех тайн бытия. «Самые поразительные физические открытия последнего времени, - отмечалось в «Русском вестнике», - более наводят на мысль, что нам известна лишь ничтожная доля свойств даже того, что мы называем мертвой материей, и что на основании данного запаса положительных знаний едва ли возможно наметить начала разумения сущности вещей, не только сказать о них заключительное слово»⁷¹⁶.

---

⁷¹⁵ Лебедев А.П. Учение Дарвина о происхождении мира органического и человека. Философско-критические этюды // РВ. 1873. №7. С.119-121.

⁷¹⁶ Б.п. Доктор Штраус и его исповедь // РВ. 1873. №11. С.292.

«Русский вестник» выступал против догматического подхода к науке в целом, и к теории Дарвина в частности. В публикациях журнала подчеркивалось, что ни одна научная теория не должна рассматриваться как единственно верное решение, и резко критиковались попытки последователей Дарвина не развивать, а *проповедовать* [курсив мой – Е.П.] его учение, доводя его подчас «до самых абсурдных заключений». Профессор И.Ф. Цион предлагал рассматривать учение Дарвина «как крайне остроумную теорию, в данную минуту лучше всего удовлетворяющую требованиям прогрессивной науки»⁷¹⁷, «удобную гипотезу, которая будет длиться до тех пор, пока не будет заменена другой гипотезой, более основательной»⁷¹⁸. При этом российский ученый ссылался на авторитет самого Дарвина, который «не иначе понимал значение своей теории» и «с редкой добросовестностью при всяком удобном случае настойчиво указывает на слабые стороны своей доктрины». «Никто тщательнее его не подбирает фактов, стоящих на кажущемся или действительном противоречии с его взглядами», - справедливо писал Цион об английском естествоиспытателе, который действительно отличался беспристрастным и крайне скрупулезным отношением к своим трудам⁷¹⁹. «Этот великий ученый был в тоже время самым скромным, самым беспристрастным и самым честным умом, какой нам известен», - подчеркивал И.Ф. Цион в критическом этюде «Дарвин и его учение» (1886), однако при этом тут же замечал, что дарвинизм, т.е. введение естественного подбора для объяснения постоянной трансформации органических форм, не доживет до конца столетия⁷²⁰.

Таким образом, отношение к самому Дарвину и его открытиям в «Русском вестнике» неизменно оставалось уважительным, английскому исследователю отдавалось должное как великому ученому, одному из самых выдающихся естествоиспытателей столетия. В статьях журнала неоднократно

---

⁷¹⁷ Цион И.Ф. Происхождение человека по Геккелю // РВ. 1878. Кн.1. С.13.

⁷¹⁸ Цион И.Ф. Дарвин и его учение. Критический этюд // РВ. 1886. Кн.9. С.271.

⁷¹⁹ Цион И.Ф. Происхождение человека по Геккелю // РВ. 1878. Кн.1. С.14.

⁷²⁰ Цион И.Ф. Дарвин и его учение. Критический этюд // РВ. 1886. Кн.9. С.271.

указывалось, что «Дарвину принадлежит честь полного проведения теории трансформации в науке, а заслуги его в этом отношении так велики, что ставят его между величайшими естествоиспытателями», подчеркивалось, что одного лишь собранного и сгруппированного Дарвином громадного материала достаточно, чтобы «поставить его в ряды первоклассных естествоиспытателей»⁷²¹. Как на одну из главных заслуг Дарвина указывалось на то, что его исследования дали новый толчок к развитию зоологии и ботаники, бывших до Дарвина чисто механическим описанием внешних форм и внутреннего строения животных и растений. Справедливо утверждалось, что труды Дарвина указали «широкие пути исследования сродным науки, как эмбриология, палеонтология и антропология», которые «в весьма короткое время достигли развития, какого они без введенных Дарвином принципов и новых точек зрения не достигли бы и через полстолетия»⁷²². Однако авторы журнала высказывали сомнения в правильности предложенной Дарвином теории, считая, что она требует дополнительных научных знаний и подтверждений и потому пока рано делать вывод о достоверности его выводов.

Вместе с тем журнал резко критиковал тех последователей английского естествоиспытателя, которые пытались противопоставить теорию эволюции Дарвина религиозной вере человечества или перенести «звериные законы» борьбы за существование и закономерности естественного отбора, выявленные Дарвином в природе, на человеческое общество, указывали на недопустимость упрощенного толкования учения Дарвина.

Справедливой критике авторы «Русского вестника» подвергли книгу немецкого богослова Д. Штрауса «Старая и новая вера», в которой на основе материалистического учения Дарвина предлагались принципы «новой веры». Журнал осудил работы немецкого ученого Э. Геккеля, который выступил инициатором использования дарвинизма для внутривосточного

---

⁷²¹ Цион И.Ф. Происхождение человека... С.12.

⁷²² Цион И.Ф. Происхождение человека... С.12.

устройства государства и настаивал на том, что смертная казнь для преступников и негодяев является не только справедливым возмездием, но и благом для человечества, лишая их возможности передать потомкам дурные наклонности.

По мере распространения революционной и атеистической пропаганды, в которой немалое место занимали вульгарно и односторонне понимаемые результаты научных изысканий Дарвина, авторы «Русского вестника» все чаще видели в дарвинизме и его последователях угрозу общественной морали, нравственности и самому обществу, а их критика становилась все более жесткой. «Русский вестник» стал одним из самых последовательных противников учения, получившего впоследствии название «социальный дарвинизм», а также теоретиков вульгарного материализма Л. Бюхнера, Я. Молешотта, К. Фохта и других, взгляды которых их российскими сторонниками зачастую отождествлялись с учением Ч. Дарвина.

Журнал начал крайне враждебно реагировать на попытки «приспособить» основные положения Дарвина для пропаганды нигилизма и вульгарного материализма. Одним из самых резких выступлений «Русского вестника» стала статья И.Ф. Циона «Нигилисты и нигилизм», опубликованная в 1886 г. и представлявшая критический разбор вышедших за рубежом книг П.Л. Лаврова, Л.А. Тихомирова, П.А. Кропоткина и С. Степняка. Цيون подчеркивал, что пропаганда нигилизма и материализма в России опиралась на работы вульгарных материалистов Л. Бюхнера и Я. Молешотта, воззрения которых в глазах их российских почитателей совпадали с основными положениями учения Дарвина. В доказательство цитировались извлечения из опубликованного в книге Степняка письма публициста журнала «Дело» В. Зайцева (письмо не имело частного характера и изначально предназначалось к печати). Зайцев писал Степняку: «Каждый из нас пошел бы на виселицу и отдал бы свою голову за Молешотта или за Дарвина». Автор «Русского вестника» с возмущением указывал на невежество публициста «Дела», в представлениях которого учение Дарвина и книга Молешотта – суть явления

одного порядка. «Дарвин, один из великих ученых текущего столетия, и Мошотт, простой популяризатор, - с негодованием указывал Цион. - И что общего между скорее консервативным итальянским сенатором Мошоттом, между всегда почтительным христианином Дарвином, похороненным в Вестминстерском аббатстве, и между Зайцевым и другими нигилистами?»⁷²³

Именно в адрес таких последователей Дарвина было направлено остроумное стихотворение Ф. Перфильева «Дарвинизм», опубликованное в «Русском вестнике» в марте 1884 г.:

Оставим бесконечный спор!
Ведь ты беснуешься напрасно.
Нигилистический твой вздор
Мне надоел, клянусь, ужасно.
Так помиримся ж, проведя
Меж нами грань разверткой строгой:
В семье людской останусь я,
А ты – в семье четвероногой⁷²⁴.

Как представляется, предметом осмеяния в этом стихотворении была отнюдь не теория Дарвина, а «псевдоученые», примитивно и односторонне трактующие это учение, в результате чего публика, мало подготовленная к восприятию серьезной научной литературы и введенная в заблуждение многочисленными популярными изложениями дарвиновских идей об эволюции, зачастую воспринимала Дарвина исключительно как «автора родства человека с обезьяной».

Одним из самых интересных эпизодов «дарвиновской темы» на страницах «Русского вестника» стала публикация в 1887 г. выдержек из третьей, незаконченной части труда российского социолога, публициста и естествоиспытателя, одного из основателей цивилизационного подхода к истории Н.Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» -

---

⁷²³ Цион А.Ф. Нигилисты и нигилизм // РВ. 1886. Кн.6. С.760.

⁷²⁴ Перфильев Ф. Дарвинизм // РВ. 1884. Кн.3. С.423.

«Экспрессия или выражение чувств у человека и животных»⁷²⁵. В этом труде русский ученый, отдавая должное заслугам английского естествоиспытателя, пытался систематизировать собственные естественно-научные наблюдения над флорой и фауной, накопленные в течение всей жизни, и на основе собранного огромного эмпирического материала оспорить положения теории Ч. Дарвина «о происхождении видов путем естественного отбора» и доказать, что борьба за существование не играет главную роль в эволюции растений и общества. К сожалению, заключительная часть труда Данилевского осталась незаконченной, его создатель умер, не успев до конца завершить исследование, две части которого вышли отдельным изданием сразу после его смерти в 1885 г. Не пытаясь в настоящей статье проанализировать научную значимость труда Данилевского, попытаемся лишь определить, какое место заняла его работа на страницах «Русского вестника».

Несомненно, внимание редактора журнала – М.Н. Каткова – привлекли оригинальность идей Данилевского, логичность и последовательность, с какими он излагал свои основные положения, строго научный подход, при котором открытия Дарвина рассматривались не только как гипотеза в области естествознания, но и как философская теория.

Публикация в «Русском вестнике» глав из труда Данилевского предварялась небольшой статьей, написанной ближайшим его другом – сенатором и видным государственным деятелем эпохи реформ Александра II Н.П. Семеновым, братом всемирно известного русского ученого-географа, ботаника и энтомолога П.П. Семенова-Тян-Шанского. Кстати, именно Н.П. Семенову Данилевский посвятил свой труд, который считал едва не главным итогом своей жизни.

Как можно предположить, Семенов осознавал, насколько трудно убедить читателей в необходимости критического подхода к учению Дарвина, а потому сопроводил свою статью пожеланием, чтобы к исследованию

---

⁷²⁵ Данилевский Н.Я. Экспрессия или выражение чувств у человека и животных // РВ. 1887. Кн.5. С.5-54; Кн.6. С.493-534.

Данилевского представители отечественной науки отнеслись беспристрастно и «без всяких предвзятых идей». Отвергая возможные упреки оппонентов в предвзятой и односторонней оценке труда Данилевского, с которым его долгие годы связывали узы самой тесной дружбы, Семенов подчеркивал: «Не в том дело, чтобы та или другая излюбленная теория восторжествовала, а в том, чтобы был пролит свет на предмет «равного которому», по выражению самого Н.Я. Данилевского, «нет в области вопросов, обуревающих в наши дни мыслящую часть человечества» и торжествовала бы истина»⁷²⁶.

Подробнейший разбор труда Данилевского был помещен в январской книжке «Русского вестника» за 1887 г. Автором статьи, озаглавленной сенсационно и даже вызывающе – «Полное опровержение дарвинизма» был публицист и литературный критик, Н.Н. Страхов, ученик и горячий сторонник идей Данилевского. В первой части своей статьи Страхов подробно остановился на биографии Данилевского, понимая, что имя ученого, несмотря на его заслуги перед русской наукой, мало известно широкой аудитории. Приступая к разбору самой книги, Страхов настойчиво подчеркивал беспристрастие Данилевского-ученого и то, что его «Критическое исследование» «есть труд в строгом смысле научный, естественно-исторический, опирающийся, как у всех натуралистов, на твердом признании, что их наука вполне самостоятельна»⁷²⁷. Страхов подробно разобрал доводы Данилевского, основанные на палеонтологических, биогеографических и биостатистических изысканиях, исследованиях распределения организмов в геологических слоях и на поверхности земли, заключениях, сделанных в результате исчисления вероятностей и т.д. Чтобы окончательно убедить читателей в достоверности выводов Данилевского и подчеркнуть убедительность и обстоятельность его исследования, Страхов перечислил тех ученых, которые также указывали на ошибки и неточности в теории Дарвина:

---

⁷²⁶ Семенов Н.П. О труде Н.Я. Данилевского «Дарвинизм, критическое исследование» // РВ. 1886. Кн.12. С.788.

⁷²⁷ Страхов Н.Н. Полное разоблачение дарвинизма // РВ. 1887. Кн.1. С.19.

это Бэр, Агасис, Мильн-Эдвардс, Анатом Овен, палеонтологи Броньяр, Гёпперт, Бронн, Барранд, гистолог Кёлликер, фитогеограф Гризебах, ботаники Декен, Виганд, физиолог Флуранс, зоологи Катрфаж, Бурмейстер, Бланшар и др. Выводы, к которым призывал Страхов, безусловно, противоречили с уже установившимися и получившими признание среди значительной части ученого сообщества взглядами на учение Дарвина: «Для внимательного читателя этой книги станет совершенно несомненно, - писал Страхов, - что от дарвиновой теории нужно отказаться без всякого остатка, что вопрос, ею разрешаемый, требует совершенно других исходных точек и других приемов»⁷²⁸. В финальной, заключительной части своего разбора Страхов преобразался из бесстрастного ученого-естественника в пламенного публициста и с критическим пафосом обращался к сторонникам скептицизма, утилитаризма и материализма, превратившим гипотезу Дарвина в одно из «характернейших и распространеннейших заблуждений нашего века»: «Кто не читал книги Н.Я. Данилевского, тому теперь решительно нельзя давать права говорить о знаменитой теории; а кто читал и вник в дело, тот с изумлением увидит, что писания ее сторонников, начиная с самого основателя Дарвина и кончая последними продолжателями, представляют такие прорехи и недосмотры, что явным образом расходятся по всем швам. Ослепление у последователей гораздо больше, чем у творца теории»⁷²⁹.

Примечательно, что несмотря на упоминание о «прорехах» и «недосмотрах» в трудах как самого Дарвина, так и в «писаниях» его продолжателей, в результате чего, по выражению Страхова, они «расходятся по всем швам», критик отнюдь не позволял себе критиковать самого английского ученого. Напротив, вслед за Данилевским, он подчеркивал «обширный и светлый ум» Дарвина, искренность и благородство его души, наблюдательность и честность как ученого. По мнению Страхова, причиной столь быстрого распространения дарвиновской теории и того восторга,

---

⁷²⁸ Страхов Н.Н. Полное разоблачение дарвинизма... С.58.

⁷²⁹ Страхов Н.Н. Полное разоблачение дарвинизма... С.58.

которым она была встречена образованным обществом, стал *дух времени* [курсив Н.Н. Страхова – Е.П.] и свойство человека «верить всему, чему нам хочется верить». Труд Данилевского Страхов оценивал как «истинный подвиг русского ума и русского чувства», «честь русской ученой литературы»⁷³⁰.

Восторженный отзыв Страхова о книге Данилевского и резкие отзывы в адрес учения Дарвина и работ его последователей стали причиной оживленной журнальной полемики, в частности, спровоцировали выступление К.А. Тимирязева в журнале «Русская мысль» со статьей «Опровергнут ли дарвинизм?»⁷³¹, ответом на которую стала новая статья Страхова в «Русском вестнике» «Всегдашняя ошибка дарвинистов». Ошибку сторонников Дарвина Страхов видел в отказе от внимательного и обстоятельного анализа научных фактов, в стремлении принять «возможность за действительность»⁷³². В дальнейшем к полемике присоединились философ Вл.С. Соловьев, физиолог, академик Петербургской академии наук А.С. Фамилицын, В.В. Розанов, журнал «Вестник Европы»... Дискуссия вышла за рамки обсуждения естественно-научных проблем и приобрела общеполитический, мировоззренческий характер. Так, В.В. Розанов, не будучи специалистом в области естественных наук, в опубликованной в «Русском вестнике» статье «Вопрос о происхождении организмов» рассмотрел теорию Дарвина с философской точки зрения, поставив под сомнение общетеоретические положения дарвинизма. «Высокий интерес, который связан с теорией Дарвина и ее критикой, - отмечал Розанов, - обусловлен тем, что она явилась косвенным разрешением вопроса, в течение длительного ряда веков тревожившее человеческое сознание, вопроса о причинности и целесообразности»⁷³³. С одной стороны, данная дискуссия способствовала выработке культуры научной и философской полемики, формированию критического мировосприятия, но, с другой стороны, споры вокруг учения Дарвина и

---

⁷³⁰ Страхов Н.Н. Полное разоблачение дарвинизма... С.62.

⁷³¹ Тимирязев К.А. Опровергнут ли дарвинизм? // Русская мысль. 1887. Кн.5.

⁷³² Страхов Н.Н. Всегдашняя ошибка дарвинистов // РВ. 1887. Кн.11,12.

⁷³³ Розанов В.В. Вопрос о происхождении организмов // РВ. 1883. Кн.5. С.311.

дарвинизма все больше приобретали политический характер: защита дарвиновской идеи воспринималась едва ли не как часть политической борьбы с правительством, тогда как критика дарвинизма приобретала оттенок «ретроградства» и обскурантизма. Однако следует отметить, что даже в XX веке, когда правота теории Дарвина была убедительно доказана современной наукой, антидарвинистская теория Н.Я. Данилевского продолжает иметь сторонников (Л.С. Берг, А.А. Любищев, С.В. Мейен).

Таким образом, анализ публикаций «Русского вестника» в 1870-1880-е гг. свидетельствует, что в дискуссии вокруг основных положений теории Дарвина о естественном отборе и происхождении человека журнал настаивал на необходимости взвешенного, обдуманного и научного подхода к открытиям английского ученого. Все без исключения авторы «Русского вестника» относились с большим уважением к личности Ч. Дарвина, высоко оценивали его вклад в науку и не позволяли необоснованной и несправедливой критики в его адрес. Но при этом публицисты «Русского вестника» резко негативно воспринимали стремление ряда последователей Дарвина навязать аудитории «слепую веру» в теорию естественного отбора и придать его учению универсальный и безоговорочный характер. В статьях журнала всегда проводилась четкая граница между Дарвином и его последователями, между учением об происхождении видов и последующими работами, в которых основные положения английского ученого подвергались значительному упрощению. Если труды Дарвина авторами «Русского вестника» признавались серьезным, хотя и не бесспорным научным исследованием, то работы многих дарвинистов рассматривались как научная спекуляция, предпринятая для решения отнюдь не научных задач. Главную опасность авторы журнала видели не в учении Дарвина, а в вульгаризации дарвиновских идей, попытках превратить их в «непреложную истину» и приспособить к политической «злобе дня».

Выводы по четвертой главе

Научные отделы отечественной периодики в 1860-1880-е гг. стали полем ожесточенных дискуссий, предметом которых были материалистическое и идеалистическое представления об устройстве мира. В представлениях демократически настроенной разночинской интеллигенции материалистическая философия служила воплощением свободы, естественно-научные законы понимались как аналог законов человеческого общества, вследствие чего естественные науки рассматривались как инструмент рационального преобразования социума. Научные дискуссии выходили далеко за рамки чисто научной проблематики, что наиболее ярко проявилось в спорах вокруг учения Ч. Дарвина о происхождении видов, в котором поколение разночинской интеллигенции 1860-1870-х гг. увидело основу для формирования новых мировоззренческих и идеологических установок. Активно распространявшиеся, особенно в молодежной студенческой среде материалистические идеи, тесно связанные с нигилистическими и социалистическими теориями, формировали искаженные представления о нравственности, справедливости, честности, общественном долге и других гуманистических ценностях.

В изданиях Каткова утверждался приоритет духовных начал над материальными, подвергалось осуждению вульгарно материалистическое понимание общества и сущности человека, указывалось на недопустимость догматического подхода к науке. Не признавая заявленную Чернышевским и его последователями идею «всецелой материальности человеческого существа», зависимости человека исключительно от физических и биологических факторов, авторы катковских изданий проводили мысль о дуализме человеческой природы, подчеркивая, что сущность человека определяется в первую очередь присущим ему сознанием свободы и стремлением к исполнению духовных идеалов истины, справедливости, добра, любви и красоты. Они проводили четкую границу между естествознанием и

материализмом, понимая первое как объективное и непредвзятое изучение наук о природе, а второе – как одностороннее и тенденциозное учение, целью которого является исследование лишь внешней, физической стороны существующего мира. Сотрудничество видных ученых-естественников в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике» и значительное число публикаций естественно-научного характера на страницах этих изданий свидетельствует в пользу того, что они вели системную просветительскую деятельность среди читателей, активно популяризировали достижения науки и научно-технического прогресса. С другой стороны, значительное внимание катковских изданий к научной тематике можно объяснить стремлением отвлечь молодежь от политики и увлечения нигилистическими идеями.

Религия позиционировалась в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике» как неотъемлемая часть культуры любого народа, его духовная и нравственная основа. Религиозные ценности, в первую очередь - ценности православия рассматривались в них как гарантия стабильности государства и общества, воплощение нравственных законов и традиционных, устойчивых, проверенных временем морально-этических начал. Будучи человеком глубоко религиозным, Катков в то же время не препятствовал свободе философской мысли, вследствие чего его изданиям была свойственна «религиозная толерантность». Этим во многом объясняется большое количество публикаций, посвященных малоизученным областям русской духовной жизни: старообрядчеству, молоканству, хлыстовству и т.п.

С другой стороны, отношение к религии во многом определялось политическими факторами: православие в качестве официальной религии являло важный фактор единства русской нации, тогда как политическая роль католической церкви как социального института рассматривалась исключительно в отрицательном контексте.

ГЛАВА V. МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСЕРВАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ М.Н. КАТКОВА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЛАСТИ

Социальные преобразования, начавшиеся с приходом к власти Александра II, в представлениях Каткова, основы мировоззрения которого сформировались в 1830-1840-е гг. под сильным влиянием немецкой классической философии, стали отражением идеи диалектического развития, в которой окружающий мир рассматривался как непрестанно меняющийся, находящийся в постоянном движении, в переходе от одного этапа развития к другому. Этим во многом можно объяснить энтузиазм, с которым журналист отреагировал на первые либеральные начинания нового царствования, следствием которых должно было стать свободное саморазвитие общества и возникновение новых общественных отношений. По свидетельству Е.М. Феоктистова, в первые годы реформ Катков «...был уже не тот человек, каким мы его знали прежде - задумчивый, привыкший более слушать, чем говорить, лишь изредка принимавший участие в беседе; теперь охватил его пламенный интерес к перевороту, совершавшемуся в России» и он «...задался мыслью влиять на общественное мнение или, вернее, создать его, чтобы оно могло действовать на правительство, но вместе с тем не становилось во враждебные к нему отношения»⁷³⁴.

Однако по мере наблюдений за развитием в России опыта либеральных учреждений Катков все более и более приходил к убеждению в том, что многие реформаторские шаги являются преждевременными и ведут лишь к «дикой и слепой демократии». Неудовлетворительный ход реформ и состояние общества Катков объяснял тем, что общественный прогресс в России еще со времен Петра I представляет из себя череду бесконечных реформ и реорганизаций, без учета реальных потребностей общества. Он

---

⁷³⁴ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. М. 1991. С.110.

подчеркивал, что в процессе реформирования в нашей стране «новизна следовала за новизной», но «одно не вытекало из другого», не являлось логическим продолжением и развитием уже созданного. «Мы каждый раз все начинали сызнова, как будто бы не было у нас прошедшего», – с горечью писал Катков уже в 1863 г., подчеркивая, что без разумной консервативной политики Россия будет осуждена на бесконечно повторяющиеся циклы революционных переломов и системных перестроек, где каждый новый этап будет являться опровержением предшествующего, что, в итоге, приведет страну к исторической катастрофе⁷³⁵.

После первых проявлений революционного экстремизма и по мере замедления реформ, журналист, неудовлетворенный их результатами и разочарованный степенью участия в них общества, стал делать ставку не столько на общественные силы, сколько на государственную власть во главе с самодержавным монархом, которая, по его твердому убеждению, должна была возглавить идущие в стране процессы и стать гарантом законности и безопасности. Продолжая с еще большей настойчивостью доказывать необходимость решительных действий, теперь он «порицал с величайшей страстностью то, что превозносил прежде».⁷³⁶ Сторонник решительных и энергичных мер, он, по словам Е.М. Феоктистова, «кипятился, выходил из себя, доказывал, что недостаточно отказаться от вредных экспериментов и обуздать партию, которой хотелось бы изменить весь политический строй России, что необходимо проявить энергию, не сидеть сложа руки; он был непримиримым врагом застоя, и ум его неустанно работал над вопросом, каким образом можно было бы вывести Россию на благотворный путь развития»⁷³⁷.

В своем стремлении сохранить и защитить устойчивые формы государственного и общественного устройства, общепризнанные нормы

---

⁷³⁵ <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 24.06.1863. №137.

⁷³⁶ Неведенский С. <Щегловитов С.Г.> Катков и его время. СПб., 1888. С.549.

⁷³⁷ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы... С.221.

морали, национальные традиции и авторитеты Катков ориентировался на активные действия и свою журналистскую деятельность рассматривал не только как средство репрезентации действительности, но и как инструмент воздействия на нее, видя свой профессиональный долг в том, чтобы «не только давать отпор злу, когда оно само представится, но и выслеживать его где бы оно не гнезилось и какую бы личину не принимало. <...> доискиваться правды во всем и раскрывать ее, не смущаясь ни перед чем, не допуская никакого лицепрятия, не вступая ни в какие торги с совестью, не давая сбить себя никакими прельщениями, с одной стороны, никакими вынуждениями, с другой. <...> Это не есть путь власти или ко власти; это путь службы по совести»⁷³⁸. Издание одновременно журнала и ежедневной газеты давало журналисту возможность не только оперативно откликаться на происходящее, но принимать непосредственное участие в решении общественно значимых проблем пореформенной России.

В данной главе предпринята попытка рассмотреть участие Каткова и его изданий в реализации системы консервативных ценностей через характер взаимоотношений журналиста с высокопоставленными чиновниками – министрами А.В. Головниным, П.А. Валуевым, А.Е. Тимашевым, Д.А. Толстым, шефом жандармов и начальником Третьего отделения П.А. Тимашевым, обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым и, наконец, с императором Александром III.

5.1. Между властью и обществом: взаимодействие М.Н. Каткова с политической элитой по «национальному вопросу» в 1860-е – начале 1870-х гг.

Значительную часть публицистического наследия Каткова составляют статьи по национальному вопросу, в центре внимания которых -

---

⁷³⁸ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 10.12.1886. №341.

взаимоотношения России с национальными окраинами: Царством Польским, Великим княжеством Финляндским, Прибалтийскими губерниями. Можно сказать, что его карьера как политического публициста началась именно в январе 1863 г., когда начало издания им «Московских ведомостей» фактически совпало с антироссийским восстанием в Польше, события которого стали центральной темой его первых выступлений в газете.

5.1.1. Роль публикаций газеты «Московские ведомости» в формировании ценностных установок российского общества в период польского восстания 1863 г.

В первые дни после начала вооруженного восстания в Польше отношение к польским повстанцам в столичных образованных кругах было весьма неопределенным, а нередко даже сочувствующим. О настроениях в Петербурге дает представление адресованное Каткову письмо камер-фрейлины императрицы Марии Александровны А.Д. Блудовой от 31 января 1863 г.: «В народе проклинаят поляков страшно за их убийства. Вообще резко отделяются здесь на два лагеря. Журналисты и салонные люди полны равнодушия и симпатий к Польше. Военные люди и люди пожилые, образованные, как Тютчев, Батюшков, Ковалевский, малороссияне и простые люди полны негодования, скорби, <...> даже возрастающей ненавистью. Поляки очень подняли головы и рассчитывают на неприятности для России со стороны Турции»⁷³⁹. В ситуации, когда в правительстве царица абсолютная растерянность и непонимание того, какой должна быть реакция России на происходящее в Польше, когда большая часть российской прессы заняла неопределенную позицию по отношению к восставшим, а крупнейшие западные державы – Англия, Франция, Австрия – выступили с откровенно антироссийскими лозунгами, сопровождавшимися беспрецедентной по тем

---

⁷³⁹ Блудова А.Д. Письмо М.Н. Каткову. 31 января 1863 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.20. Л.176.

временам информационной компанией в европейской прессе, энергично поддержавшей польских повстанцев и активно возбуждавшей русофобские настроения, Катков – первый и единственный из российских журналистов – решительно выступил в защиту целостности государства и представил четкую программу дальнейших действий в Западных губерниях Российской империи.

Однако, как справедливо отмечает А.А. Тесля, «данная ситуация потребовала от Каткова сформулировать собственное понимание либерализма, поскольку его репутация как редактора «Русского вестника» была однозначно либеральной, а расхожее понимание либеральных принципов оказывалось несовместимой с позицией, занятой им в польском вопросе»⁷⁴⁰. По свидетельству современников, в первые годы издания «Русского вестника» в нем «иногда проскальзывала струйка полонофильства», вплоть до того, что, по воспоминаниям Е.Г. Бекетовой, семья которой была в дружеских отношениях с Катковыми, на встрече нового 1858 года в присутствии всей редакции «после разных тостов вдруг Катков вскочил на стул и провозгласил тост: “За расчленение России!”»⁷⁴¹ Активным членом редакции журнала был профессор Московского университета Г.В. Выдзинский, «яростный поляк, только и мечтавший о полной независимости Польши, а в случае невозможности сразу достичь этого - о широкой административной для нее автономии»⁷⁴², впоследствии - участник польского восстания 1863 г. и видный деятель польской эмиграции.

Однако после получения первых же сообщений об антирусских выступлениях в Польше вектор выступлений Каткова однозначно поменялся с либерального на консервативный: в стремлении поляков к политической обособленности публицист «Московских ведомостей» увидел огромную опасность для целостности Российской империи и указал на недопустимость, «чтоб рядом с ней образовалось отдельное польское государство, которое

---

⁷⁴⁰ Тесля А.А. «Польский вопрос» в передовицах М.Н. Каткова в 1863 г. // Ученые записки ТОГУ. 2011. №2. С.87.

⁷⁴¹ Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. М.-Л. 1934. С.92.

⁷⁴² Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.340.

<...> было бы источником неисчислимых смут и бедствий для обеих народностей»⁷⁴³. В требованиях защитников польской государственности восстановить Польшу «от моря до моря», т.е. в границах Речи Посполитой XVI-XVII вв., когда территории Польского королевства и Великого княжества Литовского простирались от Балтийского до Черного морей, Катков справедливо видел проявления национализма и такой сценарий развития событий сравнивал с «самоубийством» для России, решительно отвергая какие-либо предположения по созданию польской автономии.

В целях ликвидации каких-либо предпосылок для возобновления мятежа, Катков требовал уничтожения политической обособленности Польши. Будущее польской народности он видел исключительно в соединении с Россией, «под сенью общего скиптра», при условии, «чтобы поляки отказались от всяких дальнейших притязаний». В представлении публициста польская национальность должна была стать частью Российской империи, поляки - стать такими же «русскими», как и другие подданные русского императора, отказаться от каких-либо претензий на исключительность и привилегии по национальному признаку. Единая общность - «русский народ» понималась им как единая категория граждан, в основе которой лежит не национальное, этническое или культурное, а политическое единство, т.е. признание себя подданными Российской империи. Для достижения этой цели публицист считал необходимым распространить на территории Польши те же преобразования, какие уже осуществлялись в России, улучшить устройство и обеспечение крестьян и православного духовенства, сменить администрацию, всемерно развивать народное образование, ввести русский язык в католическое богослужение, административную и образовательную сферы, и в целом усилить влияние русской общественности в западных губерниях, в первую очередь – упрочить и всячески развивать русское землевладение в крае. Он с одобрением писал о

---

⁷⁴³ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 12.03.1863. №55.

репрессивной тактике гродненского, виленского и минского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, т.к. в его жестких системных действиях, направленных на ликвидацию польско-католического доминирования в западном крае видел единственную возможность создать долговременные условия для упрочения положения русского элемента и последующей русификации края.

«Польский вопрос» в понимании Каткова был своего рода показателем роли Российской империи в международной политике, и любые уступки здесь, с его точки зрения, могли быть расценены в европейском сообществе как поражение России, снижение ее международного авторитета, как утрата ею статуса великой европейской державы. Он рассматривал восстание как «последнюю попытку со стороны западных держав ослабить и умалить значение России»⁷⁴⁴, и убеждал, что оно не является общенародным, общенациональным, а его идея исходит от высших привилегированных слоев Польши, тогда как низшие слои отнюдь не сочувствуют и не могут ему сочувствовать, а там, где среди низших классов преобладают белорусы, малороссы и литовцы, оно и вовсе преступно. «Все восстание является делом шляхтичей, мелкого безземельного и бездомного дворянства да католического духовенства, а вовсе еще не целого народа, - утверждал публицист. - Вожди восстания, как и французская журналистика, рассчитывают на то, что они продержатся до лета, а тем временем европейская дипломатия успеет уладить все дела»⁷⁴⁵. «Значение великой европейской державы есть для России вопрос жизни и смерти»⁷⁴⁶, - решительно заявлял он в марте 1863 г., в самый разгар восстания, и эти его слова звучали как призыв к решительному действию, к защите национальных интересов России и ее национальной гордости. Одной из самых резонансных стала статья Каткова от 16 апреля 1863 г., написанная в связи с получением Россией депеш от английского, австрийского и

---

⁷⁴⁴ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 5.04.1863. №72.

⁷⁴⁵ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 9.03.1863. №53.

⁷⁴⁶ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 14.03.1863. №57.

французского правительств, которые в ультимативной форме требовали от России урегулирования конфликта в Польше. Напечатанная сразу вслед за тем, как стало известно о содержании депеш, передовая «Московских ведомостей» начиналась энергичным восклицанием-вопросом «Мир или война?» и представляла собой страстный монолог, основной идеей которого была мысль о недопустимости международного вмешательства во внутренние дела России, к которым публицист причислял и российско-польский конфликт. Журналист требовал дать твердый отпор натиску европейской дипломатии, подчеркивая, что, согласившись на ее требования, России незамедлительно утратит авторитет одной из самых влиятельных стран Европы и будет вынуждена идти на дальнейшие уступки. «Твердость и решительность со стороны русского правительства найдут в настоящее время более сознательное и более восторженное сочувствие в массе нашего народа, чем в какую-либо из прежних эпох русской истории, - без колебаний утверждал публицист. - Вся Россия более или менее понимает, какое жизненное значение имеет для нее польский вопрос, и как важно решить его внутренним государственным, а не международным порядком, который не устранил бы на будущее время ни одного из теперешних затруднений и открыл бы иностранной дипломатии путь к вмешательству в наши внутренние дела, к вмешательству несовместимому с достоинством великой державы»⁷⁴⁷. Катков в буквальном смысле чуть ли не диктовал российскому внешнеполитическому ведомству условия, которые, по его мнению, должны соблюдаться в отношениях с европейскими державами: «Теперь мы должны действовать с полной решимостью, - писал он. - Наши действия должны быть направлены не к тому, чтобы угодить той или иной державе, задобрить тот или другой оттенок общественного мнения Европы <...>. Энергия наша должна состоять не в том, чтобы поражать и разбивать шайки, сгоняемые терроризмом, а в том, чтобы оградить мирных людей от этого терроризма»⁷⁴⁸.

---

⁷⁴⁷ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 16.04.1863. №81.

⁷⁴⁸ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 19.04.1863. №83.

Смелая и бескомпромиссная позиция «Московских ведомостей», патриотическое одушевление передовых статей газеты, через которые красной нитью проходила идея общегосударственного единства и неприкосновенности существующих границ России, звучал призыв защитить большинство населения Царства Польского и западно-русских губерний, обреченного стать жертвой междоусобной славянской войны, вызывали бесспорное уважение и доверие читателей, причем как из образованных сословий, так и из низших слоев населения, и служила своеобразным индикатором настроений российского общества. «“Московские ведомости” читались нарасхват, имя его [Каткова – Е.П.] гремело во всей России, едва ли кто после Пушкина пользовался такою славой», - вспоминал об этих днях Е.М. Феокистов⁷⁴⁹. «Ежедневно утром целые массы народа толпились перед редакцией в ожидании, что кто-либо из грамотеев, присланных за получением “Московских ведомостей”, прочтет толпе только что отпечатанную статью по польскому вопросу, - писал впоследствии А.И. Георгиевский, заведовавший редакцией газеты в 1863-1866 гг. - Таких грамотеев оказывалось немало: толпа разбивалась на большое число кучек, покрывавших собой весь Страстной бульвар и жадно внимавших чтению своего грамотея»⁷⁵⁰.

Влияние «Московских ведомостей» на общественное сознание в те дни было почти абсолютным, это была, по словам Е.М. Феокистова, «неслыханная диктатура над умами», авторитет Каткова рос ото дня ко дню, а сам он, по мнению современников, «сделался решительно властью» (именно так в своем дневнике охарактеризовал московского публициста А.А. Киреев, адъютант великого князя Константина Николаевича)⁷⁵¹. Представители научной интеллигенции почитали за честь считать себя в числе сотрудников изданий Каткова и без колебаний признавали его заслуги в деле укрепления единства государства. Советы Московского университета и университета

---

⁷⁴⁹ Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.144.

⁷⁵⁰ Из воспоминаний А.И. Георгиевского // Литературное наследство. Т. 97. М.: Наука, 1989. В 2 кн. Кн.2. С.115.

⁷⁵¹ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.2. Л.95.

Святого Владимира в Киеве подавляющим большинством голосов избрали журналиста почетным членом⁷⁵², отметив, что «имя Каткова, бесспорно, занимающего одно из почетных мест в ряду современных нам публицистов, неразрывно связано с русской национальной политикой, составляющей славу настоящего царствования, с речью о нравственном достоинстве русского народа, с голосом общественного мнения в России»⁷⁵³. Как о «несомненном факте» [подчеркивание автора письма – Е.П.] Е.М. Феоктистов сообщал Каткову, что число его приверженцев в Петербурге растет «не по дням, а по часам»: «Беспрерывно, почти ежедневно, случается встречать людей, которые еще недавно были в противных лагерях, а теперь говорят: “Да, правы были “Московские ведомости”, и правы решительно во всем”»⁷⁵⁴. «Катков - знаете ли, сила, авторитет, личность историческая! Я помню его передовые статьи – самостоятельные, дельные, в высшей степени логичные, прочитанные всей Россией во время польской неурядицы, - писал поэт и публицист Ф.Н. Глинка, вспоминая о событиях 1863 г. - Он истый Цицерон, как будто говорит с трибуны: “Вижу тебя, Катилина!”»⁷⁵⁵ Каждое событие, касалось ли оно внутренней жизни России или ее внешней политики, заставляло столичную аудиторию обращаться к передовым статьям «Московским ведомостей» в ожидании того, какое мнение будет высказано в них Катковым: «...во всех углах говорилось одно и то же: “Что-то Катков скажет? <...> он не станет, он не может молчать! Он заговорит так, что заставит себя слушать!”» - сообщал в Москву писатель Б.М. Маркевич, бывший представителем изданий Каткова в Петербурге⁷⁵⁶. Много позже рассматриваемых событий, знаменитый юрист

---

⁷⁵² Диплом об избрании Каткова Почетным членом Императорского Московского университета. 31 июля 1863 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.42. Л.137; Диплом об избрании Каткова Почетным членом университета Святого Владимира. 7 ноября 1864 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.42. Л.137.

⁷⁵³ Протокол заседания Совета Императорского университета Святого Владимир. 2 ноября 1864 г. // Ф.120. К.42. Л.146-147.

⁷⁵⁴ Феоктистов Е.М. Письмо М.Н. Каткову. 1866 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.36. Л.56.

⁷⁵⁵ Глинка Ф.Н. Письмо И.И. Лажечникову. Б.д. // ОР РГБ. Ф.120. К.42. Л.16.

⁷⁵⁶ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 1 декабря 1867 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.26. Ед.хр.1. Л.112-113.

А.Ф. Кони в своих воспоминаниях будет объяснять свое молчание в ответ на нападки «Московских ведомостей» в связи с делом В.И. Засулич, на процессе которой он выступал в качестве председателя Петербургского окружного суда, сохранившимися со времен студенчества впечатлениями от статей Каткова 1863 г., «пробудивших русское национальное самосознание, оградивших единство России и впервые создавших у нас достойное серьезного публициста положение»⁷⁵⁷.

Даже среди высокопоставленного чиновничества крепло убеждение, что «Московские ведомости» «руководили общественным мнением России ... и служили нам в Западном крае как бы поддержкой». «Читать “Московские ведомости” сделалось у нас такую же необходимостью, как исполнять свои служебные обязанности», - вспоминал А.Н. Мосолов, один из чиновников при генерал-губернаторе М.Н. Муравьеве⁷⁵⁸. «Служа верным изображением и истолкованием народных мыслей, чувств и желаний, “Московские ведомости” вызвали к себе в нашем отдаленном городе всеобщее сочувствие и уважение, - писал Каткову вятский вице-губернатор Д.И. Батурин. - Вам могут быть понятны нетерпение читателей, с которым они ожидают получения каждого номера Вашей газеты, и их стремление сколь возможно скорее познакомиться с Вашими руководящими статьями, как по делам внутренним, так и особенно по обзору внешней политики, полными высокого интереса, занимательности и истинно русского патриотизма»⁷⁵⁹. Посол России во Франции барон А.Ф. Будберг не скрывал, что в 1863 г., при получении почты из России, он в первую очередь начинал читать «Московские ведомости», а уже затем принимался за дипломатические депеши и другие деловые бумаги, присланные из Министерства иностранных дел, и с изрядной долей иронии по отношению к

---

⁷⁵⁷ Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 тт. Т. 2. М.: Юридическая литература. 1966. С.223-224.

⁷⁵⁸ Мосолов А.Н. Виленские очерки (1863-1865 гг.) // Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском. Составление, предисловие и комментарии: Лебедев С. В. / Отв. ред. О. А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2014. С.296.

⁷⁵⁹ Батурин Д.И. Письмо М.Н. Каткову. Вятка. 2 февраля 1864 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.1. Ед.хр.29.

внешнеполитическому ведомству заявлял: «Je preferais toujours l'original a la copie [Я предпочитал всегда оригинал (фр.)]»⁷⁶⁰. О влиятельности московского публициста в дни польского восстания говорит тот факт, что когда осенью 1863 г. он приехал в Петербург, то вице-канцлер и министр иностранных дел А.М. Горчаков организовал обед, на который, «чтобы почтить гостя, пригласил ... все выдающиеся умы своего министерства»⁷⁶¹. Словом, в «напряженные недели» 1863 г. редакция «Московских ведомостей» превратилась в «не знающую роздыха государственную службу особого рода, едва ли когда-либо встречавшуюся в истории, ... стала государственной инстанцией, голос которой сделался необходимостью в обсуждении и решении всех сколько-нибудь серьезных государственных дел»⁷⁶².

Наряду с «польским вопросом», в передовых статьях Каткова в 1860-е гг. не менее важное место занимали проблемы взаимоотношений России с Прибалтийскими (Остзейскими) губерниями: Курляндской, Эстляндской и Лифляндской. Эти территории отошли к Российской империи в результате побед Петра I над Швецией в Северной войне и третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. и обладали особым статусом, пользовались значительной автономией. В основе управления ими лежало местное законодательство («Свод местных узаконений губерний Остзейских»), согласно которому управление в них осуществлялось органами дворянства наряду с правительственными учреждениями во главе с назначаемым императором губернатором. Последний, как представитель центральной власти, был вынужден строить свою служебную деятельность так, чтобы не нарушать привилегий остзейского дворянства, которое настаивало, чтобы в крае могли иметь силу только законы, специально для него изданные, а из русских законов - только те, распространение которых на Прибалтийские территории

---

⁷⁶⁰ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.137-138.

⁷⁶¹ Тютчев Ф.И. Письмо Е.Ф. Тютчевой. СПб. 26 октября 1863 г. // Литературное наследство. Т.97. М.: Наука, 1988. В 2 кн. Кн.1. С.462.

⁷⁶² Любимов Н.А. М.Н. Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям. СПб., 1889. С.239.

особо оговаривалось. Господствующий класс Прибалтийских губерний в основном составляли остзейские немцы – потомки рыцарей, завоевавших эти территории в XIII в., и переселенцы из Голландии, Фландрии, Дании, Швеции, тогда как среди коренных жителей – латышей и эстов, на долю которых приходилось более восьмидесяти процентов населения, большинство составляли крестьяне-хозяева, сельские батраки, низшие классы городских жителей, часть интеллигенции и купцов. Русских в крае проживало лишь около пяти процентов⁷⁶³. В крае преобладало сильное немецкое влияние, в частности, издание периодики, преподавание в местных школах и высших учебных заведениях, делопроизводство в местных административных учреждениях велось исключительно на немецком языке, который имел статус официального. С другой стороны, представители остзейского дворянства всегда составляли заметную часть российской элиты и играли большую роль при русском императорском дворе и в правительстве России.

В передовых статьях Катков протестовал против германизации прибалтийских территорий Российской империи, отстаивал идею широкого использования русского языка и языков коренных народов в образовании и местном делопроизводстве. Публицист нередко позволял себе резкие высказывания в адрес остзейского дворянства, указывал на опасность, которая грозит России в связи с распространенными среди прибалтийской господствующей верхушки сепаратистскими настроениями. Он активно полемизировал с прибалтийскими немецкоязычными изданиями – «Рижской газетой», «Ревельской газетой» и др., настойчиво порицая их выступления в защиту привилегий остзейских баронов и господствующего положения городских магистратов.

Так, в декабре 1865 г. он опубликовал одну за другой сразу три передовые статьи (17, 22 и 25 декабря), в которых, имея в виду ситуацию в Прибалтийском крае, проводил мысль о том, что «главнейшим

---

⁷⁶³ Прибалтийский край // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах. СПб. 1890-1907. Т. XXV. С. 110-117.

осуществлением государственных прав русской народности должно быть признание полноправности русского языка на всем пространстве Русской державы»⁷⁶⁴, и горячо спорил с прибалтийской прессой, которая, как он писал, утверждает, что «у горстки обитателей прибалтийских губерний, говорящих по-немецки, может быть свое особое знамя, кроме общего всем русским подданным русского знамени»⁷⁶⁵, Содержание этих статей явно противоречило опубликованному 15 декабря 1865 г. в 273 № «Северной почты» циркуляру Главного управления по делам печати «о том, чтобы не пропускать в печать ничего, что могло бы служить, хотя косвенно, к поддержанию и подкреплению предубеждений на счет обнаружившихся будто бы в Прибалтийском крае попыток к его германизации и на счет мнимого отрицания его неразрывной связи с Россией»⁷⁶⁶. Более того, данный циркуляр мог быть продиктован по личному распоряжению императора, настроенного решительно против обсуждения национального вопроса в газетах, которые, по его мнению, только «раздражали страсти». На встрече с прибалтийскими предводителями дворянства в ноябре 1865 г. в ответ на их жалобы на «нападки со стороны» литературы (под которой, бесспорно, в первую очередь подразумевались выступления «Московских ведомостей») император выразил сожаление, что «есть журналисты, которые ссорят между собой различные народности России» и недвусмысленно пообещал этому «положить конец»⁷⁶⁷. Катков знал об этой встрече и о высказанном на ней намерении императора из письма своей постоянной корреспондентки О.А. Новиковой, которая советовала ему «удвоить осторожность» и публично объяснить, что он никогда и не намеревался «сеять [подчеркивание автора письма – Е.П.] раздор»⁷⁶⁸, однако вышеперечисленные статьи

---

⁷⁶⁴ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 17.12.1865. №277.

⁷⁶⁵ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 25.12.1865. №284.

⁷⁶⁶ Журнал заседаний Московского цензурного комитета. 18 декабря 1865 г. № 77. // ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 509(2).

⁷⁶⁷ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.3. Л.41.

⁷⁶⁸ О.К. Письмо М.Н. Каткову. 19 ноября 1865 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.23. Л.186-187.

свидетельствуют, что это предупреждение не остановило публициста. Он не только сознательно допустил нарушение предписания Главного управления по делам печати, но и решительно заявил, что данный циркуляр не может заставить его газету отказаться от обсуждения дел Прибалтийского края и от полемики с местными газетами⁷⁶⁹. Подчеркивая, что выступления прибалтийской печати являются сепаратистскими в своей основе, публицист недвусмысленно давал понять, что подобные действия явно производятся с одобрения лиц, занимающих «значительные государственные должности» и с негодованием писал о «чужих патриотах в пределах России», которые, «оставаясь русскими подданными и пользуясь всеми политическими правами», не желают «причислять себя к русской национальности, смотрят на важнейшие интересы России с тем недоброжелательством, которое может быть внушено только чувством чужого, а потому непозволительного патриотизма»⁷⁷⁰. Эти статьи произвели сильнейшее впечатление на аудиторию. «В общественном мнении решительно преобладает Ваше мнение», - писал Каткову из Петербурга Б.М. Маркевич в первых числах января 1866 г.⁷⁷¹ А один из читателей «Московских ведомостей» даже сравнивал его выступления с речами Козьмы Минина в 1611 году:

Чей голос слышу я? Не Минин ли воскрес?

Спасать Отечество вторично силой слова,

И с высоты Кремля воззванье произнес?

Нет, это льется речь разумного Каткова⁷⁷².

Даже у убежденных противников публициста его смелая и бескомпромиссная позиция, решительность и энергичность, с какой он отстаивал в передовых статьях свои убеждения, его последовательность,

---

⁷⁶⁹ Передовая статья // МВ. 17.12.1865. №277.

⁷⁷⁰ Передовая статья // МВ. 22.12.1865. №281.

⁷⁷¹ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. СПб. 14 января 1866 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.25. Ед.хр.4. Л.2.

⁷⁷² Взметнев П.А. Михаилу Никифоровичу Каткову. 1 января 1866 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.42. Л.41-42.

искренность, уверенность в своей правоте вызывали невольное уважение. Так, барон Ф.Ф. Врангель, один из авторов латышской национальной идеи, спустя много лет писал Каткову, что «при всей злобе, которую во мне, наравне с моими земляками, возбуждала зачастую Ваша деятельность, ... мы все смотрели на Вас иначе, как на массу Ваших грубых подражателей». Убежденный враг России и ее государственности, Врангель признавал, что в лице публициста «Московских ведомостей» он и его соратники имели противника глубоко образованного и способного постоять за свои убеждения, «имели дело с руководителями образованной толпы, а не со слугами этого ужаснейшего тирана»⁷⁷³.

Роль статей Каткова в период польского восстания и годы, за ним следовавшие, трудно переоценить. С одной стороны, они обеспечили доверие мерам правительства в Польше в начальный, самый острый период конфликта; противостояли антироссийской информационной кампании в европейской прессе, поддерживая позицию российского внешнеполитического ведомства. С другой – и это не менее важный результат – выступления Каткова положили начало выработке идеи национальной и гражданской идентичности, способствовали пониманию важности защиты национального суверенитета и целостности страны, недопущению международного вмешательства в ее внутренние дела и уступок требованиям европейских держав. Можно сказать, что публицистом была предложена система определенных ценностных установок, которые могли бы стать, как он полагал, ядром политического самосознания, политической культуры и духовной жизни полиэтнического общества, основой стабильного, устойчивого и долгосрочного развития государства: единство нации, патриотизм, гражданский долг, защита суверенитета страны. Резонанс, который имели его статьи, причем как среди высших слоев населения, так и среди низших сословий, свидетельствует, что транслируемые им ценностные

---

⁷⁷³ Врангель Ф.Ф. Письмо М.Н. Каткову. СПб, Михайловский дворец. 4 марта 1882 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.42. Л.237-239.

установки находили отклик в сознании читателей, соответствовали общему настроению российской аудитории в указанный период.

Вместе с тем выступления по польскому вопросу и то влияние, какое они оказывали на общественное мнение, поставили Каткова в весьма сложные и неоднозначные отношения с целым рядом влиятельных российских политиков: министром народного просвещения А.В. Головниным, министром внутренних дел П.А. Валуевым и сменившим его на этом посту в 1868 г. А.Е. Тимашевым, великим князем Константином Николаевичем, которого, как наместника императора в Польше, публицист жестко критиковал за нерешительность и примирительную политику по отношению к польским сепаратистам. Высокопоставленных чиновников не мог не встревожить беспрецедентный рост влияния газеты, аналогов которому в истории отечественной журналистике еще не бывало, но в то же время они пытались использовать «Московские ведомости» в своих интересах.

5.1.2. М.Н. Катков и министр народного просвещения А.В. Головнин

В поисках средства воздействия на общественное мнение и с целью найти поддержку начинаниям своего министерства (и, возможно, обеспечить лояльность газеты по отношению к своему патрону – великому князю Константину Николаевичу), первым попытку заручиться содействием Каткова сделал министр народного просвещения А.В. Головнин, предложивший журналисту сотрудничество в обмен на ряд льгот и преимуществ⁷⁷⁴. Для окружающих не было секретом, что успешный чиновник являлся не только креатурой великого князя Константина Николаевича, главным помощником, преданным и педантичным исполнителем его поручений, но и своего рода его «серым кардиналом», талантливым организатором и советником. Обладая

---

⁷⁷⁴ Перевалова Е.В. М.Н. Катков и А.В. Головнин: к истории взаимоотношений // Вопросы теории и практики журналистики. Научный журнал Байкальского государственного университета. Иркутск, 2017. Т.6. №3. С.330-346.

энциклопедическим умом, знанием нескольких европейских языков, превосходной памятью, высокой работоспособностью, энергией и трудолюбием, умением быстро составлять и редактировать разного рода документы, Головнин с завидным постоянством готовил для своего покровителя материалы, «которые должны были направлять его действия в том направлении, которое казалось Головнину наиболее оптимальным»⁷⁷⁵. Он был не только честолюбив, но и прекрасно умел скрывать свои истинные планы и обладал способностями влиять на людей с целью руководить и управлять ими. «Тонкий и хитрый, он скрывает при дворе свою тонкость под маской благодушия и полнейшей простоты, - писал князь П.В. Долгоруков, - глубокий знаток человеческого сердца, никто, как он, не знает, к каким сердечным струнам следует обращаться, какие пружины надо нажать; он поразительно умеет влиять на людей, руководить ими, направлять их»⁷⁷⁶. Если великого князя Константина Николаевича нередко называют главным инициатором «великих реформ» эпохи Александра II, главой либеральных бюрократов, то Головнина можно назвать его идейным вдохновителем.

Первым шагом Головнина стало адресованное Каткову письмо Головнина от 4 июня 1863 г., в котором министр, сообщая о своем знакомстве с направляющимися в Варшаву и Вильно специальными корреспондентами «Московских ведомостей» - полковником Н.П. Воронцов-Вельяминовым и поручиком П.Н. Юшеновым, выражал желание, «чтобы известия из Варшавы <...> содействовали к разъяснению истины и тем самым еще возвысили значение, которое в последнее время приобрела Ваша газета», и словно бы вскользь замечал, что газета «заслужила честь второго издания» и может

---

⁷⁷⁵ Шевырев А.П. Во главе «константиновцев»: великий князь Константин Николаевич и А.В. Головнин // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С.60.

⁷⁷⁶ Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860-1867. М.: Север, 1934. С.383-384.

считаться «лучшим материалом для истории нашей эпохи»⁷⁷⁷. Последняя фраза особенно замечательна и явно была рассчитана на авторское самолюбие публициста, которому не могла не польстить столь высокая оценка его трудов.

Спустя три дня – 7 июня 1863 г. - Головнин уже прямо и строго конфиденциально предложил Каткову напечатать особой брошюрой статьи по польскому вопросу, опубликованные как в «Московских ведомостях», так и в «Русском вестнике». «Статьи ... принесли большую пользу, дали правильный взгляд на дело и возбудили благородные патриотические чувства, - писал министр Каткову. - Весьма было бы жаль, если бы эти статьи исчезли с номерами тех патриотических изданий, в которых они появились»⁷⁷⁸. На этот раз предложение министра было рассчитано не только на авторскую гордость журналиста, но предусматривало и немалые материальные выгоды: он предлагал приобрести 1200 экземпляров будущего сборника для рассылки учителям в учебные заведения, русским подданным за границу и секретарям российских посольств. Позже товарищ министра барон А.П. Николаи, действовавший по поручению А.В. Головнина, предлагал издателям и другие льготы: сокращение оплаты почтовых расходов в сумме двух рублей с каждого посылаемого по почте экземпляра, так что в итоге стоимость рассылки одного номера газеты в год составила бы всего лишь 1 рубль; открытие педагогического отдела; закупка 2-2,5 тысяч экземпляров газеты для рассылки по учебным заведениям и т.п.

Воспоминания современников⁷⁷⁹ и характер переписки Каткова с Головниным свидетельствует, что журналист явно не доверял министру: он благодарил его за доверие, но при этом давал понять, что ради сохранения независимости своего издания он готов отказаться от прав, которые тот мог бы

---

⁷⁷⁷ Головнин А.В. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 4 июня 1863 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.2. Ед.хр.29.

⁷⁷⁸ Головнин А.В. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 7 июня 1863 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.2. Ед.хр.29.

⁷⁷⁹ Веселовский К.С. Эпизод из истории С-Петербургский ведомостей // Русский архив. 1893. Кн.7. С.397.

ему предоставить, но которые в глазах публики могли быть истолкованы как «начало целого ряда материальных выгод и преимуществ» и «дать пищу клеветам и перетолкованиям относительно характера нашей общественной деятельности»⁷⁸⁰. Дальнейшие шаги министра были направлены на противодействие «Московским ведомостям», причем он попытался использовать против Каткова его же собственное оружие – публицистику, инициировав издание в 1864 г. в Брюсселе книги барона Ф.И. Фиркса «Etudes sur l'avenir de la Russie» («О будущем России»), которая должна была стать своего рода оправданием политики великого князя в Польше и вызовом «Московским ведомостям». В ответ московский публицист в «громовых», по отзывам современников⁷⁸¹, передовых статьях, напечатанных без согласования с цензурой, указал на опасность, исходящую от националистических сил в Царстве Польском и угрожающую целостности Российской империи, доказывая, «что политика русского правительства может не иначе удовлетворять своему назначению, как принимая все более и более национальный характер»⁷⁸². Несмотря на усилия Головнина, который добился согласия императора на рассмотрение вопроса о «Московских ведомостях» на заседании Комитета министров, деятельность Каткова, благодаря энергичной поддержке со стороны военного министра Д.А. Милютина, министра иностранных дел А.М. Горчакова, министра государственных имуществ А.А. Зеленого, председателя Комитета иностранной цензуры Ф.И. Тютчева и др., была признана непередосудительной. Очевидную роль в принятии благоприятного для журналиста решения сыграла деятельная общественная поддержка и позиция руководства Московского университета, которое решительно заявило о нежелании менять редактора газеты и даже выступило с инициативой об изъятии «Московских ведомостей» из общей цензуры и

---

⁷⁸⁰ Катков М.Н. Письмо А.В. Головнину. Б.д. // ОР РГБ. Ф.120. К.45.

⁷⁸¹ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.2. Л.85.

⁷⁸² <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 5.09.1864. №195.

возложении ответственности на редакторов и на университет⁷⁸³. «Выходка Ваша против некоторого правительственного лица наделала здесь много шуму, - писал Каткову из Петербурга Ф.М. Толстой. - Не будь за вами стотысячной армии читателей – то Вас бы скушали без приправы»⁷⁸⁴.

5.1.3. М.Н. Катков и министр внутренних дел П.А. Валуев

Если отношения Каткова с Головниным изначально складывались достаточно напряженно и между ними никогда не существовало доверия и симпатии, то, напротив, с министром внутренних дел Валуевым редактор «Московских ведомостей» достаточно быстро нашел общий язык⁷⁸⁵. Валуев предпринял попытку сблизиться с Катковым почти одновременно с Головниным, но делал это не столь прямолинейно и откровенно и в более осторожных и деликатных выражениях. Имея собственный опыт в публицистике и понимая, какое значение для творческого человека имеет возможность высказать свою точку зрения заинтересованному собеседнику, он в марте 1863 г. обратился к Каткову с весьма необычной для высокопоставленного чиновника просьбой: «Просьба в том, чтобы Вы всегда с той же самой откровенностью сообщали мне Ваше мнение; предложение – в том, чтобы Вы заключили со мной договор, «*pactum*», насчет дальнейшего обмена мыслей и мнений»⁷⁸⁶. В обмен министр предлагал «в пределах возможного, давать конфиденциально [подчеркивание автора письма – Е.В.] ответ на каждый Вами мне предлагаемый вопрос, и желаю, в мою очередь, иметь возможность обращаться к Вам, конфиденциально [подчеркивание

---

⁷⁸³ Прошение Совета Московского университета попечителю Московского учебного округа об отмене предварительной цензуры для «Московских ведомостей». 1865 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.55. Ед.хр.20.

⁷⁸⁴ Толстой Ф.М. Письмо М.Н. Каткову. 5 октября 1864 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.24. Л.44-45.

⁷⁸⁵ Перевалова Е.В. «Московские ведомости» М.Н. Каткова в 1863-1864 гг. – политический официоз или орган независимого общественного мнения? // Вестник Томского государственного университета Серия: Филология. Томск: изд-во ТГУ, 2015. №4(36). С.163-179.

⁷⁸⁶ Валуев П.А. Письмо М.Н. Каткову. 29 марта 1863 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.1-2.

автора письма – Е.П.] же, для осведомления о вашем взгляде на те вопросы, по которым мне хотелось бы узнать Ваше мнение»⁷⁸⁷. Каткова не могло не насторожить поставленное министром условие конфиденциальности переписки, но его, безусловно, заинтересовала возможность получения свежей и достоверной информации «из первых рук». Между ним и Валуевым завязалась оживленная переписка, в ходе которой министр стремился вызвать журналиста на обмен мыслями, обращался к нему за советами, словно бы демонстрируя этим свое доверие к нему и уважение к его профессиональному опыту. Круг обсуждаемых вопросов был весьма обширен: о реорганизации центрального и местного самоуправления, о представительских учреждениях, но большая часть переписки была посвящена вопросам национальной политики. Обоих участников сближало сочувствие проводимым реформам и умеренно-либеральный образ мыслей, и потому в течение всего 1863 г. тон их писем носил весьма откровенный и доверительный характер. Однако в ходе переписки обнаружилось существенное несовпадение их взглядов по национальному вопросу: Валуев являлся сторонником предоставления окраинам империи широкой автономии, тогда как Катков, напротив, отстаивал цельность и неделимость государства как политического организма и допускал сохранение местных особенностей, свободы вероисповедания, употребление местных языков в местных школах и учреждениях лишь при условии обязательного преподавания русского языка как государственного и отказа от каких-либо претензий на политическую обособленность. Журналист требовал решительных мер к польским помещикам, поддержавшим восстание и освобождения крестьян Северо-Западного и частично Юго-западного края от каких-либо обязательных отношений к своим прежним владельцам, видя в этом залог доверия местного населения к верховной власти российского императора. Они по-разному оценивали деятельность киевского генерал-губернатора Н.Н. Анненкова, который мягко относился к польским

---

⁷⁸⁷ Там же.

помещикам, и виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, использовавшего радикальные методы при проведении социальных реформ в Литве и Белоруссии. Столь же различным было отношение Каткова и Валуева к ситуации в Финском и Остзейском крае. Министр, как политик и дипломат, принимал во внимание сильное влияние при дворе крупных остзейских помещиков⁷⁸⁸ – и потому не препятствовал автономии края, тогда как Катков решительно выступал против германизации прибалтийских территорий Российской империи, требовал повсеместного введения русского языка в местных школах и административных учреждениях. И хотя по образному выражению самого Валуева, «та линия, которую в динамике или, пожалуй, в артиллерии, называется директрисой, - у нас общая, но полеты снарядов более или менее уклоняются, вправо или влево, хотя и направлены к одной цели»⁷⁸⁹, со временем между ними возникли серьезные разногласия.

Несмотря на уверения в сочувствии направлению «Московских ведомостей» и «Русского вестника», министр, который поначалу разрешил Каткову предоставлять спорные статьи на его личное усмотрение, минуя Московский цензурный комитет, решительно запрещал статьи, в которых затрагивался национальный вопрос в Финляндии⁷⁹⁰. Так, он отказался пропустить полемические статьи Каткова о дебатах в финском сейме. Дебаты эти подробно освещались в газетах, выходящих в Гельсингфорсе, которые расширяли поднятый вопрос до обсуждения положения о Финляндии как самостоятельном государстве, о финляндском нейтралитете и т.п., что было

---

⁷⁸⁸ Во время визита в Финляндию в 1856 г. император Александр II тщательно избегал называть ее частью Российской империи и, выступая в финском сенате, избрал весьма обтекаемую формулировку для обозначения ее статуса: «... оставаясь добрыми финнами, вы вместе с тем составляете часть того большого общества, главой которого является Император Российский». См. Кауппала П. Александр II и подъем финляндской автономии: отзвуки крымской войны // Александр II. Трагедия реформатора. Люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С.195-213.

⁷⁸⁹ Валуев П.А. Письмо М.Н. Каткову. 29 июля 1863 г. Санкт-Петербург // Русская старина. 1915. Кн.10. С.406-408.

⁷⁹⁰ Валуев П.А. Письмо М.Н. Каткову. 19 октября 1863 г. С-Петербург // Русская старина. 1915. Кн.11. С.250.

воспринято Катковым как проявления сепаратизма. «Боже мой! Что за положение! В Гельсингфорсе, по-шведски, можно говорить против нас все, что угодно, а русским, в Москве, в центре России, Русского государства, запрещается говорить от самого русского правительства», - возмущенно писал Катков Валуеву, - Умоляю вас, не препятствуйте этому. Я жду от вас разрешения, я должен предупредить обстоятельной статьей ожидаемые возражения *Dagbladet*'а. <...> Поверьте, что мы будем писать с надлежащим тактом»⁷⁹¹. В ответ Валуев по телеграфу все же разрешил пропустить «еще одну статью по финляндским делам», но в частном письме журналисту выразил неудовольствие его настойчивостью и просил «как можно менее говорить о Финляндии»⁷⁹².

Давая разрешение на публикацию одних статей, Валуев почти одновременно распоряжался сделать административное внушение Каткову за публикацию других. Так, после появления передовой статьи в 161 номере от 24 июля 1863 г., в которой журналист требовал от правительства «энергических мер» к польским мятежникам и подкреплял это требование ссылкой на многочисленные выражения «горячего сочувствия» со стороны читателей⁷⁹³, Совет по делам книгопечатания принял решение о необходимости сделать строгое внушение «Московским ведомостям». Но если в официальной переписке министр требовал административных мер, то в это же время в частных письмах журналисту заявлял об отсутствии каких-либо разногласий с ним и зачастую прямо-таки извинялся за те или иные действия московских цензоров. Это стремление скрыть неофициальный характер отношений с редактором «Московской газеты» и сохранить конфиденциальность переписки, а также противоречивость официальных распоряжений Валуева и содержания частных писем Каткову свидетельствуют

---

⁷⁹¹ Катков М.Н. Письмо П.А. Валуеву. 2 декабря 1863 г. Москва // Русская старина. 1915. Кн.12. С.417-419.

⁷⁹² Валуев П.А. Письмо М.Н. Каткову. 3 декабря 1863 г. Санкт-Петербург // Русская старина. 1915. Кн.12. С.419-420.

⁷⁹³ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 24.07.1863. №161.

о его стремлении осуществить применительно к «Московским ведомостям» так называемые «покровительственные меры»: видимость строгого цензурного вмешательства не позволила бы газете лишиться доверия публики, а перепадавшие на ее долю «милости» в виде некоторых цензурных послаблений – со временем могли превратить ее во влиятельный и авторитетный инструмент воздействия правительства на общественное мнение.

Но, в отличие от Валуева – тонкого и расчетливого политика, Катков был прямолинеен и неуступчив и решительно не хотел принимать двусмысленного характера подобных отношений и действовать в условиях «двойных стандартов». «Что значат эти всевозможные облегчения, которые рекомендуются Валуевым относительно нас? Это так неопределенно, что успокаиваться на такой формуле было бы детством с нашей стороны», - писал журналист В.П. Боткину⁷⁹⁴. Он готов был согласиться с Валуевым лишь там, где его собственные убеждения совпадали с мнением министра, но в большинстве случаев не спешил руководствоваться его предписаниями. Примером может служить возникшая между ними весной 1863 г. дискуссия по вопросу организации в столице народного ополчения – городской стражи. Катков предложил Валуеву поддержать эту инициативу Московской городской думы, ссылаясь на энтузиазм и патриотическое одушевление населения, подчеркивая, что это подняло бы дух народа и распространило бы всеобщее чувство безопасности и силы. «В настоящую пору весь народ исполнен самого искреннего и сильного патриотизма: это чистое золото и им следует воспользоваться. Было бы непростительным грехом дать этому великому и всеобъемлющему чувству испортиться или измельчать, - писал Катков в Петербург, - Такими минутами надобно дорожить»⁷⁹⁵. Однако в петербургских высших сферах предложение о создании ополчения «произвело

---

⁷⁹⁴ Катков М.Н. Письмо В.П. Боткину. Б.д. // ОР Государственного музея Л.Н. Толстого. Архив В.П. Боткина. П.6. №60793/2.

⁷⁹⁵ Катков М.Н. Письмо П.А. Валуеву. 12 мая 1863 г. Москва // Русская старина. 1915. Кн.8. С.296-300.

далеко не благоприятное впечатление»⁷⁹⁶, и осторожный Валуев в ответном письме предложил организовать не народное ополчение, а «special constables»⁷⁹⁷ по образцу английских специальных констеблей и советовал «поместить об них две-три статьи»⁷⁹⁸. Несмотря на недвусмысленно высказанное пожелание министра, Катков 14 мая 1863 г. опубликовал очень эмоциональную передовую статью в поддержку народного ополчения⁷⁹⁹, а следом за ней - еще несколько статей на ту же тему⁸⁰⁰.

При отсутствии устойчивых законодательных норм, регламентирующих печать, существенная разница во взглядах Каткова и Валуева неминуемо должна была привести к конфликту. Уже вскоре в их отношениях наступило охлаждение. Личная встреча, состоявшаяся в октябре 1864 г., не способствовала достижению взаимопонимания между журналистом и министром, который вынужден был констатировать, что «ни соглашения, ни союза нет, может быть одно подчинение; но ни Вы, ни я не привыкли ограничиваться, в делах мысли, одним подчинением»⁸⁰¹. Их взаимное недовольство и раздражение лишь усугублялось и вылилось в открытое противостояние весной 1866 г., когда Валуеву удалось добиться вынесения «Московским ведомостям» первого, а затем - сразу второго и третьего предупреждений, после чего издание было приостановлено, а Катков заявил о своем отказе от редактирования. Дальнейшие события – встреча Каткова с Александром II 21 июня 1866 г. и его возвращение к редактированию газеты по личному распоряжению императора в обход министра внутренних дел и «Временных правил о цензуре и печати» – можно рассматривать как яркий пример того, насколько велико в России значение первого лица и невысок авторитет формальных процедур. В разговоре с Валуевым Александр II

---

⁷⁹⁶ Фукс В. Письмо М.Н. Каткову. СПб. 3 июня 1863 г. // ОР РГБ. Ф.120. Кн.24. Л.69-70.

⁷⁹⁷ Полицейских специального назначения.

⁷⁹⁸ Валуев П.А. Письмо М.Н. Каткову. 17 мая 1863 г. // Русская старина. 1915. Кн.9. С.403-404.

⁷⁹⁹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 14.05.1863. №103.

⁸⁰⁰ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 2.06.1863. №119.

⁸⁰¹ Валуев П.А. Письмо М.Н. Каткову. 21 ноября 1864 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.33.

заявил, что «простил» Каткова и таким образом «вполне поддержал» власть своего министра⁸⁰², тем самым дав ему понять, что вина журналиста доказана, однако прощена им как государем, чье право миловать своих подданных стоит выше закона и не имеет ничего общего с его формальными требованиями.

Финал публичного конфликта министра и журналиста имел необычайно широкий резонанс. Катков и его газета получили широкую поддержку в самых разных слоях общества, в его честь произносились речи в собраниях, устраивались обеды, поступали письма со всей России, причем не только от представителей образованных сословий, но и от крестьян, артельщиков и т.д. Многие письма были коллективными: от артели грузчиков Московско-Рязанско-Козловской и Рязанско-Моршанской железной дороги, которое подписали 240 человек; от Новогостинодворской биржевой артели (385 человек), Московской биржевой теплорядской артели (150 человек), Московской биржевая Усачевской артели (300 человек) и т.д.⁸⁰³ «Если бы в моих садах уродились золотые яблоки, я не обрадовался бы столько, как узнав, что “Московские ведомости” воскресли и издаются опять под вашей редакцией, - писал Каткову из Симферополя некто П.А. Взметнев. - Поздравляю не вас, а себя и всех моих соотечественников, читающих эту газету; а вам от всего сердца желаю душевной и телесной крепости для несения на многие годы трудов, имеющих целью благо отечества и славу нашего Всемилостивейшего Государя»⁸⁰⁴. Это был первый случай в России, когда карательные меры против органа печати вызвали столь решительный отклик у аудитории.

Однако для многих современников именно с этого момента Катков превратился в журналиста на «особом положении». Так, Ф.И. Тютчев, подводя итоги его конфликта с министром внутренних дел, замечал, что «Московские

---

⁸⁰² Валуев П.А. Дневник. В 2 тт. Под ред. проф. П.А. Зайончковского. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т.2. С.133-134.

⁸⁰³ Письма М.Н. Каткову // ОР РГБ. Ф.120. К.42.

⁸⁰⁴ Взметнев П.А. Письмо М.Н. Каткову. Симферополь. 15 июня 1866 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.42. Л.43.

ведомости» «стали в прямое личное отношение» и недвусмысленно назвал их «газетой ставропигиальной»⁸⁰⁵, тем самым тонко намекая, что Катков обеспечил своей газете независимость от какой-либо иной власти, кроме власти императора. Но протоколы заседаний Московского цензурного комитета за 1866-1867 гг. недвусмысленно свидетельствуют, что значительная часть передовых статей рассматривалась полным составом комитета⁸⁰⁶, и хотя почти все они были признаны «не требующими распоряжений», но подобная практика – когда цензурные органы лишь «принимали к сведению» информацию – давала возможность прибегнуть к карательным мерам при первом же удобном случае⁸⁰⁷. «Молчу и выжидаю»⁸⁰⁸, - эта запись, сделанная Валуевым в своем дневнике в декабре 1866 г. очень показательна: он, как видимо, терпеливо ждал, когда соотношение сил изменится в его пользу, и между тем тщательно подбирал факты, свидетельствующие о «вредной деятельности» московской газеты.

Взаимоотношения с Головниным и Валуевым явились для Каткова первым опытом взаимодействия с представителями политического истеблишмента, своего рода «пробным шаром». Это были его первые попытки воздействовать на власть, подтолкнуть ее к принятию иницилируемых его газетой предложений по национальному вопросу. Энергичные выступления журналиста, будь то призывы к организации в Москве народного ополчения или требования ввести обязательное изучение русского языка на национальных окраинах империи, в указанный период имели мало успеха, однако сам факт ведения диалога между министром и журналистом уже

---

⁸⁰⁵ Тютчев Ф.И. Письмо А.И. Георгиевскому. СПб. 26 июня 1866 г. // Литературное наследство. Т. 97. М.: Наука, 1988. В 2 кн. Кн.1. С.408-409.

⁸⁰⁶ Журнал заседаний Московского цензурного комитета // ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 515(2-3).

⁸⁰⁷ Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865-1905 гг. Система административных изданий. Справочное издание. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. С.374-375.

⁸⁰⁸ Валуев П.А. Дневник... Т.2. С.174.

свидетельствует об изменениях в характере информационного взаимодействия власти и прессы.

5.1.4. М.Н. Катков и министр внутренних дел А.Е. Тимашев

Не менее драматично складывались отношения Каткова с генерал-адъютантом А.Е. Тимашевым, сменившим в марте 1868 г. Валуюва на посту министра внутренних дел. Вектор национальной политики в этот период вновь сменился, и от решительных действий правительство вновь перешло к уступкам и компромиссам. Почти одновременно с Тимашевым, в марте 1868 г. виленским генерал-губернатором был назначен А.Л. Потапов, сторонник более гуманной политики в отношении польского дворянства. Делая значительные уступки представителям польского привилегированного сословия и католическому духовенству, он позволял себе открыто высказывать пренебрежительное отношение к служителям православной церкви и ограничивал права крестьянства, тем самым, по мнению современных исследователей⁸⁰⁹, компрометируя политику российского правительства в глазах белорусских и польских низших слоев населения. Сторонники и единомышленники генерала М.Н. Муравьева подвергались опале. Показательно, но и Тимашев, не склоненный к заигрыванию с печатью, и Потапов, в первые же дни после своего назначения, предприняли попытки приобрести союзника в лице «Московских ведомостей». Так, в двухчасовой беседе с Катковым, состоявшейся в апреле 1868 г., Тимашев «старался изо всех сил быть с ним [Катковым – Е.П.] любезным»⁸¹⁰, и, как видимо, стремился произвести впечатление человека, лояльного к печати и стремящегося к облегчению условий ее существования. Но для Каткова опыт общения с Валуюевым не прошел бесследно, он стал куда более осторожен и недоверчив к

---

⁸⁰⁹ Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863-1914 гг.) // Минск: БГУ, 2010. 439 с.

⁸¹⁰ Тютчев Ф.И. Письмо А.Ф. Аксаковой. СПб. 20 апреля 1868 г. // Литературное наследство. Т. 97. М.: Наука, 1988. В 2 кн. Кн.1. С.333.

знакам внимания со стороны высшей администрации, и после встречи, по свидетельству Тютчева, «вынес <...> лишь самые невеселые впечатления и твердую решимость обострить свою полемику» [подчеркивание автора письма – Е.П.]⁸¹¹. Заявив о своей готовности оказать лишь те услуги, какие «печать может оказывать правительственным деятелям во исполнении предначертаний верховной власти»⁸¹², «Московские ведомости» заняли непримиримую позицию по отношению к действиям Потапова. После первых же его распоряжений в поддержку польского дворянства газета стала систематически критиковать его действия, указывая, что они лишь способствуют усилению сепаратистских настроений и упрочению интересов польского помещного дворянства, усугубляют недоверие местного крестьянства к проводимым российским правительством преобразованиям, чем сводят на нет их результаты. Ожесточенная полемика разгорелась между «Московскими ведомостями» и газетой «Весть» В.Д. Скарятин, поддерживавшей действия виленского генерал-губернатора. В ряде передовых статей Каткова были подвергнуты критике административные распоряжения Потапова, отстранение от должностей в Западном крае ряда русских чиновников и назначение на их места чиновников польского происхождения, факты отстранения от дел мировых посредников, которые отказывались действовать в пользу польских помещиков, переделки выкупных актов в пользу землевладельцев польского происхождения и т.п. Негативно был встречен «Московскими ведомостями» разработанный Потаповым «Проект устройства крестьянского дела в Северо-Западном крае»⁸¹³, в котором газета увидела попытку вернуть польским дворянам часть земель, предоставленных крестьянам по реформе 1863 г., и ликвидировать полученные крестьянами льготы⁸¹⁴. При этом публицист недвусмысленно указывал на солидарность

---

⁸¹¹ Там же.

⁸¹² Передовая статья // МВ. 11.11.1869. №246.

⁸¹³ Передовая статья // МВ. 11.01.1869. №8; 4.02.1869. №28.

⁸¹⁴ Имеется в виду разработанный А.Л. Потаповым «Проект устройства крестьянского дела в Северо-Западном крае», который был отвергнут.

министра внутренних дел с действиями Потапова, давая понять, что главные руководители «польской интриги» находятся не в Польше, а в Петербурге⁸¹⁵.

В высших кругах выступления «Московских ведомостей» по национальному вопросу находили несовместимым с авторитетом власти: «Катков сменил Головнина и Валуева, скомпрометировал их на всю Россию; теперь компрометирует Потапова, - говорил Тимашев. - Он прав в своих нападках; но оттого-то именно он и не совместим с правительством, что он прав» [подчеркивание автора письма - Е.П.]⁸¹⁶. Александр II поддерживал действия Потапова и был решительно против обсуждений в печати национального вопроса, которые, по его мнению, только «раздражали страсти». «Чтобы прекратились в литературе пререкания о национальных вопросах <...> придумай, что хочешь, но я не хочу их терпеть»⁸¹⁷, - высказал свое пожелание император в разговоре с князем С.Н. Урусовым, возглавлявшим Второе отделение императорской канцелярии, ведавшее составлением законов. В феврале 1869 г. виленский генерал-губернатор был очень хорошо принят императором, который явно дал понять, что не одобряет критику его действий в печати и высказал ему свою благодарность, что «несмотря на журнальные крики» он ведет «дело согласно с моими желаниями и к пользе государства»⁸¹⁸. Поддержка императора была воспринята Потаповым как руководство к действию. Он даже не пытался скрыть своей ненависти к порицавшей его действия московской прессе и выражал ее весьма прямолинейно и грубо. «Дмитрий Андреевич [Толстой – Е.П.] имел несколько разговоров с Потаповым, который оказался ниже всякой критики, - сообщал Каткову Маркевич. - Он положительно никакой системы не имеет и не способен ни к какому синтезу. Когда Дмитрий Андреевич заговорил об

---

⁸¹⁵ Передовая статья // МВ. 14.09.1868. №199.

⁸¹⁶ Райковский С.А. Письмо М.Н. Каткову. Петербург. 20 октября 1869 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.22. Л.66.

⁸¹⁷ Феоктистов Е.М. Письмо М.Н. Каткову. Б.д. // ОР РГБ. Ф.120. К.37. Л.44.

⁸¹⁸ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 19 февраля 1869 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.26. Ед.хр.3. Л.15.

общественном мнении, наш европеец злобно прервал его восклицанием, что у нас его нет, а его “нам навязывают московские газеты, которых он де не читает и глубоко презирает их”. “Впрочем, - промолвил он, и в эту минуту продукт николаевских времен выступил целиком из скорлупы своего гнилого европеизма, - впрочем, из двух московских газет я предпочитаю «Москву», потому что у нее бумага мягче. Вы понимаете, для какого употребления?”⁸¹⁹ «Потапов считается теперь всеильным, - сообщал Каткову корреспондент газеты в Вильно С.А. Райковский. - Не все знают, чем куплено торжество, но оно, по-видимому, полное»⁸²⁰. Им были предприняты решительные меры против всех, кто подозревался в общении с редакцией московской газеты или хотя бы в сочувствии к ней, и даже издан конфиденциальный циркуляр с требованием доставлять сведения о лицах, выписывающих «Московские ведомости». Было запрещено выписывать газету присутственным местам и чиновникам, сведения о ее подписчиках должны были в обязательном порядке предоставляться в канцелярию генерал-губернатора, однако все попытки власти оказались безуспешными. «Стали выписывать газету; на имя священников, дьяконов, даже дьячков, - вспоминал Н.И. Воронов, служивший в эти годы в Западном крае, - этим способом достигалась двойная выгода: во-первых, выписка газеты стоила наполовину дешевле, ибо редакция с духовенства Западного края взимала плату в половинном размере, а во-вторых, вся соль заключалась в том, что настоящий получатель делался неизвестным лицом, а следовательно, не мог попасть в число неблагонадежных. Почтальоны знали, кто получатель, вместо «духовного лица» прямо несли к нему газету, и он, конечно, в конторе не числился подписчиком. Конечно, подобное преследование дало весьма обильную пищу для разговоров и насмешек во всех слоях общества, даже вне пределов

---

⁸¹⁹ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Седлец. 25 сентября 1868 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.26. Ед.хр.2. Л.14-15.

⁸²⁰ Райковский С.А. Письмо М.Н. Каткову. 29 октября. Б.г. // ОР РГБ. Ф.120. К.22. Л.74.

края»⁸²¹. Священнослужители губернии откровенно отказывались подчиняться требованиям светских властей: так, в ответ на просьбу минского губернатора Е.А. Касинова – отдать распоряжение по епархии – запретить духовным лицам выписывать «Московские ведомости» – епископ Минский и Бобруйский Александр (Добрынин) заявил, что он подчиняется Священному Синоду, от которого никаких распоряжений не получал⁸²². В Вильно за корреспондентами «Московских ведомостей» С.А. Райковским и В.В. Комаровым было организовано наблюдение и настоящая «погоня»⁸²³, в результате которой они были вынуждены покинуть город. «На Райковского и Комарова набросились именно потому, что они служили прежде в Западном крае и могли, следовательно, теперь служить Вам своими сведениям», - сообщал Каткову из Петербурга Феоктистов⁸²⁴. В октябре 1869 г. из-за разногласий с Потаповым лишились своих должностей виленский губернатор И.А. Шестаков и попечитель виленского учебного округа П.Н. Батюшков, причем одной из причин этих отставок стала связь обоих чиновников с Катковым и сотрудничество в его изданиях. «В этих последних печальных фактах все мыслящие люди видят перелом царствования, возвращение к тем временам, которые после истекших двенадцати лет начинали уже становиться для русского общества мифом, - писал об этом Маркевич. - Положительно то, что государя успели настроить против общественного мнения и печати, служащей ему выражением, как против опасной силы, врывающейся в его самовластие. Батюшков слетел единственно потому, что “он находился в корреспонденции с Московскими ведомостями”»⁸²⁵. Корреспондент газеты полковник А.А. Моллер сообщал Каткову, что во время визита Шестакова к

---

⁸²¹ Воспоминания Николая Ираклиевича Воронова по Западному Краю. Владимир, 1906. С.232.

⁸²² Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 11 января 1869 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.26. Ед.хр.3. Л.4.

⁸²³ Райковский С.А. Письмо М.Н. Каткову. Петербург. 31 ноября 1869 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.22. Л.73.

⁸²⁴ Феоктистов Е.М. Письмо М.Н. Каткову. Б.д. // ОР РГБ. Ф.120. К.36. Л.37-38.

⁸²⁵ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 25 октября 1869 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К.26. Ед.хр.3. Л.39.

Тимашеву министр прямо обвинил виленского губернатора в том, что тот состоит в сношении с Катковым, сообщая ему о самых секретных распоряжениях центральной администрации [подчеркивание автора письма – Е.П.]⁸²⁶. Видимо, эти подробности встречи Шестакова с Тимашевым просочились в петербургское общество, в котором истинной причиной отстранения Шестакова и Батюшкова называли то, что они сообщили точные сведения о действиях Потапова в редакцию «Московских ведомостей»⁸²⁷. П.Н. Батюшков откровенно писал Каткову, что его обвинили в интригах против Потапова при посредничестве «Московских ведомостей», а с целью скомпрометировать его перед императором использовались его письма, написанные им Каткову из Вильно и изъятые при обыске⁸²⁸. Сам факт использования писем в адрес редакции одной из крупнейших российских газет для обвинения высокопоставленного чиновника в «неблагонадежности», достаточно примечателен и подтверждает, что проводимое Потаповым смягчение жесткой системы управления краем, установленной М.Н. Муравьевым, находило поддержку у многих представителей российской аристократии и в правительстве.

Вместе с тем позиция «Московских ведомостей» в польском вопросе продолжала пользоваться сочувствием значительной части российского общества, чему немало свидетельств можно найти в письмах и дневниковых записях. «Вы продолжаете быть героем настоящей минуты, - сообщал Каткову из Петербурга С.А. Райковский. - О статье против Потапова толкуют сочувственно даже люди вам неприязненные: читали даже те, кто ничего не читает. Неужели возможно и после этого, что Потапов удержится?»⁸²⁹. «Героями дня во всех политических петербургских гостиных являются ныне

---

⁸²⁶ Моллер А.А. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 9 октября 1869 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.22. Л.126-128.

⁸²⁷ Никитенко А.В. Дневник. В 3 тт. М.: ГИХЛ, 1956. Т.3. С.159.

⁸²⁸ Батюшков П.Н. Письмо М.Н. Каткову. Вильно. 4 ноября. Б.г. // ОР РГБ. Ф.120. К.22. Л.4-5.

⁸²⁹ Райковский С.А. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 14 октября 1869 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.22. Л.65.

«Московские ведомости» и гг. Катков и Леонтьев. Везде только и речи, что о ваших статьях о Потапове», - так характеризовал настроения петербургской публики А.А. Моллер⁸³⁰. «В обществе нашем вообще сильно распространено мнение, что у нас слишком покровительствуют немцам и пруссакам, даже в подрыв русским народным интересам», - писал А.В. Никитенко⁸³¹. «Вы в настоящую минуту сильнее здесь более, чем когда-нибудь. Шувалов⁸³² говорит, прямо, что Вы сила [подчеркивание автора письма – Е.П.] и что нельзя не считаться с Вами, а Тимашев еще вчера заявлял Крейцу⁸³³, что вне национальной политики нет спасенья», - сообщал Каткову Маркевич⁸³⁴.

Можно предложить, что настойчивость «Московских ведомостей» и резонанс их выступлений были приняты во внимание правительством, т.к. в результате заседаний в Главном комитете об устройстве сельского состояния 27 октября, 10 и 17 ноября 1869 г., где рассматривался вопрос об исполнении «Правил относительно введения в действие выкупных актов в Северо-Западном крае», было сделано заключение, что распоряжения Потапова существенно отличаются от Положения 26 марта 1863 г.⁸³⁵ Правда, чтобы сохранить престиж власти генерал-губернатора, было указано, что он был введен в заблуждение вследствие неясности редакции самого Положения 26 марта. Таким образом, власть, хотя и не явно, вынуждена была признать ошибочность действий Потапова и правоту критики его распоряжений в «Московских ведомостях». Сам виленский генерал-губернатор, вызванный на заседание 10 ноября, был вынужден признать, что им допущена ошибка. Вслед за этим созданный под председательством князя П.П. Гагарина Особый

---

⁸³⁰ Моллер А.А. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 9 октября 1869 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.22. Л.126-128.

⁸³¹ Никитенко А.В. Дневник. В 3 тт. М.: ГИХЛ, 1956. Т.3. С.201.

⁸³² Шувалов Петр Андреевич (1827-1889) – граф, в 1864-1866 гг. генерал-губернатор Прибалтики, в 1866-1874 гг. – шеф жандармов и начальник Третьего отделения.

⁸³³ Крейц Генрих Куприянович (1817 -1891) - граф, генерал-майор свиты; московский обер-полицмейстер, сенатор.

⁸³⁴ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 3 февраля 1869 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.26. Ед.хр.3. Л.9.

⁸³⁵ 26 марта 1863 г. вышел указ Александра II о восстановлении Государственного совета Царства Польского и учреждении органов самоуправления в Польше.

комитет в декабре 1869 г. признал необходимым отменить запрет на употребление русского языка в иноверческих церквях, введенный еще в 1848 г. Подписанный императором указ об отмене запрета существенно менял статус русского языка в Западном крае и учитывал интересы католического населения западных окраин, говорящего на русских наречиях.

Но при этом власть не желала иметь оппозицию и не готова была терпеть даже самой благонамеренной критики правительственных решений. Статьи «Московских ведомостей» этого периода рассматривались полным составом Московского цензурного комитета и сообщения о них, как правило, поступали в Главное управление по делам печати⁸³⁶. В ноябре 1869 г. Тимашевым был представлен императору доклад, суть которого сводилась к тому, что «пресса по существу своему есть элемент оппозиционный, представляющий тем более привлекательности для общества, чем форма, в которую она облекает свои протесты, смелее и резче», и одновременно направлена в Комитет министров записка «О злоупотреблениях печатным словом», в которой речь преимущественно шла о «Московских ведомостях», которые, как отмечалось, заняли «исключительное нравственно стесняющее администрацию» положение и их направление «не может быть терпимо без ущерба авторитету властей»⁸³⁷. Заседание носило секретный характер, всем членам Совета от имени императора было особо настоятельно и категорически воспрещено проговориться о результатах совещания. «Это значит, что против “Московских ведомостей” решено принять меру, которой министр внутренних дел не желал взять на свою ответственность, - записал в своих дневниках вывод искушенный в тайнах правительственной дипломатии П.А. Валуев, который, как видимо, продолжал внимательно отслеживать все, что

---

⁸³⁶ Журнал заседаний Московского цензурного комитета. 11 января 1869 г. №1. // ЦГА Москвы. Ф.31. Оп.5. Ед.хр.533(1); Журнал Московского цензурного комитета. 5 февраля 1869 г. №8. // Там же. Ед.хр.533(1); Журнал Московского цензурного комитета. 18 июня 1869 г. №43. // Там же. Ед.хр.534(1); Журнал Московского цензурного комитета. 9 июля 1869 г. №48. // Там же. Ед.хр.534(2).

⁸³⁷ РГИА СПб. Ф.1275. Оп.1. Д.80. Л.2-7.

касалось Каткова и его газеты, - Дня через два или три она будет известна. Впрочем, быть может и то, что решено только принять такую меру при первом ее могущем вызвать случае»⁸³⁸. Экс-министр внутренних дел с удовлетворением отмечал, что «давно плавающий в официальном воздухе вопрос о “Московских ведомостях” получает, по-видимому, определительное разрешение»⁸³⁹. Атмосфера секретности вокруг вопроса о судьбе «Московских ведомостей» свидетельствует не только о значении, которое придавалось газете в высших административных сферах, но и о ее реальном влиянии на аудиторию, которое так пугало представителей высших правительственных инстанций. Но результатом заседания стала лишь командировка в Москву начальника Главного управления по делам печати Ф.Ф. Веселаго с целью убедить Каткова переменить политический тон.

Указания на пренебрежение «национальной политикой» («Все, чем сильна государственная жизнь, что связует народ в одно живое и крепкое целое, чем дорожит паче золота всякое мудрое правительство, поругано и потрясено...»⁸⁴⁰), недвусмысленные намеки на «тайные силы» «на берегах Невы», противодействующие истинным патриотическим силам, утверждения, что «отделение Финляндии от России есть уже свершившийся факт»⁸⁴¹ - явно не соответствовали политике правительства на национальных окраинах и стали причиной получения «Московскими ведомостями» двух предостережений, в январе 1870 г. и в марте 1871 г.

5.1.5. М.Н. Катков и начальник Третьего отделения граф П.А Шувалов

Вынесение предостережений поставили Каткова перед необходимостью избегать прямых конфликтов с кем-либо из представителей политической элиты и искать среди нее не столько единомышленников, сколько

---

⁸³⁸ Валуев П.А. Дневник... Т.2. С.275.

⁸³⁹ Там же.

⁸⁴⁰ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 3.01.1870. №2.

⁸⁴¹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 7.03.1871. №50.

покровителей. Так, в 1873 г. он, забыв недавние разногласия, возобновил переписку с назначенным в 1872 г. министром государственных имуществ П.А. Валуевым, ответив согласием на его просьбу конфиденциально обмениваться информацией о работе созданной под руководством министра комиссии для выработки новых правил найма рабочих и прислуги и высказывать «будущие к ней отношения “Московских ведомостей”»⁸⁴², и даже опубликовал ряд передовых статей, в которых детально рассмотрел проект, отметив как присущие ему достоинства, так и недоработки, предложив ряд усовершенствований⁸⁴³. Однако Валуев уже не имел того значения и власти, какими обладал в 1860-е гг., и потому Каткову было необходимо заручиться поддержкой более могущественного союзника.

Сохранившаяся в архивах ОР РГБ переписка Каткова с Маркевичем 1872-1874 гг. недвусмысленно свидетельствует, что журналист в эти годы пользовался негласным покровительством шефа жандармов и начальника Третьего отделения графа П.А. Шувалова - самой влиятельного лица в правительстве и в придворных кругах в начале 1870-х гг., которого за глаза называли «вице-императором» и даже «Петром IV». Шувалов не выражал симпатии прессе, и всегда выступал одним из самых ревностных противников свободы печати, полагая, что она «является слишком опасным оружием против правительства, которое не может вступать в ежедневную полемику и делается безответным противником, принужденным уступать в неравной борьбе»⁸⁴⁴, но именно к нему-то и решился обратиться редактор «Московских ведомостей». Чтобы наладить отношения с всесильным начальником Третьего отделения, он был вынужден отказаться от публикаций, которые могли вызвать его недовольство, в первую очередь от тех, в которых затрагивались национальные отношения, тем более что Шувалов в 1860-е гг. был генерал-губернатором Прибалтийских губерний и весьма ревниво относился ко всему,

---

⁸⁴² Валуев П.А. Письмо М.Н. Каткову. 2 ноября 1874 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.39.

⁸⁴³ Передовая статья // МВ. 26.11.1874. №296; 5.12.1874. №305; 6.12.1874. №306; 13.12.1874. №312; 24.12.1874. №323; 15.02.1875. №44; 30.04.1875. №107 и др.

⁸⁴⁴ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX – XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. С.156-157.

что касалось этой темы. Интересное свидетельство сохранилось в письмах Н.С. Лескова, демонстрирующее, что журналисту с первых же шагов пришлось считаться с настроениями любимца императора. «Раз, когда я жил летом в Ревеле, К <атков> передал мне через Любимова, чтобы я написал что-нибудь об остзейском крае, - писал Лесков А.С. Суворину. - Я написал. К <атков> отдал в печать не читая. Выходит книжка, а моей статьи нет, - захожу к Базунову, там мне выдают гонорар... Что за притча? Идем мы вечером с К <атковым> и Гезеном по Невскому, я и спрашиваю К<атко>ва: что это значит: или моя статья не хороша? Тогда за что же мне деньги? А он отвечает: “Нет; статья очень хороша, а мне нужен Шувалов, и с ним надо было помириться”»⁸⁴⁵. Случай, описанный Лесковым, был далеко не единичным, и в профессиональной среде в начале 1870-х гг. распространилось мнение, что «Московские ведомости» «телом и душой отдались Шувалову» и потому не смеют «теперь затрагивать ни одного важного вопроса»⁸⁴⁶. Какова была цена подобного компромисса и стоила ли она тех преимуществ, которые приобрела газета благодаря покровительству сановника?

Содействие Шувалова было крайне необходимо Каткову в первую очередь затем, чтобы иметь возможность «из первых рук» получать точную и достоверную информацию. Несмотря на то, что среди его столичных корреспондентов было немало высокопоставленных чиновников, поступающие в газету сведения зачастую были неполными, фрагментарными, а многие документы становились известны редакции лишь после их публикации в официальной прессе. Поэтому Маркевич – представитель редакции в Петербурге - весной 1872 г. предложил своему Каткову обратиться к шефу жандармов как к единственному высокопоставленному лицу, «которое не побоялось бы сообщать Вам все документальные сведения, какие пригодны для нашей газеты». «Другими же способами мы никогда не добьемся всецело

---

⁸⁴⁵ Лесков Н.С. Письмо А.С. Суворину. 11 марта 1887 г. // Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т.11. С.340.

⁸⁴⁶ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 16 апреля 1872 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.129.

того, что Вы желаете: удастся добыть то или другое, а всего не получишь никогда, - советовал Маркевич. - Между тем никто из знакомых мне высокопоставленных лиц, - повторяю, - не согласится сообщать мне постоянным порядком [подчеркивание автора письма – Е.П.] сведений и документов»⁸⁴⁷. Маркевич с жаром убеждал Каткова, что сотрудничество с начальником Третьего отделения не станет «изменой» и что тот «человек недюжинный и благонамеренный, вполне сознает необходимость национальной политики и будет неуклонно идти по этому пути». «Мне кажется, что с этим человеком Вам можно будет идти заодно, - писал он Каткову. - <...> Не знаю, что таится в глубине души Шувалова, но до сих пор все его действия говорят за то, что он хочет вполне национальной политики, но при средствах легальных и цивилизованных и не допуская революционных мер под предлогом государственной необходимости. С такими воззрениями Вы не можете не согласиться идти заодно, и я всей душой и всем сердцем желаю не ошибиться в Шувалове и приобрести ему Вашу поддержку на этом пути»⁸⁴⁸.

В конце 1872 г. Катков обратился к шефу жандармов с весьма рискованной просьбой: сообщать в редакцию «Московских ведомостей» содержание записок Государственного совета и Комитета министров. Содержание данных документов представляло собой государственную тайну: записки распечатывались и рассылались в строго ограниченном количестве экземпляров – по числу лиц, присутствующих в Совете и Комитете. Незамедлительное согласие Шувалова свидетельствует, что он также был заинтересован в сотрудничестве с Катковым, в котором публично признавал «силу» [подчеркивание автора письма – Е.П.], с которой «нельзя не считаться»⁸⁴⁹. Еще летом 1866 г. Шувалов имел с Катковым «долгое

---

⁸⁴⁷ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 20 апреля 1872 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.131.

⁸⁴⁸ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Б.д. // ОР РГБ. Ф.120. К.30. Л.31.

⁸⁴⁹ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 3 февраля 1869 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.26. Ед.хр.3. Л.9.

объяснение»⁸⁵⁰, в ходе которого пытался «прощупать» его настроения с целью, как он сам впоследствии признавался Валуеву, добиться того, чего не добился министр внутренних дел - приобрести сильное влияние на журналиста⁸⁵¹, но тогда, как видимо, их беседа окончилась безрезультатно. В 1872 году в ответ на просьбу Каткова Шувалов поначалу предложил компромиссный вариант - еженедельно в течение получаса «изустно» сообщать Маркевичу самые свежие новости «из области предположений государственных и административных»⁸⁵², но уже месяцем позже согласился передавать для редактора «Московских ведомостей» «особенно интересные» печатные записки⁸⁵³, и даже просил Маркевича «в виду будущих бесед приготовить ему вопросы, на которые желали бы получать ответы и документы»⁸⁵⁴. Документы, который передавались Каткову для ознакомления, как правило, представляли собственные экземпляры Шувалова и предназначались исключительно для служебного пользования, поэтому журналист был обязан вернуть их сразу же после прочтения, но в случае необходимости ему разрешалось «сделать список».

Осторожный Шувалов тщательно избегал всего, что могло бы обнаружить его связь с «Московскими ведомостями». Если Головнин и Валуев состояли в непосредственной переписке с Катковым, то Шувалов предпочитал общаться через посредника, роль которого взял на себя Маркевич, извещавший Каткова в письмах обо всех подробностях их бесед. При этом соблюдались меры строжайшей секретности: во избежание попадания писем в посторонние руки и их перлюстрации, Маркевич пересылал их с почтовыми (если письмо писалось им ночью) или с курьерскими (если письмо было написано днем) поездами, или же с «верной оказией», а после того, как в

---

⁸⁵⁰ Из записок Высокопреосвященного Леонида, архиепископа Ярославского // Московские церковные ведомости. 2.04.1911. №14. С.343-344.

⁸⁵¹ Валуев П.А. Дневник... Т. 2. С.410.

⁸⁵² Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 11 декабря 1872 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.34. Л.228.

⁸⁵³ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 26 января 1873 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.34. Л.232.

⁸⁵⁴ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 26 января 1873 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.34. Л.234.

апреле 1873 г. одно из писем пропало, он стал их тщательно пронумеровывать, чтобы в случае недоставки какого-либо из писем это сразу стало бы заметно⁸⁵⁵.

Встречи представителя Каткова с начальником Третьего отделения происходили достаточно регулярно, за исключением случаев, когда последний был занят чрезвычайными или срочными государственными обязанностями, а переписка не прерывалась даже во время отъезда Шувалова из столицы. «Беседы наши, по-видимому, нравятся Шувалову, - уведомлял Маркевич Каткова, - и он постоянно спрашивает меня: нет ли у меня каких других вопросов, - то я возобновляю Вам мою просьбу: доставлять мне сведения о том, что наиболее в данную минуту интересуется редакцию [подчеркивание автора письма – Е.П.]»⁸⁵⁶. Как видимо, Шувалов хорошо изучил опыт общения Каткова с П.А. Валуевым и А.В. Головниным и понимал, что ни путем давления и запугивания, ни обещаниями материальной выгоды, ни какими-либо другими поспешными предложениями «взаимовыгодного сотрудничества» ему не удастся воздействовать на журналиста и потому был крайне осторожен. При каждой встрече с Маркевичем он настойчиво просил передать Каткову, что «официозное служение его Вашей газете не должно ничем Вас связывать и что Вы из его сообщений можете делать все, что Вам угодно, не почитая себя обязанным к ним снисходительнее, чем бы вы думали – потому что они доставлены Вам от него»⁸⁵⁷. Подобной тактики Шувалов придерживался и в дальнейшем, подчеркивая, что исполнение журналистом каких-либо его рекомендаций или пожеланий возможно лишь в случае, если это не расходится с его собственными воззрениями и не противоречит позиции газеты. Шувалов неоднократно давал понять, насколько высоко ценит сам император московского публициста и как внимательно прислушивается к его мнениям. «Я и понимаю его таким человеком, которому ничего не стоит

---

⁸⁵⁵ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 24 апреля 1873 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.177.

⁸⁵⁶ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 5 февраля 1873 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.27. Ед.хр.3. Л.10.

⁸⁵⁷ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 11 декабря 1872 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.34. Л.228.

приносить жертвы ввиду высших целей, - передавал Маркевич Каткову слова Шувалова, сказанные при очередной встрече. - И поверье – государь высоко умеет ценить это... Я Вам прямо скажу: в этом теперешнем положении своем он для Государя – авторитет»⁸⁵⁸. Как видимо, высокопоставленный сановник рассчитывал, что только таким путем – постоянно высказывая по адресу журналиста уважительное внимание, подчеркивая его заслуги и значение перед государем, он сможет внушить ему доверие. Как представляется, Шувалов полагал, что лучше «переиграть», но он прекрасно умел владеть собой, и его стремление доказать Каткову свое искреннее расположение и сочувствие его взглядам отнюдь не казалось преувеличенным. Так, он высоко оценивал вклад Каткова в преобразование гимназий. «Дело учебной реформы прошло единственно влиянием его [Каткова – Е.П.] слова. <...> Ни Толстой, ни я не могли [подчеркивание автора письма – Е.П.] бы провести его, не будь того полного доверия, которое внушает Государю Катков. И это влияние свое он, если захочет, может распространить на весь ход государственных дел, - пересказывал Маркевич в сентябре 1873 г. слово в слово свой разговор с Шуваловым. - Я Вам даю теперь же слово, что никакое предположение высшего порядка, никакой государственный вопрос не будет подвергнут обсуждению без предварительного спроса мнения Михаила Никифоровича, и я лично всегда буду готов отказаться от своего мнения, если оно не получит его одобрения» [подчеркивание автора письма – Е.П.]⁸⁵⁹.

Свое обещание оказывать содействие «Московским ведомостям» в предоставлении эксклюзивной информации Шувалов выполнял весьма ответственно: сообщал о готовящихся инициативах правительства, законопроектах и т.п. Так, в январе 1873 г. он через Маркевича представил в газету подробный отчет о своей поездке в Лондон для переговоров с министром иностранных дел Англии лордом Гренвиллем по вопросу об

---

⁸⁵⁸ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 23 сентября 1873 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.202.

⁸⁵⁹ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 23 сентября 1873 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.202-203.

определении границах России в Средней Азии, что представляло собой самую обсуждаемую и злободневную тему как в российской, так и в европейской печати. В мае 1873 г. Шувалов передал проект преобразования тюремного ведомства, оговорив, что сам проект представляет собой тайну, «которую в печати не следует оглашать», но подчеркнув при этом, что «чем более и подробнее заговорит пресса и чем глубже обратят на него внимание преимущественно “Московские ведомости”, которым привык доверять Государь, - тем более услуги окажут они делу»⁸⁶⁰, результатом чего стала целая череда передовых статей «Московских ведомостей», в которых детально рассматривалось состояние тюрем в России, приводился западный опыт тюремного управления и анализировались меры, необходимые для устранения недостатков⁸⁶¹. Любопытно, что Шувалов, по свидетельству Маркевича, «предлагая свои сообщения, ни разу не выражал прямо мысли своей относительно того, о чем и как следовало бы говорить “Московским ведомостям”»⁸⁶², но тем не менее «со всегдашней своею крайней деликатностью и боязнью казаться навязывающим себя»⁸⁶³, давал понять, о чем, по его мнению, было бы желательно написать в «Московских ведомостях».

Шувалов оказывал газете и другие услуги: содействовал с получением разрешения на розничную продажу, мог предостеречь от публикации статей, которые дали бы повод к преследованиям цензуры, исполнял роль своеобразного посредника между Катковым и императором. Он неоднократно просил разрешения «дозволить ему велеть переписать [письмо Каткова,

---

⁸⁶⁰ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 11 мая 1873 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.186-187.

⁸⁶¹ Катков М.Н. > Передовые статьи // МВ. 22.05.1873. №125; 26.05.1873. №129; 2.06.1873. №135; 7.06.1873. №140; 18.07.1873. №180; 26.07.1873. №188.

⁸⁶² Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 15 марта 1873 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.163.

⁸⁶³ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 21 марта 1873 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.169.

адресованное Маркевичу – Е.П.], чтобы показать его Государю»⁸⁶⁴ и, таким образом, содержание многих писем редактора «Московских ведомостей», не будучи прямо предназначено императору, становилось ему известно. Шувалов мог обратить внимание Александра III на наиболее интересные и актуальные материалы «Московских ведомостей» или, напротив, предупредить его недовольство, вызванное статьями газеты. Трудно предугадать, как бы сложились отношения Каткова с начальником Третьего отделения в дальнейшем, но уже в 1874 г. влияние Шувалова на императора стало уменьшаться, и вскоре он был назначен чрезвычайным полномочным послом в Англию, вследствие чего общение между ним и редактором «Московских ведомостей» прекратилось.

Отношения Каткова с Шуваловым демонстрирует, что при отсутствии в России устойчивых механизмов взаимодействия власти и печати, журналисту волей-неволей приходилось искать компромисс между стремлением добросовестно выполнять свои профессиональные обязанности - и необходимостью «попадать в тон» высокопоставленному чиновнику, с риском со временем превратить свои издания в проправительственный официоз, что неизбежно влекло за собой репутационные потери и утрату общественного доверия.

Подводя итоги, следует отметить, что публицистические выступления Каткова по национальному вопросу в 1860-е – начале 1870-х гг. содержали весьма четкую и логичную концепцию национальной политики, в рамках которой публицист отстаивал ряд конкретных мер: введение русского языка, ликвидацию привилегий и льгот по национальному признаку, усиление влияния русского элемента на национальных окраинах империи и т.п., реализация которых, по его твердому убеждению, способствовала бы политическому единению Российской империи. Современные историки сходятся во мнении, что как издатель, редактор и публицист Катков не только

---

⁸⁶⁴ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 29 марта 1873 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.172.

оказывал существенное влияние на общественные взгляды и правительственную политику империи, но и формировал определенный образ России за границей. «Вольно или невольно, - считает авторитетный исследователь русского консерватизма А.В. Репников, - но именно на основе изданий Каткова Европа составляла свое мнение о России»⁸⁶⁵. В трудах В.М. Хевролиной указывается на значительную роль изданий Каткова в освещении места России в Европе в условиях начавшегося блокообразования и отмечается, что национально-патриотическая концепция публициста отвечала «действительно общенациональным задачам», отражая «объективную реальность: сохранение независимости и самобытности нации»⁸⁶⁶.

В правительственных сферах меры, предлагаемые «Московскими ведомостями», воспринималась неоднозначно. Большая часть представителей политического истеблишмента видела в концепции «национальной политики» Каткова противодействие правительственному курсу, угрозу стабильности и полагали недопустимым подобное активное вмешательство журналиста в сферу государственной политики, хотя и не прочь были использовать его влияние в своих интересах.

Публичное противостояние Каткова руководству Министерства внутренних дел демонстрировало, что печать начала представлять реальную власть, с которой уже не может не считаться политическая элита. Однако вынесенные в начале 1870-х гг. два предостережения за статьи по национальному вопросу по факту налагали серьезные ограничения на освещение «Московскими ведомостями» данной тематики, что стало одной из причин обращения Каткова к проблемам реформирования системы российского образования в 1870-е гг.

---

⁸⁶⁵ Репников А.В. Русский консерватизм: Михаил Никифорович Катков // Перспективы http://www.perspektivy.info/history/russkiiy_konservatizm_mihail_nikiforovich_katkov_2008-2-11-16-36.htm

⁸⁶⁶ Хевролина В.М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878-1894 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 316 с.

5.2. М.Н. Катков и Д.А. Толстой как реформаторы системы российского образования

Будучи страстным приверженцем науки и искусства, европейской классической культуры (в первую очередь – античной), сторонником широкого просвещения как важнейшего средства развития общества, Катков отводил проблеме образования и воспитания одной из центральных мест. Образовательные реформы, непрерывно продолжавшиеся в России на протяжении более чем двух десятилетий, стали главным делом, объединившим его с Д.А. Толстым – в течение четырнадцати лет, с 1866 по 1880 гг., совмещавшим должности министра народного просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода, а при Александре III назначенным министром внутренних дел и шефом жандармов.

На фоне ожесточенной борьбы, развернувшейся между представителями различных политических сил по поводу «польского вопроса», крестьянской, судебной, земской, военной и других реформ, споры вокруг преобразований в сфере народного просвещения могут показаться не столь существенными. Однако эта полемика выходила далеко за рамки вопросов об учебных планах и программах. Посредством воздействия на среднюю и высшую школу государство стремилось получить возможность влиять на дальнейшее социально-политическое развитие страны, поэтому в дискуссиях вокруг образовательной реформы речь шла не просто об изменениях в учебном процессе, но о том, чему и как учить следующие поколения, т.е. тех, кому предстояло отвечать за будущее Российской империи в XX в. Министра и журналиста связывало убеждение, что основной целью образования должно быть создание высокообразованного слоя, преданного престолу и Отечеству и способного направить развитие страны по эволюционному пути. Их многолетняя совместная деятельность в этой сфере во многом определила развитие образовательных учреждений страны в последнюю треть XIX века. Как современниками, так и исследователями-

историками их вклад оценивался весьма неоднозначно и достаточно противоречиво⁸⁶⁷. С точки зрения одних, они стремились создать «из учащейся молодежи манекенов казенно-мундирной мысли, нравственно и умственно-оскопленных слуг царя и отечества», для других их политика стала «фундаментом и благодатной почвой для взросления целого ряда поколений»⁸⁶⁸. Однако и противники, и сторонники Толстого и Каткова, как правило, рассматривали их как абсолютных единомышленников, идущих рука об руку в деле трансформации образовательной системы Российской империи.

С предшественником Толстого – А.В. Головниным, возглавлявшим Министерство народного просвещения с 1861 по 1866 гг. отношения Каткова не сложились. В короткий срок пребывания Головнина на посту министра были приняты либеральный университетский устав 1863 г., положение о народных училищах, отменившее монополию государства и церкви на образование, гимназическая реформа 1864 г., в ходе которой произошло разделение гимназий на классические и реальные: в первых основательно изучалась античная культура и древние языки (латинский и древнегреческий), во вторых - преобладали математика и естествознание⁸⁶⁹. В спорах с «реалистами», т.е. сторонниками реальных гимназий, Катков убежденно отстаивал классическую систему образования, выстроенную на основе изучения классических языков (латинского и древнегреческого) как предметов, в наибольшей степени способствующих формированию интеллекта и культуры в самом глубоком смысле. Проблема реформирования отечественной средней школы рассматривалась журналистом гораздо шире, нежели вопрос об учебных планах и программах. Классические гимназии, с

---

⁸⁶⁷ Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 - середина 1870-х гг.). М.: «Русское слово», 2002. 441 с.; Перцев В.В. Гимназическое образование в дореволюционной России: вторая половина XIX – начало XX века // Концепт. 2013. №1. С.46-53; Замостьянов А.А., Чумаков В.Т. Последнее тридцатилетие XIX века. Время Д.А. Толстого и И.Д. Делянова // Народное образование. 2013. № 5. С.91-102.

⁸⁶⁸ Из записок министра народного просвещения Д.А. Толстого 1870-1880-х гг. // Вопросы образования. 2005. №1. С.323.

⁸⁶⁹ Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007. 512 с.

его точки зрения, не только давали учащимся образование высокого уровня, но и способствовали сохранению нравственности, формированию уважительного отношения к традиционным ценностям государства и общества, тогда как распространение реальных училищ открывало путь для распространения нигилизма, материализма и социалистических учений. Неприятие журналистом гимназической реформы 1864 г. легло в основу его длительного противостояния с Головниным, усугублению которого способствовала критика журналистом в «Московских ведомостях» великого князя Константина Николаевича, которого он считал ответственным за распространение сепаратистских антироссийских настроений в Западном крае в 1860-е гг.⁸⁷⁰

Напротив, все начинания Толстого - преобразование духовно-учебных заведений в 1867-1869 гг., гимназическая реформа 1871 г., утверждение в 1872 г. положения о городских училищах, в 1874 г. – положения о начальных училищах и, наконец, принятие университетского устава в 1884 г., вызывали безоговорочное одобрение Каткова. В бурных дискуссиях, которые шли как в профессорско-преподавательской среде, так и в газетно-журнальной периодике, его издания однозначно выступали в поддержку министра. В первую очередь это касалось гимназической реформы 1871 гг., в ходе которой было завершено формирование образовательной системы русского классицизма в средней школе: в учебных программах был значительно усилен объем математики, при этом в классических гимназиях были введены дополнительные часы на изучение древних языков, но уменьшены часы на изучение истории словесности, русского языка, географии и т.п.⁸⁷¹ Место реальных гимназий заняли шестилетние реальные училища, в которых

---

⁸⁷⁰ Перевалова Е.В. М.Н. Катков и А.В. Головнин: к истории взаимоотношений // Вопросы теории и практики журналистики. Научный журнал Байкальского государственного университета. Иркутск, 2017. Т.6. №3. С.330-346.

⁸⁷¹ Воронин В.В. Дискуссия о классическом и реальном образовании в России: обсуждение «Учебной реформы» Д. А. Толстого в Государственном совете (1871-1872 гг.) // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. Вып.2. С.106-119.

основное место отводилось математике и предметам естественнонаучной направленности. Правом продолжить образование в университетах обладали только выпускники классических гимназий, тогда как выпускники реальных училищ могли претендовать на обучение в технических, промышленных и торговых высших учебных заведениях. Новый виток дискуссиям положило обсуждение проекта университетского устава, которое приобрело крайне ожесточенный характер и вылилось в ожесточенное противостояние консервативно и либерально настроенных представителей академического сообщества⁸⁷².

Планируемые в отечественной средней и высшей школе перемены получали широкое освещение в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике», занимая в них одно из центральных мест. Разрабатываемая гимназическая реформа стала основной темой газеты с конца 1860-х - в 1870-е гг., рассматривалась в ней как «главный жизненный интерес современного положения наших дел» и как одно из основных направлений деятельности правительства. Подобно Толстому, Катков связывал с успешным осуществлением преобразований в сфере просвещения будущее не только отечественной науки, но и всей российской государственности, и в классическом образовании, в развитии науки, в пропаганде просвещения видел едва ли не единственное средство борьбы с распространявшимся в молодежной среде нигилизмом и социалистическими учениями. Насущную необходимость реформы образовательной сферы и пересмотра университетского устава он объяснял прогрессирующим несовершенством университетской науки, когда «наши университеты систематически портят поступающую к ним из гимназии молодежь, отучая ее от серьезного труда и

---

⁸⁷² Аблязов К.А. Устав университетов 1884 г.: история подготовки и характеристика его основных положений // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2006. Вып.12. С.100-108; Клыкова Е.Д. Споры об университетской автономии в русском обществе (1870-е – начало 1880-х гг.) // Вестник Московского университета. Серия: История. 2015. №1. С.42-51; Новикова М.Б., Перфилова Т.Б. Университетский вопрос в 1866-1884 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. №1. С.22-33.

вселяя в нее привычку к праздности, апатию к науке и заносчивое верхоглядство» и настаивал на «серьезной, чисто научной работе в наших университетах», введении кардинальных изменений в структуре самого университетского обучения и в порядке проведения итоговых экзаменов, чтобы «степень полезности профессорских лекций» определялась «общей программой тех научных предметов, без знания которых ни одному студенту нельзя будет поступить на государственную службу», а экзамены производились «не профессорами университетов, а особыми государственными комиссиями»⁸⁷³. Только такая постановка вопроса – серьезный научный подход к университетскому образованию и строгий контроль его результатов, могла вернуть студентов в аудитории и прекратить «всякие толки о кухмистерских, корпорациях, «землячествах», сходках и скандалах».

По глубокому убеждению Каткова, вся европейская наука и современная цивилизация своим развитием были обязаны античной цивилизации и только классическая система образования была способна сформировать высокий интеллект и культуру в самом глубоком смысле, а потому России, чтобы стать частью единого просвещенного мира, также следует построить процесс обучения на основе изучения древних языков, классического наследия Греции и Рима и завещанных античностью умственных и художественных богатств. Основательное и глубокое изучение классики, с точки зрения Каткова, развивало бы у учащихся склонность к глубокому мышлению и научной деятельности и, таким образом, препятствовало бы распространению среди юношества поверхностных радикальных взглядов. Такого же мнения придерживался и компаньон Каткова, соредактор и соиздатель «Московских ведомостей» - профессор римской словесности П.М. Леонтьев. Будучи членом Ученого комитета Совета министра народного просвещения по выработке устава гимназий, он принимал активное участие в разработке основных

---

⁸⁷³ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 21.04.1881. №109.

положений этого устава, учебных планов (в первую очередь, по древним языкам), правил вступительных испытаний и в спорах с «реалистами», т.е. сторонниками реальных учебных заведений, убежденно отстаивал интересы классических гимназий. Энергичные поборники «классики», Катков и Леонтьев в 1868 г. даже основали в Москве классический Лицей, получивший название Лицея цесаревича Николая – в память скоропостижно скончавшегося весной 1865 г. наследника престола великого князя Николая Александровича – старшего сына императора Александра II. Это учебное заведение было призвано не только давать фундаментальное образование, но и формировать определенный уровень мировоззрения – задача, с которой, по их мнению, не могли справиться существующие в стране казенные гимназии⁸⁷⁴.

С началом ожесточенной борьбы за образовательные реформы Катков в «Московских ведомостях» начал делать ставку не столько на общественное мнение, сколько на «административный ресурс», и в своих передовых статьях апеллировал не столько к обществу, сколько к тем лицам в правительстве, от которых зависело принятие решений. «Не в обществе дело... - признавался публицист в частном разговоре с одним из своих доверенных сотрудников. - Реформа решается не в обществе, а в министерстве, в правительственных сферах...»⁸⁷⁵ При таком подходе журналист нуждался в постоянных связях и контактах с бюрократическим аппаратом Министерства, что позволяло бы ему оказывать непосредственное воздействие на подготовку и принятие нужных и правильных с его точки зрения решений. Толстой с первых своих шагов на бюрократическом поприще горячо высказывался в поддержку редактора «Московских ведомостей». К примеру, отсылая в 1863 г. Каткову свое сочинение о Римско-католической церкви в России, Толстой в сопроводительном письме выражал глубокое уважение к Каткову, его «деятельности и тем политическим принципам, коими Вы завоевали

---

⁸⁷⁴ Перевалова Е.В. Лицей цесаревича Николая (1868-1917) – образцовое учебное заведение нового типа // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. – М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. №2. С.56-67.

⁸⁷⁵ Градовский Г.К. Из минувшего // Русская старина. 1908. №1. С.84.

общественное мнение. <...> Всякое замечание Ваше я приму как доказательство Вашего внимания, которым, поверьте, всегда буду дорожить»⁸⁷⁶. Чиновника и журналиста изначально сближала как общность взглядов на систему образования, так и консерватизм политических воззрений в целом, в результате чего они стали не просто единомышленниками, но соратниками в борьбе за классическое образование, создав в 1860-е гг. своего рода союз, прочность которого у большинства современников не вызывала сомнений.

В этом союзе министра и журналиста ведущая роль, казалось бы, должна была принадлежать высокопоставленному чиновнику, обладавшему тем самым «административным ресурсом» и реальной властью, тогда как роль публициста должна была сводиться к исполнению «заказа», исходящего из высоких бюрократических сфер. Однако Толстой явно уступал Каткову в энергии и решительности, в четкости представлений об основных этапах и результатах реформы, вследствие чего последний стал не просто его «правой рукой», но фактическим руководителем на посту министра народного просвещения. Современники не без оснований видели в Каткове истинного автора и вдохновителя проводимой Министерством народного просвещения политики. Сохранилось немало свидетельств того, что Толстой не предпринимал никаких действий, не посоветовавшись с журналистом, который буквально «заряжал» его своей ни перед чем не отступающей энергией. Если же у Толстого возникали затруднения и препятствия в процессе продвижения своих проектов, а Каткова не было в Петербурге, то министр тут же «терялся и падал духом». Так, служивший в 1870-е гг. чиновником особых поручений при Толстом Е.М. Феокистов прямо писал, что тот как министр «беспомощен», «у него не было собственных идей» и потому «тотчас же прибегнул к советам и указаниям Каткова и Леонтьева», «жадно уцепился за человека, который стоял пред ним с вполне готовою программой»⁸⁷⁷. По

---

⁸⁷⁶ Толстой Д.А. Письмо М.Н. Каткову. 9 октября 1863 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.137.

⁸⁷⁷ Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.177.

образному выражению петербургского корреспондента «Московских ведомостей» писателя и публициста Б.М. Маркевича, также служившего чиновником особых поручений в Министерстве народного просвещения, Толстой все время «держал Каткова за фалды»⁸⁷⁸. Подтверждение тому можно найти и в адресованных редактору «Московских ведомостей» письмах самого Толстого. Во многих из них он обращается к журналисту с просьбами посмотреть и дать свои замечания и комментарии к разрабатываемым в его ведомстве документам. Так, в марте 1866 г. Толстой просит Каткова «сделать одолжение» и рассмотреть проект преобразования духовных училищ⁸⁷⁹, в апреле того же года – «сообщить в подробности» замечания «на гимназический устав, на способы его исполнения, и на то, что следует сделать в этом отношении»⁸⁸⁰, в мае – «просмотреть прилагаемое извлечение из отчета Попечителя СПб Учебного округа об учебниках для древних языков и передать мне ваше мнение о том: каким наиболее практичным образом можно преодолеть встречаемые теперь затруднения в преподавании этих языков»⁸⁸¹, в 1872 г. – внести исправления и дополнения в проект университетского устава, который министр собирался предложить на рассмотрение Советов Университетов⁸⁸² и т.д.

Дело доходило до того, что иногда Толстой, не надеясь, как видимо, на силу собственных аргументов и не решаясь самостоятельно искать поддержки у Председателя Государственного совета великого князя Константина Николаевича, прибегал к посредничеству Каткова. «На четверг назначено первое заседание комиссии по реальным училищам. – писал в Москву Маркевич. – Дмитрий Андреевич очень просил Вас приехать, говоря, что Вы одни в состоянии повлиять на великого князя, которым, предполагает он,

---

⁸⁷⁸ Маркевич Б.М. Письмо П.М. Леонтьеву. СПб. 17 апреля 1871 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.8. Ед. хр.15.

⁸⁷⁹ Толстой Д.А. Письмо М.Н. Каткову. 25 марта 1866 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.138-139.

⁸⁸⁰ Толстой Д.А. Письмо М.Н. Каткову. 17 апреля 1866 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.139.

⁸⁸¹ Толстой Д.А. Письмо М.Н. Каткову. 3 мая 1866 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.139.

⁸⁸² Толстой Д.А. Письмо М.Н. Каткову. 9 июля 1872 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.147-148.

заручилась враждебная сторона. Ваше присутствие весьма будет полезно во всяком случае и не для того только вопроса»⁸⁸³. «Я беседовал с графом Дмитрием Андреевичем [Толстым – Е.П.], который просил меня сообщить Вам следующее: он очень бы желал, чтобы Вы приехали в Петербург, - вторил Маркевичу Феокистов. - Намерение его не делать никаких уступок при обсуждении проекта реальных училищ – непреклонно. <...> Если же Вы располагаете приехать в Петербург – чего граф, повторяю, очень желает, - то было бы лучше Вам приехать в начале следующей недели. Дело в том, что нужно подействовать на великого князя Константина Николаевича теперь же, пока проект не поступил к нему в Государственный совет. ... было бы хорошо теперь же [подчеркивание автора письма – Е.П.] побеседовать с ним и расположить его в пользу проекта»⁸⁸⁴. К примеру, накануне того дня, когда проект реформы средних учебных заведений должен был поступить на рассмотрение Государственного совета, Каткову, благодаря настойчивости адъютанта великого князя - А.А. Киреева, который разделял позицию редактора «Московских ведомостей» в вопросах образования и причислял себя к «решительным поборникам классицизма»⁸⁸⁵, удалось встретиться с Константином Николаевичем в Мраморном дворце⁸⁸⁶ и в ходе почти часовой беседы убедить его на заседании Совета поддержать именно тот проект реформы, на котором настаивали «Московских ведомостей». И это при том, что отношение великого князя к московскому журналисту было крайне неприязненным и он ревниво и даже агрессивно воспринимал любые попытки представителей высшей бюрократической элиты сотрудничать с влиятельной московской газетой. Так, когда в марте 1866 г. ему представлялся А.П. Безак, незадолго перед этим назначенный генерал-губернатором Юго-Западного края и командующим войсками Киевского военного округа, то после первых же слов последнего великий князь «вдруг обратился к Безаку с вопросом: “И

---

⁸⁸³ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 24 января 1872 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.116.

⁸⁸⁴ Феокистов Е.М. Письмо М.Н. Каткову. 19 февраля. Б. г. // ОР РГБ. Ф.120. К.36. Л.86.

⁸⁸⁵ Киреев А.А. Дневник. 20 апреля 1880 г. // ОР РГБ. Ф.126. К.8. Л.128.

⁸⁸⁶ Киреев А.А. Дневник. Октябрь 1866 г. // ОР РГБ. Ф.126. К.3. Л.113.

к Каткову успели забежать!” Безак, никак этого не ожидавший, сконфузился и отвечал, что для достижения целей, предполагаемых Правительством в управляемом им крае, он полагает, без общественной поддержки не обойтись, а потому он почел для себя долгом войти в сношения с человеком, имеющим такое огромное влияние на общественное мнение в России. – “В России нет общественного мнения – с яростью закричал Костя, - нет, тысячу раз повторяю вам, нет, это мнения каких-нибудь 5-6 мерзавцев, во главе которых стоит ваш Катков. А я плюю на них и презираю их и вашего Каткова! Прощайте!” – и скрылся во внутренние апартаменты»⁸⁸⁷. Так описал случившееся Каткову всеведущий Маркевич, и, даже если предположить, что в его письме было что-то преувеличено, то все же этот эпизод достаточно метко характеризует отношение великого князя к «Московским ведомостям».

Однако отношения Толстого и Каткова были отнюдь не безоблачными, они нередко испытывали недовольство друг другом, которое ни одному из них не удавалось скрыть от окружающих. В первую очередь, на наш взгляд, причиной тому был постоянно преследовавший министра народного просвещения страх обнаружить свою зависимость от авторитетного журналиста, опасения быть заподозренным в том, что он не в состоянии принимать самостоятельные решения. Маркевич в адресованных Каткову письмах неоднократно сетовал на то, что «Толстой так мелочен, что, видя во всех нас Ваши орудия, он назло Вам, если чем недоволен, отринет всякий от нас совет, как бы здрав он ни был, - по крайней мере будет избегать случая выслушать его»⁸⁸⁸. «Опять началась мальчишеская боязнь, чтобы не сказали, что он у Вас на помочах ходит, - он даже этого скрыть не умеет», - писал Маркевич Каткову осенью 1873 г., когда накануне обсуждения в Госсовете вопроса о женском образовании министр вдруг неожиданно заявил, что он «решительно не согласен» с Катковым по вопросу женского образования, «что

---

⁸⁸⁷ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. СПб. 19 марта 1866 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.25. Ед.хр.4. Л.17.

⁸⁸⁸ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 10 марта 1874 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.33. Л.28.

это фанатизм, а он должен думать о своем политическом положении, что он, требуя древние языки для женщин, возбудит против себя уже не один государственный совет, а самого Государя»⁸⁸⁹. Точно так же в 1874 г. Толстой решительно воспротивился внесению изменений и дополнений в проект устава о начальных народных училищах, которые были подготовлены председателем Ученого комитета и членом совета министра народного просвещения А.И. Георгиевским. Последний в 1863-1866 гг. был одним из самых деятельных сотрудников «Московских ведомостей», а после переезда в Петербург на службу в Министерство народного просвещения продолжал поддерживать тесную связь с их редактором. Подготовленные им поправки, без сомнений, были согласованы с Катковым и получили его одобрение, однако Толстой возвратил бумаги Георгиевскому, внося в них собственные поправки. «Граф раздражен против меня по поводу этого вопроса, - с горечью сообщал Георгиевский в Москву Каткову, - что, быть может, и хорошо, что он не пригласил меня к себе и вместо того, чтобы лично оскорблять меня и сделать мое положение в министерстве невозможным, ограничился искажением моего проекта, восстановление которого в прежнем виде, быть может, еще и окажется возможным, если Вы с своей стороны придумаете какие-нибудь действительные к тому способы»⁸⁹⁰. Не один лишь Георгиевский жаловался на раздражительность Толстого и его неспособность выслушать аргументы своих подчиненных. «Он не умеет слушать, прерывает, торопится и сам проповедывает, не давая мне никакой возможности договорить своих доводов», - с досадой писал в Москву Б.М. Маркевич⁸⁹¹.

Как можно предположить, самолюбивый Толстой таким образом пытался сохранить хотя бы видимость самостоятельности принятия решений и избежать раздражавших его намеков на влияние, которое имел на него Катков. Но для всех, кто был хорошо знаком с характером и привычками

---

⁸⁸⁹ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. СПб. 6 ноября 1873 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.220.

⁸⁹⁰ Георгиевский А.И. Письмо Б.М. Маркевичу. 1874 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.2. Ед.хр.12.

⁸⁹¹ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 30 августа 1868 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.30. Л.53.

министра, не было секретом, что несмотря на досаду и раздражение, в которое он нередко впадал вследствие необходимости прислушиваться к советам Каткова, в результате последнее слово, как правило, оставалось за журналистом. «Забавно было слышать, - вспоминал впоследствии Е.М. Феоктистов, - как иногда в минуты раздражения граф Дмитрий Андреевич восклицал: “Не могу же я, однако, сообразоваться со всем, что придет в голову журналисту...” И в конце концов он все-таки подчинялся настойчивым его требованиям»⁸⁹². Редактору «Московских ведомостей», обладавшему настойчивостью и решительностью в достижении поставленных целей, глубокой убежденностью в правоте тех положений, которые он отстаивал перед Толстым, всегда удавалось, хотя и с трудом, убедить министра в необходимости той или иной меры. «Надо было неусыпно следить за ним <Толстым>, и Катков вспоминал впоследствии не иначе как с ужасом о том, что это ему стоило», - писал в своих воспоминаниях Феоктистов⁸⁹³. И сам Катков в частных разговорах не раз с досадой признавался, что «Толстого надо наставлять и подпирать на каждом шагу», а своему коллеге и другу профессору П.М. Леонтьеву прямо писал, имея в виду Толстого, что «этот человек не может быть пригоден для такой великой должности»⁸⁹⁴. Журналист не раз с горечью говорил, что для бюрократической верхушки нужны отнюдь не доводы науки и просвещения: «Кто такие наши ученые мужи, - скептически отзывался он о чиновниках от науки, которым предстояло осуществлять и контролировать реформу. - В большинстве это паркетные шаркуны, мастера маршировки и угодливости. Что им наука и что они ей? Даже правоведы и лицеисты не более как натасканные, дрессированные чиновники. Этим господ надо убеждать доказательствами, что просвещение не представляет ни малейшей опасности, и что классики не приведут к республике, не нарушат полицейского благополучия и являются опорой порядка»⁸⁹⁵. Весьма вероятно,

---

⁸⁹² Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.180.

⁸⁹³ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.180.

⁸⁹⁴ Катков М.Н. Письмо П.М. Леонтьеву. Б.д. // ОР РГБ. Ф.120. К.49. Ед.хр.37.

⁸⁹⁵ Градовский Г.К. Из минувшего // Русская старина. 1908. №1. С.84.

что под «мастерами маршировки и угодливости», «правоведами и лицеистами» Катков имел в виду в том числе и Толстого – выпускника Царскосельского лицея, и, по всей видимости, весьма невысоко оценивал своего союзника.

Судя по процитированным выше письмам и отрывкам из мемуаров, и подчиненные министра народного просвещения – Феокистов, Маркевич, Георгиевский без особого почтения и даже с изрядной долей иронии относились к своему непосредственному руководителю. Маркевич, любивший в переписке с редактором «Московских ведомостей» прибегать ко всякого рода конспиративным уловкам, во многих письмах иронично именовал Толстого «прыгуном», явно намекая тем самым на непостоянство министра, его колебания и шатания при принятии решений, нетвердость в отстаивании собственной позиции. «Г. <Толстой> все такой же прыгун и болтун, и сегодня дал мне новое этому доказательство», - писал Маркевич в Москву в январе 1872 г. накануне заседания комиссии по выработке проекта устава народных училищ⁸⁹⁶. «Наш прыгун считает себя обиженным Вами, - с издевкой сообщал Маркевич в Москву в марте 1874 г. о недовольстве Толстого в связи с публикацией в «Московских ведомостях» подряд нескольких статей об университетских беспорядках, в самом факте появления которых министр увидел стремление Каткова «уколоть его»⁸⁹⁷. Спустя несколько дней Маркевич с досадой писал о невозможности обсудить с министром поправки в устав начальных училищ: «Прыгун окончательно прячется от нас с Георгиевским»⁸⁹⁸.

Еще одним поводом для разногласий между Толстым и Катковым было недоверие высокопоставленного чиновника к печати, его стремление ограничить поступающий в прессу поток информации, сузить диапазон обсуждаемых в газетах проблем. И даже «Московские ведомости» не могли

---

⁸⁹⁶ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 24 января 1872 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.116.

⁸⁹⁷ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 10 марта 1874 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.33. Л.28.

⁸⁹⁸ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 18 марта 1874 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.33. Л.29.

рассчитывать на какое-либо «снисхождение» с его стороны. Толстой не спешил делиться информацией со своим главным единомышленником. «С моим прыгуном пива не сварись, - писал Маркевич в ответ на требования Каткова сообщить оперативную информацию, касающуюся деятельности Министерства народного просвещения, - он будет отнекиваться, и бояться, и отлынивать, как боялся он сообщить мне для Вас гранку готовящегося правительственного сообщения в “Правительственный вестник”»⁸⁹⁹. В обязанности Маркевича, как представителя «Московских ведомостей» в столице, входило обеспечение редакции документами и официальными сведениями из петербургских департаментов, и ему нередко приходилось оправдываться перед Катковым из-за невозможности получить нужную редакции информацию «из первых рук». «Вы очень на меня гневаетесь и обвиняете в лени, за то, что я не сообщаю Вам разные документы, “когда мне так легко доставать их от Бобринского⁹⁰⁰ и Толстого”, - отвечал на упреки Каткова Б.М. Маркевич. - <...> Не раз, а десять раз просил я Толстого и Бобринского, видя у них на столе разные записки (печатные), посылаемые им из Государственного совета и Комитета министров, дать мне их на прочтение – и каждый раз и тот и другой с улыбкой говорили мне: “для сообщения в Московские ведомости”. И как не убеждал я их, что от этого никакого вреда их репутации произойти не может, что ни Вы, ни я скомпрометировать их не в состоянии – они оба отказывали мне наотрез в сообщении желаемого. <...> все они боятся пуще огня обвинения в “сношениях с прессою”, почитая это какую-то изменой – сколько, сколько раз приходилось мне слышать то от одного, то от другого из этих лиц по поводу даже самых незначительных сообщений: “Но ради бога, не сообщайте это в газеты!”»⁹⁰¹ На напрямую заявленную Маркевичем просьбу - передавать Каткову для ознакомления

---

⁸⁹⁹ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 22 апреля 1872 г. // ОР РГБ. Ф.120.К. 27. Ед. хр.2. Л.21.

⁹⁰⁰ Бобринский Алексей Павлович (1826-1894) – генерал, министр путей сообщения (1871-1874), член Государственного совета.

⁹⁰¹ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 20 апреля 1872 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.32. Л.130.

получаемые им из Государственного совета и Комитета министров записки и прочие документы - Д.А. Толстой отвечал решительным отказом⁹⁰².

На протяжении всего периода подготовки и проведения сначала гимназической реформы, а затем – выработки и принятия университетского устава - Катков был вынужден постоянно ездить в Петербург, чтобы, с одной стороны, «укрепить» Толстого в понимании правильности того или иного положения готовящихся к обсуждению в Государственном совете документов, а с другой – добиться поддержки у других влиятельных лиц в правительстве. «Каждый раз с приходом его в Петербург все оживлялось и все проникалось бодростью; он не знал отдыха, проводил ночи без сна, бросался в разные стороны, посещал всех лиц, которых можно было склонить в пользу дорогого ему дела», - вспоминал Феокистов⁹⁰³. «Он не щадил своих сил и здоровья для дела, которое считал высокой государственной и общественной потребностью», - отмечал преданность Каткова делу образовательной реформы в своих воспоминаниях Г.К. Градовский, сотрудник «Московских ведомостей» в конце 1860 - начале 1870-х гг.⁹⁰⁴

В последние годы правления Александра II Толстому не удалось удержаться на своем посту: в апреле 1880 г. он был уволен с должностей министра народного просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода, после чего либеральная общественность, решительно настроенная как против Толстого, так и против Каткова и его газеты, с удовлетворением отмечала признаки падения влияния журналиста на правительственные сферы. «Миновало царство Катковых», - не без злорадства констатировал в своих дневниковых записях князь В.М. Голицын после сообщения об уходе Д.А. Толстого с поста министра⁹⁰⁵. Преемники Толстого – А.А. Сабуров и А.П. Николаи, возглавлявшие министерство соответственно в 1880-1881 и 1881—1882 гг., не скрывали своей неприязни к редактору «Московских ведомостей»

---

⁹⁰² Маркевич Б.М. Письмо П.М. Леонтьеву. 1872 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.27. Ед.хр.2. Л.39.

⁹⁰³ Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.183-184.

⁹⁰⁴ Градовский Г.К. Из минувшего // Русская старина. 1908. №1. С.85.

⁹⁰⁵ Голицын В.М. Дневник. 21 апреля 1880 г. // ОР РГБ. Ф.75. К.10. Л.140.

и прямо заявляли, что «Катков слишком много влиял на министерство»⁹⁰⁶. Катков, не поддержавший предложенную Главным начальником Верховной распорядительной комиссии М.Т. Лорис-Меликовым тактику «мягкой диктатуры», не мог рассчитывать на поддержку лиц из ближайшего окружения императора: назначенного в 1880 г. начальником Главного управления по делам печати Н.С. Абазы, министра финансов А.А. Абазы, военного министра Д.А. Милютин, в глазах которых его издания превратились в символ «охранительства» и едва ли не ретроградства.

Однако с воцарением Александра III Толстой в мае 1882 г. был назначен на один из самых ответственных постов в империи - министром внутренних дел и шефом жандармов. В бюрократических кругах это назначение напрямую связывали с ростом влияния редактора «Московских ведомостей», а Толстого за глаза называли «креатурой Каткова»⁹⁰⁷. Передовая статья, опубликованная в «Московских ведомостях» вскоре после этого назначения, стала своего рода программным заявлением Каткова, утверждением системы тех политических ориентиров, которые он считал единственно верными. «Наши противники ошибаются, представляя нас то во власти, то в оппозиции, - писал публицист. - Мы всегда во власти и всегда, если угодно, в оппозиции. Смена разных лиц в правительстве нисколько не касается нас и не изменяет нашего положения. Власть наша действительно большая: она заключается в магической формуле А есть А или дважды два четыре. Если нужно было подавлять крамолу, прокравшуюся в наше общество, то нужно было подавлять ее, а не содействовать ей. Это совершенно то же самое, что А есть А. Вот что мы говорили, и эта истина не потеряла своей силы и во время торжества крамолы»⁹⁰⁸. Как представляется, в глазах многих эта публикация послужила еще одним подтверждением неразрывной связи высокопоставленного чиновника с московским журналистом, которому приписывали огромную

---

⁹⁰⁶ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.8. Л.148.

⁹⁰⁷ Киреев А.А. Дневник. Май 1882 г. // ОР РГБ. Ф.126. К.9. Л.91.

⁹⁰⁸ <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 3.06.1882. №152.

власть и влияние как на ход государственных дел, так и на самого императора. Имена Толстого и Каткова, наряду с именем Победоносцева для как противников, так и сторонников стали олицетворением эпохи «контрреформ». «С тех пор, как граф Дмитрий Андреевич (Толстой) стал министром внутренних дел и, следовательно, для Михаила Никифоровича не предстояло уже опасения какой-нибудь цензурной кары, - писал в своих воспоминаниях сенатор Я.Н. Есипович, - он смело встал и против Государственного Совета и против Сената»⁹⁰⁹. «Не подлежит сомнению, - писал в мае 1882 г. в своих дневниках Киреев, - что при Игнатеве сильное влияние оказывал на дела Аксаков, а при Толстом влиятельным человеком будет Катков»⁹¹⁰. И действительно, по образному выражению В.В. Розанова, «Московские ведомости» в 1880-е гг. исполняли роль своего рода «инспекции всероссийской службы», которую «все боялись, все ее смущались, и – ненавидели, клеветали на нее», но при этом зачастую «единственное слово Каткова» «указывало» и «приказывало», а министрам «оставалось переписать» - и часто министры, подавленные словом его, «переписывали» его передовицы в министерских распоряжениях»⁹¹¹.

Однако сохранил ли журналист по-прежнему сильное влияние на своего недавнего единомышленника и союзника? По свидетельству Е.М. Феокистова, Толстой стал сторониться Каткова еще в последние годы своего управления Министерством народного просвещения, а став министром внутренних дел, сразу высказался в том смысле, что ему «нечего прибегать к его <Каткова> содействию», и во время частых приездов журналиста в Петербург они почти не встречались⁹¹². Косвенным свидетельством охлаждения в отношениях недавних союзников могут служить дневниковые записи государственного секретаря А.А. Половцова, одного из самых информированных людей в империи, посвященного во многие тайны и изгибы

---

⁹⁰⁹ Есипович Я.Г. Записки сенатора // Русская старина. 1909 г. Кн.8. С.218.

⁹¹⁰ Киреев А.А. Дневник. Май 1882 г. // ОР РГБ. Ф.126. К.9. Л.91.

⁹¹¹ Розанов В.В. Суворин и Катков // Новое время. 1997. Кн.7. С.36-38.

⁹¹² Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.221.

придворной дипломатии и знакомого с закулисными технологиями власти. Катков предстает в них как глава теневого правительства, в руках которого сосредоточена огромная власть: состав правительства, назначения, принятие того или иного закона и т.д., а его ближайшее окружение автор записок с иронией именуется «двором», который «открыто толкует о необходимости заменить такого-то министра таким-то лицом, в том или другом вопросе следовать такой или иной политике, словом, нахально издает свои веления, печатает осуждение и похвалу, и в конце концов достигает своих целей»⁹¹³. «Рядом с законным государем правительством создавалась какая-то новая, почти правительственная сила в лице редактора “Московских ведомостей”», - с явным недоброжелательством по отношению к последнему пишет высокопоставленный чиновник в декабре 1886 г. и перечисляет окружающих журналиста «многочисленных пособников на высших ступенях управления»: министра народного просвещения И.Д. Делянова, министра государственных имуществ М.Н. Островского, обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, И.А. Вышнеградского, сменившего в январе 1887 г. в кресле министра финансов Н.Х. Бунге, правителя канцелярии Министерства внутренних дел А.Д. Пазухина⁹¹⁴. Среди сановников, перечисленных Половцовым, имя Толстого отсутствует, и это, как представляется, не случайно. Будучи человеком в высшей степени самолюбивым и осторожным, Толстой в своем новом статусе, как видимо, не желал быть уличенным в зависимости от журналиста и заслужить упрек от окружающих и (не дай Бог!) от самого государя, в следовании его советам и наставлениям, а потому стремился всячески минимизировать свое общение с ним. В свою очередь и Катков был недоволен Толстым, порицал его за «излишнюю осторожность»⁹¹⁵ и говорил о нем как о человеке «без энергии»⁹¹⁶. Все попытки вновь сблизить

---

⁹¹³ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. Т.1. С.499-500.

⁹¹⁴ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря... Т.1. С.499-500.

⁹¹⁵ Киреев А.А. Дневник. Январь 1883 г. // ОР РГБ. Ф.126. К.9. Л.171.

⁹¹⁶ Киреев А.А. Дневник. 10 февраля 1883 г. // ОР РГБ. Ф.126. К.9. Л.179.

Толстого с журналистом, которые неоднократно предпринимал Е.М. Феокистов, искренне уверенный, что у министра без поддержки Каткова «нет ничего, решительно ничего, никакой программы, никакой системы»⁹¹⁷, особого успеха не имели. И хотя со временем Феокистovu все же удалось добиться их примирения, однако прежнего доверия и единомыслия между ними уже никогда не возникало.

Несмотря на влияние в политических и придворных кругах, журналист тем не менее по-прежнему нуждался в поддержке Толстого, который, как и в годы правления Александра II, выступал в качестве посредника в его отношениях с императором. Как министр внутренних дел, он ежедневно бывал с докладами на приеме у Александра III и мог, таким образом, пояснить, прокомментировать передовые статьи публициста в «Московских ведомостях», а то и передать содержание адресованных императору писем-объяснений Каткова. А необходимость в таких комментариях возникала нередко. Передовые статьи Каткова, написанные «пером булатным и острым как кинжал»⁹¹⁸, страстно, темпераментно, полемически остро, порой даже излишне прямолинейно и прямодушно, без оглядки на цензуру, нередко вызывали недовольство высокопоставленных сановников, а то и гнев самого Александра III. Так, к примеру, в феврале 1887 г. во время одного из таких докладов император недовольно заметил, что «Катков поступает не совсем хорошо», искажая при публикации содержание писем своего берлинского корреспондента: «Этот корреспондент пишет одно, а печатается другое <....>, - говорил Александр III. - Зачем же Катков изменяет то, что ему сообщают, дает другую окраску? Ведь поступая таким образом, он может потерять доверие. Вы известите его об этом»⁹¹⁹. Через Феокистова Толстой советовал Каткову написать письмо и изложить факты, опровергающие данную информацию, с тем чтобы во время очередного доклада он мог бы

---

⁹¹⁷ Феокистов Е.М. Письмо М.Н. Каткову. 16 октября 1882 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.37. Л.22.

⁹¹⁸ Головин К.Ф. Мои воспоминания. В 2 т. СПб., 1908-1910. Т.46. С.129.

⁹¹⁹ Феокистов Е.М. Письмо М.Н. Каткову. 22 февраля 1887 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.38. Л.32.

познакомить императора с содержанием письма и таким образом оправдать журналиста в его глазах. Каждый раз, чтобы передать письмо лично императору, Катков должен был через правителя канцелярии Министерства внутренних дел А.Д. Пазухина обращаться к Толстому с запросом для получения на то официального разрешения, а министр, в свою очередь, извещал его о результате прошения через начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова⁹²⁰.

Осмотрительный и осторожный, Толстой при этом предпочитал не вмешиваться в конфликты, в центре которых оказывались Катков и его «Московские ведомости». Так, когда в марте 1887 г. газета оказалась в центре скандала из-за публикации статьи, касающейся секретного австро-русско-германский договора, и ей неминуемо грозило предостережение, Толстой так и не решился подать свой голос в защиту своего союзника, а лишь предложил в формулировке предостережения заодно упомянуть еще одну передовую статью, не менее резкую по тону, чтобы избежать второго предостережения, которое могло последовать сразу вслед за первым. Подобная реакция была вполне в духе Толстого, о котором хорошо знавшие его современники отзывались как о человеке «с системой, но без большого характера, т.е. он не положит душу свою за свою идею, хотя видит ее истину. Он эгоист и ссориться не любит»⁹²¹.

Смерть журналиста, последовавшая вскоре вслед за этим событием - в июле 1887 г., уничтожила этот союз, длившийся более двух десятилетий, союз, основывавшийся на единстве политических взглядов и убеждений, на общности представлений о развитии образовательной системы России. Анализ переписки Толстого с Катковым, эпистолярного наследия их ближайших помощников – Е.М. Феоктистова, Б.М. Маркевича, А.И. Георгиевского, изучение воспоминаний и дневниковых записей А.А. Половцова, А.А.

---

⁹²⁰ Толстой Д.А. Письма Е.М. Феоктистову. 12 декабря 1886 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.11. Ед.хр.15.

⁹²¹ Киреев А.А. Дневник. 25 июня 1882 г. // ОР РГБ. Ф.126. К.9. Л.113.

Киреева, Г.К. Градовского и др. современников позволяет сделать вывод, что в этом союзе высокопоставленного чиновника и влиятельного журналиста лидером был Катков, издания которого не только осуществляли «информационную поддержку» предпринятых министром народного просвещения реформ, но во многом инициировали и направляли его деятельность. Обладая сильным и решительным характером, упорством и настойчивостью в достижении поставленных целей, непоколебимой уверенностью в собственной правоте, журналист на протяжении многих лет с успехом отстаивал перед Толстым те меры, которые считал единственно правильными и верными в сфере образования. И хотя сам Катков называл себя лишь «чиновником особых поручений» при министре народного просвещения⁹²², но, по мнению некоторых современников, он и сам мог бы с успехом возглавлять министерство, хотя его «резкий характер не совсем удобен для министра»⁹²³. Со своей стороны, Толстой, имея возможность, в силу занимаемых должностей, едва ли не ежедневно бывать с докладами у императора, был своего рода представителем журналиста, его «поверенным», ходатаем по его делам сначала перед Александром II, а затем перед Александром III. Его, безусловно, можно отнести к числу «катковцев» - высокопоставленных чиновников, которые так или иначе были связаны с редакцией «Московских ведомостей», разделяли позицию этой влиятельной консервативной газеты и находились под несомненным влиянием ее редактора-издателя. В то же время министр нередко выступал как «скрытый оппонент» Каткова, неоднократно пытался избавиться от своей зависимости от него, продемонстрировать самостоятельность в принятии решений, однако, как правило, последнее слово всегда оставалось за авторитетным журналистом. История взаимоотношений Толстого и Каткова служит весьма

---

⁹²² Катков М.Н. Письмо императору Александру II. 22 июня 1879 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.45. Л.151.

⁹²³ Тютчева Е.Ф. Письмо К.П. Победоносцеву. 19 марта 1881 г. // ОР РГБ. Ф.230. К.44.07. Ед.хр.2.

показательным примером усиления влияния печати на властные структуры Российской империи в 60-80-е годы XIX века.

5.3. М.Н. Катков и К.П. Победоносцев

как лидеры отечественных консерваторов: союз или противостояние

Обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева наряду с М.Н. Катковым не без оснований называют главным идеологом первых лет царствования императора Александра III. В глазах современников они воспринимались как абсолютные политические союзники и единомышленники, но, как свидетельствует их переписка и другие документальные источники, между ними всегда существовали скрытые противоречия, порожденные разницей в мировосприятии и понимании своих задач в процессе сохранения основ самодержавной монархии.

Катков и Победоносцев близко познакомились в 1850-е гг. Выпускник Императорского училища правоведения, обер-секретарь Общего собрания московских департаментов Сената, Победоносцев после защиты в 1859 г. магистерской диссертации был избран профессором юридического факультета Московского университета и, наряду с другими либерально настроенными преподавателями, оказался в числе самых активных сотрудников журнала «Русский вестник». Присущий изданию умеренный либерально-западнический характер не был чужд Победоносцеву: будущий идеолог консерватизма в годы молодости не только не отрицал либеральные идеи, но и являлся их последовательным проводником. Выдвигаемые в «Русском вестнике» требования публичности судопроизводства, введения суда присяжных, изобличение недостатков современного правопорядка России, критика бюрократической централизации, полицейского произвола, взяточничества и т.п., несомненно, вызывали сочувствие молодого ученого, который в многочисленных статьях - «Заметки для истории крепостного права в России» (1858), «О реформах в гражданском судопроизводстве» (1859),

«Приобретение собственности и поземельные книги» (1860, «Вещный кредит и закладное право» (1860), «Утверждение крепостного права в России в XVIII столетии» (1860) и др. – указывал на крепостничество как на главный тормоз на пути России к прогрессу, настаивал на реформировании судебной системы и т.д. Примечательно, что уже в начале 1860-х гг. Победоносцев с успехом пытался реализовать эти принципы на практике, принимая в качестве помощника государственного секретаря С.И. Зарудного самое деятельное участие в разработке принципов нового судопроизводства. В частной переписке в эти годы он нередко позволял себе критиковать, правда, весьма умеренно, действующую власть. К примеру, в письме к другому постоянному автору «Русского вестника» - К.Д. Кавелину Победоносцев с огорчением и негодованием жаловался на цензуру, которая, по его словам, «у нас стала просто чёрный кабинет... терзают и режут все печатное; циркуляры сыплются один за другим из П[етер]бурга... Литературе нашей очень плохо приходится»⁹²⁴. По всей вероятности, под «литературной» он имел в виду и «Русский вестник», публикации которого в эти годы неоднократно привлекали пристальное внимание цензоров. Правда, поводов сетовать на цензурные притеснения у самого Победоносцева не было: в документах Московского цензурного комитета нет ни одного упоминания его статей как требующих «особого внимания». Одной из причин лояльности цензоров к его публикациям было, возможно, отсутствие в них публицистической страстности, эмоциональности, свойственной другим авторам журнала, как, у примеру, С.С. Громеке, статья которого «О полиции вне полиции», опубликованная в октябре 1858 г., была написана в столь резком тоне и содержала настолько яркие картины полицейского и административного произвола, что стала предметом громкого разбирательства с участием шефа жандармов, начальника Третьего отделения князя В.А. Долгорукова, начальника штаба корпуса жандармов А.Е. Тимашева, Председателя

---

⁹²⁴ Репников А.В. Победоносцев, Константин Петрович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. С.362.

департамента государственной экономии генерала К.В. Чевкина⁹²⁵. Вместе с тем выступления Победоносцева отличались серьезным, фундаментальным подходом, безукоризненной логичностью и строгой последовательностью, аргументированностью и доказательностью выводов, и потому Катков, который как редактор был весьма придирчив и требователен к содержанию, стилю и языку публикуемых в его журнале материалов, высоко ценил участие молодого ученого в своем издании.

Однако уже в 1861 г. по совету графа С.Г. Строганова Победоносцев, как превосходный знаток правоведения и блестящий лектор, был приглашен преподавать законоведение наследнику престола великому князю Николаю Александровичу и другим великим князьям, и его участие в «Русском вестнике» заметно сократилось. Любопытно, что и в жизни Каткова Строганов сыграл весьма значительную роль: в 1845 г. он, как попечитель Московского учебного округа, рекомендовал Каткова, только что защитившего диссертацию и получившего степень магистра русской словесности, на кафедру философии Московского университета, а в 1851 г., когда во всех российских университетах по высочайшему распоряжению преподавание философии было передано священнослужителям, содействовал занятию им места редактора издававшихся при Московском университете «Московских ведомостей». Таким образом, и Победоносцев, и Катков началом своей карьеры во многом были обязаны Строганову, что уже говорит о многом: граф не терпел лести, поддакиваний, уважая в других людях прежде всего чувство собственного достоинства, ум, порядочность, умение отстаивать свои убеждения. «К Строганову можно было подольститься только тем, чем у других начальником подчиненный мог навлечь на себя гнев <...>. Прийти к Строганову с рекомендательным письмом от знатной дамы, знатного господина, значило навсегда погубить себя в его мнении, никогда не получить

---

⁹²⁵ Громека С.С. Письмо М.Н. Каткову. Вышний Волочек. 2 декабря 1858 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.21. Л.128.

себе места»⁹²⁶. Несомненно, помогая Каткову и Победоносцеву, Строганов, человек просвещенный, и в материальном отношении независимый, руководствовался не только профессиональными способностями своих протеже, но и их личными качествами: целеустремленностью, твердостью характера, искренней преданностью отечеству, императорской семье и престолу. Возможно, именно эти черты, свойственные как Каткову, так и Победоносцеву, позволили простому знакомству между нами перерасти в многолетнюю дружбу, которая не прервалась и после отъезда последнего в Петербург.

Сближению ученого и журналиста способствовало и нарастание консервативных тенденций в их взглядах, особенно усилившееся в 1860-е гг. Умеренный либерализм Победоносцева конца 1850-х в вопросах судебной реформы уже в начале 1860-х гг. сменился сначала сомнениями в целесообразности нововведений применительно к российским условиям, а затем и их резким неприятием. Во всех других преобразованиях эпохи – крестьянской, земской и других реформах – он начал видеть ошибки, неэффективность и даже опасность для общества. Убежденность журналиста в необходимости и полезности новых судов также постепенно сменилась критикой отдельных решений и ироническими замечаниями, переросшими со временем в ожесточенную полемику с их сторонниками, и из горячего защитника судебной реформы он превратился в одного из самых ее строгих критиков. Особое негодование Каткова вызывали попытки использовать юридические новшества в политической борьбе, когда суды, находясь под давлением общественных настроений, не только оправдывали политических преступников, но и создавали вокруг них своего рода романтический ореол, превращая их из обвиняемых в символ гражданской доблести и мужества. Сближало журналиста с Победоносцевым и резкое неприятие демократизма и парламентаризма, присущих политической жизни Западной Европы, пример

---

⁹²⁶ Соловьев С.М. Записки // Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С.244-245.

которой они оба считали совершенно неприемлемым и недопустимым для России, а также глубокая убежденность в необходимости сохранения неограниченного самодержавия и принятии решительных мер для предотвращения распространения радикальных идей.

Когда в 1863 г. «Московские ведомости» были переданы Каткову в долгосрочную аренду, то Победоносцев, осведомленный, в силу своей близости к царской семье, о многих событиях придворной жизни и о происходящем в ближайшем окружении императора, казалось бы, мог стать для журналиста источником важных и, главное, достоверных сведений. Но нет: в его сохранившихся письмах Каткову 1860-1870-х гг. не найти и сотой доли той разнообразной и подробной информации о политической, придворной, культурной жизни Петербурга, которая содержится в письмах других столичных корреспондентов: адъютанта великого князя Константина Николаевича А.А. Киреева, дипломатов И.А. Зиновьева, А.Д. Путяты, К.Г. Катакази, чиновников Ф.М. Толстого, Е.М. Феоктистова, Б.М. Маркевича. Редко-редко в письмах Победоносцева заходила речь о каких-либо новостях политики и придворной жизни, чаще всего он писал о своих корреспонденциях, которые время от времени продолжал помещать в «Московских ведомостях». Тематика этих корреспонденций в основном была связана с его научной и общественной работой: это были анонсы его новых книг⁹²⁷, сообщения о деятельности Красного Креста⁹²⁸, членом Главного управления которого он состоял, заметки о путешествии цесаревича Николая Александровича по России, в котором он сопровождал наследника престола⁹²⁹ и т.п.

Даже если у Каткова поначалу и были надежды на Победоносцева как на столичного «нюсмейкера» своей газеты, то очень быстро ему пришлось от них отказаться. Ученый не обладал в должной мере ни энергией, ни

---

⁹²⁷ Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 21 июля 1877г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.96.

⁹²⁸ Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 20 ноября 1877 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.96.

⁹²⁹ Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 20 июля 1866 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.135-136.

способностью находить общий язык с «нужными людьми», ни умением приспособляться к обстоятельствам, ни общительностью и темпераментом, позволяющими быстро приобретать знакомства и связи в министерствах и департаментах, среди литераторов и журналистов, в светских салонах и аристократических гостиных. Оказавшись в непривычной и чуждой для него придворной атмосфере, Победоносцев остро чувствовал свою отчужденность и обособленность, ему с трудом удавалось находить общий язык с либерально настроенным окружением Александра II, в глазах которого он постепенно приобрел репутацию «упорного консерватора», человека, противодействующего новым направлениям и любимым либеральным устремлениям и начинаниям. «Я попал, без всякой вины своей, в атмосферу лжи, клеветы, слухов и сплетен, - писал он позже о том периоде своей жизни, когда после скоростижной смерти в 1865 г. великого князя Николая Александровича, вновь вернулся ко двору по приглашению великого князя Александра Александровича - нового наследника российского трона. - Но в ту пору из министров и правящих лиц никто не имел общения с цесаревичем, и эта среда питалась всякими слухами и сплетнями об его характере и настроении. Меня они тоже не знали и питали себя подозрениями о каком-то моем влиянии на цесаревича, а Государю тогдашние временщики - гр. Шувалов, Валуев и пр. - внушали такие же подозрения. С другой стороны, в силу того же мнения обо мне, люди, осуждая и браня меня на стороне, старались быть со мною любезными»⁹³⁰. Как видимо, Победоносцеву было крайне неуютно и одиноко в незнакомой ему, человеку науки, придворной среде, и, внезапно оказавшись одним из самых близких к новому наследнику престола лиц, он не умел, да и не желал извлекать каких-либо преимуществ из своего привилегированного положения. Выросший в патриархальной, религиозной, старозаветной семье профессора Московского университета, он был искренне привязан к Москве, которая для него, как и для Каткова, была

---

⁹³⁰ Победоносцев К.П. Письмо к Николаю II // http://www.hrono.ru/libris/lib_p/pobed_pril.html [Дата обращения 4.02.2021]

хранительницей устойчивых, проверенных временем ценностей и традиций, и он с острой неприязнью воспринимал петербургскую жизнь, с ее обезличенной чиновной атмосферой.

С другой стороны, в условиях российской реальности, когда границы допускаемой правительством гласности оставались по-прежнему очень неопределенными, действия законов зачастую подменялось личными связями, а судьба периодических изданий нередко зависела от мнений, настроений и расположения того или иного сановника, журналистам (и Катков здесь не был исключением) волей-неволей приходилось приноравливаться к меняющимся обстоятельствам и искать могущественных покровителей. В 1860-1870-е гг. редактор «Московских ведомостей» был вынужден искать поддержку у таких влиятельных лиц, как граф А.М. Горчаков, П.А. Валуев, Д.А. Милютин, граф П.А. Шувалов и др., однако Победоносцев никакого участия в приобретении их расположения почти не принимал и едва ли в эти годы мог помочь журналисту в его попытках найти «связи» и «полезные знакомства» при дворе. Несмотря на то, что его служебная карьера развивалась весьма успешно: в 1865 г. он бы назначен членом консультации Министерства юстиции, в 1868 г. стал сенатором, в 1872 г. - членом Государственного совета, в апреле 1880 г. - обер-прокурором Святейшего Синода, а 28 октября того же года - членом Комитета министров, что явилось беспрецедентным формальным повышением статуса обер-прокурорской должности, - Победоносцев, в отличие от других представителей политического истеблишмента 1860-1870-х гг. не пользовался расположением и доверием императора Александра II и не имел какого-либо серьезного влияния на ход государственных дел. Правда, со временем он сблизился с консервативными придворными кружками, группировавшимися вокруг императрицы Марии Александровны и ее фрейлин: сестер А.Ф. и Е.Ф. Тютчевых, графини А.Д. Блудовой, но дальше его влияние не распространялось.

Победоносцев не мог оказать Каткову сколько-нибудь серьезной поддержки, даже когда тот в ней отчаянно нуждался: его «Московские

ведомости», не желая «попадать в тон» ни лицам в правительстве, ни либеральным устремлениям значительной части интеллигенции, оказались словно бы «между двух огней» и противостояли, с одной стороны, власти и цензуре, а с другой – либеральным настроениям российской интеллигенции. К примеру, когда в январе 1870 г. «Московские ведомости» получили предостережение, то реакция Победоносцева, который к этому времени уже был сенатором и имел почти десятилетний «придворный стаж», свидетельствует не только об охватившем его отчаянии, но и об отсутствии у него какой-либо возможности вмешаться и повлиять на ситуацию, не говоря уже о том, чтобы предотвратить неблагоприятный для «Московских ведомостей» исход дела в Совете: по свидетельству Б.М. Маркевича, он «был так поражен, что только мог повторять: “Боже мой, Господи, что же это такое!”»⁹³¹

Похожая история случилась десять лет спустя, в марте 1880 г., когда дело «Московских ведомостей» вновь рассматривалось на заседании Главного управления по делам печати по обвинению в «опасной для общественного спокойствия агитации», и газете вновь грозило предостережение. На этот раз поводом послужила передовая статья Каткова, написанная в связи с освобождением во Франции террориста Л.Н. Гартмана, участника покушения на Александра II 19 ноября 1879 г. Бежавший за границу Гартман был выслежен французской полицией и по требованию русского правительства арестован, но в результате кампании, поднятой в европейской прессе русской революционной эмиграцией и французской интеллигенцией, вскоре освобожден. В контексте нового покушения на русского императора – 5 февраля 1880 г. взрыв прозвучал в Зимнем дворце, и царская семья уцелела лишь по счастливой случайности - отказ Франции выдать России политического преступника, даже под благовидным предлогом – вследствие отсутствия юридических документов, подтверждающих его вину, - выглядел

---

⁹³¹ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 10 января. Б.г. // ОР РГБ. Ф.120. К.34. Л.112-113.

вызывающе. Публицист «Московских ведомостей» в присущей ему резкой манере упрекал французские республиканские власти, характеризуя ее действия как «позорные», оскорбительные для России и обусловленные «бессилием пред революционной сволочью».⁹³² Имея в виду курс на «общественное доверие» генерала М.Т. Лорис-Меликова, публицист указывал на неопределенность и неясность правительственной программы и на «примыкающую к правительству» интеллигенцию – как источник крамолы в государстве. Передовая вызвала сильное раздражение как в высших официальных кругах России, так и среди представителей российского образованного общества, не без оснований увидевших в обвинениях в адрес французского правительства и французской интеллигенции, в т.ч. поддержавшего Гартмана Виктора Гюго, оскорбления также и в свой адрес.

Победоносцев, разделявший, без сомнения, возмущение «Московских ведомостей» действиями французских властей, и на этот раз не предпринял никаких попыток повлиять на решение Главного управления по делам печати, и остался в данной ситуации только «сторонним наблюдателем» (в итоге предостережение все же не было вынесено, т.к. большинство членов управления высказалось против). Впрочем, по всей вероятности, Победоносцев даже не знал, что газете грозит предостережение: о заседании, на котором рассматривался вопрос о предостережении «Московским ведомостям», ему стало известно лишь спустя несколько дней. «На днях как-то дошел до меня глухой слух, что в Главном управлении по делам печати было заседание по поводу этой статьи. Слух этот возмутил меня», - писал Победоносцев Каткову 30 марта, спустя несколько дней после случившегося⁹³³. Избегая, по своему обыкновению, называть имена конкретных лиц, он ограничился выражением своего сочувствия и констатацией невозможности противостоять либеральным настроениям

---

⁹³² Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 27.03.1880. №86.

⁹³³ Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 30 марта. Б.г. // ОР РГБ. Ф.120. К.41. Ед.хр.3. Л.10-11.

общества и большинству членов Главного управления по делам печати. «Что мудреного? – риторически вопрошал Победоносцев. - Всего можно ожидать: пожалуй, чего доброго, ввиду бешеных на Вас нападков со стороны развращенной здешней прессы, дали бы Вам предостережение за защиту патриотического чувства, правды и здравого смысла»⁹³⁴. Однако уже на следующий день, понимая, что за первой статьей «Московских ведомостей» о Гартмане, могут последовать и другие, не менее страстные и горячие, и тогда изданию уже точно не удастся избежать наказания, Победоносцев в привычной для него сдержанной манере настоятельно советовал Каткову «не смущаться и продолжать делать свое дело, но быть осторожнее» и «избегать вполне справедливых и подающих повод к раздражению резких обличений официальной интеллигенции»⁹³⁵. Хорошо осведомленный об атмосфере в придворных и правительственных кругах, он давал понять, что даже в высших сферах царит «невообразимая путаница в умах» и «полное метание мысли» [подчеркивание автора письма – Е.П.], а потому «чтоб не дразнить гусей, которых легион и которые правят, необходимо покуда ставить мысль, по возможности, объективно»⁹³⁶. «Я где могу и умею всеми силами Вас отстаиваю и буду отстаивать, - обещал Победоносцев журналисту, но тут же оговаривался. - Но далеко не со всеми стоит и говорить. Не таков еще рынок, чтобы на него можно было вынести истину и открыть лик ее перед всеми»⁹³⁷. Под «гусями» чиновник, по всей вероятности, подразумевал «ближний круг» императора - М.Т. Лорис-Меликова, А.А. и Н.С. Абазу, великого князя Константина Николаевича и др. Подобного рода намеки, отсутствие конкретных имен, «замалчивания», ровный, спокойный тон - весьма характерны для всех писем Победоносцева, адресованных Каткову. Характерно, что это письмо, как и многие другие, адресованные журналисту,

---

⁹³⁴ Там же.

⁹³⁵ Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 31 марта. Б.г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.101-102.

⁹³⁶ Там же.

⁹³⁷ Там же.

осторожный Победоносцев пересылал в Москву «с оказией», т.е. через знакомых или (чаще всего) – с надежными сотрудниками «Московских ведомостей».

Высокопоставленный чиновник мог оказать журналисту в эти годы лишь моральную поддержку, выражая в личной переписке с ним свое восхищение его «прекрасными статьями» в «защиту правды русского чувства и русских интересов!»⁹³⁸ и сочувствуя направлению его «Московских ведомостей». Его содействие газете выражалась в том, что он время от времени знакомил наследника престола великого князя Александра Александровича с наиболее резонансными статьями «Московских ведомостей», характеризуя их ему как единственную газету, «которая во все это время держится с достоинством на высоте вопроса»⁹³⁹. Именно так, в частности, он поступил и с вышеупомянутой статьей о Гартмане, которую «тотчас же переслал Цесаревичу» и которая тому «очень понравилась» [подчеркивание автора письма]⁹⁴⁰. Однако вследствие весьма натянутых отношений между императором Александром II и его преемником, вряд ли мнения последнего в тот момент могли иметь какое-либо значение.

К посредничеству Победоносцева Катков также был вынужден прибегнуть осенью 1878 г., когда он позволил себе обратиться (единственный раз!) к цесаревичу с личной просьбой. Зная о близости Победоносцева к наследнику престола и доверии, с которым последний относился к своему наставнику, Катков просил Победоносцева походатайствовать о переводе своего старшего сына Петра, служившего во время русско-турецкой войны на правах вольноопределяющегося в Чугуевском уланском полку, в

---

⁹³⁸ Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 26 апреля 1877 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.95.

⁹³⁹ Победоносцев К.П. Письмо Александру III. 1 января 1877 г. // Победоносцев К.П. Письма к Александру III. М.: Новая Москва, 1926. Т.I. Л.62.

⁹⁴⁰ Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 31 марта. Б.г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.101-102.

Кавалергардский гвардейский полк⁹⁴¹. Впрочем, формальный предлог для обращения к наследнику престола все же был: Петр Катков до отправки на фронт учился в основанном его отцом Лицее памяти цесаревича Николая, покровителем которого являлся великий князь Александр Александрович, и, как воспитанник этого привилегированного учебного заведения, мог рассчитывать на внимание царственного патрона.

Однако и сам Победоносцев, похоже, в эти годы ничуть не меньше нуждался в поддержке Каткова: в его письмах журналисту выражения солидарности нередко соседствовали с жалобами на засилье «интриги», неопределенность положения власти, отсутствие «точного и определительного» в «дряблой и пошлой среде, в коей мы вращаемся»⁹⁴² и т.д. «Времена – сами видите – грустные, - с тревогой и тоской писал Победоносцев Каткову зимой 1879 г. - Власть уже становится на Руси игрушкой, которую хотят передавать друг другу в руки жалкие и пошлые честолюбцы посредством интриги, ничем не пренебрегающей. Нет уже твердого центра, из которого всякая власть прямо исходила бы и на котором прямо бы держалась. Стыдно сказать – одним из орудий интриги – служит ныне связь с теми лавочками, которые утвердились в Петербурге под фирмою журналов и которые с нахальством величают себя русской прессой, присваивая себе самодержавие и так называемое общественное мнение»⁹⁴³. В его письмах преобладают пессимизм, стремление «убежать» от тягостной и пугающей действительности, нарастающее критическое отношение к окружающему миру. «Тут бесы, имя же им – легион, - писал Победоносцев Каткову буквально за несколько дней до гибели Александра II. - Это помрачение умов, в коем трудно или невозможно уследить одного, известного беса помрачения.

---

⁹⁴¹ Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 21 февраля 1878 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.41. Ед.хр.3. Л.5.

⁹⁴² Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 9 января 1881 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.107.

⁹⁴³ Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 29 декабря 1879 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.41. Ед.хр.3. Л.7-8.

... У нас болото, в коем не находишь твердой точки для опоры; куда ни поставишь рычаг – проваливается. Возлагая вину на одного, рискуешь – возбудить всех и никого нет обличить в особенности. ... Я борюсь, но я уже становлюсь совсем одиноким. Ко мне приходят, шепчут на ухо: как мы вам благодарны! – но на людях объявляют противные меры»⁹⁴⁴. Похоже, Катков был одним из немногих, с кем осторожный Победоносцев мог общаться столь доверительно и кому мог без опаски, в надежде на полное взаимопонимание, излить свои переживания по поводу происходящего в высших придворных и правительственных кругах.

Таким образом, до 1 марта 1881 г. и Победоносцев, и Катков находились в оппозиции к официальному курсу правительства Александра II и были весьма откровенны друг с другом в выражении своего недовольства. Но если первый из них, несмотря на занимаемые высокие государственные посты, в указанный период не обладал реальной властью и влиянием и мог лишь в узком кругу единомышленников делиться своими тревогами и сомнениями, то второй мастерски владел талантом публициста и умело пользовался словом как оружием, порой без оглядки на придворные закулисные интриги и не подстраиваясь под диктуемые «сверху» мнения. Будучи человеком энергичным, прямолинейным, неуступчивым, журналист решительно и настойчиво отстаивал в «Московских ведомостях» свою позицию, делая это страстно, бескомпромиссно и порой даже излишне прямодушно и самоуверенно, тогда как Победоносцев, по мере приращения «придворного стажа» и приобретения опыта государственного управления, превращался в тонкого и расчетливого политика, взвешивал каждое свое слово и в любой ситуации сохранял предусмотрительность и осторожность. Прагматичный и рассудительный, он советовал эмоциональному и вспыльчивому Каткову сдерживаться и «не допускать себя до раздражения», подчеркивая, что «время

---

⁹⁴⁴ Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 19 февраля 1881 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.109-110.

очень темное и мысли спутаны до крайности»⁹⁴⁵. Но причиной столь разительного контраста в поведении высокопоставленного чиновника и журналиста являлась не только разница их темпераментов и характеров, но и глубоко отличное отношение к миру и к своему месту в нем. Педантизму Победоносцева, его привычке к формализму, стандарту, стремлению избежать существенных перемен Катков противопоставлял решительные действия, напористость, целеустремленность, желание во всем добиться нужного ему результата.

Это не могло не наложить отпечаток на их взаимоотношения в 1880-е годы, когда они оба стали играть главные роли в окружении Александра III. В начале 1880-х гг. Победоносцев превратился в самую могущественную фигуру российской внутренней политики, став опорой и ближайшим советником молодого императора, видевшего в нем не только авторитетного государственного деятеля, но и близкого человека, друга и помощника. Первые годы нового царствования стали кульминационным моментом его влияния, хотя, по мнению исследователей, оно очень быстро начало ослабевать⁹⁴⁶. На этот же период пришелся и пик значимости в государственной жизни России Каткова, которому в 1880-е гг. приписывали огромную власть и влияние как на ход государственных дел, так и на самого императора и даже называли «подспудным премьером»⁹⁴⁷. В его «Московских ведомостях» видели едва ли не самую влиятельную силу в государстве, управляющую принятием решений; газету сравнивали с «инспекцией всероссийской службы»⁹⁴⁸, называли неофициальным департаментом, «в котором обсуждались и подготавливались к решению важнейшие вопросы по

---

⁹⁴⁵ Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 18 февраля 1881 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.109.

⁹⁴⁶ Полунов А.Ю. Константин Петрович Победоносцев: вехи политической биографии. М.: МАКС-пресс, 2010. 177 с.

⁹⁴⁷ Бартенев П.И. Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912. Кн.3. С.445.

⁹⁴⁸ Розанов В.В. Суворин и Катков // Новое время. 1997. Кн.7. С.36-38.

внутренней и внешней политике»⁹⁴⁹, и даже представители императорской семьи считали ее «особой, независимой силой», действующей «вне правительства»⁹⁵⁰.

В восприятии современников Катков и Победоносцев в эти годы оставались абсолютными единомышленниками. Так, в дневниковых записях Половцева Победоносцев всегда упоминается в числе самых близких «пособников» Каткова⁹⁵¹, как его неизменный и верный союзник. Но если первый олицетворял инициативу, деятельное начало, готовность энергично защищать то, что в его понимании составляло основы русской нации и государственности, то второй испытывал предубеждение и недоверие к любой инициативе и активности и воплощал пассивное стремление сохранить, в буквальном смысле «заморозить» существующие порядки и принципы построения общества.

В отличие от Победоносцева, которого даже единомышленники между собой иногда называли «скопцом с Литейной», Катков решительно бросался на защиту принципов, соблюдение которых считал спасительным для России, страстно отстаивал свои убеждения, логично, последовательно и убедительно доказывал свою правоту, пользуясь словом как своим главным оружием. Журналист по призванию, он видел в своих передовых статьях словно бы ежедневные доклады государю «по делам особой государственной важности»⁹⁵², а свой труд рассматривал как государственную службу, «но не в мундире, без жалований и наград», видя его отличие от службы в официальной должности лишь в том, что печать «предоставлена собственной инициативе, не находится ни в каком подчинении по начальству и действует не по приказу, а по совести»⁹⁵³. Показательны слова, сказанные им в марте 1886 г. графу П.А.

---

⁹⁴⁹ Любимов Н.А. Михаил Никифорович Катков. По личным воспоминаниям // РВ. 1888. Кн.1. С.14.

⁹⁵⁰ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря... Т.1. С.499-500.

⁹⁵¹ Там же.

⁹⁵² Катков М.Н. Письмо императору Александру III. 1884 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.52. Ед.хр.12.

⁹⁵³ Передовая статья // МВ. 9.11.1882. №311.

Шувалову в ответ на упреки, что его газета «слишком далеко заходит в своей брани против лиц, стоящих во главе финансового управления»: «Я стою у окна и вижу, что русский народ грабят; буду кричать “караул”, и никто не вправе требовать от меня, чтобы я молчал»⁹⁵⁴. Программным можно назвать выступление Каткова 12 января 1884 г., в котором он, не отвергая «благотворные реформы минувшего царствия», все гарантии законности связал исключительно с самодержавной формой правления и в присутствии ему категоричном и энергичном тоне требовал «разбудить» действующую власть и напомнить ей, что она не должна выпускать из своих рук бразды правления, не отдавать своих полномочий представителям разного рода выборных учреждений⁹⁵⁵.

Сторонник решительных действий, Катков резко критиковал «вредные» с его точки зрения действия многих высокопоставленных чиновников. Так, в 1881-1882 гг. «Московские ведомости» выступили в роли одного из самых энергичных критиков министра внутренних дел Н.П. Игнатьева, действия которого получили в передовых статьях Каткова название «диктатура улыбочки». Газета ожесточенно протестовала против выдвинутой министром идеи созыва Земского собора, называя это предложение «нелепым» и «торжеством крамолы»; с негодованием писала об антиеврейской политике Игнатьева, который открыто заявлял о своих юдофобских взглядах и с одобрением отзывался о еврейских погромах, волна которых прокатилась по России во время его краткого пребывания на посту министра; в апреле 1882 г. подвергли резкой критике деятельность Департамента полиции, созданного Игнатьевым в 1880 г. взамен упраздненного Третьего отделения. Эта критика была едва ли не более резкой и вызывающей, нежели та, которую позволяли радикальные нелегальные издания, что вызывало ответную реакцию со стороны ведомства Игнатьева. «Министр <...> хочет показать теперь свою власть на «Московских ведомостях», - писал Катков Победоносцеву в мае

---

⁹⁵⁴ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. Т.1. С.435.

⁹⁵⁵ Передовая статья // МВ. 12.01.1884. №12.

1882 г. о попытках Игнатьева противодействовать «Московским ведомостям».

- <...> Положение мое грозит стать нестерпимым. Каждый день делаются мне цензурным комитетом, по поручению Игнатьева, невыносимые придирки. Вопросы, которых только что успеют коснуться “Московские ведомости” в своем смысле, тотчас же изъемяются из сферы обсуждения в печати, и я остаюсь с открытым ртом, с недоговоренным словом. Теперь отдан приказ нет говорить ничего ни pro, ни contra необходимости созыва земского собора. За евреев мне грозят карами»⁹⁵⁶.

Столь же энергично «Московские ведомости» в 1880-е гг. вступили в борьбу с министром финансов Н.Х. Бунге и отстаиваемой им либеральной экономической доктриной. Если в 1860-1870-е гг. Катков и Бунге солидарно выступали за принципы свободной торговли, понижение пошлин на ввозимые иностранные товары и т.п., то с конца 1870-х гг. журналист начал проводить в своих изданиях мысль о необходимости введения покровительственных тарифов, важности развития перерабатывающих отраслей отечественной промышленности и т.д., полагая в протекционизме единственно верный путь для выхода из финансовых затруднений после тяжелой войны на Балканах. Свой переход в ряды сторонников национальной экономической политики он объяснял тем, что если на этапе промышленного переворота и перехода от феодально-крепостнического хозяйства к рыночному либеральная экономическая политика закономерна, то в условиях товарно-денежного хозяйства стране необходима собственная угольно-металлургическая база, развитие обрабатывающей промышленности, сильная правительственная поддержка отдельных отраслей и производств военно-стратегического значения. Некоторые вопросы дискутировались на страницах газеты на протяжении нескольких лет. Так, например, обсуждению вопроса о необходимости пересмотра таможенного тарифа, с целью согласования его пошлин с потребностями экономики страны, было посвящено более

---

⁹⁵⁶ Катков М.Н. Письмо К.П. Победоносцеву. 19 мая 1882 г. // ОР РГБ. Ф.230. К.4391. Ед.хр.18.

пятидесяти статей. Так же детально, системно и настойчиво в газете рассматривались вопросы денежного обращения, железнодорожного хозяйства, питейного дела, хлебной торговли, о Закавказском транзите, о Сибирской железной дороге и т.д. Осознавая необходимость создания в России мощного фабрично-заводского производства и указывая на развитие промышленности как на главный путь повышения производительности страны, Катков подчеркивал недопустимость сосредоточения отдельных отраслей промышленности в частных руках, активно протестовал против монополизации производства и прямо писал, что недопустимо позволять монополистам наживаться за счет интересов всего остального населения страны, предупреждал об опасности, которую несут хищнические способы эксплуатации природных богатств, предпринимаемые промышленниками-монополистами, и требовал введения строгого правительственного контроля в сфере пользования природными ресурсами. Одновременно Катков указывал на опасности, исходящие от скопления в фабричных районах большого количества представителей низших сословий, заключающиеся в доступности и легкости распространения революционных идей, утрате традиционных нравственных критериев, злоупотреблении алкоголем и т.п., и потому отдавал предпочтение кустарным промыслам. В целях борьбы с пьянством «Московские ведомости» предлагали заменить вольную торговлю вином казенной продажей, что шло вразрез с интересами владельцев частных «питейных заведений», но могло стать наиболее целесообразной мерой для уменьшения пьянства в народе.

В декабре 1883 – январе 1884 гг. передовые статьи «Московских ведомостей» произвели настоящий переполох в финансовых кругах. В следовавших одна за другой передовых статьях (№№ 343, 353, 357 от 11, 21 и 25 декабря 1883 г.; №№ 4, 5 и 6 от 4, 5 и 6 января 1884 г. соответственно) Катков вскрыл механизм погашения государственных займов, в результате которого все излишне ассигнованные по системе государственного кредита денежные средства не поступали обратно в распоряжение Государственного

казначейства, а попадали в разряд «неизрасходованных остатков» и, таким образом, уже не могли быть употреблены на необходимые государственные нужды. Ссылаясь на отчеты Государственного контроля, Катков, у которого, несомненно, были надежные источники информации в министерстве финансов, указывал с точностью до копейки сумму «излишних средств», составлявшую почти 18 миллионов рублей (17.801.775 р. 75 к.), попавшую, «как в Дантов ад, “откуда нет возврата”» (как иронично писалось в одной из его статей)⁹⁵⁷.

«Статьи Каткова о наших бюджетах, в которых, оказывается, есть пробелы в десятки миллионов, произвели «сенсацию» в правительственных кругах, - писал об этом А.А. Киреев. - Назначается контрольная ревизия по этому действительно важному и возмутительному делу. Тут гласность и печать могут приносить пользу! В мире банкирском эти разоблачения произвели переполох, банкиры бранят Каткова на чем свет стоит, чтобы его в ложке утопить»⁹⁵⁸. На опубликованное в № 286 «Правительственного вестника» от 31 декабря 1883 г. «Разъяснение» от Министерства финансов, в котором ведомство пыталось ответить на нарекания в свой адрес и в свою очередь обвинить «Московские ведомости» в ошибочности и безосновательности высказанного мнения, Катков отвечал решительным требованием ввести «строгие правительственные ревизии, при правильной системе отчетности»⁹⁵⁹.

Журналист боролся не только словом, но и делом, формируя среди политической элиты России круг своих сторонников – «катковцев», способных в силу своего служебного положения влиять на внутреннюю политику государства, главное место в которой он по-прежнему отводил реформированию сферы образования. Среди них – назначенный в январе 1887 г. министром финансов И.А. Вышнеградский, о котором говорили, что без

---

⁹⁵⁷ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 4.01.1884. №4.

⁹⁵⁸ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.9. Л.298.

⁹⁵⁹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 5.01.1884. №5.

поддержки «Московских ведомостей» ему «никогда бы не быть министром», и назначение которого воспринималось как «признак наивысшей степени влияния Каткова»⁹⁶⁰. И.Д. Делянов, сменивший в марте 1882 г. на посту министра народного просвещения барона А.П. Николаи, согласовывал с Катковым все принимаемые министерством решения, постоянно советовался с ним по самым разнообразным вопросам: составление проектов уставов факультетов, назначение профессоров, утверждение программ университетских курсов и т.п.⁹⁶¹ Единомышленниками Каткова были товарищ министра внутренних дел В.К. Плеве; правитель канцелярии Министерства внутренних дел А.Д. Пазухин, начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистов, министр государственных имуществ М.Н. Островский, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел И.А. Зиновьев, члены совета министра народного просвещения и деятельнейшие участники разработки проектов гимназического и университетского уставов А.И. Георгиевский, А.М. Гезен, Н.А. Любимов и др.

Со временем недопонимание между Катковым и Победоносцевым нарастало, усиливались взаимное охлаждение и разобщенность. Их отношения становились все более натянутыми, журналист даже начал открыто сторониться своего идейного единомышленника. Бывало, что приезжая в Петербург, он не встречался с Победоносцевым, понимая, как видимо, что беседа с ним приведет не столько к пониманию и взаимному согласию, сколько к еще большему взаимному раздражению. «Я вовсе не склонен навязываться с непрошенными советами и говорю лишь когда меня спросят или когда увижу, что хотят со мной говорить», - этот ответ Каткова на вопрос Победоносцева, почему, находясь неделю в Петербурге, он не нашел времени

---

⁹⁶⁰ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.10. Л.207.

⁹⁶¹ Делянов И.Д. Письма М.Н. Каткову // ОР РГБ. Ф.120. К.19; Записки сенатора Есиповича // Русская старина. 1909. Кн.8. С.215-218.

его навестить, весьма показателен⁹⁶². Содержание письма, написанного в 1883 г., когда в Государственном совете шли бурные обсуждения университетского устава, свидетельствует, что у Каткова не было надежд на поддержку Победоносцева, напротив, он с горечью отмечал, что тот стремится «ограничивать себя, да и других во власти сущих людей от соприкосновения со мной в вопросах государственного значения»⁹⁶³. Как представляется, этот упрек Каткова по адресу Победоносцева касался не только вопроса реформирования высшей школы: журналист понимал, насколько отличны его собственные представления о задачах и методах государственной политики от программных установок его союзника. В разговорах с близким ему по духу Киреевым он с горечью признавался, что Победоносцев «очень не крепок в деталях, легко сбивается», «человек без воли, делающий не то, что говорит и даже что желает [подчеркивание Киреева - Е.П.] сделать»⁹⁶⁴. В последний год своей жизни Катков, как свидетельствует Е.М. Феоктистов, лишь изредка и при этом крайне неохотно посещал обер-прокурора Святейшего Синода, причем в беседах с ним старался избегать затрагивать наиболее жгучие вопросы, а в частных беседах отзывался о нем не иначе как с озлоблением⁹⁶⁵.

Таким образом, союз Каткова с Победоносцевым, казавшийся многим современникам прочным и нерушимым, в реальности оказался союзом «мнимым»⁹⁶⁶, хрупким и неустойчивым. Будучи оба безусловными приверженцами консервативных взглядов на стратегию государственного развития России, они представляли разные типы консерватизма⁹⁶⁷, и таким

---

⁹⁶² Катков М.Н. Письмо К.П. Победоносцеву. 27 ноября 1883 г. // ОР РГБ. Ф.230. К.4392. Ед.хр.21; Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 27 ноября 1883 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.20. Л.184-185.

⁹⁶³ Катков М.Н. Письмо К.П. Победоносцеву. 27 ноября 1883 г. // ОР РГБ. Ф.230. К.4392. Ед.хр.21.

⁹⁶⁴ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.9. Л.15,23,179.

⁹⁶⁵ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.221-223.

⁹⁶⁶ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.221.

⁹⁶⁷ Полунов А.Ю. М.Н. Катков и К.П. Победоносцев: «друзья-враги» в окружении Александра III // Русско-Византийский вестник. 2019. №1(2). С.156-162.

образом, не смогли объединить свои усилия для формирования единой и четкой программы.

5.4. М.Н. Катков и император Александр III

Влияние Каткова в годы правления Александра III, который, по выражению Киреева, был единственным консерватором в среде императорской фамилии⁹⁶⁸, казалось неоспоримым: он был лично знаком императору, который относился к нему «несравненно более сочувственно», нежели его предшественник⁹⁶⁹, а в издаваемых им «Московских ведомостях» видели «опору правительства»⁹⁷⁰. Уже в апреле 1881 г., т.е. в первые недели нового царствования, Катков был принят императором, который отнесся к нему очень благосклонно и выразил сочувствие как его педагогической, так и журналистской деятельности. Более того, Александр III дал почувствовать свое расположение Каткову и всем окружающим: в разговоре с московским генерал-губернатором князем В.А. Долгоруковым он прямо заявил: «Я знаю, что при покойном батюшке Вы были не в ладах с Катковым, я надеюсь, что этого больше не будет»⁹⁷¹. Намек императора был настолько недвусмыслен, что хозяин первопрестольной, вернувшись домой, поспешил с визитом к редактору «Московских ведомостей» с тем, чтобы заявить о своем сочувствии и симпатиях. В дальнейшем Катков еще не раз бывал на личном приеме у императора, который всегда оказывал ему особое расположение, свидетелем чему может служить следующий факт. В январе 1883 г. в Зимнем дворце в связи с предстоящими коронационными торжествами проходили торжественные церемонии представления. Суть церемонии сводилась к тому, что всех представлявшихся, число которых могло доходить до нескольких десятков человек, выстраивали в шеренгу в одном из дворцовых

---

⁹⁶⁸ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.120. К.23. Л.2.

⁹⁶⁹ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.243.

⁹⁷⁰ Феоктистов Е.М. Письмо М.Н. Каткову. 9 июля. Б.г. // ОР РГБ. Ф.120. К.38. Л.35.

⁹⁷¹ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.8. Л.249.

залов, а император, входя в зал, здоровался со всеми, и затем начинал обходить шеренгу, задавая каждому по одному-два вопроса. В отличие от других, Катков в назначенный день – 7 января – был принят не вместе со всеми, а отдельно, причем разговор был весьма продолжительным, Александр III говорил с журналистом о многих проблемах: «об уставе, о кавказском транзите, о необходимости твердого и в самом себе уверенного правления»⁹⁷². В июне 1884 г., накануне принятия университетского устава, между редактором «Московских ведомостей» и Александром III вновь состоялся весьма продолжительный разговор, в ходе которого, как свидетельствует присутствовавший тут же министр народного просвещения И.Д. Делянов, «Катков говорил, Государь поддакивал»⁹⁷³.

Передовые статьи «Московских ведомостей» в годы правления Александра III воспринимались как руководящие, содержащие программу нового царствования, а в самом Каткове видели едва ли не «серого кардинала» молодого императора. «Никто не дерзает в самодержавном государстве восстать за самодержавные решения против Михаила Никифоровича Каткова», – эта запись в дневнике П.А. Валуева, сделанная 23 июня 1883 г., весьма точно характеризует положение журналиста, превратившегося в указанный период в настоящую влиятельную силу в государстве⁹⁷⁴. Граф В.Н. Ламздорф, в 1880-е гг. директор канцелярии министерства и ближайший помощник министра иностранных дел Н.К. Гирса называл Александра III и Каткова «их величествами» и не без иронии писал, что император подчиняется Каткову.⁹⁷⁵ Показательно, но сходного взгляда на роль журналиста держались и представители революционного лагеря. Так, С.М. Степняк-Кравчинский, эмигрировавший в Европу и активно занимавшийся литературной деятельностью, в своих публицистических текстах называл редактора

---

⁹⁷² Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.9. Л.171.

⁹⁷³ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.10. Л.24.

⁹⁷⁴ Валуев П.А. Дневник. 1877-1884. Пг.: Былое, 1919. С.238.

⁹⁷⁵ Ламздорф В.Н. Дневник. 1886-1890. М.: ГИЗ, 1926. С.79.

«Московских ведомостей» не иначе как «the vice-emperor» [вице-император (англ.)]⁹⁷⁶.

Передовые статьи «Московских ведомостей» регулярно включались в ежедневные обозрения материалов периодической печати, представляемые Александру III, и почти всегда вызывали его одобрение и поддержку, о чем сохранились многочисленные свидетельства. Е.М. Феокистов писал о «десятках» обозрений, «в которых помещаемы были статьи “Московских ведомостей”», которые были «постоянно возвращаемы с сочувственными отзывами»⁹⁷⁷.

Смелость, даже запальчивость, с которой «Московские ведомости» позволяли себе затрагивать важнейшие государственные вопросы, даже породила остроумное сравнение их издателя с юродивыми, которые «говорили при старых царях разные невменяемые речи»⁹⁷⁸. Эта излишняя страстность, «горячность» передовых статей Каткова и его энергичные выпады в адрес конкретных министров, зачастую становилась предметом недовольства Александра III, но и в этих случаях он, как правило, просил лишь «частным порядком» указать журналисту на неуместность некоторых его высказываний. Так, например, «возбудила неудовольствие государя», как писал Каткову Б.М. Маркевич⁹⁷⁹, статья в № 95 от 5 апреля 1881 г., в которой содержались резкие нападки на М.Т. Лорис-Меликова и проводимую им политику. Катков обвинил правительство в покровительстве либеральной партии, в слепом исполнении ее требований, что, по его мнению, и привело к трагедии 1 марта. «Сменены правительственные лица ей [либеральной партии – Е.П.] неугодные, призваны новые, встреченные ею рукоплесканиями, объявлена была диктатура, которую органы этой партии назвали “диктатурой сердца”, - с негодованием подчеркивалось в статье. - <...> Не в эту ли пору совершился прогресс, совсем сгладивший различие между легальной и

---

⁹⁷⁶ Феокистов Е.М. Письмо М.Н. Каткову. 17 марта 1884 г. // ОР РГБ. Ф. 20. К.37. Л.64.

⁹⁷⁷ Феокистов Е.М. Письмо М.Н. Каткову. 26 ноября 1884 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.38. Л.2.

⁹⁷⁸ Любимов Н.А. Письмо М.Н. Каткову. 24 марта 1884 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.6. Ед.хр.31.

⁹⁷⁹ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 8 апреля 1881 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.33. Л.222.

нелегальной печатью; именно в эту пору засияла заря либеральных реформ; интернизованные люди освобождались от надзора полиции, учебный мир приведен был в наилиберальнейшее брожение... <...> мы пережили год самого либерального режима, который тем не менее завершился событием 1 марта»⁹⁸⁰. Весьма вероятно, что молодого императора, который до этого момента с одобрением воспринимал передовые статьи «Московских ведомостей», поддерживал резкое осуждение в них либеральной интеллигенции как питательной среды для нигилизма и революционных учений, неприятно поразили прямые указания газеты на «правительственную слабость последних лет», что могло подразумевать не только само правительство, но и императора Александра II, доверившего почти всю полноту власти Верховной распорядительной комиссии. Резкость отдельных выражений данной статьи стала причиной обсуждения ее в Главном управлении по делам печати, однако, несмотря на предложения некоторых членов управления объявить газете предостережение и даже закрыть ее на месяц, дело ограничилось лишь обращением к московскому генерал-губернатору В.А. Долгорукому – «сделать внушение» редактору «Московских ведомостей».

Примером лояльного отношения императора к редактору «Московских ведомостей» может служить случай с весьма прямолинейно и резко написанной передовой статьей в № 313 от 11 ноября 1884 г., в которой министр юстиции Д.Н. Набоков характеризовался как глава «корпорации, мнящей себя независимой от государства и стоящей вне всякого контроля» и подчеркивалась необходимость «исправления положения самого министра»⁹⁸¹. Столь прямое указание на необходимость смены министра юстиции, казалось бы, не могло не вызвать раздражения императора, однако, прочитав статью, Александр III лишь велел графу Д.А. Толстому «частным образом» [подчеркивание автора письма – Е.П.] сказать Каткову, чтобы он был

---

⁹⁸⁰ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 5.04.1881. №95.

⁹⁸¹ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 11.11.1884. №313.

осторожнее, когда говорит о личностях»⁹⁸². «Евгений Михайлович говорил мне о письме, которое сегодня послали к Вам после доклада, - писал в связи с этим Каткову Н.А. Любимов. - Вверху сказалось очевидно большое расположение и жалоба действия не произвела (Н. был в среду, Т. в четверг⁹⁸³. Но заметно было некоторое огорчение. Ответное письмо Ваше не мешало бы, кажется мне, прислать скорее. Желательно, чтобы было ясно им, Вы “даете повод приносить жалобы на привилегированное положение” не разностию статей, а тем, что правда, которую приходится высказывать, часто неприглядна»⁹⁸⁴. Предположение Любимова подтвердилось - уже спустя несколько дней – во время следующего доклада министра внутренних дел – император поддержал это выступление Каткова, сказав, что мнения его «о судебном ведомстве вполне справедливы и что заметкою своей он нисколько не думал касаться их сущности»⁹⁸⁵.

Помимо публицистических выступлений, Катков в годы правления Александра III активно использовал такой инструмент политического влияния, как «всеподданнейшие адреса» - письма, адресованные лично императору. Право непосредственного обращения к самодержцу было даровано журналисту в 1866 г., после личной встречи с Александром II, однако тогда он пользовался этой привилегией крайне редко: Александру II им с 1866 по 1881 гг. было написано всего 5 писем. Зато то за шесть лет с 1881 по 1887 гг. Александру III журналист успел написать 22 письма, причем все они, как правило, были значительны по объему и содержали подробные рассуждения, а зачастую и рекомендации по тому или иному важному государственному вопросу. Как правило, он писал Александру III о том, о чем не решался сказать открыто в «Московских ведомостях» – чаще всего, если дело касалось каких-

---

⁹⁸² Феоктистов Е.М. Письмо М.Н. Каткову. 14 ноября 1884 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.36. Л.88.

⁹⁸³ Евгений Михайлович – Е.М. Феоктистов – начальник Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел; Н. – Д.Н. Набоков – министр юстиции; Т. – Д.А. Толстой – министр внутренних дел.

⁹⁸⁴ Любимов Н.А. Письмо М.Н. Каткову. Б.д. // ОР РГБ. Ф.120. К.6. Ед.хр.35.

⁹⁸⁵ Феоктистов Е.М. Письмо М.Н. Каткову. 26 ноября 1884 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.38. Л.2.

либо международных вопросов. «Не все и не всегда можно сказать в печати, - объяснял Катков свое настойчивое стремление донести до императора свое мнение. - А потому я и осмеливаюсь по временам повергать на благоусмотрение Вашего Величества соображения, которые внушает мне моя преданность и политическая опытность, приобретенная долговременным выяснением этих дел, имея в виду, если Бог поможет и Ваше Величество позволите, высказать во всеподданнейшем письме то, что в моих статьях о нынешних политических осложнениях остается недосказанным или неясным»⁹⁸⁶. В случаях, когда статьи «Московских ведомостей» вызывали недовольство императора, у Каткова появлялась возможность оправдаться, написав письмо-объяснение: в исключительных случаях - лично самому Александру III, но чаще - на имя министра внутренних дел Д.А. Толстого, который, в свою очередь, доводил их содержание до сведения императора. Убедительные, аргументированные послания Каткова, в каждой строчке которых чувствовалась его глубокая заинтересованность и искреннее беспокойство за судьбу Отечества, как правило, «были принимаемы в высшей степени благосклонно» императором, который в конечном итоге прощал журналисту и его излишнюю горячность, и чрезмерную запальчивость, и резкость тона и стиля его передовых статей, и даже личные выпады против его министров.

В последние годы своей жизни Катков получил несколько знаков отличий, которые поставили его вровень с представителями высшей государственной власти. В 1883 г. он был награжден орденом Святой Анны первой степени, в 1886 г. – орденом Святого Владимира второй степени. Любопытно, что журналист был награжден орденами высшей степени, минуя низшие, что бывало лишь в исключительных случаях, когда награждаемый занимал должность достаточно высокого класса по табели о рангах и состоял в определенном чине. Действительно, к моменту награждения орденами

---

⁹⁸⁶ Катков М.Н. Письмо императору Александру III. 1886 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.46. Л.139-140.

Катков уже был тайным советником, т.е. имел третий по Табели о рангах гражданский чин, соответствующий военным званиям генерал-лейтенанта и вице-адмирала. Произведение состоялось в январе 1882 г.⁹⁸⁷, менее чем через год после восшествия на престол Александра III. Необычность произведения Каткова в тайные советники состояла в том, что этот чин получали, как правило, лица, занимавшие высшие государственные должности, например, министр, товарищ министра, руководитель департамента, сенатор, а также представители научной элиты: ректоры университетов, профессора, академики Академии Наук... Так, чин тайного советника имели ректор Московского университет С.М. Соловьев, профессор Московской духовной академии Н.И. Субботин, профессор Московского университета М.П. Погодин и др. Катков не состоял на государственной службе, но в генеральский чин был произведен как «директор и основатель Лицея цесаревича Николая в Москве», хотя в этой должности официально состоял лишь с 1879 г.⁹⁸⁸ Примечателен факт, что когда спустя несколько лет вдове публициста, С.П. Катковой, понадобилось снять копию с формулярного списка мужа, то в Министерстве народного просвещения его не оказалось. «Вероятно, нет и в Московском учебном округе, - писал Н.А. Любимов, которому С.П. Каткова поручила найти необходимый ей документ. - Служебные назначения и повышения Михаила Никифоровича шли *не в обычном порядке* [курсив мой – Е.П.]. Копию с формуляра надо будет заменить удостоверением Министерства касательно чина и ордена Михаила Никифоровича»⁹⁸⁹. Письмо Любимова свидетельствует, что возведение Каткова в высокий чин состоялось все же не в строгом соответствии с

---

⁹⁸⁷ Приказ о производстве М. Каткова в тайные советники. 22 января 1882 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.56. Ед.хр.7.

⁹⁸⁸ Извещение от имени попечителя Московского учебного округа о назначении М.Н. Каткова директором Лицея цесаревича Николая. 22 августа 1879 г. Москва // ОР РГБ. Ф.120. К.56. Ед.хр.6.

⁹⁸⁹ Любимов Н.А. Письма Катковой С.П. Санкт-Петербург. 14 апреля 1895 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.6. Ед.хр.36.

существующими на тот момент правилами, а, скорее всего, явилось исключением и состоялось по личному распоряжению императора.

Рост влияния Каткова и его «Московских ведомостей» вызывал серьезную обеспокоенность среди ближайшего окружения императора. Публицист позволял себе говорить словно бы от лица самой власти, от имени первого лица в государстве, и эта особенность, составлявшая главную силу его выступлений и способствовавшая столь сильному влиянию его текстов на аудиторию, вызывала заметное недовольство и возмущение среди высшей бюрократии, которая была убеждена, что «при Николае Павловиче редактор “Московских ведомостей” за половину любой из его статей давно бы был в Вятке», как в декабре 1886 г. в разговоре с императором выразился А.А. Абаза⁹⁹⁰. Представителей политической элиты раздражал властный, требовательный, даже агрессивный тон передовых статей журналиста, в настойчивости которого они видели лишь преследование личных целей и посягательства на их влияние при особе императора. «Идеал для Каткова и ему подобных таков: на троне государь. А возле трона Катков и больше никого», - так оценивал позицию Каткова госсекретарь А.А. Половцов. - Тут не оберегается существующий порядок с постепенным и разумным его улучшением, тут преследуется личная, направленная к достижению такого или другого блага, цель: у Суворина эта цель деньги, у Каткова власть, а может быть – и то, и другое. Только иной раз это делается под соусом либерализма, иной раз ... “под личиной усердия к царю”»⁹⁹¹. В том, что «Московским ведомостям» *позволялось* [курсив мой – Е.П.] затрагивать важнейшие вопросы государственной внутренней политики, представители высшей бюрократии видели угрозу самому принципу самодержавной власти: «Такой порядок не должен ли быть истолкован как отсутствие мыслей в самом правительстве, которое заимствует их у Каткова и тем понижает свое значение в глазах нации,

---

⁹⁹⁰ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря... Т.1. С.502-503.

⁹⁹¹ Половцов А.А. Письмо К.П. Победоносцеву. 13 февраля 1886 г. // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.-Пг. Государственное издательство. 1923 г. С.585-586.

- отмечал Половцов, - <...> Подобный порядок представляет положительную опасность не только для правительственного достоинства, но и для будущности царствующей династии. Такому порядку необходимо положить предел, или завербовать Каткова в чиновники, или лишить его теперешнего значения (по моему мнению, это то же самое)»⁹⁹².

Многие лица из ближайшего окружения Александра III настойчиво старались обратить его внимание на те статьи газеты, в которых высказывалась резкая критика действий правительства, а также доказать ему, что со стороны публики действия Каткова выглядят как самоуправство и неуважение к верховной власти. «Эту записку знаешь ты, Саша, а публика видит только, что Катков не исполнил требования правительства», - убеждал императора великий князь Владимир Александрович в феврале 1887 г. в связи с отказом редактора «Московских ведомостей» напечатать опубликованное в «Правительственном вестнике» 3 декабря 1886 г. правительственное сообщение Министерства иностранных дел и представившего императору очередную записку в свое оправдание⁹⁹³. Министр юстиции Д.Н. Набоков неоднократно во время докладов императору обращал его внимание на то, что «Московские ведомости» «находятся совершенно в привилегированном положении» и «говорят то, что другим не дозволено»⁹⁹⁴.

Несмотря на предупреждения, что противники «не дремлют» и пользуются любыми возможностями и поводами, чтобы вызвать недоверие Александра III к «Московским ведомостям» («на вас точат зубы очень многие; во всех ваших действиях стараются отыскать своекорыстные мотивы и

---

⁹⁹² Половцов А.А. Дневник государственного секретаря... Т.1. С.499-500.

⁹⁹³ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря... Т.2. С.28. Сообщение «Правительственного вестника» было направлено в первую очередь против «Московских ведомостей», в нем указывалось, что в связи с событиями в Болгарии появился ряд статей в газетах, в которых говорится, «что затруднениями, препятствующими удовлетворительному разрешению болгарского вопроса, мы обязаны преимущественно негласному воздействию Германии, которая выставляется опасным врагом России». Отказавшись опубликовать правительственное сообщение, Катков представил на имя императора Александра III обширную записку // ОР РГБ. Ф.120. К.46. Л.61-79.

⁹⁹⁴ Феокистов Е.М. Письмо М.Н. Каткову. 9 июля. Б.г. // ОР РГБ. Ф.120. К.38. Л.35.

пр.»⁹⁹⁵), журналист сохранял уверенность, что его оппоненты «ничего сделать не могут»⁹⁹⁶.

Однако попытки вмешательства Каткова в вопросы внешней политики, что для России было делом беспрецедентным, со временем стали вызывать раздражение и у самого Александра III, который считал себя лично ответственным за внешнеполитический курс империи. Ситуация усугублялась тем, что за рубежом «Московские ведомости» воспринималась как официальный орган государственной власти и их публикациям придавалось не меньшее значение, чем заявлениям дипломатического корпуса, что находит подтверждение в многочисленных документальных свидетельствах. Так, весной 1881 г. Маркевич сообщал Каткову о том, что в Париже «все убеждены, что манифест и «перемена кабинета» - Ваших рук дело и что Вы так живмя и живете в Гатчине, где «только с Вами и совещается Государь»»⁹⁹⁷. Известно также, что канцлеру Германии О. фон Бисмарку переводили все передовые статьи «Московских ведомостей», а также и все опубликованные в них корреспонденции из Берлина⁹⁹⁸. Британский дипломат, посол Англии в России в 1884-1893 гг. сэр Роберт Мориер не без иронии заявлял, что «ему приходится жить в Петербурге, когда по-настоящему правительство находится в Москве, и его, Мориса, следовало бы аккредитовать при Каткове»⁹⁹⁹.

В 1880-е гг. Катков выступил с идеей «национальной» внешней политики и вступил в ожесточенное противостояние с Министерством иностранных дел и его главой Н.К. Гирсом, обвиняя его в антирусских, антинациональных устремлениях и искусно использовал любой просчет его ведомства как доказательство его неуместности на посту министра. Его нападки на Гирса усилились в 1885-1886 гг., после неудач отечественной дипломатии в решении

---

⁹⁹⁵ Киреев А.А. Письмо М.Н. Каткову. 22 января 1887 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.23. Л.5-6.

⁹⁹⁶ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.10. Л.211.

⁹⁹⁷ Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 22 мая 1881 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.34. Л.5.

⁹⁹⁸ Веселитский-Божидарович Г.С. Письмо М.Н. Каткову. Берлин. 18 (30) марта 1885 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.22. Л.163-164.

⁹⁹⁹ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.10. Л.226.

кризиса на Балканах, в результате которого резко обострились отношения России с дружественными ей Болгарией и Сербией. И если ранее Катков скрывал свои удары за намеками, хотя зачастую и достаточно прозрачными, и не позволял себе прямо называть своих противников в правительстве, то в эти годы он, не обинуясь, указывал на тех из государственных лиц, кто, по его мнению, являлся виновником действий и решений, идущих во вред России. Многие высказывания Каткова были настолько меткими, что их повторяли даже сторонники министра. Так, афоризмом стала характеристика, данная им подвластному Н.К. Гирсу ведомству: он неоднократно заявлял, что в России существует не русское Министерство иностранных дел, а Министерство иностранных дел в России. Катков не одобрял прогерманскую политику министерства иностранных дел и настойчиво проводил мысль о необходимости сближения России с Францией.

Компрометируя в своих статьях внешнеполитическое ведомство, Катков настойчиво пытался добиться отстранения Гирса от должности и назначения на его место директора Азиатского департамента И.А. Зиновьева, который зарекомендовал себя как энергичный и уверенный представитель России на Востоке. Журналист состоял с Зиновьевым в переписке, но последний, как истинный дипломат, был весьма острожен и в ситуации обострявшегося конфликта между Катковым и Гирсом оставался на нейтральной позиции, выполняя, скорее, функции посредника между ними. Как свидетельствуют письма Зиновьева Каткову, глава внешнеполитического ведомства был осведомлен о том, что его подчиненный является корреспондентом московской газеты, и, будучи человеком осторожным и расчетливым, полагал не лишним в случае необходимости воспользоваться этим в своих целях.¹⁰⁰⁰ Примечательно, но в ряде случаев Катков соглашался с доводами Зиновьева и

---

¹⁰⁰⁰ Так, в письме Каткову от 19 марта 1883 г. Зиновьев прямо пишет, что «обо всем вышеизложенном я счел нелишним сообщить Вам вследствие разговора с Н.К. Гирсом, от которого я не скрыл своего намерения написать Вам»; в письме от 22 марта 1885 г. – что «Н.К. Гирс был бы глубоко признателен Вам, если бы Вы приняли на себя обязательный труд...» и т.п. (ОР РГБ. Ф.120. К.3. Ед.хр.44).

тогда в «Московских ведомостях» высказывалась та точка зрения, которая устраивала внешнеполитическое ведомство. Так, в июне 1886 г. Зиновьев известил Каткова о предстоящей отмене в Батуме режима порто-франко, установленного в 1878 г., т.е. сразу после вхождения города в состав Российской империи. Беспшлинный ввоз и вывоз товаров способствовал росту промышленности в городе, но одновременно с этим значительно увеличилась контрабандная торговля и ухудшилось социальное положение местного населения, поэтому министерство иностранных дел поставило вопрос о необходимости отказаться от беспшлинной торговли в порту Батума. Сообщая Каткову о принятом императором решении отменить порто-франко, о чем в тот момент было известно лишь узкому кругу лиц, Зиновьев рекомендовал «Московским ведомостям» выступить с критикой неблагоприятных последствий батумского порто-франко, «т.к. было бы весьма желательно, чтобы и наша публика держалась того же самого взгляда»¹⁰⁰¹. Ответом на письмо Зиновьева стала передовая статья «Московских ведомостей» в № 179 от 1.07.1886 г., в которой рассматривались недостатки беспшлинной торговли через Батумский порт и делался вывод, что «учреждение Батумского порта-франко было ошибочной мерой»¹⁰⁰². В некоторых случаях Зиновьев даже прилагал к письмам заготовки статей, которые просил разместить в «Московских ведомостях» как частные корреспонденции, не без оснований полагая, что, будучи напечатанными в газете Каткова, они произведут определенное действие на иностранные дипломатические круги. В качестве примера можно привести письмо Зиновьева от 10 января 1885 г., в котором он *конфиденциально* [курсив мой – Е.П.] просил Каткова напечатать прилагаемую к письму подготовленную им корреспонденцию, в которой речь шла о намерении принца Александра Баттенберга Болгарского вступить в брак с дочерью наследного принца

---

¹⁰⁰¹ Зиновьев И.А. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 24 июня 1886 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.3. Ед.хр.44.

¹⁰⁰² Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 1.07.1886. №179.

Германии Фридриха и внучкой императора Вильгельма I принцессой Викторией. В контексте непростых отношений России с лидерами европейской политики - Австрией, Германией и Англией, предполагаемая женитьба болгарского принца на немецкой принцессе грозила нашей стране серьезными осложнениями, а потому российские дипломаты любыми путями старались помешать данному союзу. «Пресса могла бы оказать в этом случае существенную услугу и, по соглашению с нашим министром, я решаюсь прибегнуть к вам с покорной просьбой не отказать в Вашем обязательном содействии», - писал Зиновьев Каткову, отсылая ему «одобренную кем следует» корреспонденцию¹⁰⁰³.

Будучи сторонником сближения России с Францией, Катков настойчиво пытался убедить в этом Александра III. В частности, этому было посвящено написанное им в декабре 1886 г. обширное письмо, в котором публицист со свойственной ему решительностью и настойчивостью пытался внушить императору, что «единственно выгодный активный союз для нас может быть только с Францией»¹⁰⁰⁴. Известно, что император «внимательно прочел, испещрил подробными замечаниями и возвратил Толстому»¹⁰⁰⁵ с припиской: «Прошу вас передать Каткову мою благодарность, и скажите ему, что я не сомневаюсь в его преданности и в его желании служить интересам отечества, как он их понимает и как может»¹⁰⁰⁶. Александр III в этот период и «сам склонялся к смене курса вопреки позиции российского МИДа»¹⁰⁰⁷, и потому с одобрением встречал рассуждения Каткова. Об этом свидетельствует, в частности, его резолюция, сделанная на передовой статье Каткова в номере от

---

¹⁰⁰³ Зиновьев И.А. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 10 января 1885 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.3. Ед.хр.44.

¹⁰⁰⁴ Катков М.Н. Письмо императору Александру III. Январь 1887 г. // ОР ОГБ. Ф.120. К.48. Л.10.

¹⁰⁰⁵ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.10. Л.210.

¹⁰⁰⁶ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.243-244.

¹⁰⁰⁷ Лукоянов И.В. М.Н. Катков и внешняя политика Российской империи в царствование Александра III (1880-е годы) // Тетради по консерватизму. 2018. №3. С.235.

23 января 1887 г., где рассматривались отношения России и Германии: «Много справедливого»¹⁰⁰⁸.

Журналист, ободренный поддержкой императора, весной 1887 г. опубликовал целый ряд антинемецких и антиавстрийских статей, однако в своем стремлении противодействовать «антинациональной», с его точки зрения, политике внешнеполитического ведомства он на этот раз зашел слишком далеко. В статье от 8 марта 1887 г. было открыто заявлено о необходимости союза России и Франции, и резко критиковалась вероятность продления срока действия секретного австро-русско-германский договора, заключенного Россией в 1881 г. и известного как «Союз трех императоров». Энергичная и – главное – публичная критика внешнеполитического курса империи на страницах «Московских ведомостей» вызвала решительный отпор не только со стороны руководства Министерства иностранных дел, но и гнев самого императора, который не мог допустить публичного вмешательства в область, которую считал исключительно своей прерогативой. Попытка журналиста вынести на всеобщее обсуждение вопросы, решение которых до этого момента составляло монопольное право министерства иностранных дел и лично императора, закончилась тем, что Александр III, без лишних размышлений тут же распорядился дать «Московским ведомостям» предостережение. «В высшей степени неприличная статья, - написал он на полях первой полосы прочитанного им номера газеты. - Вообще Катков забывается и играет роль какого-то диктатора, забывая, что внешняя политика зависит от меня и что я отвечаю за последствия, а не г. Катков; приказываю дать Каткову первое предостережение за эту статью и вообще за все последнее направление, чтобы уgomонить его безумие, и что всему есть мера»¹⁰⁰⁹. Главное управление по делам печати едва лишь приступило к обсуждению вопроса о мере взыскания «Московским ведомостям», как 11 марта была напечатана еще одна статья с критикой министра иностранных дел Н.К. Гирса

---

¹⁰⁰⁸ Толстой Д.А. Письмо М.Н. Каткову. 27 января 1887 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.19. Л.152.

¹⁰⁰⁹ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.244-245.

и прогерманской политики России, появление которой ускорило принятие решения о вынесении газете предостережения.

О значении, какое этому событию придавалось в высших эшелонах власти, говорит тот факт, что информация о вынесении предостережения «Московским ведомостям» тут же была сообщена послам европейских держав¹⁰¹⁰. В петербургское высшее общество просочились слухи о публично выраженном недовольстве императора, который якобы во время завтрака задал московскому губернскому предводителю дворянства графу В.А. Шереметеву прямой вопрос: «Что случилось с Вашим Катковым, он, кажется, сошел с ума?»¹⁰¹¹

Лишь благодаря «исключительной энергии» Победоносцева, который считал вынесение предостережения «Московским ведомостям» «крайне вредным и несвоевременным» и сумел доказать это Александру III¹⁰¹², распоряжение, уже подготовленное в Главном управлении по делам печати и направленное на утверждение императору, подписано не было. «Зачем было делать из Каткова государственного человека? Были министерства, в коих ничто важное не предпринималось без участия Каткова. <...> Он писал превосходные статьи, но можно было им радоваться, а не делать из них государственного события, - убеждал Победоносцев императора, указывая на «Московские ведомости» как на единственный полезный правительству орган печати, и подчеркивая, что в случившемся есть и вина самой власти, которая сама предоставила газете право выступать словно бы от лица государства. - Особенно в виду иностранной прессы и иностранной дипломатии, придававшей статьям Каткова значение статей, внушаемых свыше, следовало бы правительству избегать всего того, что могло быть истолковано в смысле солидарности [подчеркивание автора письма – Е.П.] правительства со

---

¹⁰¹⁰ Воейков Д.И. Письмо М.Н. Каткову. 14 марта 1887 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.23. Л.43-44.

¹⁰¹¹ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря... Т.2. С.37.

¹⁰¹² Воейков Д.И. Письмо М.Н. Каткову. 13 марта 1887 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.23. Л.43.

статьями Каткова»¹⁰¹³. Не исключено, что Победоносцев при этом имел в виду и самого императора, который никогда не скрывал своего одобрения по отношению к «Московским ведомостям» и выступлениям Каткова.

Мысль Победоносцева, что позиция «Московских ведомостей» в глазах аудитории соотносится с позицией самой власти, а потому, вынося предостережение газете Каткова, она словно бы будет карать сама себя, была весьма справедлива. Как видимо, этот довод оказался решающим, и Александр III, обдумав сложившуюся вокруг «Московских ведомостей» ситуацию, признал, что решение вынести предостережение газете Каткова было им принято «необдуманно» и «сгоряча». «Я приказал Феокистову прочесть Каткову мои замечания на его статью и кроме того сделать ему словесное внушение, и уверен, что этого будет достаточно», - такое решение вынес император 12 марта 1887 г.¹⁰¹⁴ Сам факт командирования в Москву начальника Главного управления по делам печати доказывает, какое значение придавалось императором ситуации, сложившейся вокруг Каткова и его газеты. «Не поразительное ли противоречие заключалось в том, что сегодня хотели покарать его как самого дюжинного газетчика, а завтра не его вызывали в Петербург, а к нему посылали гонцом начальника Главного управления печати, чтобы вести с ним переговоры от высочайшего имени!» - вспоминал впоследствии Феокистов¹⁰¹⁵.

Письменной подписки, взятой Феокистовым у Каткова, Александру III показалось недостаточно и он пожелал лично встретиться с журналистом, чтобы «объяснить ему, как он должен держать себя и чего избегать по вопросам внешней политики»¹⁰¹⁶. Оперативность встречи, которая состоялась

---

¹⁰¹³ Победоносцев К.П. Письмо императору Александру III. 11 марта 1887 г. // Письма К.П. Победоносцева к Александру III. С приложением писем к вел. Кн. Сергею Александровичу и Николаю II –М.: Новая Москва, 1926. Т.2. С.141-143.

¹⁰¹⁴ Александр III. Письмо К.П. Победоносцеву. Гатчина. 12 марта 1887 г. // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.-Пг. Государственное издательство. 1923. С.644-645.

¹⁰¹⁵ Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.246-247.

¹⁰¹⁶ Победоносцев К.П. Письмо Александру III. 16 марта 1887 г. // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.-Пг. Государственное издательство. 1923. С.793.

уже 17 марта, и ее строгая секретность (все переговоры о ней велись исключительно через Победоносцева) говорят в пользу того, что император не желал публичного резонанса и публичного осуждения Каткова. Разговор, начавшийся, по свидетельству Феокистова, со строгих замечаний императора, закончился тем, что журналисту была дана возможность изложить свои соображения по поводу внешней политики, после чего Александр III заверил его, что министр иностранных дел вполне разделяет его позицию и что «нет никакого основания раздражать против него общественное мнение постоянными намеками, будто он не сочувствует национальной политике»¹⁰¹⁷. Катков остался очень доволен встречей, убежденный, что император полностью одобряет его деятельность, и потому его долг – «идти неуклонно по избранному им пути». Кирееву, с которым журналист имел длинный, доверительный разговор после аудиенции, он заявил, что «ни о какой головомойке не было и речи, разговор длился более часа, самый дружественный»¹⁰¹⁸.

Однако, как показали дальнейшие события, Катков, оставаясь убежденным в правоте своего мнения, во время встречи с императором услышал лишь то, что хотел услышать: одобрение выступлений «Московских ведомостей» и порицание в адрес министра иностранных дел. Безусловно, виной этому была всегда присущая ему убежденность в собственной правоте, поддерживаемая многолетним расположением к нему императора, и его «неприспособленность» – несмотря на многолетнее общение с представителями высших кругов – к нравам и обычаям императорского двора. Журналист оказался не готов к «тайной дипломатии», не смог разобраться в хитросплетениях придворной жизни и остался в убеждении, что император прислушался к его доводам и полностью разделяет позицию его газеты. Те же, кто лучше понимал настроения царя и характер придворных отношений, отнюдь не питали иллюзий относительно положения Каткова, несмотря на

---

¹⁰¹⁷ Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.249-250.

¹⁰¹⁸ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.10. Л.222.

благоприятный для его газеты исход дела. Так, с точки зрения Победоносцева, произошедшее должно было стать последним напоминанием о том, что «неприкасаемых» изданий в России нет и быть не должно и никаких поблажек впредь в адрес «Московских ведомостей» уже не будет. «Катков доволен, - писал Победоносцев Феокистову. - Не знаю, довольно ли он научен после свидания. Я говорил ему, но при случае и вы скажите: эй, завяжи на память узелок! Что бы ему *fortiter in re, suaviter in modo* [твердо в деле, мягко в средствах (лат.) – Е.П.]... А я в другой раз едва ли решусь вмешиваться в дело»¹⁰¹⁹.

Близкие ко двору увидели в мартовских событиях знак того, что положение Каткова пошатнулось и его влияние на императора сильно уменьшилось. Об этом свидетельствует следующий факт. По совету Александр III Катков нанес визит Гирсу, однако тот отказался его принять, сославшись на занятость. Их встреча так и не состоялась, хотя журналист пробыл в столице весьма продолжительное время, уехав лишь вечером 31 марта. С точки зрения тех, кому был хорошо известен характер Гирса, этот отказ был плохим знаком для Каткова: в своих поступках министр руководствовался прежде всего расчетом, а не эмоциями, и несмотря на обиду, нанесенную ему статьями «Московских ведомостей», не решился бы так просто отказаться бы от встречи с Катковым, приехавшим к нему по рекомендации царя. Для посвященных в тайны закулисной дипломатии, такой поступок Гирса мог иметь только одно объяснение: «Царь к Каткову переменялся»¹⁰²⁰.

С целью окончательно скомпрометировать Каткова в глазах императора, был использован целый арсенал средств. Резонансная публикация в парижской газете «Voltaire» о поддержке русским правительством председателя палаты депутатов Шарля Флоке в случае его выдвижения на пост

---

¹⁰¹⁹ Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С.250.

¹⁰²⁰ Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879-1886. Воспоминания политические и личные. СПб. 1906. С.385.

министра-президента Франции, о которой Александру III донесли как об инициированной Катковым, была воспринята императором едва ли не как бунт, т.к. подобного рода заявления могли исходить лишь от первого лица в государстве. Причиной недовольства монарха стала не только заметка «Voltaire», но и самостоятельный тон рассуждений «Московских ведомостей», беспрецедентная по тем временам попытка журналиста вмешаться в область внешней политики, сделать предметом гласности факты, монополией на которые обладал лишь ограниченный круг приближенных к императору лиц.

Лишь после смерти журналиста было выяснено, что данная публикация явилась результатом сознательной клеветы, в которую были замешаны бывший корреспондент Каткова отставной дипломат К.Г. Катакази, некто Сивини, также в прошлом являвшийся корреспондентом «Московских ведомостей», высокопоставленный чиновник министерства внутренних дел генерал Е.В. Богданович, известный своей близостью к редакции катковской газеты. Был ли замешан в эту историю министр иностранных дел Н.К. Гирс – осталось неизвестным. Однако, как представляется, не последнюю роль в ней сыграли многие представители высшей бюрократии. Так, госсекретарь А.А. Половцев в своих дневниках (не предназначенных к печати) откровенно писал, что при встрече с Катакази в феврале 1887 г. советовал ему «погромче и посмелее» говорить всем в Европе, что «катковские статьи пишутся по внушению государя», а «французы рассчитывают на выражаемые в этой форме симпатии, честолюбивый Буланже¹⁰²¹ может воспользоваться этим для какой-нибудь выходки, последствия коей неисчислимы»¹⁰²².

Каткову от имени императора было официально объявлено о «высочайшем неудовольствии», что являлось одной из самых сильных и унижительных мер воздействия на виновных и что было истолковано в высших правительственных сферах «в смысле поражения *des idées Katkoviennes*»¹⁰²³.

---

¹⁰²¹ Буланже Ж. (1837-1891) – французский генерал, политический деятель и вождь антиреспубликанского движения.

¹⁰²² Половцов А.А. Дневник государственного секретаря... Т.2. С.25-26.

¹⁰²³ Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф.126. К.10. Л.235.

Журналисту было дано понять, что с этого момента он лишен как права писать письма на высочайшее имя, так и просить о личной аудиенции.

Не имея позволения написать императору и понимая, что встреча с ним вследствие неснятого обвинения уже невозможна, в свой последний приезд в Петербург в мае 1887 г. Катков написал письмо Победоносцеву, в надежде, что содержание его будет передано Александру III. Это письмо можно рассматривать не столько как попытку оправдаться в глазах государя, сколько как подведение итогов многолетней профессиональной деятельности. Как представляется, в этом письме, написанном за несколько недель до смерти, журналист не лукавил, не кривил душой, не притворялся, а искренне, честно и прямо пытался донести до императора свое понимание профессионального долга и долга верноподданного. «От самого начала моей общественной деятельности, я ни к какой партии не принадлежал и никакой партии не формировал, не находился в солидарности ни с кем, - писал Катков. - Моя газета не была органом так называемого общественного мнения и я большей частью шел против течения; газета моя была исключительно моим органом. Никогда не помещалось в ней статей, присланных со стороны, под видом передовых. Все, так называемые, передовые статьи, в которых высказывается мнение газеты, пишутся или непосредственно мною самим, или составляются по моим указаниям состоящими при газете лицами, и мною самим редактируются. Ни с кем, ни в какой солидарности не находясь, я свято блюл свою независимость. Высказывал только то, что считал, по своему убеждению и разумению, полезным безо всякого лицепрятия или пристрастия. В этом я полагал всю честь своей деятельности. никогда никакого активного участия в каких бы то ни было интересах и вопросах я не принимал, избегал всяких сближений. Готов был служить всегда своими способами правительственным лицам, когда видел по совести, что могу принести тем пользу, и уклонялся в противном случае, несмотря ни на какие личные отношения»¹⁰²⁴.

---

¹⁰²⁴ Катков М.Н. Письмо К.П. Победоносцеву. 1887 г. // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.-Пг. Государственное издательство. 1923. С.717-720.

Финальный эпизод взаимоотношений Каткова с верховной властью в лице императора Александра III фактически стал иллюстрацией и подтверждением его собственных публичных заявлений, сделанных вскоре после трагических событий в марте 1881 г. Тогда Катков выступил с резким осуждением либеральной печати и указал на недопустимость «оставлять уличное слово без контроля». «Власть не может терпеть государство в государстве, - писал он в передовой статье «Московских ведомостей», - и ее прямое назначение пресекать и возбранять все, что имеет такой характер»¹⁰²⁵. Выступления редактируемой им газеты приобрели характер именно такого «государства в государстве», что, как показывает опыт взаимоотношений власти и отечественной журналистики, в большинстве случаев заканчивается отнюдь не в пользу последней.

Выводы по пятой главе

Каткова можно рассматривать не только как авторитетного издателя и публициста, но и как политика, самостоятельную фигуру в общественно-политической жизни России 1860-1880-х гг. Он понимал политический процесс как управляемый исключительно «сверху», вследствие чего в своих действиях обращался в первую очередь к авторитету государства и лично императора, которого признавал единственным судьей и авторитетом и мнения которого в его глазах не подлежали никаким сомнениям, а решения - являлись окончательной инстанцией. Одним из инструментов воздействия на политические реалии для Каткова стали «всеподданнейшие адреса», с которыми он обращался непосредственно к императору Александру III и которые можно рассматривать как один из механизмов его политического влияния.

---

¹⁰²⁵ Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // МВ. 8.05.1881. №126.

При непосредственном участии Каткова разрабатывалась гимназическая реформа 1871 г., университетский устав 1884 г., его мнение учитывалось в ходе обсуждения «национального» и других вопросов внутренней политики. В 1880-е гг. его «Московские ведомости» превратились в своего рода «антикризисный центр», где не только обсуждались, но и принимались государственные решения. Сам Катков отнюдь не отрекался от своего влияния на государственную жизнь, признавая, что с ним «советовались министры, генерал-губернаторы на важных постах и мне поверяли свои предположения и затруднения; со мной принуждены были считаться иностранные политики!», а «Московские ведомости» называл «не просто газетой, а случайным органом государственной деятельности! В ней не просто отражались дела, в ней многие дела делались»¹⁰²⁶.

Вместе с тем Катков, будучи журналистом по призванию, всегда старался провести грань между публицистикой и политикой и уклонялся от публичной общественной деятельности. Инструментом его воздействия на общество и государственные институты в первую очередь были выступления в печати. В 1860-е – первую половину 1870-х гг. их главной темой была «национальная политика», требования повсеместного введения русского языка в богослужение, образовательную и административную сферы, ликвидации привилегий и льгот по национальному признаку, усиления влияния русского элемента на национальных окраинах империи и т.п. С середины 1870-х гг. основное внимание публицист уделял проблемам образования, в котором видел средство формирования высокообразованного слоя, преданного престолу и способного направить развитие страны по эволюционному пути. Транслируемая в передовых статьях «Московских ведомостей» система ценностных установок: преданность монарху и Отечеству, единство нации, патриотическое служение, исполнение гражданского долга, защита суверенитета страны - по убеждению Каткова,

---

¹⁰²⁶ Катков М.Н. Письмо императору Александру III. 1884 г. // ОР РГБ. Ф.120. К.52. Ед.хр.12.

должна была стать основой образовательной политики России, реализация которой, по его убеждению, привела к формированию политического самосознания полиэтнического общества Российской империи и стала гарантией целостности государства, его стабильного, устойчивого и долгосрочного развития. Резонанс, который имели его статьи, причем как среди высших слоев населения, так и среди низших сословий, свидетельствует, что эти транслируемые им ценностные установки находили отклик в сознании читателей, соответствовали общему настроению российской аудитории в указанный период.

Если в 1860-е гг. публицистика Каткова была ориентирована на широкую читательскую аудиторию, то начиная с середины 1870-х гг., утратив уверенность в активном и конструктивном участии общества в реформах, журналист в первую очередь стал обращаться к влиятельным лицам в правительстве, в надежде найти среди них поддержку своим инициативам и обеспечить их реализацию с помощью «административного ресурса».

Анализ практики взаимодействия Каткова с А.В. Головинным, П.А. Валуевым, А.Е. Тимашевым, П.А. Шуваловым, Д.А. Толстым, К.П. Победоносцевым свидетельствует о несомненном влиянии его изданий, но одновременно демонстрирует, что механизмы сотрудничества правительственных структур с печатью были развиты крайне слабо. Отсутствие прямых каналов получения изданиями официальной информации, постоянные изменения границ гласности, чередование лиц в правительстве, в чьи непосредственные обязанности входил контроль за соблюдением цензурных установлений, инерционность мышления многих представителей властных структур, их нежелание сотрудничать с прессой и т.д. вынуждало журналистов (и Катков здесь не был исключением) прибегать к разного рода «закулисным технологиям», рассчитывать на личные контакты и связи, принаравливаясь к меняющимся обстоятельствам, искать поддержку среди приближенных ко двору сановников, маневрируя между стремлением к добросовестному выполнению своего профессионального долга и риском

оказаться в зависимости от представителей государственной власти, оказаться у них в негласном подчинении.

В своих отношениях с представителями власти Катков всегда держался независимо, сохраняя чувство собственного достоинства, в результате чего, как отмечали современники, «вся его карьера прошла в оппозиции, и не было почти случая, когда он был вполне доволен Петербургом, как еще реже, мы думаем, были случаи, когда Катковым были довольны в Петербурге»¹⁰²⁷. Но если с Головниным и Тимашевым Катков отказывался сотрудничать, то с Валуевым и П.А. Шуваловым им делались попытки найти общий язык, а Д.А. Толстой и К.П. Победоносцев были его единомышленниками и союзниками. Однако последние нередко выступали как «скрытые оппоненты» Каткова, а в 1880-е гг. даже старались дистанцироваться от него, видя во влиянии журналиста и в самой его харизматичности опасность для авторитета власти. Союз этих лидеров консерватизма оказался не только непрочным, но и непродуктивным.

---

¹⁰²⁷ Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. С.145.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящего исследования была изучена система консервативных ценностей, формируемая в изданиях консервативной направленности авторитетного консервативного журналиста М.Н. Каткова – журнале «Русский вестник» и газете «Московские ведомости».

В результате были сделаны следующие научные выводы:

Рассмотрение консервативных ценностей – политических, религиозных, моральных, культурных – показало, что они представляют собой открытую функционирующую систему, обладающую всеми признаками и свойствами системы: целью деятельности, сложной многоступенчатой структурой, многообразным взаимодействием с окружающими социальными системами и необходимой избыточностью элементного состава, что позволяет ей быть адекватной своему историческому предназначению и отвечать перспективным требованиям новых исторических периодов. При этом система консервативных ценностей изменяется со временем и зависит от состояния общества, каждый раз предлагая социуму наиболее подходящий набор ценностей при сохранении ключевых: опора на традиции, нравы и обычаи общества; категорическое исключение субъективного фактора в процессе социальных изменений; исключение из социальной практики каких бы то ни было рывков и кардинальных изменений.

В результате анализа мировоззренческих установок Каткова выявлено, что их основное системообразующее ядро составляли ценности государства и идеи Просвещения, что означало стремление сохранить лучшее и существенное из накопленного предшествующими поколениями, воспрепятствовать поверхностному отношению к собственной истории, пренебрежительному отношению к проверенным временем авторитетам и традициям. Заявленная Катковым система консервативных ценностей была ориентирована на предотвращение всё более усиливающихся разрушительных тенденций в государстве и обеспечение динамичного конструктивного

развития России. В своем консерватизме он ориентировался на сохранение выработанного в ходе исторического развития России позитивного социально-политического опыта, консолидацию всех общественных сил вокруг монарха в целях усовершенствования существующего порядка путем его улучшения, а не разрушения, что в контексте истории России вполне обоснованно и оправданно.

Проведенный анализ совокупности публикаций «Русского вестника» и «Московских ведомостей» позволяет сделать вывод, что их идейным стержнем была концепция «разумного консерватизма», основу которой составляли мировоззренческие установки Каткова. Транслируемая изданиями система консервативных ценностей включала утверждение самодержавия как единственно приемлемой формы государственного правления в России и православия как духовной основы русской нации, признание приоритета духовных начал над материальными, уважение к исторической памяти и преемственности поколений, исполнение гражданского долга, патриотизм, защита суверенитета страны, убежденность в том, что в основе общественной гармонии и мира должны лежать не разрушительные, а созидательные начала, опора на классическое культурное наследие, традиционные отечественных морально-нравственные начала, отрицание нигилизма и вульгарного материализма, критическое отношение к Западу и системе либеральных европейских ценностей.

Последовательность, основательность и устойчивость транслируемых «Русским вестником» и «Московскими ведомостями» консервативных ценностей была обусловлена тщательно регулируемой Катковым единой позицией изданий, «единодушием» и «единомыслием», сохранявшимися между этими изданиями на протяжении многих лет, в результате которых газета и журнал составляли единый информационный комплекс, информировали аудиторию, освещали и анализировали текущую ситуацию, формировали определенный и устойчивый образ мышления, систему консервативных ценностных установок. Таким образом, редакция газеты и журнала стала

центром объединения сторонников постепенных и «разумных» эволюционных преобразований в рамках существующей власти самодержавного монарха. Большая часть авторов - П.К. Щербальский, Н.А. Любимов, С.В. Флеров, Н.В. Щербань, Д.В. Аверкиев, Б.М. Маркевич, Е.Л. Кочетов, М.Н. Лонгинов, Е.М. Феоктистов, Г.А. Ларош, А.Л. Зиссерман, Д.И. Завалишин и другие были одновременно сотрудниками и «Русского вестника», и «Московских ведомостей», что способствовало формированию единой политической и эстетической позиции данных изданий и позволяло им выступать «единым фронтом» в полемике с либерально-демократической и радикальной печатью.

В ходе всестороннего анализа публикаций «Русского вестника» и «Московских ведомостей» на историческую и историко-культурную тематику было установлено, что историческая память в рецепции «Русского вестника» и «Московских ведомостей» составляла своего рода ценностно-смысловое ядро и духовную основу нации и государства и служила задаче объединения народа вокруг самодержавного монарха. Исторический опыт рассматривался в изданиях как один из основных инструментов формирования идеи национальной и гражданской идентичности, консолидации общества с государственной властью в лице самодержавного государя, с другой стороны, – являлся своего рода ответом на усиливающийся радикализм разночинской интеллигенции и рост сепаратистских настроений на национальных окраинах империи.

Был сделан вывод, что обращение к историческому прошлому России, попытки его переосмысления способствовали продвижению консервативных политических идеалов и формированию у аудитории таких ценностей, как патриотизм, уважение к отечественному историческому опыту, чувство ответственности за судьбу своего Отечества и стремление служить ему. В историко-документальной прозе главными темами были героические страницы отечественной истории – война 1812 г., события Крымской войны 1854-1856 гг., военные действия на Кавказе и в Средней Азии и т.д., характер

освещения которых позволяет утверждать, что в основе этих публикаций лежала идея патриотического служения Отечеству. Воспоминания, мемуары, дневниковые записи Н.П. Ковальского, Я.С. Отрощенко, А.Л. Зиссермана, Ф.Ф. Торнау, П.И. Ильина, А.Д. Сатина, Ю.Е. Завойко и других авторов формировали у читателей чувство гордости за Россию, верности своему гражданскому долгу, понимание значимости исторического наследия. Тем же целям служили публикации «Московских ведомостей», в которых ставилась задача сохранения историко-культурных и архитектурных памятников Москвы, статьи в поддержку открытия в столице музеев как хранилищ накопленных за многие годы материальных и духовных историко-культурных ценностей, в пользу основания консерватории как центра сохранения и преумножения классического музыкального наследия и т.п. Героями документальных портретных очерков были как выдающиеся деятели России (Ф.В. Волков, Д.М. Велланский, Я.И. Ростовцев и др.), так и почти забытые (врач и филантроп Ф.П. Гааз, просветитель И.А. Второв, драматург Н.В. Сушков и др.), чья судьба и труды отвечали представлениям «разумного консерватизма» о подлинном служении на благо общества и государства.

Особый научный интерес представляют публикации «Русского вестника», посвященные жизни и деятельности первых лиц русского государства, начиная с царя Федора Алексеевича и заканчивая императором Александром I. Изучение публикаций П.К. Щебальского, Е.М. Феоктистова, М.Н. Лонгинова, М.И. Богдановича, А.Г. Брикнера, Н.Ф. Дубровина, Ф.А. Бюлера, М.П. Погодина и других историков свидетельствует о критическом осмыслении ими этих исторических личностей, что можно считать новаторством для второй половины XIX века. Обращение к личности русских монархов, предание гласности эпизодов их биографий, а зачастую и весьма интимных фактов их жизни, попытка выявить зависимость образа мыслей и действий русских императоров от полученного воспитания и образования, семейных отношений, придворной среды и ближайшего окружения, анализ внешней и внутренней политики императора – весьма показательный факт,

свидетельствующий как о значительном расширении границ гласности в 1860-1880-е гг., так и об изменении менталитета тогдашнего образованного общества. Авторы исторических публикаций реконструировали историю России как великого и мощного европейского государства, как хранительницы православных устоев и традиционных духовно-нравственных ценностей и норм, проводили мысль о необходимости преемственности отечественного исторического опыта государственного строительства, образцом которого, как правило, выступали начинания Екатерины II. Наибольшее внимание уделялось национальной политике императрицы, мерам, предпринимаемым ею в целях обеспечения политической целостности империи, ее действиям для ликвидации «обособленности» национальных окраин империи, льгот, предоставляемых по национальному признаку и т.п.

Исследование эстетической программы «Русского вестника» и «Московских ведомостей» подтверждает заключение, что она соответствовала консервативной политической платформе изданий и заявленной в них концепции «разумного консерватизма». В контексте формировавшейся концепции национального искусства издания Каткова отдавали приоритет классическому наследию, которое противопоставляли прагматизму и «антиэстетизму» демократического искусства. Развитие национального искусства и литературы в них связывалось исключительно с искусством «положительным», т.е. ориентированным на формирование конструктивного отношения к действительности. Всесторонний анализ публикаций Ф.И. Буслаева, В.Г. Всеенко, П.К. Щербальского, Г.А. Лароша, Ф.М. Толстого, С.В. Флерова и других литературных и художественных критиков катковских изданий показывает, что, в противовес материалистической эстетике Н.Г. Чернышевского и его последователей они отстаивали принципы классического искусства с опорой на универсальные, т.е. вневременные и непреходящие ценности: любовь, уважение к традициям, приоритет морально-нравственного начала, роль религии как духовного стержня личности и т.п. Наиболее последовательным литературным критиком «Русского вестника»

был В.Г. Авсеенко, в эстетической концепции которого носителями положительного идеала в первую очередь являлись представители образованного дворянства. Напротив, усиление нигилистических настроений и распространение социалистических учений рассматривались авторами «Русского вестника» и «Московских ведомостей» как один из результатов утраты преемственности в сфере духовных интересов, пренебрежения традициями классического искусства, преобладания утилитарного, сугубо прагматического подхода в оценке произведений искусства и литературы.

Содержание литературного отдела «Русского вестника» было ориентировано на заявленные в литературной критике журнала требования художественности и объективности изображения действительности. В прозе Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, П.И. Мельникова (Андрея Печерского), Н.С. Лескова, Д.В. Аверкиева, поэзии А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, А.К. Толстого и других авторов журнала приоритет отдавался глубоко нравственным началам, первоочередное внимание уделялось духовной природе человеческой личности, морально-этической стороне человеческой деятельности. Но при этом общий журнальный контекст зачастую придавал публикуемым художественным текстам смыслы, может быть, и не предусмотренные их авторами. Образ «положительного» героя современной, буржуазной эпохи в беллетристике «Русского вестника» противостоял, с одной стороны, безнравственным и бесчестным представителям сугубо «коммерческой» морали - дельцам, предпринимателям, кулакам, а с другой – «новым людям», подобным героям романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», воплощающим собой социалистические идеалы. «Положительным героем» беллетристики журнала чаще всего становился «средний человек», дворянин по происхождению, или же купец, или зажиточный крестьянин, посвятивший свою жизнь честному и благородному труду, исполненный чувства долга и ответственности, истинный труженик, на практике реализующий основные положения теории «умеренного» общественного прогресса. Напротив, носители революционно-демократических идеалов в

целом ряде произведений Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского Н.С. Лескова В.П. Ключникова, Б.М. Маркевича, В.В. Крестовского, В.Г. Авсеенко, Н.А. Чаева изображались в откровенно негативном, зачастую даже карикатурном виде, подчеркивалась чужеродность революционных идей русскому национальному укладу и менталитету.

Анализ музыкальной и художественной критики «Русского вестника» и «Московских ведомостей» показывает, что к музыкальному и изобразительному искусству предъявлялись те же требования, что и к художественной литературе, что наглядно проявилось в оценке творчества художников-передвижников и композиторов «Могучей кучки». В полемике вокруг этих новых направлений в русском музыкальном и художественном искусстве издания Каткова противостояли их главному идеологу и вдохновителю В.В. Стасову, стороннику социально ориентированного искусства, эстетические взгляды которого во многом формировались под влиянием демократической эстетики Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова.

Отвергая социально-ориентированный взгляд на искусство, рассматривая утилитарный и прагматичный подход к творчеству как одно из проявлений нигилизма и политического радикализма, художественный критик «Московских ведомостей» С.В. Флеров в обзорах ежегодных выставок Товарищества передвижников неизменно проводил мысль, что художник должен быть свободен от социальных и политических установок, а его главная задача – формировать в аудитории возвышенные идеалы и понимание красоты. Высоко оценивая просветительскую деятельность Товарищества, признавая большое значение для русского искусства творчества Репина, Васнецова, Поленова и других передвижников, критик подвергал их работы резкой и подчас несправедливой критике за политическую тенденциозность и стремление «идти в ногу» с распространенными в среде разночинской интеллигенции политическими идеями.

В ходе анализа публикаций музыкальных критиков «Русского вестника» и «Московских ведомостей» Г.А. Лароша, Ф.М. Толстого, С.В. Флерова выявлено, что в них отстаивался принцип преемственности в отечественном музыкальном искусстве, указывалось на непозволительность отказа от его исторических основ и традиций, заявлялось о необходимости вдумчивого и уважительного отношения к классическому музыкальному наследию. В полемике вокруг творчества композиторов «Могучей кучки» они справедливо указывали на крайности музыкальных воззрений участников Балакиревского кружка и их творческих исканий: фанатическую боязнь «банального» и нередко ничем не обоснованную «погоню за оригинальностью», демонстративный отказ от авторитетов и пренебрежение к традиционным музыкальным вкусам. «Новой русской музыкальной школе» они противопоставляли классическую музыку, в первую очередь, творчество М.И. Глинки и П.И. Чайковского, просветительскую деятельность композитора и музыканта А.Г. Рубинштейна. Сделан вывод, что опора на классическое наследие позволяла критикам катковских изданий глубоко проникать в смысл произведений музыкального искусства, уделять больше внимания заключенным в них сокровенным творческим замыслам авторов, но вместе с тем вследствие политической ангажированности их выступлениям была свойственна субъективность и пристрастность, а зачастую и предвзятое отношение к новаторскому творчеству композиторов «Могучей кучки».

Исследование материалов научных отделов «Русского вестника» и «Московских ведомостей» позволило сделать вывод, что издания выступали за свободу и «соревновательность» философской мысли, им была свойственна широта взглядов на науку, которая понималась в них как деятельность, свободная от узких ограничений и способствующая выработке объективных знаний о действительности. В результате анализа публикаций П.Д. Юркевича, М.М. Троицкого, Г.Е. Струве, А.Ц. Стадлина, Н.Н. Страхова и других идеалистически ориентированных философов установлено, что в них утверждался приоритет духовных начал над материальными, подчеркивалось

самостоятельное значение психологии как науки о душе, делались попытки совместить рационалистичность и независимость научного мышления с религиозными догматами и верой в Бога. Указанные авторы, не признавая заявленную Н.Г. Чернышевским и его последователями идею «всецелой материальности человеческого существа», зависимости человека исключительно от физических и биологических факторов, критиковали вульгарно материалистическое понимание человека, общества и его истории, утверждали мысль о дуализме человеческой природы, заявляли, что сущность человека определяется в первую очередь присущим ему сознанием свободы и стремлением к исполнению духовных идеалов истины, справедливости, добра, любви и красоты.

В публикациях «Русского вестника» и «Московских ведомостей» проводилась четкая граница между естествознанием и материализмом, первое понималось как объективное и непредвзятое изучение наук о природе, а второе – как одностороннее и тенденциозное учение, целью которого является исследование лишь внешней, физической стороны существующего мира. Особенно ярко это проявилось в выступлениях, полемически направленных против апологетов учения Ч. Дарвина, их попыток перестроить науки нравственного мира по образцу наук о природе. Труды английского естествоиспытателя о происхождении человека авторами катковских изданий признавались серьезным, хотя и не бесспорным научным исследованием, но работы его последователей рассматривались как научная спекуляция, попытка навязать аудитории «слепую веру» в теорию естественного отбора, придать ей универсальный и безоговорочный характер и, в итоге, приспособить к политической «злобе дня».

Сотрудничество видных ученых-естественников в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике» и значительное число публикаций естественно-научного характера на страницах этих изданий свидетельствует в пользу того, что они вели системную просветительскую деятельность среди читателей, активно популяризировали достижения науки и научно-

технического прогресса, формировали понимание ценности научного знания. С другой стороны, значительное внимание катковских изданий к научной тематике можно объяснить стремлением отвлечь молодежь от политики и увлечения нигилистическими идеями.

Религия позиционировалась в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике» как неотъемлемая часть культуры любого народа, его духовная основа, воплощение нравственных законов и традиционных, устойчивых, проверенных временем морально-этических ценностей. «Религиозная толерантность» и веротерпимость изданий Каткова проявлялась в публикации известных ученых-богословов Н.И. Субботина, Д.Ф. Касицына, С.К. Смирнова, В.Н. Потапова, И.Н. Корсунского; А.Д. Воронова, очерков П.И. Мельникова-Петерского, посвященных малоизученным областям русской духовной жизни: старообрядчеству, молоканству, хлыстовству, штундизму и т.п.

С другой стороны, отношение к религии в изданиях во многом определялось политическими факторами. Отдавая должное церкви как одному из важнейших социальных институтов, Катков видел ее главное общественное значение в первую очередь в нравственном влиянии, в побуждении свой паствы к поиску истинных духовных начал и самоусовершенствованию. Церковь как самостоятельный и независимый институт в его представлениях означала угрозу единству государства, его политической целостности, и потому, признавая статус православия как государственной религии, он одновременно отвергал ее политическую самостоятельность как нарушающую принцип единовластия. Политическая роль католической церкви как социального института рассматривалась в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» исключительно в отрицательном контексте.

В ходе анализа журналистской практики Каткова, исследования значительного массива архивных материалов, эпистолярная, мемуарная литературы был сделан вывод, что с целью реализации заявленных им ценностных установок он делал ставку не столько на общественное мнение,

сколько на государственную власть во главе с самодержавным монархом, который, по его твердому убеждению, являлся гарантом законности и безопасности, сохранения устойчивых формы государственного и общественного устройства, общепризнанных норм морали, национальных традиций и авторитетов. Понимая политический процесс как управляемый исключительно «сверху», Катков в своих действиях обращался в первую очередь к авторитету государства и лично императора, которого признавал единственным судьей и авторитетом и мнения которого в его глазах не подлежали никаким сомнениям, а решения - являлись окончательной инстанцией. Одним из инструментов воздействия на политические реалии для Каткова стали «всеподданнейшие адреса», с которыми он обращался непосредственно к императору Александру III и которые можно рассматривать как один из механизмов его политического влияния.

Рассматривая свою журналистскую деятельность как инструмент воздействия на государственную политику, Катков энергично пытался привлечь «административный ресурс» и в разные годы весьма активно взаимодействовал с рядом государственных деятелей: П.А. Валуевым, Д.А. Толстым, П.А. Шуваловым, К.П. Победоносцевым, в надежде найти у них поддержку своих инициатив. Анализ его взаимоотношений с представителями политической элиты России свидетельствует о несомненном влиянии «Московских ведомостей» и «Русского вестника», но одновременно демонстрирует, что механизмы сотрудничества правительственных структур с печатью были развиты крайне слабо, в результате чего многие предложения Каткова или не находили отклика, или принимались во внимание в результате использования журналистом разного рода «закулисных технологий». В 1860-е годы существенные расхождения в видении решения национального вопроса в Польше и Прибалтийских губерниях привели Каткова к конфликту с Валуевым, Тимашевым, великим князем Константином Николаевичем, хотя предлагаемые в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» меры - повсеместное введения русского языка в католическое богослужение,

образовательную и административную сферы, ликвидация привилегий и льгот по национальному признаку, усиление русского элемента на национальных окраинах империи и т.п., находили понимание у российской общественности и соответствовали общему настроению российской аудитории, о чем свидетельствует широкий резонанс, который имели публикации его изданий по вопросам «национальной политики» как среди высших слоев населения, так и среди низших сословий.

В 1870-1880-е гг. формирование таких ценностных установок, как преданность монарху и Отечеству, патриотическое служение, исполнение гражданского долга и т.п. Катков связывал с политикой в сфере образования, чем объясняется его исключительное внимание к преобразованиям в этой сфере, большое количество публикаций и активные контакты с министром народного просвещения Д.А. Толстым. Во введении нового университетского устава и классической системы в гимназиях, основу которой составляли ценности просвещения и опора на классическое культурное наследие, он видел средство формирования высокообразованного слоя, преданного престолу и Отечеству, способного возглавить конструктивные преобразования и направить развитие страны по эволюционному пути. Изменения в образовательной политике, по убеждению Каткова, обеспечили бы формирование политического самосознания полиэтнического общества Российской империи и – в конечном счете - стали бы гарантией целостности государства, его стабильного, устойчивого и долгосрочного развития. Однако реализация этих мер с трудом находила поддержку среди значительной части политической элиты России, и даже Д.А. Толстой и К.П. Победоносцев, которых можно назвать единомышленниками и союзниками Каткова, нередко выступали как его «скрытые оппоненты», а в 1880-е гг. даже старались дистанцироваться от него, видя во влиянии журналиста и в самой его харизматичности опасность для авторитета власти, вследствие чего союз этих лидеров консерватизма оказался не достаточно продуктивным.

Таким образом, доказана гипотеза исследования, выявлено, что издания Каткова не только отражали идеологию консерваторов, но и формировали систему консервативных ценностей, что в условиях радикальной трансформации социальной структуры российского общества второй половины XIX века можно рассматривать как реакцию на угрозу привычной системе традиционных ценностных ориентиров. Продемонстрировано, что система консервативных ценностей была направлена на объединение консервативно настроенной правящей и интеллектуальной элиты вокруг верховной власти, консолидацию многонационального и многоконфессионального общества вокруг идеи единого государства, предотвращение роста оппозиционных настроений среди либерально настроенной разночинской интеллигенции. Рассмотренная система консервативных ценностей может стать основой для формирования программных установок современных СМИ.

Дальнейшее изучение роли периодической печати в формировании системы консервативных ценностей может быть связано с изданиями, представляющими иные течения отечественного консерватизма, такими как славянофильские «Русская беседа», «Москва», «Русь», «День», газета «Весть» В.Д. Скарятин и Н.Н. Юматова, газета «Современные известия» Н.П. Гилярова-Платонова, эмигрантские издания П.Б. Струве, Н.С. Трубецкого и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

I. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. «РОССИЯ: СОХРАНИМ И ПРИУМНОЖИМ!» Программный документ партии «Единая Россия». XI съезд партии, 21 ноября 2009 года, город Санкт-Петербург [электронный ресурс] URL: <http://www.agitclub.ru/center/part/progr/edro2009.htm> [Дата обращения - 16.10.2021 г.]
2. Пленарная сессия XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 21 октября 2021 г. [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> [Дата обращения - 1.11.2021 г.]
3. Стратегия национальной безопасности России (02.07.2021) [электронный ресурс] <https://strategy24.ru/ru/news/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rf-02072021-2> [Дата обращения - 20.01.2022 г.]
4. Конституция Российской Федерации [электронный ресурс] <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001?index=24&rangeSize=1> [дата обращения – 20.01.2022 г.]
5. Текст Основ государственной культурной политики с выделенными предложениями // <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2021/12/2021.10.24-ogkr-s-predlagaemymi-izmeneniyami-zhirnym.pdf> [Дата обращения - 20.12.2021 г.]
6. Материалы, собранные особою комиссией, высочайше утвержденною 2 ноября 1869 года для пересмотра действующих постановлений о печати. - СПб., 1870. Ч. I-III.
7. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865-1905 гг. Система административных взысканий. Справочное издание. Сост. и автор вступ. ст. Н.Г. Патрушева. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. 412 с.
8. Русская журналистика в документах: История надзора / Сост. О.Д. Минаева. Под ред. Б.И. Есина, Я.Н. Засурского. М.: Аспект-Пресс, 2003. 397 с.

II. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ):

9. Ф. 18: Барсуков Н.П. К. 5. Ед.хр. 83.
10. Ф. 47: Вельтман А.Ф. К. 3. Ед.хр. 50.
11. Ф. 70: Герье В.И. К. 94. Ед.хр. 11.
12. Ф. 75: Голицын В.М. К. 4-10, 12-14.
13. Ф. 93: Достоевские, Ф.М., А.Г. К. 3. Ед.хр. 4; К. 5. Ед.хр. 38; К. 6. Ед.хр. 33, 35; К. 8. Ед.хр. 125; К. 10. Ед.хр. 8.
14. Ф. 120: Катков М.Н. К. 1. Ед.хр. 5, 11, 24, 29, 32, 33, 42, 44, 50, 50а, 58, 68, 69, 70; К. 2. Ед. хр. 1, 4, 9, 10, 12, 13, 14, 18, 29, 40, 44; К. 3. Ед. хр. 6, 14, 21, 34, 43, 44, 56, 60, 61; К. 4. Ед. хр. 14, 17, 54; К. 5. Ед. хр. 21, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 32; К. 6. Ед. хр. 6, 10, 29-35, 36; 36а, 50, 50а; К. 7. Ед. хр. 14; К. 8. Ед. хр. 15, 19; К. 9. Ед. хр. 1, 35а, 36, 46, 48, 62; К. 10. Ед. хр. 21, 22, 34, 45, 46, 47, 54, 55, 60; К. 11. Ед. хр. 4, 15, 24; 33; К. 12. Ед. хр. 7; К. 13. Ед. хр. 3, 8, 13, 41, 43, 44, 45, 49, 50; К. 16. Ед. хр. 19, 20; К. 18. Ед. хр. 1, 2, 6, 18, 19, 36, 39; К. 19; 20; 21; 22; 23; 24; К. 25. Ед. хр. 1, 2, 3, 4; К. 26. Ед. хр. 1, 2, 3, 4; К. 32; 33, 34; 35; 36; 37; 38; 39; К. 40. Ед. хр. 5, 17; К. 41. Ед. хр. 2, 3, 4; К. 42; 45; 46; 47; 48; К. 49. Ед. хр. 5, 8, 9, 10, 18, 35, 37, 38, 38а, 45, 47, 48а, 50, 52, 54, 55, 56, 63, 64, 68; К. 50. Ед. хр. 38, 39; К. 53. Ед. хр. 9, 22, 23, 24; К. 54. Ед. хр. 11, 33; К. 55. Ед. хр. 15, 16, 20, 24, 28; К. 56. Ед. хр. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12, 13, 14, 27, 31, 32; К. 57. Ед. хр. 2; К.60. Ед. хр. 9.
15. Ф. 126: Киреевы и Новиковы. К. 1-10; К. 3323. Ед.хр. 21/1-19; К. 3606. Ед.хр. 2; К. 3608. Ед.хр. 2, 24; К. 8337а. Ед.хр. 8.
16. Ф. 133: Коновницыны и Нарышкины. К. 5822. Ед.хр. 2 в.
17. Ф. 141: Красковский И.Ф. К. 1. Ед. хр.18.
18. Ф.169: Милютины. К. 65. Ед.хр. 17
19. Ф. 178: Музейное собрание. К. 8308. Ед.хр. 14.
20. Ф. 195: Некрасов Н.А. К. 5. Ед.хр. 35.
21. Ф. 219: Орловы-Давыдовы. К. 50. Ед.хр. 43, 44.

22. Ф. 224: Петровский С.А. К.1. Ед.хр. 18.
23. Ф. 230: Победоносцев К.П. К. 4390. Ед.хр. 16; К. 4391. Ед.хр. 18; К. 4392. Ед.хр. 21; К. 4393. Ед.хр. 12; К. 4396. Ед.хр. 40; К. 4407. Ед.хр. 2; К. 4410. Ед.хр. 1; К. 4412. Ед.хр. 1; К. 4413. Ед.хр. 2.
24. Ф. 231/2: Погодин М.П. К. 1. Ед.хр. 42, 60; К. 5. Ед.хр. 62; К. 6. Ед.хр. 5, 36; К. 9. Ед.хр. 36, 61; К. 10. Ед.хр. 57; К. 13. Ед.хр. 24; К. 14. Ед.хр. 31; К. 15. Ед.хр. 3; К. 16. Ед.хр. 4, 10, 68; К. 21. Ед.хр. 13, 14, 65; К. 23. Ед.хр. 69; К. 38. Ед.хр. 11.
25. Ф. 258: Д.П. и В.П. Боткины. К. 1. Ед.хр. 9.
26. Ф. 285: Соловьев С.М. К. 6. Ед.хр. 10.
27. Ф. 295: Суриков И.З. и Родионов И.Д. К. 1. Ед.хр. 43.
28. Ф. 315: Фет-Шеншин А.А. К. 4. Ед.хр. 23.
29. Ф. 327: Черкасские В.А., Е.А. К. 9. Ед.хр. 10.
30. Ф. 359: Коллекция музея А.А. Бахрушина. К. 8228. Ед.хр. № 39.
31. Ф. 385: Флеровы, В.П., С.В. К. 1. Ед.хр. 47.

Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (ОР ГМТ):

32. Архив В.П. Боткина. П. 6. Ед.хр. 60793/1, 60793/2.

**Отдел рукописных фондов Государственного музея истории
русской литературы им. В.И. Даля (ОРФ ГМИРЛ им. В.И. Даля):**

33. Ф. 65. Оп. 1. Ед.хр. 25.
34. Ф. 360. Оп. 1. Ед.хр. 47.

**Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский
дом) РАН (ИРЛИ РАН):**

35. Ф. 160. Ед.хр. 2.
36. Ф. 153. Ед.хр. 1211.
37. Ф. 234. Оп. 3. Ед.хр. 287.
38. Ф. 274. Оп. 1. Ед.хр. 192.
39. Ф. 419. Ед.хр. 79.
40. Ф. 160. Ед.хр. 2.
41. Ф. 153. Ед.хр. 1211.

42. Ф. 234. Оп. 3. Ед.хр. 287.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ):

43. Ф. 179: Гербель Н.В. Ед.хр. 49.

44. Ф. 236: Данилевский Г.П. Ед.хр. 73, 90, 170.

45. Ф. 289: Завалишин Д.И. Ед.хр. 25.

46. Ф. 391: Краевский А.А. Ед.хр. 419, 527, 7223.

47. Ф. 452: Майков А.А. Оп. 1. Ед.хр. 316.

48. Ф. 608: Помяловский И.В. Ед.хр. 5026.

49. Ф. 747. Страхов Н.Н. Ед.хр. 21.

50. Ф. 795: Тургенев И.С. Ед.хр. 79.

51. Ф. 847: Шаховской Н.В. Ед.хр. 654.

52. Ф. 850: Шевырев С.П. Ед.хр. 283.

53. Ф. 1123: Эндельсон Е.Н. Ед.хр. 67.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ):

54. Ф. 262: Катков М.Н. Оп. 1. Ед.хр. 1, 3-5, 7-29; Оп. 3. Ед.хр. 1-7, 9-17.

Российский государственный исторический архив (РГИА):

55. Ф. 772: Главное управление цензуры Министерства народного просвещения. Оп. 1. Ед.хр. 3618, 3933, 4049, 4196, 4308, 4459, 4545, 4726, 4727, 4795, 5086, 5087, 5564, 5833.

56. Ф. 776: Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. Оп. 2. Д. 2. Ч. II.

57. Ф. 1275: Совет министров (1857-1882). Оп. 1. Д. 80.

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы):

58. Ф. 31: Московский цензурный комитет. Оп. 5. Ед.хр. 17, 124, 132, 369-372, 382-384, 386, 388, 390, 392, 393, 403, 404, 407, 408, 412, 413, 420-425, 435, 436, 438, 440, 443-445, 458-461, 464, 466, 488-493, 495, 498-501, 503-506,

508-511, 513, 515, 518-522, 525-530, 533-538, 543-550, 558-652, 570, 574-576, 582-586, 592, 593.

59. Ф. 212: Особый инспектор для надзора за типографиями, литографиями, металлографиями, магазинами, продающими принадлежности тиснения, и за книжной торговлей в Москве при Московском генерал-губернаторе. Оп. 1. Д. 233; 265.

60. Ф. 418: Московский императорский университет. Оп. 31. Д. 74; Оп. 193. Д. 39.

61. Ф. 459. Канцелярия Попечителя Московского учебного округа. Оп. 2. Д.2712.

III. ИСТОЧНИКИ, МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

62. Комплект журнала «Русский вестник». 1856-1887.

63. Комплект газеты «Современная летопись». 1861-1871.

64. Комплект газеты «Московские ведомости». 1851-1855; 1863-1887.

65. Алмазов Б.Н. Взгляд на русскую литературу в 1858 г. // Утро. М. 1959.

66. Анненков П.В. «Сатиры в прозе» Н. Щедрина // С-Петербургские ведомости. 19 апреля. 1863. №85.

67. Б.п. <Юркевич П.Д.> Из науки о человеческом духе П. Юркевича. Труды Киевской духовной академии. Книга 4. 1860. С.79-105.

68. Б.п. О текущей литературе и еще кое о чем // Новое время. 28.05.1875. №128.

69. Б.п. Критический фельетон // Дело. 1875. Кн.5. С.13-42.

70. Б.п. Внутреннее обозрение: «Московские ведомости» и прокламации // Вестник Европы. 1870. Кн.2. С.856-860.

71. Б.п. Внутреннее обозрение: Мародеры классицизма // Вестник Европы. 1870. Кн.8. С.742-753.

72. Б.п. Внутреннее обозрение: Патриотизм доморощенных мамелюков и наши немцееды // Вестник Европы. 1870. Кн.10. С.899-904.

73. Б.п. <Салтыков-Шедрин М.Е.> Уличная философия (по поводу 5-й части романа «Обрыв») // Отечественные записки. 1869. Кн.6. С.127-159.
74. Герье В. Университетский вопрос // Вестник Европы. 1873. Кн.4. С.820-834.
75. Гр. Письма из Москвы // Порядок. 5.02.1881. №35; 23.02.1881. №53; 8.03.1881. №66.
76. Градовский А. Ответ г. Каткову // Голос. 23.03.1879. №82.
77. Григорьев А.А. Явления современной русской литературы, пропущенные нашей критикой // Время. - 1862. Кн.1.
78. Добролюбов Н.А. Повести и рассказы С.Т. Славутинского // Современник. 1860. Кн.2. С.323-339.
79. Достоевский Ф. М. Дневник Писателя. М.: Современник, 1989.
80. Зернов Д. К редактору «Русских ведомостей» // Русские ведомости. 3.01.1881. №3.
81. Катков М.Н. Сочинения в стихах и прозе гр. Сарры Толстой // Отечественные записки. 1839. Кн.11; 1840. Кн.2; 1840. Кн.10.
82. Катков М.Н. О философской критике художественного произведения. Предисловие // Московский наблюдатель. 1838. Кн.5;
83. Катков М.Н. Отзыв иностранца о Пушкине. Письмо переводчика // Отечественные записки. 1839. Кн.5.
84. Катков М.Н. Очерки древнейшего периода греческой философии // ПроPILEI. Сб. ст. по классической древности Т. 1. Ч. 1 / П. Леонтьев (ред.). - М., 1851. С.305-359.
85. Катков М.Н. Докладная записка министру народного просвещения А.С. Норову // Русская старина. - 1897. Кн.12. С.572-573.
86. Май И. Краткое сказание о последних деяниях «Русского вестника» // МВ. 19.05.1860. №109.
87. Муций Сцевола (Бодянский О.М.). Трилогия на трилогию. Исторический очерк из современной жизни русского университета // Чтения в

Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1873. Кн.1. С.3-31

88. Касторский, М.И. Несколько слов о литературных заслугах Каткова [Текст] / М.И. Касторский. // Библиотека для чтения. 1862. №12.

89. Наумов А. К редактору «Русских ведомостей» // Русские ведомости. 11.01.1881. №11.

90. О. Рачители нашего университетского устава (письмо из Москвы) // Отечественные записки. №3. 1873. С.88-89.

91. Б.п. Передовая статья // Русские ведомости. 6.12.1880. №315.

92. Б.п. Передовая статья // Русские ведомости. 23.12.1880. №332.

93. Б.п. Передовая статья // Русские ведомости. 12.01.1881. №12.

94. Б.п. Передовая статья // Русские ведомости. 22.01.1881. №22.

95. Б.п. Передовая статья // Русь. 12.03.1881.

96. Писарев Д.И. Реалисты // Русское слово. 1864. Кн.9-11.

97. Пыпин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I // Вестник Европы. 1871. №5.

98. Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов» // Вестник Европы. 1873.

99. Салтыков-Щедрин М.Е. Повесть о том, как один мужик двух генералов накормил // Отечественные записки. 1869. №2.

100. Салтыков М.Е. Г-н Фет как публицист // Современник. 1863. Кн.1-2.

101. Санкт-Петербургские ведомости в 1863 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 26.08.1862. №186.

102. Скабичевский А.М. Чем отличается направление в искусстве от партийности // Северный вестник. - 1891. Кн. 5. С.251-267.

103. Скабичевский А.М. Новое время и старые боги // Отечественные записки. 1868. №1. Отд.2.

104. Скабичевский А.М. Очерки умственного развития нашего общества // Отечественные записки. 1870. №10,11; 1871. №1, 2; 1872. №4.

105. Тимирязев К.А. Опровергнут ли дарвинизм? // Русская мысль. 1887. Кн.5.
106. Утин Б.И. Свидетельские показания (По поводу «Объяснения» «Русского вестника») // МВ. 21.06.1860. №136.
107. Ткачев П.Н. Подрастающие силы // Дело. 1868. №10.
108. Чернышевский Н.Г. Заметки о журналах // Полное собрание сочинений: В 15 т. М. 1939-1953. Т.3.
109. Чернышевский Н.Г. «Губернские очерки» Н. Щедрина // Полное собрание сочинений: В 15 т. М. 1939-1953. Т.4.
110. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Современник. 1860. Кн.4-5.
111. Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. Современник. 1855. Кн.12; 1856. Кн.1, 2, 4, 7, 9-12.
112. Шелгунов Н.В. Русский индивидуализм // Дело. 1868. № 7; Ткачев П.Н. Подрастающие силы // Дело. 1868. №10.
113. Шелгунов Н.В. Глухая пора // Дело. 1870. №4.
114. Шелгунов Н.В. Бесхарактерность нашей интеллигенции // Дело. 1872. №11.
115. Эдельсон Е.Н. Н. Щедрин и новейшая сатирическая литература // Утро. М., 1859. С.352-358.

IV. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ, МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПЕРЕПИСКА

116. А.А. Фет и его литературное окружение: В 2 тт. Литературное наследство. Т. 103. - М.: ИМЛИ РАН, 2008. В 2 кн. 990 с. + 1037 с.
117. Аксаков И.С. Письма к родным. М.: Наука, 1994. 656 с.
118. Алисов П.Ф. Катков. Женева. 1887.
119. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989. 688 с.
120. А.Н.Т. Воспоминания идеалиста, принимавшего участие в работах по реформам крестьянским // Русская старина. 1910. Кн.11. - С. 410-424.

121. Анучин Г.Д. Граф Федор Федорович Берг, наместник в Царстве Польском // Русская старина. 1893. Кн.1. С.34-86; Кн.2. С.340-382.
122. Антропов Р. Из жизни Л.Н. Антропова // Театр и искусство. 1903. №10. С.225-227; №15. С.225-227.
123. Антропов Р. Памяти Д.В. Аверкиева // Театр и искусство. 1905. №3. С.44-45.
124. Арсеньев К.К. Автобиография // Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. Сост. Ф.Ф. Фидлер. М. 1911.
125. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. 1828-1876: В 4 т. М.: Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1834-1935. Т.4.
126. Бартенев П.И. Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912. Кн.3. С.445-451.
127. Бартенев П.И. Воспоминания // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. М.: Студия «ТРИТЭ», «Российский архив», 1991. С.47-95.
128. Безобразов В.П. Дневник академика В.П. Безобразова // Русская старина. 1908. Кн.11. С.307-309; Кн.12. С.550-551; 1909. Кн.12. С.521-526; 1912. Кн.1. С.66-67; 1913. Кн.4. С.53-60; 1913. Кн.5. С.271-277; 1914. Кн.2. С.343-351.
129. Белинский В.Г. Письма // Полное собрание сочинений: В 13 т. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953-1956. Т. 11.
130. Бестужев-Рюмин К.Н. Воспоминания // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. 67. Вып. 4. СПб., 1901. С.3-59.
131. Боборыкин П.Д. Мои воспоминания. За полвека. М.: Захаров, 2003. 688 с.
132. Богданович А.В. Три последних самодержца. Л. 1924. 504 с.
133. Боденштедт Ф.Ф. Воспоминания о пребывании в России в 1841-1845 гг. // Русская старина. 1887. Кн.5. С.423-442.

134. Боткин, В.П. Письмо Н.А. Некрасову от 19 апреля 1856 г. [Текст] / В.П. Боткин. // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. 1975. С.91.
135. Бромлей Ю. В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М.: Наука, 1988.
136. Буква <Василевский И.Ф.> Петербургские наброски // Русские ведомости. 15.01.1886. №15.
137. В.П. Боткин и И.С. Тургенев. Неизданная переписка [Текст] - М.-Л.: «Academia», 1930. 349 с.
138. Валуев П.А. Дневник. В 2 тт. Под ред. проф. П.А. Зайончковского. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т.1,2.
139. В.Г. Белинский. Литературное наследство. Т. 56. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. 629 с.
140. Вернадский В.И. Записка об отношении Московского Университета к «Московским ведомостям» и к Университетской типографии. 28 ноября 1905 г. / http://mediamuseum.guru.ru/moscovskie_vedomosti_vernadskiy
141. Веселовский К.С. Воспоминания. Время президентства графа Д.Н. Блудова в Академии наук 1855-1864 гг. // Русская старина. 1901. Кн.12. С.495-528.
142. Веселовский К.С. Эпизод из истории С-Петербургский ведомостей // Русский архив. 1893. Кн.7. С.391-398.
143. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. Л.: Государственное издательство, 1924. Т. 3. Детство. Царствования Александра II и Александра III. 1849-1894. 416 с.
144. Вишняков П.М. В Катковском лицее. Записки старого пансионера (1875-1882 гг.). М.: Тип. Вильде, 1908-1916.
145. Воронов Л.Н. Финансово-экономическая деятельность М.Н. Каткова // Русская вестник. 1897. Кн.8. С.101-114.

146. Воронов Н.И. Воспоминания Николая Ираклиевича, по Западному краю. - Владимир, 1906. 266с.
147. Воропонов Ф.Ф. Сорок лет тому назад // Вестник Европы. 1904. Кн.6.С.757-772.
148. Воспоминания о Михаиле Каткове // Составление, предисловие и комментарии: Г.Н. Лебедева / Отв. ред. О.А.Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 624 с.
149. Галахов А.Д. Записки человека. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 442 с.
150. Галахов А.Д. Воспоминания о журнальном сотрудничестве М.Н. Каткова в 1839 и 1840 годах // Исторический вестник. 1888. №1. С.97-112.
151. Георгиевский А.И. Мои воспоминания и размышления // Русская старина. 1915. Кн.9. С.414-442; Кн.10. С.80-90; Кн.11. С.252-257; 1916. Кн.2. С.288-293; Кн.3. С.454-459; Кн.4. С.88-92; Кн.5. С.282-292.
152. Герцен А.И. Письма // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954-1959. Т.ХХV.
153. Глинский Б.Б. Александр Дмитриевич Градовский. Опыт характеристики / Глинский Б.Б. Очерки русского прогресса: Статьи исторические, по общественным вопросам и критико-биографические. - С.-Петербург, 1900. С.538-550.
154. Голицын В.М. Старая Москва // Записки отдела рукописей РГБ. – М.: Пашков дом, 2000. Вып.51. С.147-193.
155. Головин К.Ф. Мои воспоминания. В 2 тт. СПб., 1908-1910. 692 с.
156. Головнин А.В. Записки для немногих. СПб.: Нестор-История, 2004. 576 с.
157. Градовский Г.К. Из минувшего // Русская старина. 1908. Кн.1. С.77-86; Кн.2. С.323-330.
158. Грингмут В.А. М.Н. Катков как государственный деятель // Русская вестник. 1897. Кн.8. С.50-80.

159. Грингмут В.А. Заслуги М.Н. Каткова по просвещению России // Русская вестник. 1897. Кн.8. С.81-100.
160. Грингмут В.А. Опыт характеристики П.М. Леонтьева и М.Н. Каткова как директоров Лицея цесаревича Николая // Историческая записка императорского Лицея в память цесаревича Николая за 30 лет. М., 1899. С.529-551.
161. Громницкий М.Ф. Из прошлого. Второй год существования нового суда в Москве (1867-1868) // Русская мысль. 1899. Кн.6. С.1-33.
162. Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта 1860-1867. М.: Север, 1934. 480 с.
163. Достоевский Ф.М. Письма. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т.28-30.
164. Достоевский Ф.М., Достоевская А.Г. Переписка. - М.: Наука, 1979. 484 с.
165. Еленский О. Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. Кн. 10. - С. 200-242.
166. Есипович Я.Г. Записки сенатора Есиповича // Русская старина. Кн.8. С.215-228.
167. Зименко А.В. Из записок // Русский архив. 1883. Кн.1. С.132-136.
168. *Зиновьев И.А.* Письмо Бюлеру Ф.А. 15 марта 1886 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. - М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1999. С.323-325.
169. Из воспоминаний А.И. Георгиевского // Литературное наследство. Т. 97. - М.: Наука, 1989. В 2 кн. Кн.2. С.104-163.
170. Из записок Высокопреосвященного Леонида, архиепископа Ярославского // Московские церковные ведомости. 27.06.1909. №26; 28.08.1910. №35; 18.09.1810. №38; 2.04.1811. №14; 26.11.1911. №48; 21.04.1912. №17.
171. Из записок министра народного просвещения Д.А. Толстого 1870-1880-х гг. // Вопросы образования. 2005. №1. С.323-330.

172. Из переписки деятелей недавнего прошлого. Письма М.Н. Каткова В.П. Безобразову. (из семейного архива покойного Безобразова) // Новое время. 15 августа (28 августа) 1901. №9140; 23 августа (5 сентября) 1901. №9148.
173. Из писем М.Н. Каткова к матери и брату // Русский вестник. 1897. Кн.8. С.132-167.
174. Иловайский Д.И. М.Н. Катков. Историческая поминка // Русский архив. 1891. Кн.1. С.119-144.
175. Картавцов Е. Николай Христианович Бунге. Биографический очерк. (1823-1895) // Вестник Европы. 1897. Кн.5. С.5-39.
176. Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879-1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. 393 с.
177. Катков М.Н. Письма к А.В. Никитенко. 1854-1855. // Русская старина. 1897. Кн. 11-12. - С. 355-373.
178. Катков М.Н. Записка министру народного просвещения А.С. Норову. 1855. // Русская старина. Кн.11-12. С.582-585.
179. Катков М.Н. Письма к А.Н. Попову. 1843-1857 гг. // Русский архив. 1888. Кн.8. С.480-499.
180. Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 тт. - М.: Юридическая литература, 1966. Т.2.
181. Лажечников И.И. Письмо А.Ф. Кони. 18 апреля 1867 г. // Русский архив. 1812. Кн.9. С.145.
182. Ламздорф В.Н. Дневник. 1886-1890. М.: ГИЗ, 1926. 395 с.
183. Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Автобиография // Литературное наследство. Т. 22/24. - М.: Газ.-жур. объединение, 1935. С.427-496.
184. Леонтьев К.Н. Моя исповедь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. - М.: Владимир Даль, 2000-2012. Т.6. Кн.1.
185. Лесков Н.С. На смерть Каткова // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 тт. М.: ГИХЛ, 1856-1958. Т.11.

186. Либрович С.Ф. На литературном посту. Воспоминания. Записки. Документы. - Пг.-М. 1916. - 497 с.
187. Лесков Н.С. Письма // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 тт. М.: ГИХЛ, 1856-1958. Т.10,11.
188. Лонгинов М.Н. Письмо И.С. Тургеневу. 20 января 1857 г. // Сборник Пушкинского дома на 1923 г. Пг., 1922.
189. Любимов Д.Н. Из воспоминаний Дмитрий Николаевича Любимова (1864-1842) // Вопросы литературы. 1961. Кн.7. С.156-166.
190. Любимов Н.А. Михаил Никифорович Катков. По личным воспоминаниям // Русский вестник. 1888. Кн.1. С.1-46; Кн.2. С.1-31; Кн.3. С.209-249; Кн.4. С.251-298; Кн.7. С.3-49; Кн. 8. С.58-92; 1889. Кн.2. С.94-133; Кн.3. С.131-180.
191. Любимов Н.А. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889. – 468 с.
192. Майков А.Н. Письмо А.И. Майковой. 19 июня 1880 г. // Литературное наследство. Т. 86. М.-Л.: Наука, 1973.
193. Манн К.А. Воспоминания // Исторический вестник. 1917. Кн.2. С.308-338.
194. Матвеев П.А. Иван Сергеевич Тургенев // Русская старина. 1903. Кн.12. С.629-637.
195. Мейер Ф. О русской эпохе Великих реформ // Вестник иностранной литературы. 1895. Кн.2. С.107-126.
196. Мельгунов Н.А. Письмо Н.Ф. Павлову // Русское обозрение. 1895. Кн.3.
197. М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1957. 880 с.
198. Мещерский В.П. Воспоминания. - М.: Захаров. 2001. 687с.
199. Мещерский Н.П. Воспоминания О М.Н. Каткове. Письма в Тверитино // Русский вестник. 1897. Кн.8. С.1-49.

200. Михаил Никифорович Катков и граф Петр Андреевич Валуев в их переписке (1863-1879) // Русская старина. 1915. Кн.8. С.279-300; Кн.9. С.403-413; Кн.10. С.91-95; Кн.11. С.247-251; Кн.12. С.416-431; 1916. Кн.6. С.346-365.
201. Мордовцев Д.Л. Из переписки с А.А. Краевским // Новое слово. 1894. Кн.3. С.89-104.
202. Московский университет в воспоминаниях современников. М., «Современник», 1989.
203. Мосолов А.Н. Виленские очерки (1863-1865 гг.) // Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском. Составление, предисловие и комментарии: Лебедев С. В. / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С.242-329.
204. «На заре крестьянской свободы». Материалы для характеристики общества. 1857-1861. // Русская старина. 1897. Кн.11.
205. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради. 1860-1881 гг. Литературное наследство. Т. 83. М.: Наука, 1971. 728 с.
206. Некрасов Н.А. Письма // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. - М., 1947-1953. Т. 10.
207. Никитенко А.В. Дневник: В 3 тт. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 1-3.
208. Островский А.Н. Письма // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. М.: Искусство, 1973-1980. Т. 11.
209. Панаев В.А. Воспоминания Валериана Александровича Панаева // Русская старина. 1901. Кн.9. С.481-510.
210. Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. М.-Л. 1934.
211. Пассек Т.П. Воспоминания. Из дальних лет. СПб., 1889.
212. Перелешин Д.А. Воспоминания народовольца // Звезда. 1973. Кн.11. С.89-140.
213. Переписка М.Н. Каткова с графом М.Н. Муравьевым // Русский вестник. 1897. Кн.8. С.179-182.

214. Письма А.В. Дружинину. 1850-1863. / ред. и коммент. П.С. Попова // Летописи Государственного литературного музея. - М.: Изд-во Гослитмузея, 1948. Кн.9. 423 с.
215. Плансон А.А. Былое и настоящее. Спб. 1905. 327 с.
216. Победоносцев К.П. Письма Победоносцева к Александру III. С приложением писем к вел. Кн. Сергею Александровичу и Николаю II М.: Новая Москва, 1926. Т.2. 384 с.
217. Победоносцев К.П. Письма к Е.М. Феоктистову // Литературное наследство. Т. 22/24. М.: Газ.-жур. объединение, 1935. С.497-560.
218. Победоносцев К.П. Письмо к Николаю II // http://www.hrono.ru/libris/lib_p/pobed_pril.html [Дата обращения 4.02.2021]
219. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.-Пг. Государственное издательство. 1923г. 439 с. (1 полутом) 1150 с. (2 полутом).
220. Погодин М.П. Письма С.П. Шевыреву // Русская старина. 1883. Кн.1. С.136-142.
221. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 604+639 с.
222. Розанов В.В. Суворин и Катков // Новое время. 1997. Кн.7. С.36-38.
223. Розанов В.В. Катков как «государственный человек» // Розанов В.В. Литературные очерки. СПб., 1899.
224. Россиев П.А.К биографии М.Н. Каткова // 1909. Кн.10. С.181-184.
225. Сементковский Р.И. Среди отошедших // Исторический вестник. 1917. Кн.5-6. С382-397.
226. Сементковский Р.И. М.Н. Катков, его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк. СПб., 1892.
227. Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. 608 с.

228. Соколова А.И. Встречи и знакомства // Исторический вестник. 1911. Кн.6. С.832-843.
229. Соловьев В.С. Несколько личных воспоминаний о Каткове // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М.: Изд-во Правда, 1989. Т.2. С.626-634.
230. Соловьев С.М. Из неизданных бумаг // Русский вестник. 1896. Кн.4. С.1-26.
231. Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М.: Изд-во Московского университета, 1983. 440 с.
232. Страхов Н.Н. Письмо А.А. Фету. Мшатка. 28 июля 1887 г. // А.А. Фет и его литературное окружение: В 2 тт. - М.: ИМЛИ РАН, 2008. Т.2.
233. Сухотин С.М. Из памятных тетрадей С.М. Сухотина // Русский архив. 1894. Кн.2. С.224-266; Кн.3. С.417-436; Кн.4. С. 599-610; Кн.5. С.139-149; Кн.6. С.241-256; Кн.7. С.433-447; Кн.9. С.51-68.
234. С.У. <Уманец С.> Мозаика (из старых записных книжек) // Исторический вестник. 1912. Кн. 12. С.1013-1099.
235. Татищев С.С. М.Н. Катков в иностранной политике. Политическое обозрение // Русская вестник. 1897. Кн.8. С.115-131.
236. Толстой Л.Н. Письмо М.Н. Каткову. Ясная Поляна. 30 сентября 1864 г. // Л.Н. Толстой. Литературное наследство. Т. 37-38. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С.200-201.
237. Тургенев И.С. Письма: в 13 тт. // Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960-1968.
238. Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам // Литературное наследство. Т. 97. - М.: Наука, 1988. В 2 т.Кн.1. С.258-430.
239. Тютчев Ф.И. Письмо Е.Ф. Тютчевой. СПб. 26 октября 1863 г. // Литературное наследство. Т. 97. - М.: Наука, 1988. В 2 кн. Кн.1.
240. Уманец С. Дорогие покойники // Календарь имп. Лицея в память цесаревича Николая на 1898-1899 учебный год. М., 1899. С.727-738.
241. Унковский А.М. Записки // Русская мысль. 1906. Кн.7. С.88-116.

242. Усов П. П.И. Мельников, его жизнь и литературная деятельность // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Полное собрание сочинений. - Спб.: Изд. М.О. Вольфа, 1897. Т.1.
243. Успенский Г.И. Отрывок из автобиографии // Успенский Г.И. Полное собрание сочинений. Изд-во АН ССС. 1954. Т. 14. Письма 1869-1892. С.581-585.
244. Усов П. П.И. Мельников, его жизнь и литературная деятельность // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Полное собрание сочинений. Спб.: Изд.-во М.О. Вольфа, 1897. Т.1.
245. Феоктистов Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848 – 1896. М.: Новости, 1991. 464 с.
246. Цеэ В.А. А.В. Головнин и его отношения к А.И. Герцену // Русская старина. 1897. Кн.11. С.273-277.
247. Чайковский М. Герман Августович Ларош // Ларош Г.А. Собрание музыкально-критических статей. В 2 т. - М. 1913 г. Т.1.
248. Чернышевский Н.Г. Письма // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: ГИХЛ, 1939-1953. Т.14.
249. Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. – М: Изд-во Московского университета, 1997. 256 с.
250. Шестаков П.Д. Граф Дмитрий Андреевич толстой как министр народного просвещения // Русская старина. 1891. Кн.2. С.387-405; Кн.4. С.183-210.
251. Штакеншнейдер Е.А. Дневники и записки. - М.-Л.: Academia, 1934. 586 с.
252. Щегловитов С. (Неведенский С.Г.). Катков и его время. Спб., 1888. 227 с.
253. Щепкин М.С. Записки. Письма. Современники о М.С. Щепкине. - М.: Искусство, 1952. 372 с.
254. Щербань Н.В. Тридцать два письма И.С. Тургенева и воспоминания о нем (1861 - 1875) // РВ. 1890. Кн.7-8.

V. ИССЛЕДОВАНИЯ

255. Аблязов К.А. Устав университетов 1884 г.: история подготовки и характеристика его основных положений // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2006. Вып.12. С.100-108.
256. Авидзба Р.Л. К вопросу о литературных источниках «Кавказского пленника» Л.Н. Толстого // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2013. Вып.3. С.5-13.
257. Адам Мицкевич в русской печати. 1825–1955 гг. // Библиографические материалы. Сост. Б.М. Богатырь, Я.Л. Левкович, А.С. Морщихина, А.Н. Степанов. - М.-Л.: Академия наук СССР, 1957. 601 с.
258. Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 296 с.
259. Александр III: pro et contra Антология. / Сост. И. Е. Барыкиной, В. Г. Чернухи, вступ. статья В. Г. Чернухи; коммент. И. Е. Барыкиной. СПб.: РХГА, 2013. 894 с.
260. Ананьин Б.В., Ганелин Р.Ш. Р.А. Фадеев, С.Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881-1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С.299-327.
261. Аникст А. Теория драмы от Пушкина до Чехова. М.: Наука, 1972. 643 с.
262. Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М.: Мысль, 1988. 253 с.
263. Арефьев М.А., Осипов И.Д. Идеиные истоки и ценности русского консерватизма // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. Т.2(2). С.172-183.
264. Архангельский Л.М. Ценностные ориентации и нравственное развитие личности. - М.: «Знание», 1978. 64 с.

265. Архипов В. К творческой истории романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская литература. 1958. № 1. С. 132-162.
266. Бадалян Д.А. Журналист, общественное мнение и власть: издания М.Н. Каткова в «Царских обозрениях» 1860-1880-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. №3. С.89-118.
267. Бадалян Д.А. Полемика о Земском соборе в русской прессе 1880-х гг. // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. Т.201. С.27-36.
268. Балугев Б.П. Политическая реакция 80-х гг. XIX века и русская журналистика. М. 1971.
269. Барыкин В.Е. Прогрессивная печать в борьбе с катковщиной // Вестник Московского Университета. Серия: Журналистика. 1980. №2. С.46-54.
270. Барыкина И.Е. Записка М.Н. Каткова по делам издания газеты «Московские ведомости» (11 января 1867 г.) // Вестник Башкирского университета. 2014. Т.19. №4. С.1599-1603.
271. Батюто А.И. К истории создания романа И.С.Тургенева «Отцы и дети» (по поводу одной публикации) // Русская литература. 1985. №4. С.156-165.
272. Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Бесы»: некоторые аспекты восприятия // Вестник СПбГУКИ. 2013. Вып.4(17). С.130-136.
273. Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863-1914 гг.) // Минск: БГУ, 2010. 439 с.
274. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012.
275. Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. М.: Канон+; Реабилитация, 2002. 655 с.
276. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции, Reprinted in Penguin Classics, 1986.

277. Благово В.А. Поэзия и личность Ю.В. Жадовской [Текст] / В.А. Благово. - Саратов: Саратовский государственный университет, 1981. 158 с.
278. Боровая М.А. А.Д. Пазухин. Общественно-политические взгляды и государственная деятельность. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. – Чебоксары, 2004. 20 с.
279. Бородавкина Н.В. Ольга Киреева глазами современников // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т.12. №2. С.58–64.
280. Боханов А.Н. Император Александр III [Текст] / А.Н. Боханов. - М.: Русское слово, 1998. 512 с.
281. Боханов А.Н. Буржуазная пресса в России и крупный капитал. Конец XIX в. - 1914 г. М.: Наука, 1984. 152 с.
282. Брутян А.Л. М.Н. Катков: Социально-политические взгляды. Под ред. Е.Н. Моцелкова. - М.: МАКС Пресс, 2001. 128 с.
283. Буданова М.Ф. О некоторых источниках нравственно философской проблематики «Бесов» // Достоевский Материалы и исследования Л., 1988. Т.8. С.93-106.
284. Бугаева В.Н. Консервативно-педагогическая концепция М.Н. Каткова. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.пед.н. Смоленск, 2007. 19 с.
285. Бутлеров А.М. Основные понятия химии. СПб.: Издание книгоиздательства Н.Г. Мартынова, 1902.
286. Ведерников В.В., Китаев В.А., Луночкин А.В. Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60 - 80-х гг. XIX века - М.: Магистр, 1997. 38 с.
287. В.З. Холерный год. Историческая монография, составленная по печатным материалам и устным рассказам современников П.П. Каратыгиным. СПб, 1887. // Исторический вестник. 1887. Т. XXX. Октябрь.
288. Венгеров С.А. Собрание сочинений. В 5 т. СПб.: Прометей. 1911-1919.

289. Волгин И.Л. Последний год Достоевского. – М.: Известия, 1990. 656 с.
290. Воробьева И.Н. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999. 199 с.
291. Воронин В.В. Дискуссия о классическом и реальном образовании в России: обсуждение «Учебной реформы» Д. А. Толстого в Государственном совете (1871-1872 гг.) // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. Вып.2. С.106-119.
292. Вязинкин А.Ю., Двухжилова И.В. Консервативный подход к эстетике архитектуры: философия Роджера Скрутона // Архитектура и дизайн. 2019. №2. С.1-6.
293. Гаврилов И.Б. Памфил Данилович Юркевич: защита философии и полемика с нигилизмом // Христианское чтение. 2019. №6. С.178-189.
294. Гаврилов И.Б. Катков: жизнь, труды, мировоззрение // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. №1(2). С.136-177.
295. Гаврилов И.Б. К характеристике религиозно-философского мировоззрения М.Н. Каткова // Христианское чтение. 2018. №3. С.192-214.
296. Гаврилов И.Б. Михаил Никифорович Катков как охранитель традиционных русских начал // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1(2). С.204-221.
297. Гарбузов В.Н. Консерватизм: ценности, идеи, политика // Метаморфозы истории. 1997. №1. С.136-162.
298. Георгиева Н.Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. №1. С.126-138.
299. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. - М.: Мысль, 2001.

300. Гриценко, Н.Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881-1894 годах: Политические и духовные аспекты внутренней политики. - М.: Русский путь, 2000. 240 с.
301. Грезнева А.А. Присяжные поверенные в политических процессах 1870-х гг. // Вестн. Православного Свято-Тихоновского ун-та. Сер.2. 2004. Вып. 3. С.118-136.
302. Грибановская А.М. Из истории аренды «Московских ведомостей» М.Н. Катковым и П.М. Леонтьевым: модернизация университетской типографии // Вестник Московского университета. Сер.8. №4. 2015. №33-42.
303. Господарик Ю. Иван Давыдович Делянов // Высшее образование в России. 2002. Вып.3. С.101-118.
304. Громова Л.П. А.И. Герцен и русская журналистика его времени. Санкт-Петербург. гос. ун-т. - Санкт-Петербург : СПбУ, 1994. - 155 с.
305. Громова Л.П. А.А. Краевский - редактор и издатель: Учеб. пособие / Л.П. Громова; С.-Петербур. гос. ун-т. Фак. журналистики. - СПб., 2001. – 155 с.
306. Гроссман Л. П. Стилистика Ставрогина (К изучению новой главы «Бесов») // Ф.М. Достоевский. Л.-М., 1924. Сб.2. С.139-148.
307. Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001.
308. Гуторов В.А. Социально-политическая теория А.Д. Градовского // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 2007. С.169-214.
309. Давыдов Д.А. Политико-правовые воззрения Михаила Никифоровича Каткова. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.юр.н. - Сочи, 2013. 23 с.
310. Давудов Д.А. Политико-правовые воззрение Михаила Никифоровича Каткова. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.юр.н. Сочи, 2013. 24 с.
311. Дедков И.А. Публицистика // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т.6.

312. Дендиберя А.А. Консервативные ценности в государственно-правовом развитии России // Философия права. 2015. № 2(69). С.112-115.
313. Дендиберя А.А. Консервативные ценности традиционных конфессий: государственно-правовой аспект // Юрист-Правоведъ. 2015. №6(73). С.119-123.
314. Дервягина Е.В. «Московские ведомости» М.Н. Каткова (1863-1887) в русском литературном процессе. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.ф.н. Вел. Новгород, 2004. 19 с.
315. Дервягина Е.В. М.Н. Катков и «Московские ведомости»: к истории издания // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. №25. С.51-56.
316. Дергачева Л.Д. Московский университет и газета «Московские ведомости» в 1870-х гг. // Вестник Московского университета. Серия: История. 2007. №4. С.3-18.
317. Дергачева Л.Д. Московский университет и газета «Московские ведомости» в 1880-х гг. // Вестник Московского университета. Серия: История. 2008. №6. С.3-30.
318. Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976.
319. Дзялошинский И.М. Культура, журналистика, толерантность. О роли СМИ в формировании в российском обществе атмосферы толерантности и мультикультурализма // В сб. Мы - сограждане. М.: Бонфи, 2002.
320. Дзялошинский И.М. Пресса, власть, общество: информационная открытость как основа социального партнерства // В сб. Инфофорум-4. Сборник материалов конференции, 2002.
321. Дробот Г.А. Глобализация: понятия, этапы, противоречия, оценки // Социально-гуманитарные науки. 2008. №2. С.105-127.
322. Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство, 1982. 269 с.
323. Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х гг. - Л.: Искусство, 1991. 335 с.

324. Есин Б.И. Путешествие в прошлое (газетный мир XIX века). М.: МГУ, 1983. 160 с.
325. Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России [Текст] / Б.И. Есин. М.: МГУ, 1978. 132 с.
326. Есин Б.И., Кузнецов, И.В. Три века московской журналистики. - М.: Флинта: Наука, 2005. 248 с.
327. Есин Б.И. История русской журналистики. М., 2003.
328. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX – XX вв. - М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.
329. Жировов В.И. Политико-правовые взгляды и государственная деятельность К.П. Победоносцева в 1880-1890-е гг. Дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. Воронеж, 1993.
330. Журналистика. Общество. Ценности : коллективная монография / Г.В. Жирков и др. – СПб.: Петрополис, 2012. – 448 с.
331. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978. 288 с.
332. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 444 с.
333. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 гг. М.: Наука, 1964. 218 с.
334. Зайцева А.А. Газета «Голос» во внутренней политике самодержавия периода буржуазных реформ: 1863-1870 : дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
335. Замостьянов А.А., Чумаков В.Т. Последнее тридцатилетие XIX века. Время Д.А. Толстого и И.Д. Делянова // Народное образование. 2013. №5. С.91-102.
336. Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ 27 марта 2018 года // Тетради по консерватизму. 2019. №1. С.489-530.
337. Зиннуров Ф.К. Эстетические воззрения В. В. Стасова: Дисс. на соискание уч. ст. к.филос.н. М., 1953.

338. Зорин А. Кормя двуглавого орла: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII - первой трети XIX века. - М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
339. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. - М.: Издательство политической литературы, 1986. 221 с.
340. Зубков К.Ю. «Антинигилистический роман» как полемический конструкт радикальной критики // Вестник Московского университета. Серия: Филология. 2015. №4. С.122-140.
341. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 102. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 735 с.
342. Иванцов В.Г. Труд А.В. Верещагина «Путевые заметки по Черноморскому округу» как исторический источник // Былые годы. 2013. №1(27). С.79-91.
343. Иванов И.И. Катков // История русской критики. – СПб., 1900. Т.2. Ч.IV. Главы XXIV-XXV.
344. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860-1890-х гг. Литературное наследство. Т. 87. М.: Наука, 1977. 728 с.
345. Измestьева Г.П. Издатель и редактор газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков / Московский университет и судьбы русской интеллигенции. Материалы международной конференции. 2004. С.160-167.
346. Измestьева Г.П. Михаил Никифорович Катков // Вопросы истории. М., 2004. №4.
347. Ильина Л.В. Проблема национальной самобытности искусства в эстетике В.В. Стасова: Дисс. на соискание уч. ст. к.филос.н. М., 2004.
348. История русской журналистики XVIII-XIX веков : учебник / Д.А. Бадалян, Л.П. Громова, Г.В. Жирков и др.] ; под ред. Л.П. Громовой; С.-Петербург. гос. ун-т. - 3-е изд., испр. и доп. - Санкт-Петербург : С.-Петербург. гос. университет, 2013. - 527 с.
349. Итенберг Б.С. Российская интеллигенция и Запад: Век XIX. Очерки. М., 1999.

350. Каган М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). - М.: Политиздат, 1974. 328 с.
351. Каган М.С. Философская теория ценности. - СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 204 с.
352. Камнев В.М. Хранители и пророки: религиозно-философское содержание русского консерватизма. СПб.: Наука, 2010. 470 с.
353. Кантор В.К. М.Н. Катков и крушение эстетики либерализма // Вопросы литературы. 1973. № .
354. Кантор В.К. О судьбе имперского либерализма в России (М. Н. Катков) // Философские науки. 2007. №2. С.66-91.
355. Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 542 с.
356. Кантор В.К. «Средь бурь гражданских и тревоги...» Борьба идей в русской литературе 40-70-х годов XIX века. М.: Художественная литература, 1988. 302 с.
357. Кантор В.К. Русская эстетика второй половины XIX столетия и общественная борьба. М.: Искусство, 1978. 174 с.
358. Кантор В.К. Михаил Никифорович Катков: «Основой преобразований должен быть существующий порядок...» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007.
359. Кантор В.К. О судьбе имперского либерализма в России (М. Н. Катков) // Философские науки. 2007. №2. С.66-91.
360. Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. - М.: Новое издательство, 2005. С.395-435.
361. Катковский вестник: Религиозно-философские чтения: К 190-летию со дня рождения М.Н. Каткова. – М.: Прогресс-Плеяда, 2008. 256 с.
362. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [электронный ресурс -

<http://www.hist.msu.ru/ER/Text/karamzin.htm>] – режим доступа: свободный.
Дата обращения - 19.01.2022 г.

363. Каренин В. Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. - Л.: Мысль, 1927.

364. Карнишина Н.Г. Русская православная церковь в период реформ второй половины XIX в. : духовенство и паства // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. №1(37). С.14-22.

365. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М.: Терра, 1997.

366. Каушала П. Александр II и подъем финляндской автономии: отзвуки крымской войны // Александр II. Трагедия реформатора. Люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С.195-213.

367. Кенсо Я. Политический национализм М.Н. Каткова // Русская политология. 1918. №1(6). С.46-52.

368. Ким Ф.С. «Просвещенный консерватизм» Г.-К. Кальтенбруннера и „gesellschaft für Ganzheitsforschung“ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №7(81). С.75-78.

369. Кипнес Л.В., Сервие Е.О. Мемуарная литература и ее коммуникативная особенность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. №2(34). С.137-140.

370. Китаев В.А. От фронды к охранительству: Из истории рус. либер. мысли 50-60-х г. XIX в. М. : Мысль, 1972. 288 с.

371. Клыкова Е.Д. Споры об университетской автономии в русском обществе (1870-е – начало 1880-х гг.) // Вестник Московского университета. Серия: История. 2015. №1. С.42-51.

372. Ковалева Д.В. От восстаний к прагматизму: роль князя Адама Чарторыйского в истории российско-польских отношений // Гуманитарные исследования Центральной России. 2019. №3(12). С.29.

373. Корнилов А.А. Исторический очерк эпохи 60-х гг. // История русской литературы XIX в. Под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского: В 5 тт. М.: Изд-во Т-ва «Мир», 1908-1910. Т. III. Гл. I.

374. Корнилов А.А. М.Н. Катков // История русской литературы XIX века. Под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. М. 1909. Т. 5.

375. Кожурин А. Я. Феномен русского консерватизма / Кожурин А. Я. // Консерватизм: pro et contra. Социально-политическое явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных ученых-исследователей [Текст]: антология / А. Я. Кожурин; Русская христианская гуманитарная академия. - Санкт-Петербург, 2016.

376. Коршунова Н.В. Дворцовые перевороты как инструмент утверждения абсолютной монархии в России в XVIII - начале XIX века // Социум и власть. 2017. №2(64). С.118-122.

377. Котов Э.А. Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М.Н. Катков и его окружение, автореферат дисс. на соискание уч. ст. доктора исторических наук. СПб, 2016.

378. Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860-1890-х гг. СПб.: Владимир Даль, 2016. 487 с.

379. Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870-1890-х годов: опыт ведения общественной дискуссии. СПб.: Книжный дом, 2010. 224 с.

380. Котов А.Э. Птенцы гнезда Каткова. СПб., 2013. 143 с.

381. Котов А.Э. «Арсенал нравственных орудий»: музейная тема в публицистике М.Н. Каткова // Вопросы музеологии. 2016. С.24-31.

382. Котов А.Э. Русский политический предмодерн. Забытые консерваторы второй половины XIX века. СПб: «Владимир Даль», 2019. 285 с.

383. Кременская И.К. «Московские ведомости» 1850-х гг.-редакторский дебют М.Н. Каткова // Из века в век. Из истории русской журналистики. 1702-2002. М., 2002. С.68-83.

384. Кремлев Ю.А. Русская мысль о музыке. В 3 тт. Л.: Государственное музыкальное издательство, 1954-1960. 286 с. + 613 с. + 368 с.

385. Кругликова О.С. Опыт конструктивного сотрудничества журналистики и власти в пореформенной России: публицистика и общественная деятельность М.Н. Каткова. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.ф.н. СПб., 2008. 24 с.

386. Кругликова О.С. Передача газеты «Московские ведомости» на правах аренды М. Н. Каткову в 1863 г. (политический контекст и финансовые условия контракта) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып.4. Ч.II. С.248-255.

387. Кругликова О. С. «Московские ведомости» после смерти М. Н. Каткова: конкуренция за право издания газеты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т.15. Вып.2. С.252-264.

388. Кругликова О.С. Газета М.Н. Каткова (1863-1887): к вопросу об истоках и характере политического влияния // Тетради по консерватизму. 2018. №3. С.71-88.

389. Кругликова О.С. Передача газеты «Московские ведомости» на правах аренды М.Н. Каткову в 1863 г. (политический контекст и финансовые условия контракта) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер.9. Вып.4. Ч.II. С.248-255.

390. Кругликова О.С. «Московские ведомости» М.Н. Каткова в полемике о реформе образования в 1860-1870-е гг. // Известия Уральского государственного университета. Сер.1. Вып.23. №56. 2008. С.205-210.

391. Кудрина Ю. Передвижники и императорская власть: к 175-летию со дня рождения И. Е. Репина // Иные берега. 2019. №1. С.136-149.

392. Кудряшев В.Н. М.Н. Катков в имперском дискурсе второй половины XIX века // Вестник Томского государственного университета. История. – Томск, 2012. Вып.4(20). С.40-42.
393. Кудряшев В.Н. Русская общественная мысль в поисках национальной идентичности: зарождение русского национализма (вторая половина XIX в.) // Русин. 2014. №4(38). С.117-130.
394. Кудряшев В.Н. Восточная экспансия российской империи в оценке русских публицистов второй половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. 1(33). С.79-86.
395. Кузнецов И.В., Минаева О.Д. Газетный мир Московского университета. – М.: Флинта: Наука, 2005. 204 с.
396. Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев – генерал и публицист. Волгоград: Изд-во ВГУ, 1998. 181 с.
397. Кулешов В.И. Реакционно-либеральная, антиреалистическая критика. Катков. Суворин // В.И. Кулешов. История русской критики. М.: Просвещение 1978. С. 339-345.
398. Кулешова О.В. Наследие М. Н. Каткова в современной России. — М.: ИНИОН РАН, 2013. 59 с.
399. Коновченко С.В., Кисилев А.Г. Информационная политика в России. М.: РАГС, 2004. 528 с.
400. Лебедев А.К. Владимир Васильевич Стасов. 1824-1906. М.-Л.: Искусство, 1948.
401. Лебедев С.В. Охранители истинно - русских начал. Идеи, идеалы и политика русских консерваторов второй половины XIX века. СПб.: Нестор, 2004.
402. Лебедев С.В. Система ценностей философии русского консерватизма второй половины XIX века. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. доктора филос. наук. СПб., 2004. 33 с.

403. Лебедева Г.Н. Социально-философская концепция русского консерватизма в творчестве М.Н. Каткова. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.филос.н. СПб., 1996.
404. Лебедева Г.Н. Катков о цивилизационной самостоятельности России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. №3. С.97-109.
405. Лебедева Г.Н. «Исповедь русского народа» и несостоявшийся политический панславизм во второй половине XIX века // Тетради по консерватизму. 2018. №3. С.287-298.
406. Лебедева Г.Н. «Остзейский вопрос» в публицистике М.Н. Каткова // Тетради по консерватизму. 2018. №3. С.274-286.
407. Лебедева Г.Н. М.Н. Катков о цивилизационной самостоятельности России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 16(3). С. 97-110.
408. Левандовский А.А. «Уму нужен простор!» // Родина. 1995. №3-4. С.139-140.
409. Левандовский А.А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. - М.: Молодая гвардия, 1990. 304 с.
410. Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ 1859-1865гг. СПб. 1904.
411. Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб. 1909.
412. Ленин В.И. Карьера // Полное собрание сочинений. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1973. Т.22. С.43-44.
413. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова. М.: Художественная литература, 1884. В 2 тт. 479 с. + 607 с.
414. Летенков Э.В. «Литературная промышленность» в России конца XIX – начала XX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 173 с.
415. Литературоведческий журнал. Москва: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), 2013. №32.

416. Л.Н. Толстой. Литературное наследство. Т.35-36. М.: Изд-во АН СССР, 1939. 565 с.
417. Л.Н. Толстой. Литературное наследство. Т.37-38. М.: Изд-во АН СССР, 1939. 775 с.
418. Лобов М.П. К характеристике М.Н. Каткова. Катков как литературный критик. // Славянские известия. 1904. №1.
419. Лукоянов И.В. М.Н. Катков и внешняя политика Российской империи в царствование Александра III (1880-е годы) // Тетради по консерватизму. 2018. №3. С.232-244.
420. Луночкин А.В. Газета «Голос» в общественном движении России 70 - начала 80-х гг. XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
421. Любичанковский С. П.А. Валуев и Е.А. Барановский: история взаимоотношений // Александр II. Трагедия реформатора. Люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С.133-147.
422. Макарова Г.Н. Охранитель: жизнь и исторические заслуги Михаила Каткова. Приговоренный к забвению // Славянин. СПб., 1996. №1. С.35-38.
423. Макушин Л.М. М.Н. Катков и «Русский вестник» в 1856-1862 гг.: от либерализма к охранительству // Акценты. Воронеж, 2001. №5-6. С.70-77.
424. Макушин Л.М. «Департамент Каткова»: идеология и технология // Акценты. Воронеж. 2002. №1-2. С.37-45.
425. Макушин Л.М. «Московские ведомости»: pro et contra // Акценты. Воронеж, 2002. №3-4. С.58-66.
426. Макушин Л.М. М.Н. Катков и «Русский вестник» в 1856-1862 гг.: от либерализма к охранительству // Акценты. Воронеж. 2001. №5-6. С.70-77.
427. Мамонова Е.В. Благотворительность 1860-1880-х гг. в публицистике М.Н. Каткова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер.2. 2011. Вып.4(41). С.30-43.

428. Мамонова Е.В. Старокатолическое движение в публицистике М.Н. Каткова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер.2. 2012. Вып.4(47). С.102-110.

429. Манаков М.Ю. Роль политической публицистики в защите государственной безопасности (система взглядов М.Н. Каткова в 1860-е годы) // Вестник ЧГУ. № 22(313). Филология. Искусствоведение. 2013. Вып.81. С.17-23.

430. Маркелов Е.В. А.И. Герцен и М.Н. Катков. Борьба демократического и охранительного направлений в русской публицистике. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. М., 2000. 21 с.

431. Маслов В.С. «Русский вестник» и «Московские ведомости» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. Т.2. С.217-230.

432. Матюхин А. Консервативно-эволюционная модель модернизации общества в русском монархическом консерватизме // Обозреватель-Observer. 2005. №№3, 4, 5. С.97-104; №10. С.72-79.

433. Матюхин А. Традиция «государственников» в русском консерватизме: отрицание общественной самоорганизации и народного представительства // Обозреватель-Observer, 2005. №9. С.36-44.

434. Массов А.Я. Визит доброй воли или секретная миссия (пребывание в Австралии эскадры контр-адмирала А.Б. Асланбегова в 1881-1882 гг.) // <http://keu-ocr.narod.ru/Aslanbegov/>

435. Матханова Н.П. Сибирская женская мемуаристика XIX в. // Современное историческое сибиреведение XVII - начала XX вв.: Сборник научных трудов / Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Изд-во «Аз Бука», 2005.

436. Медоваров М.В. А.А. Киреев в общественно-политической жизни России второй половины XIX – начала XX века. Авторев. Дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. М., 2013. 24 с.

437. Местр Ж. де. Сочинения. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб: Владимир Даль, 2007.
438. Мигранян А.М. Переосмысливая консерватизм // Вопросы философии. 1990. №11.
439. Минаев, А.И. К вопросу об оценке М.Н. Катковым британского парламентаризма XIX века // Научные труды МПГУ. Серия: Социально-исторические науки. Сборник статей. М.: Прометей, 2000. С.241-245.
440. Минаков А.Ю. У истоков русского консерватизма: «русская партия» первой четверти XIX в. // TRACTUS AEVORUM: эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. №1(1). С.67-77.
441. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. 558 с.
442. Минеева Т.Г., Мигунова Т.Л. Особенности законотворческой деятельности Екатерины II: Наказ, конкурсы и проекты // Sciencis of Europe. 2018. № 27-1 (27). С. 17-21.
443. Митрохина С.А. Особенности просветительской тематики «Литературного отдела» газеты «Московские ведомости» при редакторе М.Н. Каткове в 1851-1855 гг. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.ф.н. М., 2006. 17 с.
444. Моряков В.И. Екатерина II – просветитель или консерватор? // Вестник Московского университета. Серия: История. 2010. №3. С.24-25.
445. Назарова Т.В. Формы пропаганды идеи консервативного развития в «Русском вестнике» // Вестник ВГУ. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2013. №12. С.100-110.
446. Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. - М.; Изд-во Московского университета, 1972. 343 с.
447. Начало пересмотра устава 1863 г. и подготовка новой университетской реформы // <http://www.lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/olesek2006/33.php>

448. Неизданная статья А.А. Фета о романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» / Вступ. ст. Ю. Стеклова; публ. и коммент. Г. Волкова // Литературное наследство . Т. 25/26. М.: Жур.-газ. объединение, 1936. С.477-544.
449. Нерсесов Г.А. Алжир в 1881-1882 гг. (по письмам русского журналиста) // Советская этнография. Изд-во АН СССР. 1861. Кн.5 (сентябрь-октябрь). С.140-145.
450. Нечаев Д.Н. Консервативные ценности в программных документах политических партий РФ на парламентских выборах – 2011 // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. №1(27). С.113-121.
451. Новиков А.В. Российские консерваторы (М.Н. Катков, Д.А. Толстой, К.П. Победоносцев) и самодержавие (середина XIX - начало XX в.). М., 2002.
452. Новикова М.Б., Перфилова Т.Б. Университетский вопрос в 1866-1884 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. №1. С.22-33.
453. Овсяннико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. М.: Издание В.М. Саблина, 1907. 394 с.
454. Острейковская Н.В. Творчество Е.Н. Новосильцевой в литературно-общественном контексте 1860-1880-х гг. Дисс. на соискание уч. степени к.ф.н. Тверь, 2010. 159 с.
455. Пайпс Ричард. Русский консерватизм во второй половине XIX века: Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. - М., 1970.
456. Панаэтов О.Г. Катков М.Н. и болгарский кризис 1884-1887 гг.: инструментарий и цена свободы слова // Наука и современность. 2014. №28. С.42-48.
457. Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 218 с.
458. Перевалов В.В. Журналистика. Культура. Система. М.: изд-во МГУП им. Ивана Федорова, 2013. Перевалова Е.В. Журнал М.Н. Каткова в первые годы издания (1856-1862). Литературная позиция. М.: МГУП, 2010. 348 с.

459. Перевалова Е.В. «Русская Times»: газета «Московские ведомости» под редакцией М.Н. Каткова (1863-1887). М: Изд-во Московского Политеха, 2020. 407 с.
460. Перевалова Е.В. Вокруг М.Н. Каткова: авторы и сотрудники «Русского вестника» и «Московских ведомостей». М: Изд-во Московского Политеха, 2019. 388 с.
461. Перевалова Е.В. Журнал М.Н. Каткова «Русские вестник» в первые годы издания (1856-1862 гг.). М: Изд-во МГУП, 2010. 347 с.
462. Перевалова Е.В. М.Н. Катков-журналист: борьба за привилегии или служба по совести? // Тетради по консерватизму. - М.: ИСЭПИ, 2018. №3. С.136-148.
463. Перевалова Е.В. «Русский Туркестан» глазами американского корреспондента // Коммуникация в современном мире. Материалы Междунар. нач.-практ. конф. исследователей и преподавателей массовой коммуникации – Воронеж, 2021. С.163-165.
464. Перевалова Е.В. «Женская» проза «Русского вестника» // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – М.: МГУП, 2011. №3. С.126-139.
465. Перевалова Е.В. В борьбе за литературные таланты: гонорарная политика журнала «Русский вестник» в 1850-1880-е гг. // Текст. Книга. Книгоиздание. Томск, 2018. №18. С.65-90.
466. Перевалова Е.В. С.Г. Нечаев и «нечаевское дело» в оценке газеты «Московские ведомости» // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2014. Вып.4.
467. Перевалова Е.В. Освещение процесса Веры Засулич в газете М.Н. Каткова «Московские ведомости» // Вопросы теории и практики журналистики. Научный журнал Байкальского государственного университета. - Иркутск, 2015. Т.4. №1. С.29-41.

468. Перевалова Е.В. Учение Н.Я. Данилевского в изданиях М.Н. Каткова в 1880-х годах // Тетради по консерватизму. М.: ИСЭПИ, 2020. №3. С.133-148.

469. Перевалова Е.В. М.Н. Катков и А.В. Головнин: к истории взаимоотношений // Вопросы теории и практики журналистики. Научный журнал Байкальского государственного университета. Иркутск, 2017. Т.6. №3. С.330-346.

470. Перевалова Е.В. «Московские ведомости» М.Н. Каткова в 1863-1864 гг. – политический официоз или орган независимого общественного мнения? // Вестник Томского государственного университета Серия: Филология. Томск: изд-во ТГУ, 2015. №4(36). С.163-179.

471. Перевалова Е.В. Лицей цесаревича Николая (1868-1917) – образцовое учебное заведение нового типа // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. – М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. №2. С. 56-67.

472. Перевалова Е.В. М.Н. Катков и П.М. Леонтьев – арендаторы «Московских ведомостей» // Журналист. Социальные коммуникации. М., 2014. №3. С.115-130.

473. Перевалова Е.В. Традиции благотворительности в отечественной прессе 1860-1880-х гг. (по материалам газеты «Московские ведомости») // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. М., МГУП, 2017. №4. С.78-86.

474. Перевалова Е.В. «Правда без всяких прикрас»: проза С.Т. Славутинского в «Русском вестнике» // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Сборник научных трудов. – Саратов, 2015. Вып. 20. – С. 148-156.

475. Перцев В.В. Гимназическое образование в дореволюционной России: вторая половина XIX – начало XX века // Концепт. 2013. №1. С.46-53.

476. Петров С.В. «Новый курс» правительства Александра III и консервативно-охранительное движение в России 1880-х - начала 1890-х годов. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. СПб., 2000.
477. Полунов А.Ю. Константин Петрович Победоносцев: вехи политической биографии. М.: МАКС-пресс, 2010. 177 с.
478. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. - М.: РОССПЭН, 2010. 374 с.
479. Полунов А.Ю. М.Н. Катков и К.П. Победоносцев: «друзья-враги» в окружении Александра III // Русско-Византийский вестник. 2019. №1(2). С.156-162.
480. Поляков Л.В. К изучению российского консерватизма: история и метод // Полития. 2012. №4(67). С.29-42.
481. Поляков Л.В. Консерватизм в России: политтехнологический симулякр или исторический выбор? //Russie.Nei.Visions. №90, 2015. С.1-20.
482. Полякова Н.В. Ж. де Местр и политическая философия русского консерватизма второй половины XIX в.: М.Н. Катков, Ф.И. Тютчев. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.филос.н. СПб., 1996. 21 с.
483. Попов Э.А., Велигонова И.В. Когда Слово повелевает Империей. Периодические издания М. Н. Каткова и новые технологии общественно-государственной политики реформирующейся России (середина 1850-х - 1880-е гг.). - Москва : РИСИ, 2014. 207 с.
484. Попов А.А. М.Н. Катков: К вопросу о его социально-политических взглядах // Вестник МГУ. 1992. Серия: Социально-политические науки. №9. С.74-81.
485. Прохоров Е.П. Журналистика и демократия. М.: Аспект Пресс, 2004. 350 с.
486. Прохоров Е.П. Искусство публицистики: Размышления и разборы. М. : Сов. писатель, 1984. 359 с.

487. Рейфман П.С. Борьба в 1862 – 1863 гг. вокруг романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1963. Вып.139. С.82-94.

488. Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии. - М.: Новое издательство, 2005. С.436-471.

489. Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. - М.: Сигналь, 1999. 161 с.

490. Репников А.В. Русский консерватизм: Михаил Никифорович Катков // Перспективы
http://www.perspektivy.info/history/russkiiy_konservatizm_mihail_nikiforovich_katkov_2008-2-11-16-36.htm

491. Репников А. В. Победоносцев, Константин Петрович // Русский консерватизм середины XVIII - начала XX века / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. С.362-368.

492. Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. Монография. М.: МПУ «СигналЪ», 1999. 161 с.

493. Рибер А.Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856-1874. / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М. 1992. 336 с.

494. Римский С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ. М.: Общество любителей церковной истории, 1999. 567 с.

495. Родигина Н. Н. Репрезентация литературных путешествий в сибирь в русских общественно-политических журналах второй половины XIX века // Диалог со временем. 2012. Вып.39. С.170-182.

496. Розенблюм Л.М. Творческая история Достоевского-романиста // Литературное наследство. Т. 77. М.: Наука, 1865. С.7-56.

497. Розенталь В.Н. Общественно-политическая программа русского либерализма в середине 50-х гг. XIX века (По материалам «Русского вестника»

за 1856-1857гг) [Текст] // АН СССР. Исторические записки. 1961. Т.70. С.197-222.

498. Ровда К.И. Чешская литература в русских переводах (50-60-е гг. XIX в.) // Славянские страны и русская литература. Л, 1873. С.127-171.

499. Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII-XXI в. Российско-болгарские научные дискуссии. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2010. 636 с.

500. Русская публицистика в духовно-нравственной жизни общества: идеалы и ценности : [сборник статей] / С.-Петерб. гос. ун-т ; под ред. Л. П. Громовой. - Санкт-Петербург : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2014. – 201 с.

501. Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. Л.: Советский писатель, 1975.

502. Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика / В.Я. Гросул, Б.С. Итенберг, В.А. Твардовская и др. Под ред. В.Я. Гросула. М.: Прогресс-традиция, 2000. 439 с.

503. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / ответственный редактор В.В. Шелохаев; ответственный секретарь А.В. Репников. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 639 с.

504. Санькова С.М. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. СПб.: Нестор, 2007. 300 с.

505. Санькова С.М. Михаил Никифорович Катков. В поисках места (1818 – 1856). М: АПКиППРО, 2008. 224 с.

506. Санькова С.М. Анализ ключевых проблем изучения российской политической истории XIX в. на основе историографии М.Н. Каткова // Вестник ТГУ. История. 2010. №2. С.5-13.

507. Санькова С.М. Идеология российского государственного национализма второй половины XIX - начала XX вв.: историографический аспект. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. д.и.н. М., 2009. 54 с.

508. Санькова С.М. Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект: научная монография. СПб., 2007.

509. Санькова С.М. Обучение М.Н. Каткова в Берлинском университете как переломный момент в становлении его мировоззрения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2008. №12. С.21-26.

510. Санькова С.М. Либеральный консерватизм как неотъемлемая составляющая государственного национализма на примере политических воззрений М.Н. Каткова. Режим доступа: <http://www.conservatism.narod.ru/oktober2/oktober2.html> [дата обращения 20.11.2021]

511. Сборник Пушкинского дома на 1923 г. Пг.: Государственное изд-во, 1922.

512. Сергеева К. Международная газета «Le Nord». От Брюсселя к Парижу (1855-1898) // Восьмые открытые слушания «Института Петербурга». Ежегодная конференция по проблемам петербурговедения. 6-8.10.2001. http://institutspb.ru/pdf/hearings/08-15_Sergeeva.pdf

513. Селезнев Ф.А., Смолин М.Б. Великий страж империи // М.Н. Катков. Имперское слово. М., 2002.

514. Селезнев Ф.А. «Московские ведомости» и их редактор в 1863 году // Московский журнал. История государства Российского. 2004. №4. С.13-15.

515. Селиверстова Н.М. Российское дворянство накануне и в период реформ 60-70-х годов XIX века. Дисс. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. М., 2017.

516. Сладкевич Н. Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х -нач. 60-х гг. XIX века. Л. 1979.

517. Смолин М.Б. Очерки Имперского Пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX - первой половины XX века. М., 2000.

518. Соколов Д.В. Особенности идеологии русских либеральных националистов второй половины XIX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. №4(20). С.130-132.
519. Соловьев А.Л. Общественно-политические взгляды и государственная деятельность К.П. Победоносцева. Дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. Екатеринбург, 2001.
520. Соловьев Е. (Андреевич). М.Н. Катков и «Русский вестник» // Очерки по истории русской литературы. СПб. 1902. С.258-266.
521. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
522. Сохряков, Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX - начала XX вв. М.: Наследие, 2000. 256 с.
523. Стаферова Е.Л. А.В. Головин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007. 512 с.
524. Стемповский Е. Поляки в романах Достоевского // Новая Польша. - Варшава, 2000. №7-8(11).
525. Степанов Ю.Г. Константин Петрович Победоносцев – идеолог и практик российского самодержавия. Дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. Саратов, 2000.
526. Стефанович В.Н. В.В. Стасов (1824—1906: Очерк библиотечной деятельности. - М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956.
527. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М.: Наука, 1978. 281 с.
528. Твардовская В.А. Политическая программа "Русского Вестника" на рубеже 1850-1860-х гг. // Освободительное движение в России. Саратов. 1975. № 4.
529. Тесля А.А. «Польский вопрос» в передовицах М.Н. Каткова в 1863 г. // Ученые записки ТОГУ. 2011. №2. С.87-97.

530. Тетради по консерватизму. Альманах. Катков. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2018. № 3. 434 с.

531. Тимиряев Д.О. Польский вопрос в отечественной консервативной и либеральной публицистике (1881-1887 гг.) // *Via in tempore*. История. Политология. 2016. № 8(229). Вып.38. С.100-106.

532. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998.

533. Трапезов О.В. Дарвинизм и уроки российской практической селекции // *Вестник ВОГиС*. 2009. Т.13. №2. С.249-297.

534. Трубачев С.С. Пушкин в русской критике. Спб. 1889.

535. Токвиль А. Старый порядок и революция. Пер. с фр. М. Федоровой. М., 1997.

536. Трофимова Т.Н. «Положительное начало» в русской литературе XIX века : «Русский вестник» М.Н. Каткова. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.ф.н. М., 2007. 20 с.

537. Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л.: Издательство Ленинградского университет, 1988. 343 с.

538. Тяпин И.Н. М.Н. Катков и его философия истории // *Социально-гуманитарные знания*. 2005. №2. С.256-271.

539. Фатеев В.А. Борьба В.В. Розанова за репутацию и наследие «литературных изгнанников» // *Христианское чтение*. 2015. С.163-182.

540. Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 86. М.: Наука, 1973. 790 с.

541. Фединский Ю.И. Материальные условия издания русской буржуазной газеты // *Вестник Московского Университета*. Серия Журналистика. 1980. №2. С.25-32.

542. Фрагмент черновой редакции хроники Н.С. Лескова «Захудалый род». Вступ. статья и публикация Н.И. Озеровой // *Литературное наследство*. Т. 101. - М.: Наследие, 1997. В 2 т. Т.1. С.239-245.

543. Хвостова О.А. Открытие памятника Пушкину // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы. Сборник научных трудов. Отв. ред. А.А. Гапоненков. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2018. С.90-96.

544. Хевролина В.М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878-1894 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 316 с.

545. Хоскинг Дж. Михаил Катков и имперский национализм // Катковский вестник: Религиозно-философские чтения. М.: Прогресс-Плеяда, 2008.

546. Хохлов А.Н. Дунганское восстание в Китае 1860-1870-х годов и поездка академика В.П. Васильева в Кульджу в 1890 г. // Восточный архив. 1913. №2. С.12-19.

547. Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 - середина 1870-х гг.). М.: «Русское слово», 2002. 441 с.

548. Чайковский М. Герман Августович Ларош // Ларош Г.А. Собрание музыкально-критических статей. В 2 т. М. 1913. Т.1.

549. Чернавский М.Ю. Русская историософия М.Н. Каткова: опыт диалектического консерватизма // Тетради по консерватизму. 2018. №3. С.48-58.

550. Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати, 60-70-е годы XIX века. – Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1989. 208 с.

551. Шарова М.А. К определению предмета теоретической психологии в философии П.Д. Юркевича // Гуманитарий Юга России. 2017. Т.6. №5. С.109-118.

552. Шахназаров В.Г. Философско-антропологические воззрения К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.филос.н. Ниж.Новг., 2009. 24 с.

553. Шевырев А.П. Во главе «константиновцев»: великий князь Константин Николаевич и А.В. Головнин // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник

статей. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – С.51-69.

554. Шипилов С.Н. Эволюция идеологии русского пореформенного консерватизма: этнокультурные и политические аспекты: по произведениям М.Н. Каткова. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. М., 2009. 24 с.

555. Ширинянц А.А. М.Н. Катков и М.П. Погодин о национально-политическом единстве и целостности России // Катковский вестник: Религиозно-философские чтения: К 190-летию со дня рождения М.Н. Каткова. М., 2008. С.90-103.

556. Ширинянц А.А. Катков М.Н. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М. 2005.

557. Ширинянц А.А. Катков Михаил Никифорович // Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). - М.: Издательство Московского университета, 2011. С.508-514.

558. Ширинянц А.А. Михаил Никифорович Катков // Вестник Московского университета. Серия: Политические науки. 2004. №6. С.76-92.

559. Ширинянц А.А. Русское общество и политика в XIX веке: революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия: Политические науки. 2012. №1. С.38-50.

560. Ширинянц А.А. Консерватизм в современном идеологическом и политическом пространстве России // Россия и мусульманский мир. 2016. №2(284). С.19-31.

561. Ширинянц А.А. К «феноменологии» консерватизма и не только... // Вопросы истории консерватизма. 2015. №1. С.356-380.

562. Шишкин А.Ф., Шварцман К.А. XX век и моральные ценности человечества. М.: Мысль, 1968. 271 с.

563. Шмигельская М.А. Участие Н.Ф. фон Крузе в издании «Русского вестника» // Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1971.

564. Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 г. М.: Наука, 1976. 232 с.
565. Юшкова Ю.Г. Формирование системы ценностей в современном российском обществе. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к. филос.н. М., 2000. 24 с.
566. Ярославцев А.А. А. И. Герцен и М. Н. Катков в годы революционной ситуации // Революционная ситуация в России в середине XIX века. Деятели и историки. М. : Наука, 1986.
567. Martin Katz. Mikhail N. Katkov. A political biography (1818-1887). The Hague - Paris Mouton 1966.
568. Oakeshott M. Rationalism in politics and other essays. L. 1962, p.62.
569. Thaden Edward C. Conservative Nationalism in Nineteenth Century Russia / Seattle University of Washington Press. Seattle 1964. P. 13.
570. Thorsttysson Victoria. The Dialog with Nihilism in Russian polemical novels of the 1860s-1870s. A dissertation ... for the degree of Doctor of Philosophy (Slavic languages and literatures). University of Wisconsin-Madison, 2013.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МВ – газета «Московские ведомости»

РВ – журнал «Русский вестник»

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ОР ГМТ – Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого

ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН

ОРФ ГМИРЛ им. В.И. Даля - Отдел рукописных фондов Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГИА – Российский государственный исторический архив

ЦГА Москвы – Центральный государственный архив города Москвы